КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

ТОМЪ LXXXIX.

1905 г.

ІЮНЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра Акціон. О-ва печ. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1905.

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 16 мая 1905 г.

Общество вспомоществованія студентамъ Университета св. Владиміра, вступая въ 24-й годъ своей дѣятельности, крайне озабочено недостаточностью денежныхъ средствъ и связанной съ этимъ печальной необходимостью сократить до минимума размѣры выдаваемыхъ студентамъ пособій.

Сокращеніе средствъ Общества послѣдовало главнымъ образомъ вслѣдствіе непонятнаго отношенія къ нему бывшихъ воспитанниковъ Кіевскаго университета св. Владиміра, воспользовавшихся въ свое время матеріальной поддержкой Общества.

Къ сожалѣнію очень многіе изъ этихъ лицъ, будучи уже вполнѣ матеріально обезпеченными, совершенно позабыли о своемъ долгѣ и тѣмъ заставляютъ Общество въ настоящее, экономически тяжелое для населенія Россіи время, отказывать въ поддержкѣ ихъ младшимъ товарищамъ—питомцамъ родного имъ университета.

Состоящая при Обществѣ долговая коммиссія вполнѣ увѣрена, что должники Общества, прочтя настоящее письмо, откликнутся на этотъ товарищескій призывъ, если не немедленнымъ возвратомъ своихъ долговъ полностью, то въ крайнемъ случаѣ сообщеніемъ своихъ адресовъ и заявленіями о своемъ желаніи разсчитаться съ Обществомъ путемъ разсрочки платежа; но если-бы эта надежда не осуществилась, то долговая коммиссія считаетъ своей обязанностью предупредить, что тогда вынуждена будетъ прибѣгнуть къ крайнему средству моральнаго воздѣйствія, именно оглашенію въ печати соотвѣтствующихъ именъ съ полнымъ, по возможности, указаніемъ адресовъ и общественнаго положенія.

Серьезность испытываемаго Обществомъ вслѣдствіе неисправности его должниковъ матеріальнаго затрудненія лучше всего доказывается слѣдующими цифрами:

По книгамъ Общества числится невозвращенныхъ долговъ на сумму около ста семидесяти тысячъ (170.000) рублей, при чемъ около пятидесяти семи тысячъ (57,000) рублей числится за лицами, адреса которыхъ остаются для Общества неизвѣстными, не смотря на всѣ его поиски.

Долговая коммиссія, будучи вполнѣ увѣрена въ Вашемъ сочувствіи цѣлямъ Общества, приноситъ заранѣе свою искреннюю благодарность за оказанное содѣйствіе и покорнѣйше проситъ редакцію не отказать напечатать настоящее письмо въ трехъ номерахъ Вашего уважаемаго журнала.

Прилагая при этомъ письмѣ одинъ экземпляръ неподлежащаго пока оглашенію въ печати списка должниковъ Общества, адреса которыхъ канцеляріи неизвѣстны, долговая коммиссія рѣшается еще тревожить редакцію своей почтительнѣйшей просьбой: предоставить возможность просматривать этотъ списокъ всѣмъ желающимъ оказать помощь Обществу сообщеніемъ необходимыхъ адресовъ.

Лицъ, интересующихся спискомъ неразысканныхъ пока должниковъ, просятъ письменно обращаться въ канцелярію Общества для полученія соотвѣтственной книжки.

Деньги и письма на имя Общества вспомоществованія студентамъ Университета св. Владиміра слѣдуетъ адресовать: Кіевъ, Гимназическая, д. № 3.

Предсѣдатель долговой коммиссіи *Г. Де-Метцъ.*

Секретарь *С. Долгова.*

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 89-го:

апрѣль, май, іюнь, 1905 г.

Книга первая — апрѣль.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Книга вторая — май.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Книга третья — Іюнь.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Участіе И. П. Котляревскаго въ формированіи малороссійскихъ козачьихъ полковъ въ 1812 г.

На страницахъ «Кіевской Старины» не мало было помѣщено изслѣдованій, статей и замѣтокъ, касающихся литературной дѣятельности родоначальника новой украинской литературы И. П. Котляревскаго. Въ настоящей замѣткѣ мы желали бы коснуться его дѣятельности по формированію малороссійскихъ козачьихъ полковъ въ 1812 году. О козачьихъ полкахъ сохранилось очень много дѣлъ въ архивѣ полтавскаго губернскаго правленія; сохранились дѣла и о каждомъ полкѣ въ отдѣльности, въ томъ числѣ и о пятомъ полтавскомъ, формированіе котораго было поручено И. П. Котляревскому. Въ этомъ дѣлѣ мы нашли два его письма и донесеніе объ окончаніи принятаго имъ на себя дѣла; письма эти рисуютъ и самое дѣло формированія этого полка, и служатъ характеристикой самого поэта, а въ жизни историческихъ дѣятелей важны и мелочи, и онѣ имѣютъ интересъ и значеніе.

Примѣч. Настоящая замѣтка составлена по матеріаламъ Архива Полт. Губ. Правленія: дѣла № 1-й и № 15.

Въ тяжелую годину нашествія французовъ въ Россію правительство рѣшило обратиться за помощью къ населенію. Въ началѣ іюля 1812 г. былъ изданъ извѣстный манифестъ съ призывомъ всѣхъ и каждаго «съ крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ» ополчиться на защиту отечества. Россія съ энтузіазмомъ откликнулась на этотъ призывъ и выставила добровольно 320,000 ратниковъ ополченія. Такія ополченія были организованы и въ Малороссіи. Но еще раньше, до вступленія Наполеона въ предѣлы Россіи, у русскаго правительства возникла мысль— воспользоваться извѣстною склонностью малорусскаго народа къ военному дѣлу и пробудить въ немъ еще не заглохшія въ то время вѣковыя *козацкія* традиціи. Первый опытъ въ этомъ родѣ почему-то былъ предпринятъ не въ собственной Малороссіи, а въ старой Украинѣ. Въ іюнѣ 1812 г., за недѣлю до объявленія войны, полковнику графу Витту высочайше повелѣно было въ предѣлахъ «бывшей польской Украины, заключающейся нынѣ въ 12-ти уѣздахъ кіевской губерніи да 4-хъ каменецъ-подольской», сформировать *Украинское конное войско*, въ числѣ четырехъ *козачьихъ полковъ*, куда поступали мѣщане, помѣщичьи, казенные, ранговые и старостинскіе крестьяне, изъ 150 ревизскихъ душъ по одному человѣку, съ обязанностью имѣть лошадь, конскую сбрую и мундирную одежду по данному образцу. Для командованія въ эти полки приглашались отставные офицеры и унтеръ-офицеры, служившіе какъ въ русской, такъ равно и въ бывшей польской арміи. Опытъ вполнѣ удался: полки были быстро сформированы, въ числѣ 3600 человѣкъ, и подъ именемъ *Украинскихъ козачьихъ полковъ* поступили въ армію Тормасова.

Что удалось въ Украинѣ, гдѣ козачество исчезло еще въ началѣ XVIII ст., то еще съ большимъ успѣхомъ должно было удаться въ бывшей Гетманщинѣ, большинство населенія которой составляли малороссійскіе козаки, отцы и дѣды коихъ еще числились въ составѣ Войска Запорожскаго. Именнымъ рескриптомъ отъ 25 іюня, 1812 г., бывшему тогда малороссійскому генералъ-губернатору князю Лобанову-Ростовскому повелѣно было приступить къ составленію такихъ же козачьихъ полковъ въ упра-

вляемомъ имъ краѣ, т. е. въ губерніяхъ черниговской и полтавской. Въ первой предписано было сформировать шесть полковъ, а во второй девять. Къ руководству въ этомъ дѣлѣ были предложены «предварительныя распоряженія къ образованію Украинскаго козачьяго войска», высочайше утвержденныя 5 іюня,—тѣ самыя, какими руководствовался полковникъ Виттъ, формировавшій козацкіе полки въ кіевской и подольской губ. По этимъ «предварительнымъ распоряженіямъ» каждый полкъ долженъ былъ состоять изъ 8 эскадроновъ, по 150 ч. каждый, а всего въ полку полагалось 1200 человѣкъ. Во главѣ полка былъ, конечно, командиръ, назначаемый высочайшею властью. При каждомъ полкѣ должно быть два батальонныхъ командира, два адъютанта, казначей и «штатный трубачъ» Начальникомъ батальона былъ ротмистръ или штабъ-ротмистръ, а при немъ состоялъ поручикъ, два корнета, вахмистръ, 10 унтеръ-офицеровъ и два трубача. Таковъ былъ штатъ служащихъ при каждомъ полкѣ. Всѣхъ этихъ офицеровъ, въ виду недостатка въ русской арміи офицеровъ вообще, предлагалось назначать изъ отставныхъ; вахмистры и трубачи назначались на первое время изъ ближайшихъ кавалерійскихъ полковъ. Надо сказать, что офицеровъ найти было не легко; желающихъ вновь поступить на службу было немного, хотя и было приложено много старанія о томъ со стороны начальника края и лицъ, назначенныхъ для сформированія этихъ полковъ. Въ офицерахъ ощущался большой недостатокъ и послѣ сформированія полковъ; когда они отправились уже въ походъ, то офицеровъ не было въ томъ количествѣ, какое полагалось по штату. На это обратилъ вниманіе главнокомандующій русской арміей. кн. Кутузовъ, писавшій объ этомъ малороссійскому генералъ-губернатору; онъ просилъ его принять мѣры къ пополненію офицерскихъ вакансій. Офицеры пользовались содержаніемъ и всѣми правами офицеровъ уланскихъ полковъ. Даже впослѣдствіи, когда козацкіе полки были распущены, офицеры считались состоящими на службѣ, такъ какъ на нихъ была возложена обязанность имѣть всегда точныя свѣдѣнія о состояніи и занятіяхъ бывшихъ подчиненныхъ имъ козаковъ и о готовности ихъ явиться

на службу въ случаѣ надобности. При наборѣ козаковъ въ ополченіе не строго соблюдались требованія относительно возраста или роста; предписывалось только набирать людей «съ единственнымъ наблюденіемъ силъ и способностей къ службѣ». «Качество людей,—читаемъ далѣе въ этихъ «распоряженіяхъ»,—опредѣляется одною способностью къ верховой ѣздѣ, безъ всякаго другого ограниченія лѣтъ, роста и статей». Форма ополченцевъ была: короткій суконный, безъ полъ, полукафтанъ, холщевыя и суконныя шаровары. Требовалось, чтобы всякій имѣлъ двѣ пары сапогъ, двѣ рубашки, шапку съ овчиннымъ околышемъ и волосянымъ султаномъ, суконную епанчу и патронную лядунку. Цвѣтъ сукна—безразличенъ, въ зависимости отъ мѣстности, гдѣ какое возможно было достать. Каждый козакъ долженъ былъ имѣть сѣдло, уздечку, небольшой чемоданъ, баклажку для воды, саквы для фуража, скребницу и щетку. Что касается оружія, то у козака должна была быть пика, сабля, пистолетъ. Помимо этого, въ каждомъ эскадронѣ предписывалось имѣть 16 штуцеровъ или ружей, хотя бы разнаго калибра. Патроны для ружья, числомъ 25, а для пистолетовъ—числомъ 16, выдавались «отъ артиллеріи», т. е. изъ казны, именно изъ кременчугскаго и кіевскаго коммисаріатскихъ депо и кіевскаго артиллерійскаго гарнизона. Одежду и оружіе козаки должны были имѣть свои. Наборъ производился только изъ козачьяго сословія, по 4 человѣка съ каждой сотни ревизскихъ душъ. Всѣхъ козаковъ въ Малороссіи въ 1812 г. было 454983 рев. души. Въ награду козакамъ, ихъ освободили на время службы въ ополченіи отъ платежа оброчныхъ статей (6 р. асс. съ каждой души), оставлена была только подушная подать, по 3 р. асс. съ каждой ревизской души; льгота эта была результатомъ особаго ходатайства генералъ-губернатора. Формированіе полковъ велось очень спѣшно; оно должно было закончиться спустя мѣсяцъ послѣ объявленія о наборѣ въ каждомъ уѣздѣ. Всѣ земскіе коммиссары (нынѣ исправники), нижніе земскіе суды и городничіе были привлечены къ этому дѣлу. Волостныя правленія въ теченіе пяти дней должны были представить списки козаковъ, предназначенныхъ въ ополченіе. Для бо-

лѣе быстраго оповѣщенія населенія относительно набора, изъ Полтавы были отправлены три курьера съ предписаніями генералъ-губернатора: одинъ поѣхалъ на Зѣньковъ, Галячъ, Ромны, Лохвицу и Миргородъ; другой—Кобеляки, Кременчугъ, Золотоношу и Переяславль и третій—Лубны, Пирятинъ, Прилуки, Нѣжинъ и Черниговъ. Первый получилъ прогоновъ 28 р. 25 к. асс., второй—38 р. 25 к. и третій 48 р. 50 к. асс. Въ означенныхъ предписаніяхъ кн. Лобановъ-Ростовскій, перечисляя главныя положенія, изложенныя въ «предварительныхъ распоряженіяхъ» относительно устройства козачьихъ полковъ, въ заключеніи обращался къ національнымъ традиціямъ малорусскаго козачества, стараясь пробудить въ немъ былую воинственность предковъ. «Таково сихъ полковъ устройство столько близко или похоже съ древнимъ состояніемъ малороссійскихъ козаковъ, что нѣтъ сумнѣнія, что здѣшнее козачество не представитъ однимъ избраніемъ пользоваться, а польстится употребить сей случай доказать многочисленной формировкой, что они всѣ достойны получить навсегда право составлять изъ себя защиту и служить не по очереди рекрутской, а по усердію къ царю и ревности къ ремеслу, въ коемъ отличаться они всегда умѣли; ибо кто не вѣдаетъ, что быть дома и быть на войнѣ было сущее дѣло предковъ ихъ, и потому ожидать можно, что и безъ наряду отъ меня представится изъ каждой сотни больше одного охотника. Послѣ чего доведется мнѣ донесть царю, отцу Россіи, что всѣ козаки равно на злодѣя готовы, а потому оказать повели, всемилостивѣйшій государь, быть имъ въ свободное время дома и отъ рекрутства свободными, ибо на оборону царства твоего составятъ они всегда цѣлое войско».

Въ послѣднихъ словахъ генералъ-губернаторскаго оповѣщенія, какъ видимъ, заключается косвенное обѣщаніе относительно возможности возстановленія въ Малороссіи прежняго козачества. Не знаемъ, насколько князь Лобановъ-Ростовскій былъ уполномоченъ давать населенію Малороссіи такія обѣщанія, но что у императора Александра I дѣйствительно была мысль учредить въ Малороссіи постоянные козачьи полки, на это имѣются положи-

тельныя указанія [1]). Весьма вѣроятно, что подобныя обѣщанія— освобожденія отъ рекрутскихъ наборовъ и службы въ мѣстномъ козачьемъ войскѣ, по старинѣ, болѣе всего содѣйствовали успѣшному формированію козачьихъ полковъ въ 1812 г. въ Малороссіи: народъ, по свидѣтельству И. П. Котляревскаго, «поступалъ въ козаки съ удовольствіемъ, охотностью и безъ малѣйшаго унынія».

Для сбора формируемыхъ полковъ въ полтавской губ. назначены были 6 пунктовъ въ мѣстечкахъ: Голтвѣ (коб. у.), Комышнѣ (миргор.), Горошинѣ (хорольск.), Яготинѣ (пирят.), Срибномъ (прилуцк.) и Веприкѣ (гад. у.), Всего въ полтавской губ., какъ мы сказали, велѣно было сформировать девять козачьихъ полковъ. Формированіе 5-го полка, въ м. Горошинѣ, было поручено извѣстному малороссійскому писателю И. П. Котляревскому, которому кн. Лобановъ очень покровительствовалъ и незадолго до этого предоставилъ ему мѣсто надзирателя въ «Домѣ для воспитанія бѣдныхъ дворянъ», основанномъ кн. А. Б. Куракинымъ. При выборѣ поэта князь руководился, конечно, тѣмъ, что онъ служилъ въ военной службѣ, въ сѣверскомъ карабинерномъ драгунскомъ полку (впослѣдствіи конно-егерскій), принималъ участіе въ войнѣ съ турками, да и служба въ драгунскомъ полку, по роду оружія, была сходна съ козачьей, такъ какъ и козаки составляли ту же конницу. Къ 5-му полку были причислены козаки трехъ повѣтовъ: хорольскаго, откуда должно было поступить 442 ч., кременчугскаго—337 и миргородскаго—421.

Въ началѣ августа 1812 года Котляревскій былъ уже въ Горошинѣ; 10 августа онъ приступилъ къ пріему козаковъ и лошадей и за три дня имъ было принято 200 чел. съ одѣяніемъ, сбруей, съ оружіемъ и лошадьми. Работы было много. О всякомъ принятомъ козакѣ необходимо было составить формулярный списокъ, и первое время все это лежало на одномъ Котляревскомъ. Помощниковъ у него не было. Шт.-капитанъ Рудницкій, кото-

---

[1]) См. объ этомъ «Кіев. Стар.» 1890 г., № 1, стр. 119.

раго Котляревскій рекомендовалъ, какъ надежнаго офицера, еще не былъ назначенъ, хотя поэтъ и оставилъ его при себѣ «на испытаніи». Спустя десять дней послѣ начала пріема, Котляревскій отправилъ письмо генералъ-губернатору, гдѣ рисуетъ ходъ дѣла, даетъ характеристику козаковъ, ихъ одѣянія и т. п.

«Сіятельнѣйшій князь! милостивый государь!

«По препоручности вашего сіятельства, 10 числа сего мѣсяца началъ я пріемъ козаковъ къ сформированію 5 козачьяго полка, но по медленному съ начала доставленію козаковъ не такъ успѣшно дѣлается, какъ бы хотѣлось. Впрочемъ, люди, принятые мною, хороши, стариковъ нѣтъ и очень молодыхъ мало; большею частью поступаютъ въ козаки съ удовольствіемъ, охотностью и безъ малѣйшаго унынія; всѣ съ пиками и саблями, но много есть сабель изъ косъ передѣланныхъ; есть съ ружьями и пистолетами, но сіе оружіе въ посредственной исправности. Лошади небольшія, но къ службѣ годныя, одѣяніе все новое, но надобно будетъ привесть въ единообразіе; въ однихъ шапкахъ не соблюдена мѣра, ибо одни довольно высокія, а у другихъ низки, но всѣ одинакаго вида. Всѣ силы употреблю, чтобы оправдать довѣренность вашего сіятельства и заслужить продолженіе вашихъ ко мнѣ милостей. Твердо уповаю на увѣреніе вашего сіятельства, что я только употребленъ вами для сформированія полка, а не для служенія въ ономъ. Я и по бѣдности моей, и по старости матери моей, которую поддерживать есть мой долгъ, никакой службы несть внѣ Полтавы не могу. Естьли должность моя надзирателя заслуживаетъ передъ вашимъ сіятельствомъ какое одобреніе, то оставьте меня при ономъ знакѣ; вашихъ ко мнѣ милостей; моя награда есть та, что я служу подъ начальствомъ вашего сіятельства и всегда въ глазахъ вашихъ. Не оставте ваше сіятельство моего положенія безъ вниманія.

«Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и душевною приверженностью къ особѣ вашего сіятельства честь имѣю быть, сія-

тельнѣйшій князь, милостивый государь, вашего сіятельства нижайшимъ слугою Иванъ Котляревскій.

Августа 12 дня, 1812 года, Горошинъ».

—

Котляревскій, видимо, боялся, чтобы не быть назначеннымъ на службу въ козачье ополченіе, на что, конечно, имѣлъ право, состоя въ чинѣ капитана, а въ этомъ чинѣ возможно было ему стать во главѣ этого полка. Его тянуло въ Полтаву, къ его любимому занятію, о чемъ, какъ увидимъ, онъ проситъ и въ другомъ письмѣ. 20 августа, онъ пишетъ князю Лобанову-Ростовскому оффиціальное донесеніе, гдѣ еще подробнѣе касается порученнаго ему дѣла формированія полка.

«Его сіятельству господину малороссійскому генералъ-губернатору и кавалеру.

Формирующаго 5-й конный козачій полкъ рапортъ.

«О успѣхѣ формированія 5 козачьяго полка честь имѣю вашему сіятельству донести, что по сіе число принято мною козаковъ съ лошадьми 760 человѣкъ. Неуспѣшность сія происходитъ не оттого, что я здѣсь нахожусь и дѣлаю пріемъ, но отъ нескораго доставленія людей земскимъ правительствомъ; вчерашняго числа, вмѣсто 14-го мною назначеннаго, миргородскій повѣтъ успѣлъ прибыть къ Горошину, а кременчугскій хотя и на назначенное пришелъ число, т. е. 18-ое, однако съ такими неисправностями и недостатками, что переборъ и пересмотръ всѣхъ вещей порознь дѣлаетъ великія затрудненія; земскій повѣта кременчугскаго комисаръ не обратилъ никакого вниманія—не говоря на вооруженіе козаковъ, но на одежду и лошадиную збрую; многіе явились безъ положенныхъ рубахъ, сапоговъ, сѣрыхъ шароваръ, въ старыхъ изношенныхъ кафтанахъ, безъ платковъ для шеи, сѣдла безъ потниковъ, арчаки ломанные, отчего много (*пропущено слово*) лошадей, даже узды съ пеньковыми поводами; козаковъ большая часть безъ лядунокъ, безъ сабель. Всѣ таковые недостатки и неисправности хотя будутъ исправлены, но сіе требуетъ времени. Не имѣя у себя ни одного утвержденнаго отъ вашего сія-

тельства офицера и унтеръ-офицера, чрезвычайно затрудняюсь, что не имѣю кому поручить въ команду эскадроны, почему и не приступаю къ ихъ формированію до опредѣленія и прибытія офицеровъ. Вразсужденіи же скопленія народа и совершеннаго недостатка подножнаго корму для лошадей, нашелъ я нужнымъ принятыхъ козаковъ и къ присягѣ на вѣрность мною приведенныхъ волостями отправить по ближайшимъ деревнямъ; но не имѣя кому и волости поручить въ команду, рѣшился отъ хорольскаго земскаго суда засѣдателя Щочки потребовать къ себѣ всѣхъ въ ближайшихъ мѣстахъ живущихъ отставныхъ изъ военной службы, по прибытіи коихъ, въ числѣ семи человѣкъ, употребилъ ихъ на временную услугу и, поруча въ команды имъ козаковъ, отправилъ по ближайшимъ деревнямъ, въ четыре волости. Осмѣливаюсь вашему сіятельству повторить донесеніе мое, что, за неимѣніемъ офицеровъ, не могу приступить формировать эскадроны, хотя людей и лошадей имѣю таковыхъ.

5 козачьяго полка начальникъ Котляревскій.

Августа 20 дня, Горошинъ».

Несмотря на всѣ означенныя затрудненія, полкъ, благодаря стараніямъ И. П. Котляревскаго, былъ сформированъ ранѣе срока. 27 августа онъ пишетъ письмо къ Лобанову объ окончаніи порученнаго ему дѣла:

«Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь!

«Наконецъ 5 конный козачій полкъ сформированъ, однихъ только офицеровъ и унтеръ-офицеровъ недостатокъ. Люди въ полку очень хороши, лошади лучше посредственныхъ, аммуниціи хлопочу съ отдатчиками, чтобы были въ исправности, равно уравниваю шапки, полукафтаны и пики, коихъ одни древки безъ желѣза будутъ въ 4 аршина; недоимки въ людяхъ и лошадяхъ скоро не будетъ никакой.

«Не взыщите, ваше сіятельство, за дерзость мою о представленіи для разрѣшенія о котлахъ. Я думаю, не одному мнѣ покажется сія статья затруднительною; ибо козакамъ артели имѣть

необходимо, а потому и артельныя деньги нужны, а безъ котловъ обойтись невозможно. Обращаюсь съ покорнѣйшею просьбою къ вашему сіятельству о присылкѣ въ 5-ый козачій полкъ командира и объ отпускѣ меня къ моей должности. Сверхъ того, что я не имѣю никакого приготовленія ни на службу, ни къ походу, воспитанники остаются до сего времени безъ зимняго платья; по множеству заботъ вашему сіятельству невозможно вспомнить объ нихъ, полтавскій же Приказъ очень безпеченъ. У Григорія Алексѣевича также теперь множество занятій, а помощники мои—исполнители только; и такъ бѣдные дѣти, до сего пользовавшіяся отеческими вашими попеченіями, теперь оставленныя безъ должнаго призрѣнія, потерпѣть могутъ. Сжальтесь надъ сими сиротами, ваше сіятельство, и удостойте ихъ и меня взаимно вашего вниманія и благоволенія.

«Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и преданностью къ особѣ вашего сіятельства имѣю честь быть, милостивый государь, вашего сіятельства нижайшимъ слугою Иванъ Котляревскій.

Августа 27 дня, 1812 года, Горошинъ».

—

Къ концу августа были утверждены представленные Котляревскимъ офицеры: шт.-капитанъ Рудницкій и прапорщикъ Семеновъ. Болѣе офицеровъ не было, и Котляревскій долженъ былъ самъ командовать эскадрономъ, шт.-капитану Рудницкому поручилъ 2 батальона, а 4 эскадрона были поручены отставнымъ унтеръ-офицерамъ и 6-ти рядовымъ «для временной услуги», какъ писалъ онъ. Всѣ эти эскадроны были размѣщены по сосѣднимъ деревнямъ. «Недоимка въ людяхъ и лошадяхъ,—писалъ Котляревскій,—хотя и есть, но очень малая и вскорости будетъ пополнена; однѣ неисправности въ вещахъ, а особенно въ сѣдлахъ, при всѣхъ моихъ настояніяхъ и сношеніяхъ съ земскими коммиссарами, исправляются медленно; по какой причинѣ ни одинъ отдатчикъ не получилъ отъ меня до сего времени квитанціи». Въ день тезоименитства императора Александра I, Котляревскій устроилъ, послѣ богослуженія и молебна, парадъ, на которомъ объявилъ козакамъ о высочайшей милости, дарованной имъ,

именно—объ освобожденіи ихъ отъ платежа оброчныхъ статей. «Я разъяснилъ имъ,—писалъ поэтъ,—подробнѣе монаршее къ ихъ состоянію благоволеніе, а равно и ходатайство вашего сіятельства у монаршаго престола о таковой неожиданной для козаковъ къ ихъ счастью перемѣны (sic)».

Къ началу сентября, много ранѣе положеннаго срока, 5-й полкъ былъ готовъ къ выступленію. 2-го сентября 1812 г. онъ и выступилъ на Лубны, Пирятинъ и Прилуки до Борзны, а затѣмъ направился, какъ и всѣ козачьи полки, до Калуги и Тулы. Желаніе Котляревскаго вернуться какъ можно скорѣе въ любимую Полтаву исполнилось. Хотя командира полка еще не было, но Котляревскаго кн. Лобановъ-Ростовскій не назначилъ на эту должность, а полкъ повелъ шт.-кап. Рудницкій. Командиръ полка, подполковникъ Санковскій, догналъ полкъ только на пути, 16 сентября, въ черниговской губерніи. Въ дѣлѣ есть данныя, рисующія, съ какимъ вниманіемъ къ ополченію относились уѣздныя власти и жители. Шт.-кап. Рудницкій заранѣе отправилъ въ сосницкій уѣздъ коллежскаго регистратора Свириденка для устройства переправы черезъ рѣку Десну; но когда послѣдній явился къ назначенному мѣсту, то паромъ, арендованный евреемъ, былъ снятъ; сняты были столбы, канаты, и все это забралъ еврей, вѣроятно, желавшій получить хорошее вознагражденіе. Свириденко обратился за содѣйствіемъ къ засѣдателю нижняго земскаго суда, но тотъ отвѣтилъ, «что у него есть исправлять казенные бумаги, а полкъ и самъ можетъ переправиться». Рудницкій «черезъ великую силу истребовалъ у еврея канаты и утвердилъ столбы», устроилъ переправу. И обо всемъ этомъ пришлось хлопотать Рудницкому съ его козаками «безъ всякаго содѣйствія со стороны мѣстнаго земскаго начальства». А между тѣмъ генералъ-губернаторомъ было предписано полиціи оказывать содѣйствіе ополченію во всемъ, въ чемъ окажется нужда. Въ Сосницѣ козаковъ ожидала новая непріятность. 15 сентября, въ 1 часъ дня, полкъ вступилъ въ городъ, но мѣстный городничій не встрѣтилъ козаковъ, что удивило шт.-кап. Рудницкаго. Но не въ этомъ еще была бѣда. Городничій назначилъ квартиры у обывателей командиру

и козакамъ, но «по упорству жителей не только меня,—доносилъ Рудницкій,—но и козаковъ даже не пущаютъ, и хоть обязанность была городничаго встрѣтить полкъ, но не было его». Городничій понуждалъ козаковъ идти на отведенныя имъ квартиры, но хозяева все-таки ихъ не пустили. Одинъ обыватель угрожалъ даже зарѣзать того, кто займетъ его домъ. Шт.-кап. Рудницкій предполагалъ въ Сосницѣ устроить дневку, но долженъ былъ двинуться далѣе, такъ какъ жители не давали ни съѣстныхъ припасовъ, ни пастбища для лошадей. Для объясненія столь неожиданнаго враждебнаго отношенія населенія къ ополченцамъ приходится сдѣлать предположеніе, что среди послѣднихъ не было должной дисциплины и они дозволяли себѣ разныя насилія по отношенію къ обывателямъ [1]).

Какъ извѣстно, козацкому малороссійскому ополченію не пришлось участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ 1812 года. Вещественнымъ памятникомъ кратковременнаго существованія полтавскихъ козачьихъ полковъ того времени служатъ ихъ старыя, полинялыя знамена, и въ настоящее время хранящіяся въ ризницѣ полтавскаго каѳедральнаго собора. Было бы умѣстнѣе передать ихъ въ земскій историческій музей вмѣстѣ съ хранящимися въ той же ризницѣ знаменами полтавскихъ ополченцевъ 1855 года.

И. Фр. Павловскій.

---

1) Въ подтвержденіе этого предположенія можемъ указать, что въ архивѣ Кіев. губ. Правленія имѣется дѣло 1847 г. (№ 1335) «О взысканіи денегъ съ чиновниковъ бывшаго Малороссійскаго ополченія за ограбленіе жителей могилевской губерніи». *Ред.*

Василій Назаровичъ Каразинъ.

(Его жизнь и общественная дѣятельность [1]).

ГЛАВА VIII.

Дѣятельность внѣ заботъ по Филотехническому обществу.

(1810—1820).

Научныя занятія: участіе въ ученныхъ обществахъ; занятія естественными науками, статистикой, исторіей, литературой. Участіе въ общественной жизни; обращенія къ министрамъ съ указаніемъ на непорядки въ Россіи. Рѣчь въ обществѣ любителей россійской словесности.

Съ 1820 г. Василій Назаровичъ живетъ и работаетъ, долгое время не выѣзжая изъ своего Кручика; его постигла катастрофа, о которой скажемъ немного ниже, а пока коснемся его дѣятельности внѣ занятій и заботъ по филотехническому обществу (т. е. научныхъ занятій примѣнительно къ эксплоатаціи сельско-хозяйственныхъ произведеній), которыя занимали его главнымъ образомъ.

Мы видимъ, что Каразинъ въ 1807 г. (18-го сент.) въ Московскомъ обществѣ естествоиспытателей читаетъ докладъ «объ окаменѣлостяхъ, найденныхъ въ окрестностяхъ Москвы» [2]. Въ 1810 г. (15-го марта) въ томъ же обществѣ Каразинъ читалъ свои записки по метеорологіи; послѣдній докладъ, какъ весьма цѣнный въ научномъ отношеніи, былъ изданъ обществомъ на

---

[1]) См. Кіевск. Стар., № 5.

[2]) Вѣстн. Евр. 1807 г. ч, XXXV, окт. № 20, стр. 241—250.

французскомъ языкѣ для общаго пользованія По мнѣнію П. Кеппена [1]), (хорошо знавшаго Василія Назаровича, который былъ семейно знакомъ съ нимъ и въ бытность его студентомъ Харьковскаго университета обращался за помощью при переводѣ нѣмецкихъ сочиненій) записка 15 марта 1810 г. стоитъ въ научномъ отношеніи очень высоко; ею Каразинъ «опередилъ ученыхъ Западной Европы». «Недостаточно, писалъ онъ въ 1863 г., оцѣнено то обстоятельство, что Каразинъ впервые изрекъ мысль о пользѣ многочисленныхъ метеорологическихъ станцій, мысль, которая стала осуществляться въ Россіи съ 1833 г. (см. К. Веселовскаго сочиненіе о климатѣ Россіи С.П.Б. 1857, 4 стр. IX и д.)» [2]) Знаменитый Гумбольдъ во время своего пребыванія въ Москвѣ видѣлся съ Каразинымъ и съ полнымъ вниманіемъ выслушивалъ его широкіе научные планы [3]) «И какъ знать, не перешли ли идеи Каразина относительно научной постановки метеорологіи чрезъ Гумбольда въ западную науку и не явилось ли знаменитое предложеніе Леверы объ организаціи телеграфическихъ передачъ наблюденій метеорологическихъ станцій, послужившее къ сообщенію метеорологіи характера практической науки, отголоскомъ идеи Каразина» [4]). Занятія метеорологіей и развитіе Каразинымъ плановъ на будущность ея продолжались до конца жизни. Въ Харьковскихъ Извѣстіяхъ помѣщались метеорологическія свѣдѣнія изъ села Кручика отъ В. Н. Въ 1809 г. Василій Назаровичъ былъ сильно занятъ идеею примѣненія силы пара къ двигателямъ «Я любилъ изслѣдовать причины явленій, дѣлать *опыты*, не имѣя въ виду экономическихъ результатовъ». «Мысль, что пары при внезапномъ своемъ охлажденіи могутъ служить движущею силою, занимала меня долго. Въ результатѣ Василій Назаровичъ въ 1809 г. началъ строить паровую лодку по изготовленному плану, которая должна была двигаться «безъ всякаго другого механизма», кромѣ парораспредѣлителя. Разбрасываясь въ своей дѣятельности, Василій Назаровичъ не успѣлъ довести до конца свою идею тогда же, и съ болью въ сердцѣ уже въ 1842 г. указалъ что его мысли приведены въ исполненіе за-границей [5]).

Мы уже говорили, что въ 1806 г. Каразинъ представилъ въ Московскій университетъ докладъ о своемъ винокуренномъ

---

[1]) Внука по матери воспитателя В. Н. Каразина, И. П. Шульца.
[2]) Чтенія 1863 г. Ш. 131—132.
[3]) Русск. Стар. 1871 г. т. III, стр. 722.
[4]) Абрамовъ 75.
[5]) Москвитянинъ 1842, ч. III № 6 стр. 387—389.

снарядѣ уже какъ «почетный членъ Московскаго университета» (съ 1805 г.). За свои труды по естественнымъ наукамъ Василій Назаровичъ былъ избранъ также членомъ московскаго общества естествоиспытателей природы; въ 1807 г. онъ читалъ докладъ обществу уже въ званіи члена его [1]). Былъ также избранъ членомъ вольно-экономическаго общества [2]).

Извѣстна работа В. Н. Каразина по статистикѣ—«Краткая вѣдомость о Слободско-Украинской губерніи» за 1816 г., составленная на основаніи предписанія Министра внутреннихъ дѣлъ отъ 4 ноября 1817 года, о предметахъ, принадлежащихъ государственному хозяйству, о надѣленіи казенныхъ крестьянъ землею и переселеніи оныхъ и о разныхъ частяхъ хозяйства и промышленности». Эта работа печаталась въ 1818 г. въ «Харьковскихъ Извѣстіяхъ и, какъ видно, была составлена по порученію гр. В. П. Кочубея [3]), письма котораго къ Василію Назаровичу мы находимъ вплоть до 1821 г. Каразинъ очень высоко ставилъ значеніе статистическихъ изслѣдованій, которыя, по его мнѣнію, «вызываютъ государственныя мѣропріятія на благо населенія и служатъ имъ опорою при ихъ существованіи» [4]) Начавъ въ 1818 г. собирать статистическія свѣдѣнія о состояніи народонаселенія въ Кручикѣ и окрестныхъ селахъ, Василій Назаровичъ пошелъ дальше; въ теченіе 1819 г. онъ продолжаетъ вести статистику всей слободско-украинской губерніи сравнительно съ другими губерніями и даже главными городами Европы. Результатомъ работы явилось его сочиненіе (оконченное 15 окт. 1819 г.) «Статистическое Обозрѣніе Слободско-Украинской губерніи», къ которой въ качествѣ прибавленія принадлежала «Подробная таблица обстоятельствъ народонаселенія слободско-украинской губерніи на основаніи десятилѣтней сложности», которая была напечатана на семи листахъ въ С.-Петербургѣ въ числѣ 600 экземпляровъ въ типографіи Греча съ помѣткою мая 1-го дня, 1820 г. «Подробная таблица» сопровождалась особенной статьей, въ которой сличались «обстоятельства народонаселенія слободско-украинской губерніи» съ такими же прочихъ русскихъ губерній [5]). Получивъ

---

[1]) „Извѣстіе о вин. снарядѣ Каразина. Хар. 1808 г.

[2]) Когда—не извѣстно; только въ 1817 г. Каразинъ числился уже членномъ этого общества. См. „Укр. Вѣстн.“ за 1817 г. Окт., стр. 82.

[3]) „Кіевск. Стар.“ т. XXXVIII стр. 180.

[4]) См. Абрамовъ „В. Н. Каразинъ“ СПБ. 1891 г. стр. 70.

[5]) Въ 1829 г. подъ названіемъ Актовъ филотехническаго общества т. VI Каразинъ издалъ или, вѣрнѣе, выпустилъ въ свѣтъ таблицы, *напечатанныя въ 1820 г.* съ брошюрой, гдѣ сличались об-

выводы чудовищной смертности среди коренныхъ крестьянъ слободско-украинской губ., Каразинъ обратился къ министру внутреннихъ дѣлъ гр. Кочубею съ просьбой обратить должное вниманіе на этотъ фактъ. «Не ужаснетесь-ли, напримѣръ—писалъ онъ, представляя составленныя имъ статистическія таблицы—увидѣвши, что въ казенномъ селеніи № 38 по таблицѣ, по десятилѣтней сложности ежегодно изъ шестнадцати и до семнадцати умираетъ одинъ? Таковой смертности не слыхано въ Европѣ. Это настоящій моръ: и кому, какъ не правительству, надлежитъ какъ можно скорѣе позаботиться открыть его подлинныя причины и удалить ихъ» [1]).

Каразина, какъ и все, живо интересовала исторія. Сохранились письма друзей В. Н—ча, знавшихъ склонностъ его къ этой наукѣ: Преосвященный Ѳеоктистъ, курскій и бѣлгор., посылалъ ему книжку «О Новѣгородѣ» по порученію Н. Н. Новосильцева [2]). Н. М. Карамзинъ, выпустивъ свою «Исторію Государства Россійскаго» спѣшилъ удовлетворить настойчивымъ требованіямъ Василія Назаровича, выслать новинку по исторіи [3]): есть указаніе на археологическія изслѣдованія Каразина, снабжаемыя нерѣдко весьма остроумными и серіозными выводами изъ нихъ [4]). Каразинъ старался содѣйствовать развитію науки, чѣмъ и какъ могъ: доставлялъ, напр. цѣнныя изслѣдованія, документы, старинныя вещи и проч. лицамъ, могущимъ употребить съ пользой для науки таковой матеріалъ. «Еще въ іюнѣ 1803 г. комитетъ правленія

стоятельства народонаселенія всѣхъ россійскихъ губерній и главныхъ городовъ въ Европѣ. Что касается собственно „таблицъ", то мы видѣли экземпляръ ихъ безъ всякихъ прибавленій; лишь въ примѣчаніи на первой таблицѣ есть важное свѣдѣніе: здѣсь говорится, что таблицы эти были поднесены одной высокой особѣ при проѣздѣ ея черезъ Харьковъ въ 1817 г." Изъ этого примѣчанія можно заключить, что составленіе таблицъ относится уже къ 1817 г. или даже немного раньше. Можно впрочемъ думать, что таблицы въ 1817 г. не были всѣ готовы или, по крайней мѣрѣ, были менѣе сложнымъ трудомъ, чѣмъ вышедшія въ 1820 г. По собственноручному примѣчанію В. Н. Каразина къ рукописи (приводимому въ „Чтеніяхъ„ О. Бодянскимъ) „Таблицы" вмѣстѣ съ „примѣчаніями были окончены 15 отк. 1819 г., слѣд. послѣ проѣзда государя черезъ Харьковъ.

[1]) „Русск. Стар." 1870 г. т. II стр. 575.

[2]) „Сѣв. Пчела" 1870 г. № 92. Письма 10 (отъ авг. 8-го, 1808 г.).

[3]) «Русск. Стар.» 1900 г. март. стр. 684 отъ 27 февр. 1818 г.

[4]) „О древностяхъ Слободско-Украинской губ." „Истор. Журн." на 1829 г. стр. 256.

Харьковскаго университета доносилъ попечителю о пожертвованіи Каразинымъ въ пользу университета нѣкоторыхъ книгъ и медалей, при чемъ особенно обращалось вниманіе на рукопись о мунгалахъ и народахъ сего поколѣнія, кочующихъ въ Россіи (5 томовъ въ 4° на нѣмецкомъ языкѣ), написанную кандидатомъ богословія Бекманомъ, который для собранія свѣдѣній объ этихъ народахъ два года прожилъ среди нихъ съ невѣроятнымъ терпѣніемъ. Комитетъ опредѣлилъ объявить признательность Каразину [1]). Изъ письма Карамзина къ Василію Назаровичу отъ 25 мая 1818 г. видно, что послѣдній доставилъ нашему историку цѣнныя рукописи, которыми тотъ пользовался при составленіи «Исторіи» и кромѣ того собственныя замѣтки.

„Сердечно благодарю Васъ, почтенный Василій Назаровичъ за ваше обязательное письмо и за сообщеніе мнѣ вашихъ любопытныхъ примѣчаній, которыми *надѣюсь воспользоваться при второмъ изданіи Россійской Исторіи.* Убѣдительно прошу васъ доставить мнѣ *продолженіе,* вами столь благосклонно обѣщанное. Мое дѣло исправлять ошибки и благодарить. Надѣюсь, что вы сдержите слово. Вы говорите *о жизни Ивана Васильевича* у меня ихъ двѣ... Я желалъ бы видѣть Вашу рукопись: нельзя ли прислать мнѣ ее чрезъ почту?.. Хорошо, если бы описали намъ древности вашего края... Съ нетерпѣніемъ буду ожидать отъ Васъ новаго пакета на мое имя, но для пользы общей“ [2])...

Изъ этого письма видимъ, что Василій Назаровичъ участвовалъ въ составленіи «Исторіи Государства Россійскаго». Между прочимъ В. Н. Каразинъ опубликовалъ каталогъ славяно-россійскихъ рукописей проф. Баузе, погибшихъ въ 1812 г. Въ 1818 г. помѣстилъ въ «Трудахъ Общ. Люб. Рос. Слов. свое изслѣдованіе «О имени Славянъ, гдѣ проводитъ мысль о происхожденіи названія народности отъ «слово»—словѣне. Обнародованіемъ историческихъ матеріаловъ Василій Назаровичъ занимался до конца своей жизни; въ «Молодикѣ» И. Бецкаго на 1843 г. мы находимъ историческіе документы, сообщенные Каразинымъ. Тамъ же мы находимъ исторически-этнографическое изслѣдованіе самого В. Н. Каразина о харьковскомъ краѣ подъ названіемъ «Взглядъ на украинскую старину»; въ «Благонамѣренномъ» онъ печаталъ рукопись Ив. Ив Голикова «О Китаѣ» [3]); вмѣстѣ съ Погодинымъ выпустилъ въ свѣтъ «Статистику Петровскаго Времени»—

---

[1]) „Журналъ Мин. Народнаго Просвѣщ.“ 1872 г. часть CLIX, стран. 102.

[2]) „Русск. Стар.“, 1900 г. Мартъ, стр. 684.

[3]) „Благонамѣренный“ 1819, мартъ, № 6 Отд. „Прозы“ стр. 337—352.

Кириллова [1]) и т. п. За труды свои по исторіи В. Н. Каразинъ былъ избранъ *членомъ Общ. Ист. и Древн. Росс. (при Моск. ун-тѣ)* и уже въ этомъ званіи въ 1829 г. печаталъ свои изслѣдованія. (Историч.-стат. и геогр. журн. или соврем. ист. свѣта на 1829 г. ч. II, кн. III, іюнь, Смѣсь, стр. 256).

Плоды занятій В. Н. Каразина по литературѣ сохранились лишь болѣе поздняго періода его жизни; до 1820 г. Каразинъ печаталъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ рѣчи, произнесенныя, главнымъ образомъ. въ собраніяхъ филотехническаго общества; рѣчи эти изложены прекраснымъ языкомъ и читаются съ удовольствіемъ и теперь. Въ 1818 г. Каразинъ былъ избранъ въ дѣйствительные члены общества любителей россійской словесности. «Общество любителей россійской словесности писалъ Каразину А. Прокоповичъ-Антонскій отъ 22 апр. 1818 г., при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ учрежденное, отдавая должную справедливость превосходнымъ сочиненіямъ вашимъ и знанію отечественнаго языка, пріятнымъ долгомъ поставляетъ препроводить къ вамъ, милостивый государь мой, дипломъ на званіе дѣйствительнаго члена и при ономъ печатный экземпляръ» «устава». [2]). Въ 1820 г. 1-го марта Каразинъ, какъ увидимъ, произносилъ рѣчь въ собраніи «С.-Петербургскаго общества любителей россійской словесности» «Объ ученыхъ обществахъ и періодическихъ сочиненіяхъ въ Россіи», которая показываетъ, что онъ внимательно слѣдилъ за современной литературой и былъ au courant всего въ ней.

Помимо научныхъ занятій, Василій Назаровичъ живо интересовался вопросами общественной и государственной жизни и старался разрѣшить ихъ, обращаясь съ своими планами къ «власть имущимъ лицамъ». Въ 1811 г. Каразинъ представилъ министру внутреннихъ дѣлъ гр. В. Кочубею «записку о средствахъ самыхъ удобнѣйшихъ къ расположенію акциза на выкуриваемое вино» [3]). Безъ сомнѣнія, писалъ Кочубей въ отвѣтъ, признать можно подать съ кубовъ самою уравнительнѣйшею, а наипаче есть ли можно расположить ее на основаніяхъ вами предлагаемыхъ»... Но ввести въ дѣйствіе ее пока не считалъ возможнымъ, опасаясь возможности распространенія взяточничества чиновниковъ, которые въ данномъ случаѣ безконтрольно распоряжались бы въ отдаленныхъ отъ административныхъ мѣстъ имѣніяхъ помѣщиковъ.

---

[1]) Н. Барсуковъ „Жизнь и труды М. П. Погодина“.

[2]) „Русск. Стар.“ 1901 г. Февраль стр. 470.

[3]) Письмо гр. С. П. Кочубея къ В. Н. Каразину отъ 13-го февр. 1811 г. „Русск. Стар.“ 1900 г. Іюнь 592.

Въ началѣ XIX стол. по открытіи министерствъ потребовалась масса чиновниковъ для приведенія въ дѣйствіе новой государственной машины. Но «при первомъ обзорѣ всѣхъ частей моего министерства (юстиціи), пишетъ Д. И. Дмитріевъ, я уже видѣлъ, что многаго не достаетъ къ успѣшнѣйшему ходу этой машины; излишнія инстанціи, служащія только къ проволочкѣ дѣлъ и въ пользу ябедническихъ изворотовъ; недостаточное назначеніе суммъ на содержаніе судебныхъ мѣстъ, особенно же палатъ гражданскихъ и уголовныхъ, опредѣленіе чиновниковъ къ должностямъ большею частью наудачу по проискамъ или чрезъ покровительство; неравенство въ жалованьѣ и производствѣ въ чины: палатскіе предсѣдатели оставались, и за выслугою узаконеннаго срока, по нѣскольку лѣтъ безъ повышенія, между тѣмъ какъ молодые люди, *числящіеся* только въ службѣ при министерствахъ, летѣли изъ чина въ чинъ, даже безъ выслуги лѣтъ, и награждаемы были знаками отличія» [1]). Такихъ чиновниковъ расплодилась масса; они были причислены къ разнымъ министерствамъ и учрежденіямъ до уѣзднаго суда включительно, и которые, ничего не дѣлая, получали чины, ордена и обременяли правительство [2]) На эту аномалію государственной жизни и обратилъ вниманіе В. Н. Каразинъ, обращаясь съ письмомъ отъ « » мая 1815 г. къ князю Н. И. Салтыкову: «Адресъ-календарь, едва занимавшій при Екатеринѣ II 200 страницъ, пополняетъ теперь 600—слишкомъ безъ выключенія губернскихъ чиновниковъ, и то многіе еще не помѣщены въ ономъ. Сколько людей праздныхъ и безполезныхъ, умножающихъ только дороговизну въ столицѣ! Не только молодые шалуны, рыщущіе по бульварамъ, но и дѣти, учащіеся въ школахъ, внесены въ канцелярскіе списки и получаютъ жалованье. Можно смѣло сказать, что двѣ трети служащихъ совсѣмъ не несутъ службы [3]). Замѣчательное разоблаченіе порядковъ времени: о школьникахъ-чиновникахъ, кажется, никто еще не разсказывалъ.

Съ апрѣля 1819 г. В. Н. Каразинъ, повидимому, дѣйствуетъ уже въ Петербургѣ. Между рукописями Императорскаго Общества любителей древней письменности найдено нѣсколько бумагъ, писанныхъ Василіемъ Назаровичемъ. Одна изъ нихъ докладная записка гр. В. П. Кочубею, Министру Внутреннихъ

---

[1]) «Русск. жизнь—въ началѣ XIX вѣка» „Русская Старина" 1900 г. ноябрь. 257—258.

[2]) „Русск. Стар." 1899 г. № 6 стр. 490—491 „Русск. жизнь въ началѣ XIX вѣка глава VII.

[3]) „Русск. Стар." 1900 г. ноябрь стр. 259.

Дѣлъ 16 апр 1820 г [1]). Исторія и содержаніе этой записки [2]) такова. Съ ноября 1816 г. попечителемъ харьковскаго округа былъ З. Я. Корнѣевъ; назначенъ онъ былъ по просьбѣ князя А. Н. Голицына, министра народнаго просвѣщенія. Оба эти лица были друзьями, сблизившимися на почвѣ развивавшагося въ то время мистицизма. Этотъ Карнѣевъ (70-тилѣтній старикъ), спесясь съ кн. Голицынымъ, издалъ 29 Янв. 1819 г. циркуляръ по харьковскому учебному округу, въ которомъ приказывалъ для пополненія недостаточности нравственнаго образованія юношества преподавать, какъ въ университетѣ, такъ и во всѣхъ гимназіяхъ, нѣкоторыя мистическія сочиненія и въ примѣръ поставилъ многотомное сочиненіе «Божественная Философія» (переведенная на русскій языкъ племянникомъ попечителя Е. В. Карнѣевымъ, тоже мистикомъ, и изданное имъ), «сочиненіе соразмѣрное понятію учащихъ и учащихся и высокому и непосредственному», какъ гласилось въ циркулярѣ. По поводу этого циркуляра В. Н. Каразинъ и обратился къ министру, представивъ копію съ циркуляра, выдержки изъ «Божественной Философіи» и подлинникъ ея. «Божественная Философія» оказалась собраніемъ крайне суевѣрнаго характера опредѣленій религіи, разума, нравственности, магіи (!) [3]) и т. д. Приведя нѣсколько примѣровъ мистическихъ толкованій, Каразинъ писалъ:

---

[1]) Другія бумаги—прошеніе жены высланнаго за границу харьковскаго профессора Шада: въ прошеніи, составленномъ Каразинымъ, говорится о несчастномъ положеніи изгнанника, „на седьмомъ десяткѣ своихъ лѣтъ претерпѣвшаго униженіе и нищету съ женою и двумя дѣтьми отъ первой жены". На другомъ прошеніи той же жены профессора Шада надпись рукою В. Н. Каразина: „Она получила 150 руб. пенсіи отъ императрицы" (Сборн. Историко-филотехническаго общ. т. IX. Харьковъ 1896 г.

[2]) Записка В. Н. Каразина послужитъ не безинтереснымъ матеріаломъ для Исторіи Харьковскаго университета и характеристики массонства того времени.

[3]) Вотъ, напр., опредѣленіе *разума* «Разумъ есть добрый смыслъ человѣка: онъ есть приливъ обыкновенныхъ мыслей вслѣдствіе того, что передали ему чувства, воспламенившія, возбудившія, приведшія въ движеніе внутреннюю его плодотворность въ отношеніе къ тому, что они ему передали; сія же внутренняя плодотворность есть звѣздная, есть звѣздный духъ или воспламененіе его, то есть свѣтъ, подобный свѣту, освѣщающему звѣзды и дѣлающему ихъ свѣтлыми, свѣтъ, освѣщающій тончайшую точку ума и т. д. „Послѣ сего, кто не согласится, прибавилъ Каразинъ, что такое изложеніе, *соразмѣрное понятію учащихъ и учащихся*, должно замѣнить обыкновенную философію, которая вовсе изымалась изъ учебныхъ заведеній по цирку-

«Подобное безуміе или, лучше сказать, бредъ наполняетъ всю книгу, назначенную преимущественно и предпочтительно для наставленія юношества (?) Напр., во второмъ т. на стр. 192—229 преподается *о крестѣ, начертанномъ во всей натурѣ.* Вотъ нѣсколько строкъ для образца (стр. 197): «Крестъ производитъ истинное добро и метафизическое зло, то есть предѣлы конечнаго существа, качества, размѣры, окружность, способность, цвѣтъ, запахъ, прямыя его движенія, косвенныя направленія, и вообще всѣ феномены, въ вселенной являющіеся и исчезающіе, и все сіе совершится чрезъ крестъ, смотря по числамъ и по сцѣпленію причины и средства»... Цитаты Василій Назаровичъ выписалъ лишь изъ двухъ частей шеститомнаго сочиненія, не будучи въ силахъ прочесть всего; въ прилагаемомъ письмѣ Каразинъ высказываетъ свой взглядъ на дѣло и причины своего обращенія. (См. сборникъ «Историко-филологическаго общества т. VIII стр. 34): «Мы переселяемся добровольно и всѣми силами въ вѣка самаго мрачнаго суевѣрія и невѣжества. Въ нынѣшнемъ вѣкѣ это все не можетъ имѣть другого дѣйствія, какъ, сдѣлавъ религію и правительство смѣшными, умножить вольнодумцевъ и развратныхъ людей. Ради Бога войдите въ это!.. Если иначе нельзя обратить на столь важный предметъ вниманія государя, конечно самаго благомыслящаго, самаго усерднаго любителя отечества и общаго добра, то не пожалѣйте мои бумаги, сказавъ только, что онѣ къ Вамъ доставлены вслѣдствіе разговоровъ въ разное время, которыхъ Вы меня удостоили. Прибавьте къ этому слова два, которыя бы показали его величеству, что вы меня дурнымъ человѣкомъ не разумѣете, хотя нѣкогда могли почитать легкомысленнымъ, пылкимъ. За благодѣянія и гнѣвъ я

ляру попечителя. А вотъ начало главы «О различныхъ родахъ магій и о притягательныхъ силахъ святыхъ, злыхъ и смѣшныхъ (!!). Слово магія въ самомъ общемъ своемъ значеніи можетъ принято быть въ добромъ и зломъ смыслѣ. Она есть притягательная сила, пружина, приводящая въ движеніе или сверхъестественную или нижнюю область: сила или власть сокровенная, дѣйствующая или на духовъ или на тѣла и слѣдственно на всѣ слои воздуха, отъ самаго первоначальнаго, дѣйствующаго съ наибольшею силою, до грубѣйшаго, дѣйствующаго съ наименьшею силою"... „есть магія божественная, магія ангельская, чистая безъ примѣси, магія естественная, магія плотская единственно діавольская", и т. д. и т. д. „Чудеса дѣлаются посредствомъ невѣроятной силы коренного воздуха *„Эфира"* и т. п. Какой-то шотландецъ Дю-тоя уподобился Христу въ чудесахъ и въ обстоятельствахъ его крестной смерти, разница только въ томъ, что Христу давали пить на крестѣ уксусъ, а святому Дю—тоя шоколадъ".

иначе не умѣю и никогда не умѣлъ платить ему, къ которому (со слезами пишу это, графъ!) я душевно привязанъ, какъ жертвуя собою для общаго добра совершенно, безъ всякихъ оглядокъ. Простите!..»—Чѣмъ кончилась исторія докладной записи — не знаемъ.

Навѣрное можно сказать, что съ конца 1819 г. В. Н. Каразинъ находился безвыѣздно въ Петербургѣ [1]). Причину поѣздки въ Петербургъ митрополитъ Евгеній Болховитиновъ объясняетъ желаніемъ Василія Назаровича получить мѣсто. Изъ письма отъ 9 февр. 1820 г. Евгенія, видно, что Василій Назаровичъ «побранился съ большими ему самому не на добро, а только въ помѣшательство пристроиться къ мѣсту» [2]). Въ Петербургѣ Василій Назаровичъ Каразинъ работалъ, проектировалъ безъ устали: съ 12 декабря 1819 г. (по крайней мѣрѣ) по мартъ 1820 онъ подавалъ разнаго рода записки и проектировалъ гр. В. П. Кочубею [3]), министру внутреннихъ дѣлъ «статистическій департаментъ» [4]) (о немъ ниже), тогда же задумалъ издавать какой-то журналъ [5]), сотрудничалъ въ «Благонамѣренномъ [6]) и журналѣ Человѣколюбиваго Общества [7]), Соревнователѣ Просвѣщенія [8]) и Сынѣ Отечества [9]), издавалъ въ типографіи Греча свои статистическія таблицы, составленныя и представленныя въ рукописи императору Александру I въ проѣздѣ его чрезъ Харьковъ въ 1817 году» [10]).

---

[1]) „Русс. Старина“ 1903 г. августъ, стр. 457.

[2]) „Русск. Арх.“ 1889 т. II стр. 329.

[3]) Вѣроятно пока еще въ разговорѣ, письменный проектъ позднѣе.

[4]) „Русск. Арх.“ 1889 г. т. II стр. 334.

[5]) Тамъ-же стр. 342. Письмо отъ 16 апр. 1820 т.

[6]) 18, 19 марта; по статьямъ, помѣщеннымъ во „Сынѣ Отеч.“ и „Благонамѣренномъ“ 1819 г., можно предположить, что В. Н. Каразинъ былъ тогда уже въ Петербургѣ.

[7]) „Русск. Арх.“ 1889 г. т. II стр. 345.

[8]) Соревнователь Просв. 1820 г. № II.

[9]) „Сынъ Отечества“ 1820. Январь, 1819 г. № 39, № 2 и № 5.

[10]) „Я вѣрю, что статистическія таблицы Василія Назаровича будутъ любопытны: онъ весьма способенъ къ такимъ соображеніямъ“—писалъ Евгеній Анастасевичу 4-го мая 1820 г. („Русскій Арх.“ 1889 г. т. II стр. 346)—„Задача Василія Назаровича о десятилѣтнихъ перечняхъ каждаго сословія родившихся, умершихъ и вѣнчаныхъ больше многодѣльна письмомъ нежели составленіемъ; ибо для составленія генеральнаго по эпархіи итога сперва всегда дѣлаются частные въ подробныхъ книгахъ, и потому они уже готовы. Но при маломъ числѣ у насъ приказныхъ кто выписывать будетъ? А совсѣмъ новый трудъ

Во время пребыванія Василія Назаровича въ Петербургѣ произошло два непріятныхъ для него случая: Это скандалъ въ засѣданіи С.-Петербургскаго общества любителей россійской словесности и арестъ Каразина.

Къ 1820 году В. Н. Каразинъ числился помощникомъ предсѣдателя вышеназваннаго общества. По пріѣздѣ въ Петербургъ Каразинъ занимался въ продолженіи 2-хъ мѣсяцевъ уставомъ изданія журнала Общества «Соревнователь просвѣщенія и благотворенія», «нашелъ по собственнымъ опытамъ, что никоимъ обществомъ не возможно его улучшить въ нынѣшнемъ порядкѣ вещей» [1]). 1-го марта въ засѣданіи общества Вас. Наз. въ рѣчи своей съ свойственнымъ краснорѣчіемъ осудилъ направленіе тогдашней журналистики и дѣйствій самого «Общества», рѣзко порицая занятія его: «Вмѣсто того, чтобы описывать въ десятитысячный разъ восходъ солнца, пѣніе птичекъ, журчаніе ручейковъ, употребимъ то же дарованіе, то же счастливое воображеніе на предметы болѣе дѣльные». «Пора перестать быть подражателями только». «Будемъ все читать на вечернихъ нашихъ бесѣдахъ; но печатать станемъ только обдуманное, только прямо полезное [2]). Василій Назаровичъ предполагалъ бросить занятія изящной литературой и печатать въ журналѣ историческія изслѣдованія, описаніе путешествій, науки естественныя, домоводственныя и вообще указывалъ на болѣе серіозныя задачи литературы. Бичуя безъ стѣсненія журналъ, издававшійся Обществомъ любителей слове-

---

тутъ же приписывать раздѣленіе крестьянъ помѣщичьихъ отъ казенныхъ, хотя и это все въ нашихъ вѣдомостяхъ метрическихъ есть. А означенія мѣстоположенія селамъ, на сухомъ-ли, болотномъ, низменномъ и пр. мѣстахъ, совсѣмъ у насъ нѣтъ, и хлопотно собирать, хотя и это чрезъ духовныхъ же возможно. Но не все возможное легко. Да и матерія сія занимательна только въ сводѣ сдѣланныхъ уже перечней и заключеніи изъ оныхъ, но крайне суха и скучна порознь и въ отдѣльности. (Тамъ-же стр. 355). (Читалъ я въ Сынѣ Отеч. и отповѣдь вамъ за Монферановщину. Впредь не удостаивайте собачій лай отвѣта. На таблицы В. Н—ча вѣрно и собаки лаять не будутъ. Да и читателей у насъ на статистику немного. Само правительство обнаруживанія такихъ результатовъ не любитъ. А Екатерина II съ своимъ княземъ Вяземскимъ, бывало, считала это pour un crime de lèse-majesté; при Павлѣ же посадили бы въ крѣпость. Россія не Англія и не Франція, а ученые наши еще не нѣмецкіе статистики. Всѣ любятъ пока одну литературу, означающую только юность просвѣщенія. (Тамъ же стр. 367).

1) „Русс. Ст." 1871. т. III стр. 335.

2) Ibid.

сности (Соревнователь), Василій Назаровичъ говоритъ, смѣясь надъ журналомъ и надъ издателями и составителями его: «Мы будемъ преподавать всѣмъ (обществу) шарады на гор—охъ, [1]) соблазнительныя элегіи и стишки въ альбомы!.. *преподавать* не стыдясь и называться *соревнователями просвѣщенія*» [2]).

Въ засѣданіи общества послѣ этой рѣчи произошла бурная и грубо-неприличная сцена [3]). Въ протоколѣ собранія 1-го марта, (которое митрополитъ Евгеній назвалъ «пьянымъ») было положено выключить изъ числа членовъ В. Н. Каразина. Я. В. Абрамовъ, разбирая фактъ выхода Каразина изъ членовъ общества любителей словесности, указываетъ только на «наивный идеализмъ» В. Н. Каразина и осуждаетъ окончательно членовъ общества: «Рокомендовать людямъ, весь кругозоръ которыхъ не выходилъ за предѣлы дѣтскихъ шарадъ и воспѣванія «журчанья ручейковъ»—оставить эти глупости и заняться «дѣльными предметами»—было въ высшей степени наивно». Мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы общество *ученыхъ* занималось глупостями; что кругозоръ ихъ не выходилъ за предѣлы воспѣванія журчанья ручейковъ, что даже «наивно» думать, чтобы оно могло заняться «дѣльными предметами»; люди взрослые только, хотя бы и недалекіе, способны всегда *понять*, что имъ говорятъ дѣло, что имъ хотятъ внушить правду, но, если эту правду снабдить ругательствами, она потеряетъ свою цѣну и убѣдительность. Такъ поступилъ Каразинъ; его горячій характеръ выразился здѣсь какъ нельзя лучше; бросая въ лицо упреки въ «недѣльности», въ «подражательности только», въ «необдуманности», въ «безполезности» занятій общества, кончивъ ироніей надъ «соревнователями просвѣщенія», онъ, конечно, не могъ ждать отъ нихъ хладнокровнаго отношенія къ себѣ, а тѣмъ болѣе на послушаніе въ силу такихъ комплиментовъ. В. Н. Каразинъ виноватъ, по нашему мнѣнію, не столько въ «крайнемъ идеализмѣ», сколько въ крайней несдержанности, при отсутствіи которой навѣрно могъ бы достигать многихъ своихъ благородныхъ цѣлей. Не всѣ, и кромѣ членовъ общества любителей россійской словесности, одобряли и соглашались съ принципами Василія Назаровича. Митрополитъ Евгеній писалъ Анастасевичу. «Я съ соревнователями вашими *противъ* Василія Назаровича согласенъ, что слишкомъ ученыя статьи сдѣлаютъ журналъ скучнымъ для большей части читате-

---

[1]) Т. е. горохъ; см. Соревнователь 1819 г. кн. XI стр. 103; прим. В. Н. Каразина.

[2]) „Русск. Стар.“ т. III стр. 333.

[3]) Абрамовъ 72, согласно В. Г. Анастасевичу. Чтенія 1861 г. т. III.

лей обыкновенныхъ. Одни только историческія разысканія, хотя бы и слишкомъ ученыя, понятны для всѣхъ. Журналы физическіе, химическіе, натуральные, медицинскіе и проч. имѣютъ особыхъ своихъ читателей по ихъ профессіи или охотѣ... А одной книгѣ никакъ для всѣхъ годною быть нельзя и для большей части будетъ лишняя« [1]).

ГЛАВА IX.

Политическіе проекты.

(1820).

Причина обращенія къ императору Александру I въ 1820 г. Перемѣна въ направленіи политики имп. Александра. Тревожное настроеніе Каразина и петербургскаго общества. Записка къ государю и гр. Кочубею. Проектъ „статистическаго департамента"; участіе въ „обществѣ для облегченія участи крестьянъ". Нападки на Каразина изслѣдователей за его политическіе проекты. Записка государю о состояніи Россіи. Семеновская исторія. 4-ый арестъ и заключеніе въ Шлиссельбургскую крѣпость.

Исторія ареста В. Н. Каразина выясняетъ, что причина несчастія явилась не только по винѣ самого потерпѣвшаго, но и въ силу несчастно сложившихся обстоятельствъ. Мы видѣли, что разныя причины побуждали Василія Назаровича сноситься съ министрами, даже съ государемъ первое время (до конца 1809 года). При видѣ неустройствъ въ разныхъ сторонахъ государственнаго механизма, въ заботахъ по филотехническому обществу

---

1) „Русск. Арх." 1889 г. т II, стр. 136. (Письмо отъ 9 марта 1820 г.). Въ письмѣ отъ 6 апр., узнавъ отъ Анастасевича объ участи Каразина, Евгеній писалъ; „Итакъ, мое предсказаніе надъ Василіемъ Назаровичемъ и вами сбылось въ обществѣ соревнователей. Да и трудно-ли было представить по общему правилу, что кто навязывается учить другихъ, кольми паче всѣхъ, того всѣ учатъ? Итакъ, поздравляю Васъ всѣхъ, что мнимые Ваши ребятишки высѣкли своихъ учителей. Но симъ думаю еще не кончится. Что ни пишите вы, что будто по городу ихъ осуждаютъ, а я больше вѣрю, что вездѣ надъ вами смѣются, а до начальства доведутъ уже въ карикатурномъ видѣ. Все это повредитъ наипаче Василію Назаровичу, и опять можетъ быть сбудется мое гаданіе о возвращеніи его восвояси безъ всего. (Тамъ же стр. 338).

В. Н. Каразинъ проситъ содѣйствія, даетъ совѣты и указанія правящимъ и вліятельнымъ лицамъ, съ которыми въ свое время былъ близко знакомъ. Не будучи въ состояніи, можетъ быть, по своему характеру оставаться молчаливымъ на вопросы жизни, Каразинъ надѣялся на содѣйствіе своимъ планамъ людей стоящихъ во главѣ правленія, но годъ отъ году убѣждался въ тщетности своихъ надеждъ. Его непрошенные совѣты впрочемъ сильно надоѣдали; нѣкоторые вельможи, (напр. Кочубей, Горчаковъ I) отдѣлывались оффиціальными отвѣтами съ вѣжливымъ отказомъ привести въ исполненіе идеи Каразина, другіе (напр. Сперанскій, Аракчеевъ) вовсе перестали отвѣчать ему. Понятно, что гласомъ вопіющаго въ пустынѣ Василій Назаровичъ ограничиться не хотѣлъ да и не могъ по своей натурѣ, и въ 1820 г. рѣшилъ идти тѣмъ опаснымъ путемъ, который былъ уже разъ причиной его ареста, который повлекъ новыя несчастія и страданія Василія Назаровича—онъ рѣшилъ обратиться со своими непризнаваемыми планами непосредственно къ императору Александру. Къ подобному смѣлому шагу, можетъ быть, ободряло Каразина вниманіе государя, обращенное въ 1817 и 1818 г.г. на его проектъ о примѣненіи къ жизни электричества, хотя отношеніе къ нему во время проѣзда чрезъ Харьковъ государя не давало повода предполагать расположенія къ себѣ. Въ добавокъ къ этому времени самъ государь сильно перемѣнился въ своихъ дѣйствіяхъ и взглядахъ на вещи, чего, вѣроятно, не зналъ Каразинъ.

Направленіе государственной дѣятельности къ 1820 году приняло характеръ противоположный «эпохѣ преобразованій». «Конецъ царствованія Александра I повлекъ за собою столь рѣзкій переломъ въ порядкѣ нашей общественной жизни, что предшествовавшая эпоха была совершенно отрѣзана, жизнь выдвинута въ новую колею, тяжкій остракизмъ палъ на цѣлое поколѣніе прежняго времени и надолго закрылъ его даже отъ историческаго изслѣдованія и воспоминанія»—говоритъ А. Н. Пыпинъ [1]). Тѣ филантропическія идеи, то стремленіе подвинуть по пути прогресса родину, которые нѣкогда такъ сильно воодушевляли императора Александра, которые съ высоты престола разносились, какъ ясные лучи послѣ безпросвѣтной жизни русскаго народа временъ имп. Павла, канули въ вѣчность. Внутренній источникъ реакціи лежалъ и въ личномъ характерѣ Александра. Въ немъ самомъ издавна боролись два различныя настроенія—внушенный полусентиментальнымъ воспитаніемъ либерализмъ и совсѣмъ противоположные инстинкты, питаемые всей его обстановкой. Этими противорѣчіями былъ особенно исполненъ второй періодъ его ли-

---

1) Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I; изданіе 3-ье, стр. 345.

берализма съ 1815 г. Онъ уже вскорѣ начинаетъ охладѣвать къ «законно-свободнымъ учрежденіямъ и къ свободѣ народовъ. Польская конституція, только что данная, показалась стѣснительной для авторитета власти. Въ греческомъ вопросѣ императоръ колебался между свободой Греціи и «законной властью» турецкаго султана и наконецъ отказался защищать грековъ въ угоду европейской дипломатіи. Въ конституціонныхъ вопросахъ Германіи онъ стоялъ уже въ 1819 г. на сторонѣ реакціи, онъ вмѣшивался въ дѣла Испаніи и Неаполя, и русскія войска должны были готовиться къ роли жандармовъ въ чужихъ государствахъ» [1]). Неудержимо настойчивый и въ тоже время непостоянный государь, заявлявшій уже не разъ о своей готовности пожертвовать жизнью во благо подданныхъ и трепетавшій при извѣстіи о тайныхъ обществахъ (манія, можетъ быть, наслѣдственная), уже немного лѣтъ спустя послѣ вступленія на престолъ начинаетъ боязливо оглядываться на окружающихъ. 13 января 1807 года былъ учрежденъ комитетъ охраненія общественной безопасности, продолжавшій существовать до конца царствованія императора Александра. Комитетъ отъ 13 января 1807 г., какъ онъ именовался оффиціально, закрѣпилъ начавшійся внутренній разладъ въ умѣ Александра съ самимъ собою и съ стремленіями, охватившими лучшіе умы того времени [2]). Разладъ этотъ достигъ полнаго своего развитія подъ вліяніемъ народныхъ движеній Европы, въ жизни которой Александръ принималъ столь горячее участіе изъ боязни революціи въ Россіи, которая по мнѣнію государя была очень возможна благодаря вліянію годъ отъ году увеличивавшихся тайныхъ собраній. Причиной развитія этихъ обществъ было тяжелое время, пережившееся тогда Россіей. Мѣсто религіозной свободы заняли религіозныя преслѣдованія. Крестьянскій вопросъ былъ сданъ въ архивъ. «Вольный духъ» преслѣдовался въ самыхъ невинныхъ его проявленіяхъ. Въ университетахъ царили Магницкіе и Руничи. Все сводилось къ подавленію всякихъ попытокъ умственной жизни общества и къ господству самаго низменнаго обскурантизма и лицемѣрія. Вѣнцомъ мудрости во внутренней политикѣ было устройство военныхъ поселеній, отъ которыхъ самъ Аракчеевъ въ совѣстливыя минуты отрекался, приписывая ихъ идею самому императору; въ центральномъ правительствѣ главную роль играли разные иностранные авантюристы, ренегаты прежняго либеральнаго направленія и мракобѣсы—мистики и формалисты. Печатное слово было сдавлено. Повсюду царило шпіонство. Ловкіе люди пользовались случаемъ и ловили рыбу въ мутной водѣ. Злоупотребленія всякаго рода сдѣлались

---

[1]) Пыпинъ „Общ. движ. при Ал. I“ стр. 435—436.

[2]) Шильдеръ. «Императоръ Александръ I-ый» т. IV, стр. 162.

открытыми. Воровство совершалось на виду у всѣхъ. Притѣсненія сильными слабыхъ не находили никакой узды. Всякая попытка противодѣйствовать такому порядку вещей оканчивалась самымъ печальнымъ образомъ для смѣльчака [1]). «Словомъ это была обычная картина всякой реакціи, вызывающей на арену жизни всѣ темные элементы общества, при другихъ условіяхъ скрывавшіеся во тьмѣ и теперь преслѣдующіе все свѣтлое» [2]). Новое молодое поколѣніе, взявшееся было съ такимъ жаромъ за дѣло реформъ, оказалось на заднемъ планѣ, оттѣсненнымъ Аракчеевымъ, Магницкимъ и др. Положеніе этихъ еще свѣжихъ силъ становилось тѣмъ тяжелѣе, что заграничные походы съ 1805 по 1815 г.г., въ которыхъ участвовало большинство патріотовъ изъ высшаго круга, познакомилось съ болѣе гуманнымъ строемъ жизни Запада [3]). Преслѣдованія свободнаго слова и мысли для тѣхъ, которые привыкли выражать ихъ откровенно въ мягкое время царствованія и въ бытность свою заграницей, заставили искать возможности дѣлиться мыслями тайкомъ. Составлялись, такимъ образомъ, «тайныя» общества, сфера вліянія которыхъ расширялась на большее и большее количество сочленовъ; въ программу дѣйствій вводилось преслѣдованіе тѣхъ самыхъ завѣтныхъ идей, за которыя стоялъ императоръ Александръ при вступленіи на престолъ и главой реакціи противъ которыхъ такъ скоро онъ сдѣлался. Несмотря на преувеличенный страхъ государя предъ обществами, чему не соотвѣтствовалъ ни уставъ ихъ, чуждый революціонной пропаганды, ни сила ихъ, несмотря на то что были извѣстны имена нѣкоторыхъ участниковъ обществъ, которыя называлъ самъ царь, они остались пока внѣ преслѣдованій. Въ новомъ движеніи принимало участіе слишкомъ много членовъ вліятельнѣйшихъ фамилій лицъ, занимавшихъ видное оффиціальное положеніе. Каразинъ хорошо чувствовалъ весь гнетъ тогдашняго положенія вещей, и близкое знакомство съ членами тайныхъ обществъ [4]), ихъ благородныя стремленія и по-

---

1) Пыпинъ: «Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I, гл. VII и VIII.

2) Я. В. Абрамовъ: «В. Н. Каразинъ», Спб. 1891 г.

3) Къ двадцатымъ годамъ военное общество—чего никогда не было ни прежде ни послѣ—заключало въ себѣ лучшихъ представителей образованнаго общества. Пыпинъ. «Общественное движеніе при Александрѣ I. 3-ье изд. стр. 390.

4) Съ М. Н. Муравьевымъ, Вяземскимъ, Тургеневымъ. Бумаги нѣсколькихъ декабристовъ, участвовавшихъ въ тайныхъ обществахъ, переданы были Василію Назаровичу. В. С. Иконниковъ. «Опытъ русской исторіографіи», т. I кн. 2 стр. 1183.

бужденія вполнѣ соотвѣтствовали стремленіямъ В. Н. Каразина [1]). Онъ расходился съ ними только въ способахъ дѣйствія, которые противорѣчили его политическимъ убѣжденіямъ. *Тайной* работѣ, выраженію мыслей *тайнымъ* образомъ отъ правительства Каразинъ не сочувствовалъ, ибо видѣлъ спасеніе для Россіи въ нескрываемомъ выраженіи вѣрноподданническихъ совѣтовъ монарху [2]), хотя бы то стоило жизни смѣльчака. Такъ именно онъ поступалъ съ 1798 года, такъ рѣшилъ поступать въ 1820 году.

12 декабря 1819 г. В. Н. Каразинъ уже представлялъ докладную записку гр. В. П. Кочубею (мин. вн. дѣлъ), въ которой указывалъ на какія то противозаконія, совершаемыя въ Россіи. Министръ заинтересовался и поручилъ Каразину составить подробный докладъ. Вас. Наз. не заставилъ себя ждать и въ январѣ 1820 г. представилъ три записки, имѣвшихъ цѣлью, главнымъ образомъ, указать на вопіющія злоупотребленія въ Россіи по отношенію къ крѣпостнымъ и на средства устранить ихъ разъ навсегда. Указавъ на множество чрезвычайно несложныхъ способовъ обойти существующіе законы, запрещающіе въ извѣстныхъ случаяхъ продажу и переселеніе крѣпостныхъ, Каразинъ предложилъ издать категоричный законъ, недопускающій никакихъ вредныхъ толкованій. Во 1-хъ запретить всѣмъ (кромѣ дворянъ-помѣщиковъ) право владѣнія людьми, ограничивъ это владѣніе лишь временемъ жизни настоящаго владѣльца и лишивъ его права продажи людей; во 2-хъ, запретить переселеніе крестьянъ далѣе опредѣленнаго разъ навсегда пространства вокругъ мѣста жительства; въ противномъ случаѣ дѣло должно идти чрезъ правительственныя учрежденія (казенн. палату, губернск. и земск. суды) [3]). Гр. Кочубей какъ будто еще болѣе заинтересовался В. Н. Каразинымъ и въ теченіе марта нѣсколько разъ бесѣдовалъ устно съ Василіемъ Назаровичемъ [4]). Послѣдній указывалъ

---

[1]) «Было бы большой ошибкой предполагать, что въ тайныхъ собраніяхъ занимались только заговорами», пишетъ участникъ «Союза благоденствія», одного изъ тайныхъ обществъ,—здѣсь вовсе ими не занимались. Если какіе-нибудь изъ членовъ и имѣли какое-нибудь такое намѣреніе, они скоро увидѣли бы, что здѣсь никакой заговоръ не возможенъ»... и т. д. и т. д. См. La Russie et les Russes N. Tourgeuneff, t. I p. 105—106. Paris, 1847.

[2]) «Правительство есть средоточіе, въ которомъ необходимо должна стекаться всякая мысль о благѣ общемъ». Записка имп. Александру I отъ 13 мая 1820 г.

[3]) Русская Старина 1903 г. августъ, стр. 458- 465.

[4]) Русская Старина 1870 г. т. II, стр. 568—571.

министру на тревожное, по его мнѣнію, состояніе Россіи и дѣлился планами о предотвращеніи бѣдъ для отечества. 31 марта Каразинъ снова изложилъ письменно на нѣсколькихъ листахъ свой взглядъ на массовыя злоупотребленія чиновниковъ и на возможность волненій въ Россіи. «Секты религіозныя и политическія умножаются. Нѣтъ никакой точки къ соединенію умовъ. Правительство не назначаетъ ея и, очевидно, мятется. Это въ нынѣшній вѣкъ особливо будетъ имѣть то же послѣдствіе, какъ бы сокрытіе знаменъ и повелѣній военачальника въ общемъ замѣшательствѣ битвы»,—писалъ немного позже государю Каразинъ.

Надо замѣтить, что страхи Каразина не раздѣлялись имъ однимъ; все общество было въ трепетномъ ожиданіи чего-то страшнаго; производились многочисленные аресты и высылки. «Я уже докладывалъ вашему сіятельству,—говорилъ оберъ-полицій-мейстеръ Петербурга Горголи графу Милорадовичу,—что расположеніе умовъ въ городѣ такое, что не отвѣчаю за три дня спокойствія» [1]). «Зараженіе умовъ есть генеральное и замѣчается повсюду», говорилъ великій князь Константинъ Павловичъ о томъ же времени [2]). Въ журналахъ попадались сплошь да рядомъ настолько смѣлые и рѣзкіе намеки молодыхъ поэтовъ на правительство, на самодержавный строй, которые и при спокойномъ состояніи правящихъ сферъ никогда у насъ не были допустимы, а тѣмъ болѣе въ описываемое время. «Молодежь хотѣла какъ бы *блеснуть* своимъ неуваженіемъ къ правительству»—писалъ В. Н. Каразинъ гр. Кочубею, препровождая нѣсколько стихотвореній молодыхъ поэтовъ (Пушкина А. С., Кюхельбекера), отличавшихся рѣзкимъ отношеніемъ къ правительству и читанныхъ къ тому же публично. Государь раздѣлялъ общее настроеніе: распространявшееся въ обществѣ «вольнодумство», которое онъ поставилъ себѣ цѣлью подавлять на пространствѣ всей Европы, очень пугало его.

Ожидая, можетъ быть, нѣкоторое время, въ предположеніи, что Кочубей доложитъ о запискѣ императору, Каразинъ, подъ предлогомъ поблагодарить государя за оказанную недавно милость, пытался проникнуть во дворецъ, но не былъ принятъ [3]).

---

[1]) Русскій Архивъ 1875 г., т. II, стр. 328.

[2]) Н. Шильдеръ. „Императоръ Александръ I", т. IV стр. 186.

[3]) Тесть Вас. Наз., инженеръ, ген. маіоръ Егоръ Ивановичъ Бланкеннагель получилъ отъ казны заимообразно 50,000 руб. асс. на устройство въ Россіи перваго свекло-сахарнаго завода, который и былъ имъ устроенъ въ деревнѣ его „Алябьевѣ" (Тульской губ.), шелъ

21-го апрѣля, чрезъ посредство князя Петра Михайловича Волконскаго, Каразинъ доставилъ государю «Записку», въ которой заклиналъ послѣдняго обратить своевременно должное вниманіе на неправильности жизни въ Россіи, о коихъ просилъ освѣдомиться по имѣющейся запискѣ его гр. Кочубею. Намекая на то, что современное положеніе Россіи, наканунѣ тѣхъ потрясеній, которыя постигли въ концѣ 80-хъ годовъ XVIII стол. Францію, ссылаясь на одинаковость мнѣній современниковъ («поименованныхъ имъ въ письмѣ къ Кочубею, купца Рогова, напр., ожидавшаго тоже волненій въ Россіи), Каразинъ восклицаетъ: «Нельзя не привести на память,—что точно такъ изъ разныхъ мѣстъ отзывались во Франціи отголоски благонамѣренныхъ предъ наступленіемъ гибельнаго переворота и что точно такъ были пренебрегаемы!» «Il est singulier que dans ce siècle de lumiéres, les souverins ne voient venir l'orage que quand il éclate»--сказалъ Наполеонъ Ласъ-Казасу на островѣ св. Елены». Записку свою назвалъ Каразинъ «послѣднимъ отзывомъ вѣрнаго подданнаго», а въ прибавленіи на слѣдующій день къ ней по пунктамъ доказываетъ чистоту своихъ дѣйствій, безкорыстность,

---

очень хорошо и приносилъ доходы, изъ которыхъ Ег. Ив. и уплачивалъ по-немногу казенный долгъ. Но настала война 12-го года, склады его сахара, патоки и рому сгорѣли въ Москвѣ, онъ самъ умеръ. Василій Назаровичъ не былъ въ состояніи по разстройству своихъ собственныхъ дѣлъ выплачивать долгъ тестя и просилъ государя о сложеніи. Государь разрѣшилъ. Василій Назаровичъ пошелъ во дворецъ благодарить, но не былъ принятъ". (Филадельфъ Каразинъ. „Русск. Стар." 1870 г., т. II, стр. 568—569). В. И. Ярославскій разсказываетъ о томъ же: „Ал. Степ. Бирюковъ разсказалъ мнѣ о продѣлкахъ В. Н. Каразина. Примѣтивъ, что государь каждый день послѣ полудня прохаживается по Невской набережной, онъ велѣлъ двумъ своимъ сыновьямъ прохаживаться тамъ въ то время, а встрѣтившись съ государемъ, каждый разъ учтиво ему кланяться. Какъ эти поклоны они часто ему дѣлали, то однажды спросилъ онъ и ихъ фамиліи. Каразинъ, узнавъ отъ нихъ, умѣлъ употребить это въ пользу, сочинилъ имъ просительное къ нему письмо: что императоръ Павелъ пожаловалъ заимообразно 25,000 руб. отцу ихъ матери Бланкеннагелю на устроеніе въ Тулѣ завода для дѣланія сахара изъ свекловицы. Вскорѣ онъ умеръ, не успѣвъ въ этомъ заведеніи. Теперь за долгъ его назначенъ въ продажу въ Москвѣ домъ ихъ матери—послѣднее ея имущество. Просили оказать имъ благодѣяніе: велѣть министру финансовъ исключить этотъ домъ изъ недоимки. Государь былъ такъ милостивъ, что простилъ этотъ долгъ" („Харьковскій Сборникъ" 1887 г., стр. 69).

которая могла бы быть заподозрѣна въ желаніи вновь сблизиться съ нимъ изъ личныхъ интересовъ. Сказавъ, что считаетъ своимъ неотъемлемымъ правомъ разъ данное ему разрѣшеніе сноситься съ царемъ непосредственно, Каразинъ продолжаетъ:—а) я никогда не употребилъ во зло сего драгоцѣннаго права себѣ въ пользу: ни на безчестную клевету, ни на недостойное испрошеніе милости; в) я никогда не дѣлалъ изъ него какого-нибудь чванства. Нечаянные случаи сдѣлали извѣстными нѣкоторыя мои бумаги, но только малому числу ближайшихъ ко мнѣ людей, изъ коихъ двухъ нѣтъ уже и на свѣтѣ, но большая часть, подобно какъ и сіи послѣдніе, остались и останутся, пока я живъ, тайною, открытою только для всевидящаго ока;—с) я писалъ не по видамъ личнымъ, но по внутреннему убѣжденію и съ глубокою увѣренностью, что я былъ бы извергомъ предъ вами и отечествомъ, если бъ сего не сдѣлалъ. Богъ, мой судія, да будетъ моимъ свидѣтелемъ!—d) Я никогда не воображалъ себя достойнымъ занять какое-либо изъ важныхъ государственныхъ мѣстъ. Честолюбивая эта мысль, не взирая на милости ваши, не входила въ мою голову. Но признаюсь въ томъ чистосердечно, быть человѣкомъ къ вамъ близкимъ, вамъ, такъ сказать, исключительно принадлежащимъ, было единственнымъ и первѣйшимъ моимъ желаніемъ. Званіе вашего личнаго секретаря, вашего—камеръ-библіотекаря, нѣчто подобное носилось въ моемъ воображеніи. е) Я никогда не былъ и не буду въ числѣ хулителей дѣлъ вашихъ.—Напротивъ, я часто ихъ отражалъ. Образъ мыслей моихъ въ семъ отношеніи выразилъ я публично въ рѣчи 21-го августа 1818 г., произнесенной въ Харьковѣ [1]). Не возможно сердцу благородному не обожать васъ... Все, все, начиная съ ангельской наружности вашей, привлекательный, чистый вашъ разсудокъ, характеръ вашъ твердый необыкновенный, послужившій въ 1812 году *главнѣйшимъ* орудіемъ Провидѣнію къ тому, чтобы спасти Россію и Европу; доброта ваша... Государь! я начинаю рыдать! простите меня! Оставалось бы еще сказать нѣчто, но не имѣю силъ продолжать далѣе. Еще разъ прощайте, Государь!» [2]). Прочитавъ это письмо, Александръ приказалъ гр. Кочубею потребовать отъ Каразина, чтобы онъ «указалъ обстоятельства, о которыхъ говорилъ, подробнѣе, подкрѣпилъ бы ихъ доводами, назвалъ самыя лица, отъ которыхъ имѣетъ тѣ или другія свѣдѣнія и т. д.» Съ высочайшимъ повелѣніемъ Кочубей обратился къ

---

[1]) Рѣчь объ истинной и ложной любви къ отечеству.

[2]) «Русск. Стар.» 1870 г., т. II, стр. 571.

В. Н. Каразину. Послѣдній повторилъ пока свое предложеніе воспользоваться написанной имъ запиской министру внутреннихъ дѣлъ, если-бы пожелали подробнѣй узнать объ «обстоятельствахъ»; онъ обѣщалъ заняться составленіемъ подробной пояснительной записки. Требованіе объявить имена лицъ, съ которыми В. Н. Каразинъ бесѣдовалъ по разнымъ вопросамъ, можетъ быть, частнымъ образомъ, поразило Каразина. «*Всеподданнѣйшее мое письмо*,—объяснялъ онъ свои намѣренія Кочубею,—*не доносъ, къ которому я, можетъ быть, и не способенъ*, не указаніе мелкихъ частныхъ злоупотребленій, но *послѣдняя воля*, такъ сказать, умирающаго. Это завѣщаніе, которое бывшій счастливецъ оставляетъ въ рукѣ своего благодѣтеля, прощаясь съ нимъ навсегда [1]). «Относительно указанія лицъ, имѣющихъ болѣе значенія *поимянно* отъ кого, что и гдѣ когда слышалъ, то хотя изъ вѣрноподданническаго повиновенія я могъ бы составить кое на кого записку, но признаюсь, ваше сіятельство, что совѣсть моя возмущается отъ одной мысли о таковомъ предательствѣ всѣхъ благородныхъ чувствованій». «Сохрани насъ, Боже, возобновлять сцены царствованія при такомъ государѣ» [2]). Не вѣря собственнымъ ушамъ о подобномъ требованіи того самаго Александра, котораго онъ зналъ съ 1801 г., Каразинъ съ удивленіемъ продолжаетъ: «Неужели нашему благодѣтельнѣйшему Александру пожелать убить политически вѣрнаго и уваженнаго имъ нѣкогда любезнаго ему человѣка («довольно, что онъ... былъ окруженъ шпіонами въ проѣздъ свой въ здѣшнюю столицу») и опозорить допросомъ лицъ, достойныхъ его уваженія». Эти мысли проливаютъ яркій свѣтъ на личность Василія Назаровича, на его благороднѣйшую натуру. Онъ былъ врагомъ тайныхъ обществъ на почвѣ политическихъ убѣжденій, онъ боролся противъ нихъ, но боролся самымъ *честнымъ* образомъ. Вражда противъ учрежденій не переходила въ ненависть къ лицамъ, раздѣляющимъ противоположныя убѣжденія; мы видѣли, что, какъ честному человѣку, декабристы отдавали В. Н. свои бумаги, будучи твердо

---

[1]) «Русск. Стар.» 1870 г. II т. стр. 572.

[2]) Тамъ же стр. 573. Въ письмѣ къ имперарору Николаю 18-го сентября 1826 г. Василій Назаровичъ такъ писалъ о своемъ взглядѣ на требуемый отъ него доносъ: «обвинять я никого не могъ по совѣсти, съ одной стороны, гнушаясь не безъ причины мерзкаго во всѣхъ народахъ и временахъ имени доносчика, съ другой, не имѣя достовѣрныхъ доказательствъ «Русск. Стар.» 1870 г. т. II стр. 562—563.

убѣждены, что довѣріе ихъ не будетъ обмануто, и они не ошиблись. Каразинъ затрепеталъ при одной мысли о возможности предательства «благороднѣйшихъ чувствованій». Вмѣсто отвѣта на предложеніе указать на «лица», Василій Назаровичъ предложилъ свой проектъ «статистическаго департамента», который могъ бы доставить правительству нужныя свѣдѣнія: «Однимъ изъ вѣрнѣйшихъ средствъ, каковыя можетъ имѣть правительство, узнать подлинное внутреннее положеніе государства систематическимъ образомъ,—было бы, кажется, учрежденіе статистическаго департамента. Если бы государю императору было благоугодно меня удостоить скромнаго мѣста директора сего департамента, то я увѣренъ, что вмѣстѣ съ значительною услугою собранія свѣдѣній сего рода, которыхъ теперь нѣтъ и долго еще не будетъ, я безо всякаго шуму и подъ предлогомъ однихъ статистическихъ (?) открылъ бы въ связи тысячи происшествій и обстоятельствъ и злоупотребленій важнѣйшихъ, вовсе неизвѣстныхъ правительству [1]).

Проектъ Василія Назаровича такъ и остался проектомъ, а впослѣдствіи навлекъ на него только нареканія.

Одновременно съ мечтой учредить «Статистическій департаментъ», Каразинъ принималъ дѣятельное участіе въ созданіи новаго общества, поставившаго себѣ цѣлью освобожденіе или, по крайней мѣрѣ, облегченіе тяжелой въ то время доли крестьянъ. Исторія этого общества такова. Н И. Тургеневъ, назначенный статсъ-секретаремъ при Государственномъ Совѣтѣ еще въ 1819 году (а можетъ быть, въ самомъ началѣ 1820 года), представилъ государю черезъ графа Милорадовича записку, озаглавленную: «Нѣчто о крѣпостномъ состояніи въ Россіи». Мысль его была та, что конецъ рабству можетъ положить одно самодержавіе. Императоръ встрѣтилъ эту мысль съ большимъ сочувствіемъ, нашелъ ее вполнѣ справедливой и благородной и объявилъ Милорадовичу, что «непремѣнно сдѣлаетъ что-нибудь для крестьянъ». Князь А. С. Мень-

---

[1]) „Русск. Стар." 1870 г. т. II стр. 574. „Успѣетъ-ли В. Н. завести при министрѣ внутреннихъ дѣлъ статистическое отдѣленіе—не знаю,—писалъ митр. Евгеній Анастасевичу 2-го марта 1820 г.,—но знаю, что легче завести и написать планъ съ фасадомъ нежели продолжать строеніе. Книжки на двѣ (какъ и Германъ) можетъ быть наберетъ матеріаловъ; а далѣе матеріалы сіи рѣдки, и доведется выписывать изъ-за моря, какъ и обыкновенно у насъ водится: во всѣхъ товарахъ иностранцы изъ нашихъ же матеріаловъ лучше обрабатываютъ („Рус. Арх." 1889. т. II стр. 334.

шиковъ, ген.-адъют. государя, какъ ловкій царедворецъ, воспользовался настроеніемъ и намѣреніемъ императора, началъ вмѣстѣ съ В. Н. Каразинымъ и гр. М. С. Воронцовымъ развивать эту мысль и получилъ согласіе многихъ вліятельныхъ лицъ на подачу адреса государю съ просьбой разработать крестьянскій вопросъ. Самому Каразину «посчастливилось пригласить въ оное (общество) *нѣсколько извѣстныхъ государю особъ*» (Записка къ Имп. Николаю).

Надо замѣтить, что Каразинъ шелъ дальше прочихъ учредителей общества; онъ задумывалъ создать общество, «подчиненное мин. вн. дѣлъ, которое бы, сверхъ публичнаго своего назначенія улучшивать участь поселянъ, подвластныхъ дворянству, имѣло нечувствительный присмотръ за всѣми другими, такъ называемыми, *вольными*, явными и тайными обществами» [1]). Провести послѣднюю идею Каразину не удалось даже отчасти, судя по той формѣ, въ какой былъ предложенъ на высочайшую конфирмацію проектъ общества «въ пользу крестьянъ» [2]).

Проектъ намѣревались подать мин. вн. дѣлъ, который долженъ былъ получить по этому предмету приказаніе самого императора. «Гр. Воронцовъ сообщилъ документъ нѣсколькимъ родсвенникамъ и друзьямъ, и онъ былъ съ величайшею готовностью подписанъ Гр. П. Потоцкимъ и М. В., которые были генералъ-адъютантами у государя, графомъ В. Д., камергеромъ и дипломатомъ, кн. В.» и др. [3]). Однако планы упомянутыхъ лицъ потерпѣли неудачу. 5-го мая 1820 г. гр. Каподистрія представилъ государю краткую «записку» о цѣляхъ составляющагося общества съ просьбою утвердить его. Государь, узнавъ о гласности дѣла, о собираемыхъ подписяхъ, испугался, отставилъ отъ службы Меньшикова, и нѣкоторые изъ подписавшихся отказались тотчасъ отъ своихъ подписей [4]). Кн. И. В. Васильчиковъ отказался отъ своей подписи на слѣдующій день по докладѣ и такъ мотивировалъ свой отказъ: «Въ столь важномъ дѣлѣ, въ которомъ довѣріе правитель-

---

[1]) Записка Каразина къ имп. Николаю I 1826 г. „Русск. Стар." 1870 г. II, стр. 563.

[2]) См. „Русск. Стар". 1871 г. т. III, 366. Записано В. Н. Каразинымъ.

[3]) N. Tourugeneff. „La Russie et les Russes".

[4]) О быстротѣ отказовъ отъ подписей разсказываютъ нѣсколько курьезныхъ случаевъ. В. И. Семевскій „Крест. вопр." Спб. 1888 т. I, стр. 456.

ства и общества можетъ опереться лишь на людей съ добрымъ именемъ, являются такія личности, отъ которыхъ не поздоровится... указываютъ на г-на Каразина, какъ на главнаго двигателя этого общества [1]).—И такъ, общество распалось. Кн. Вяземскій въ своей *Исповѣди* говоритъ: «Генералъ-адъютантъ Васильчиковъ, сперва подписавшій бумагу и на другой день отказавшійся отъ своей подписи, вѣроятно былъ главнѣйшею причиною неудачи этого предпріятія» [2]). Самъ Каразинъ приписывалъ неудачу проекта тому, что его представилъ на высочайшее утвержденіе «гр. Капо-дистрія, который ни по чему на свѣтѣ не могъ благопріятствовать патріотическому намѣренію россіянъ» [3]).

Г-нъ Семевскій говоритъ, что Каразинъ шелъ по двойной дорогѣ, желая пристегнуть къ либеральному обществу исполненіе своихъ ретроградныхъ «совершенно постороннихъ мечтаній» [4]). Мы не придерживаемся мнѣнія, что Каразинъ шелъ по пути противоположному современнымъ ему либеральнымъ теченіямъ, направленію дѣйствій тайныхъ и другихъ тому подобныхъ обществъ. Все дѣло въ средствахъ для достиженія цѣли и взглядѣ на вещи. Что Каразинъ не былъ ретроградомъ, доказываютъ неслыханно-смѣлыя его обличенія правительства, въ лицо ему дѣлаемыя... только... обличенія эти, указанія на промахъ дѣлались самому правительству, чтобы помочь ему оріентироваться, чтобы помочь ему узнать «тысячи *злоупотребленій* вовсе ему неизвѣстныхъ», и при томъ тайнымъ образомъ, чтобы не уронить престижа власти. На почвѣ недовольствія же правительствомъ возникли и тайныя общества, но они дѣйствовали *инымъ образомъ*, чѣмъ Каразинъ, именно: хотѣли не помогать, а бороться съ правительствомъ. Итакъ, цѣли однѣ, путь къ исполненію ихъ разный. Но какъ объяснить шпіонскій проектъ Каразина статистическаго департамента? Человѣкъ, съ самоотверженіемъ и ужасомъ отказавшійся назвать по имени нѣкоторыхъ подозрѣваемыхъ въ противоправительственныхъ дѣйствіяхъ лицъ, рѣшается предлагать цѣлое учрежденіе для секретнаго наблюденія надъ подозрѣваемыми людьми во всей необъятной Россіи».—Повторяемъ,

---

1) „Русск. Арх. 1875 г. т. III, стр. 417.

2) „Собр. соч. кн. Вяз." II, 88, сравн. т. VII, 271; В. И. Семевскій „Крест. вопр." т I стр. 456.

3) „Русск. Стар." 1876 т. III, стр. 20. 7 тет. записки Кочубею 1820 г.

4) Нѣсколько словъ о Каразинѣ. „Вѣстникъ Европы" 1893 г. февр. стр. 530—541.

борьба проповѣдывалась не противъ личности, а противъ «злоупотребленій», совершенно правильно понимаемыхъ (записки къ Кочубею о состояніи Россіи); предложеніе секретнаго департамента объясняется не низостью души Каразина, этого примѣра гражданскаго мужества, а его идеалистическимъ взглядомъ на жизнь и людей. Онъ всегда думалъ, что дѣло приводится къ счастливому концу *не учрежденіями, а людьми*, въ которыхъ глубоко вѣрилъ—въ этомъ его принципіальная ошибка. Взгляните на его сельскія учрежденія съ теоретической, поверхностной точки зрѣнія. Абсолютная власть помѣщика, тѣлесное наказаніе, самодержавіе старосты [1])—развѣ это не отъявленное крѣпостничество! Но вникните, пожалуйста, *какимъ долженъ* считать себя по Каразину этотъ «генералъ-губернаторъ» помѣщикъ и староста, *когда* допускаются тѣлесныя наказанія, *что долженъ* дѣлать помѣщикъ для блага своихъ подданныхъ-«дѣтей»; обратите вниманіе на то, что первый, кто осмѣлился быть согласно такимъ идеямъ «крѣпостникомъ» помѣщикомъ, т. е. самъ В. Н. Каразинъ, оказался нищимъ...; владыка пожертвовалъ всѣмъ для подчиненныхъ, роздалъ земли, уменьшилъ *вдвое* барщину, влѣзъ въ долги и т. д. Нѣчто подобное могло быть и въ разбираемомъ случаѣ. Въ 1) проектъ «статистическ. департ.» *не былъ еще разработанъ*, или не дошелъ до насъ въ разработанномъ видѣ, поэтому, мы не имѣемъ права клеймить безъ существенной оговорки мысль Каразина. Во 2) какъ основной принципъ сельскихъ учрежденій В. Н. Каразина, можетъ быть, не выдерживалъ критики, (а выполненіе ихъ искупало всѣ недостатки, такъ какъ помѣщику предъявлялись очень большія требованія нравственнаго характера, за исполненіе которыхъ онъ отвѣчалъ передъ судомъ совѣсти), — такъ точно могло быть и съ «статистическимъ департаментомъ»; мы не знаемъ еще, какимъ образомъ Каразинъ думалъ проводить свою идею, какія *нравственныя требованія* предъявилъ бы онъ членамъ своего учрежденія. Однимъ словомъ, по существующимъ отрывкамъ мыслей, недосказанымъ фразамъ В. Н. Каразина нельзя категорично осудить его за проектъ «статистическаго департамента».

Н. Тургеневъ въ своемъ сочиненіи „La Russie et les Russes“ говоритъ, что иниціаторы *общества для облегченія крестьянъ* (разумѣя Воронцова, Меншикова) съ цѣлью «съ самаго начала» «отдѣлаться отъ помощниковъ, подобныхъ Каразину», за-

---

[1]) Въ Анашкинѣ.

явили, что цѣль общества—изысканіе способовъ къ постепенному освобожденію отъ рабства»... Намъ кажется невѣрнымъ заявленіе Тургенева, что можно было запугать В. Н. Каразина идеей освобожденія крестьянъ. Цѣль сельскихъ нововведеній Каразина было «*подготовленіе* крестьянъ къ освобожденію отъ крѣпостной зависимости». Крестьянскій проектъ Вас. Наз. назвалъ «патріотическимъ намѣреніемъ россіянъ [1]); а между тѣмъ въ подлинномъ заявленіи (имъ самимъ переписанномъ) стояло: «Цѣлью общества должно быть изысканіе способовъ къ улучшенію состоянія крестьянъ и къ постепенному освобожденію отъ рабства, какъ ихъ, такъ и дворовыхъ людей, принадлежащихъ помѣщикамъ, въ сіе общество вступающимъ» [2]). Вотъ еще одинъ документъ, неоспоримо доказывающій невѣрность показаній Тургенева и заявленія В. И. Семевскаго о непричастности В. Н. Каразина къ инниціативѣ созданія общества и о стремленіи учредителей отдѣлаться отъ Каразина (письмо гр. М. С. Воронцова къ В. Н. Каразину отъ 14 апр. 1820 г.): «Я *очень буду радъ встрѣтиться съ кн. Вяземскимъ у васъ*, также съ кн. Меньшиковымъ, гр. Комаровскимъ etc.. и ежели они на то согласятся, то я готовъ... При семъ еще разъ нужнымъ считаю сказать Вамъ, .. что я думаю войти только въ такое общество, которое будетъ имѣть въ предметѣ постепенное, но не слишкомъ тихое или отложное вдаль освобожденіе крестьянъ отъ рабства. Всякое другое общество, по моему мнѣнію, никакого добра не сдѣлаетъ, а россійскому дворянству нужно освободиться отъ нареканія, вездѣ намъ дѣлаемаго, что мы сопротивляемся столь священному и нужному подвигу» [3]).

---

[1]) „Русск. Стар.“ 1871 г. т. III стр. 20.

[2]) Тамъ же стр, 366. Тургеневъ вообще отрицательно относился къ В. Н. Каразину и далъ о немъ такой отзывъ: Il y a bien eu quelques sujettes russes, qui en écrivant a l'empereur, lui ont adressé non seulment des verités hardies, mais même des injures. J'ai connu deux exemples de ce genre. L'un est celui d'un Livonien (B...) qui, disait-on, avait la tête un peu troublée... L'autre exemple est celui d'un certain Karasine, homme d'un esprit inquiet, veritable brouillon («La Russie et les Russes» par N. Tourgueneff Paris 1847, т. I стр. 462—463 прим. 1).

[3]) Дубровинъ. „Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе императора Александра. Спб. 1883 г. стр. 253; письмо № 239. Удивительно, какъ г. Семевскій могъ привести *именно этотъ* документъ въ доказательство желанія участниковъ проектируемаго общества „отдѣлаться отъ Каразина“!

Съ мая мѣсяца вплоть до ноября Василій Назаровичъ занимался обработкой докладной записки государю. 17-го ноября 1820 года была окончена послѣдняя «тетрадь». Записка эта состояла изъ 7 «тетрадей», которыя Каразинъ немедленно представлялъ гр. Кочубею, по мѣрѣ написанія ихъ [1]). Это спѣшный, на скорую руку составленный и довольно безсвязный, лишенный всякаго плана трудъ. Какъ признавался самъ Каразинъ, трудъ свой онъ составилъ, пиша прямо «на бѣло», чѣмъ и объясняется разбитость предметовъ обсужденія. Тутъ перемѣшаны политическія воззрѣнія автора [2]), и описаніе злобы дня, и совѣты мѣропріятій [3]) для избѣжанія опасныхъ осложненій для Россіи, и оправданія своихъ дѣйствій [4]). Вотъ о чемъ, собственно, писалъ государю Каразинъ; при томъ главной задачей записки, судя по ея содержанію, да и по причинѣ ея возникновенія—«указать обстоятельства подробнѣе», было нарисовать картину неустройства въ государственной жизни. Послѣднее наиболѣе интересно, какъ матеріалъ для знакомства съ тогдашнимъ положеніемъ вещей и какъ свидѣтельство прямоты и гражданскаго мужества Василія Назаровича.

Прежде всего записка вооружается противъ религіозныхъ гоненій, поднятыхъ тогда. «Не только всѣ состоянія народа— пишетъ Каразинъ--но всѣ вѣроисповѣданія какъ будто нарочно оскорбляются и раздражаются въ такомъ государствѣ, которое съ незапамятныхъ временъ было образцомъ терпимости, и отъ имени такого государя, которому по сердцу его, мудрости и политикѣ свойственно быть примѣромъ общаго человѣколюбія». Въ подтвержденіе сказаннаго Каразинъ приводитъ цѣлый рядъ фактовъ, вродѣ высылки Буссе за напечатаніе лютеранскаго гимна, назначенія католическаго епископа противъ правилъ и желаній католиковъ, оставленія католическихъ епархій безъ епископовъ, конфискаціи духовныхъ имуществъ, запрещенія евреямъ держать христіанскую прислугу, могущаго служить только для «привязокъ

---

[1]) 22 октября 1820 г. Евгеній писалъ Анастасевичу: „Жаль В. Н—ча! Ему лучше отрясти прахъ Петербургскій отъ ногъ своихъ и удалиться опять въ Украину, гдѣ онъ славнѣе, нежели въ столицѣ. Кочубей только проводитъ его по-министерски, и я вѣрю критическому его спросу у Греча о немъ. Въ столицахъ насмѣшки убійственны для дарованій и для чувствительнаго сердца; а въ провинціи можно ихъ презирать“. „Русск. Арх.“ 1889 г. т. II стр. 375.

[2]) Въ тетради первой, третьей, пятой, шестой и седьмой.

[3]) Въ тетради седьмой, третьей.

[4]) Третья тетрадь.

низшихъ чиновниковъ полиціи, которыхъ алчности подобный законъ можетъ каждый день давать пищу»,... (тетр. 1 и 2). Осудивъ религіозныя гоненія, записка возстаетъ и противъ покровительствовавшагося тогда мистицизма. Каразинъ категорически осуждаетъ «направленіе умовъ къ таинственности религіи вмѣсто простоты» и указываетъ на вредныя послѣдствія этого направленія [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вооружается противъ дѣятельности «Библейскаго общества», игравшаго тогда такую видную роль въ нашей общественной жизни. Онъ говоритъ: «легко доказать, что о сю пору уже могло быть напечатано болѣе книгъ св. писанія, нежели сколько есть грамотныхъ людей въ Россіи, которыхъ далеко не доходитъ до сотой доли народонаселенія. Съ остальными же экземплярами что дѣлать? Куда разойдутся, напр., 6000 экземпляровъ евангелія на нѣмецкомъ языкѣ и проч.»?.. Онъ возстаетъ противъ того чрезвычайнаго значенія, которое придавалось тогда распространенію библіи—въ чемъ видѣли спасеніе отъ всѣхъ бѣдъ. «Сіе чтеніе (библіи)—говоритъ Каразинъ—одно не умножаетъ добрыхъ нравовъ. Доказательствомъ тому наше духовенство, которое, по необходимости обращаясь съ библіей каждый день, есть одинъ изъ развращеннѣйшихъ классовъ народа... Ежели государь удостоитъ меня употребить къ составленію правдивой статистики имперіи, то, между прочимъ, сличивъ свѣдѣнія о числѣ преступниковъ до введенія сего подражанія англичанамъ, съ числомъ оныхъ послѣ (въ тоже число лѣтъ), надѣюсь доказать рѣшительно, что нравственность нисколько не поправилась сею мѣрою. Къ тому же въ это дѣло замѣшались корыстныя цѣли и злоупотребленія. Общество, или его комитетъ, имѣя о сю пору въ обращеніи капиталъ, который можетъ приносить вѣрныхъ процентовъ сто тысячъ рублей, если не болѣе, постоянно жалуется на недостатокъ средствъ... Однимъ изъ значительныхъ неудобствъ отъ учрежденія какъ сего библейскаго, такъ и человѣколюбиваго обществъ есть похищеніе капиталовъ изъ внутренности имперіи, которая и безъ того слишкомъ оными скудна въ сравненіи съ всепоглощающею столицею». Вмѣсто библіи Каразинъ рекомендуетъ распространить изданіе «Христіанскаго Нравоученія, книги превосходной, содержащей полный и простѣйшій курсъ морали для всѣхъ состояній и для всѣхъ случаевъ жизни, *словами самого священнаго писанія*»... Такая мѣра сильно содѣйствовала бы успокоенію народа, волнующагося при разныхъ слухахъ изъ Петербурга. Простые поселяне наши не знаютъ,

---

[1]) Вспомнимъ записку, поданную отдѣльно, для гр. Кочубея лично (16 апр. 1820 г.)

что думать, вслушиваясь, что въ Питерѣ (какъ они говорятъ) уставленъ какой-то соборъ, на которомъ старшимъ предсѣдателемъ *свѣтскій человѣкъ*, кн. Голицынъ, а на правой де и на лѣвой рукѣ отъ него засѣдаютъ и нашъ митрополитъ, и католицкой и всякіе нѣмецкіе архіереи и другіе чины. Этого де у насъ въ Руси и съ роду не бывало. «Вѣру де портятъ». «Чтеніе библіи не заставитъ (народъ) уважать спасительную и необходимую для него власть, коль скоро онъ однажды почтетъ себѣ позволительнымъ *подобныя* отступленія [1]). Далѣе Каразинъ указываетъ на «вредную систему, которую ввели иностранцы въ министерство финансовъ» и которая «ведетъ къ государственному банкротству, обогащая только спекулянтовъ»; на «вредное направленіе, которое взяло просвѣщеніе» (система Магницкаго и присныхъ ему); на «подрывъ привязанности къ начальству войска и народа, совершаемый разными путями» (это по поводу исторіи въ Семеновскомъ полку). Затѣмъ онъ подробно останавливается на злоупотребленіяхъ, царившихъ тогда въ морскомъ министерствѣ, рисуя яркую картину хищничества и запустѣнія. «Милліоны расхищаются безъ малѣйшей пользы для государства!»—восклицаетъ Каразинъ. Въ главномъ портѣ и докѣ—въ Кронштадтѣ—развалившіяся зданія и гніющіе корабли. Эскадра, на которую Петръ Великій возлагалъ такія надежды, «теперь, чтобы собраться, вынуждена заимствовать части оснащенія одного карабля для другого. За то матросовъ учатъ маршировать и тому подобнымъ штукамъ». Умѣлые матросы совсѣмъ выводятся; у офицеровъ нѣтъ охоты къ службѣ. Не въ лучшемъ видѣ, чѣмъ Кронштадскій, и другіе порты; «злодѣямъ, каковъ Кабрановъ, приходитъ на мысль адресоваться турецкому министерству съ предложеніями предать сіи порты»... «Коли Иванъ Ивановичъ еще лѣтъ пятокъ пробудетъ министромъ, то русскій флотъ совсѣмъ рухнетъ». Отношенія помѣщиковъ, даже людей вліятельныхъ и интеллигентныхъ, къ крестьянамъ самое ужасное: «многія тысячи народа, запроданныя какъ рабочій скотъ подрядчикамъ, вопіютъ къ небу и, вспоминая своихъ несчастныхъ женъ и дѣтей, оставленныхъ за семьсотъ и болѣе верстъ на скудныхъ нивахъ въ одиночествѣ, со слезами безславятъ имя государя». «Помѣщики витебской губерніи—графъ Борхъ, Платеръ, Шадурскій, Михельсонъ и Шишкинъ, могилевской—графъ Сологубъ, князь Любомирскій, Кроіеръ (картежникъ и любимецъ графа М.) отдаютъ своихъ крестьянъ подрядчикамъ на цѣлое лѣто... въ работѣ на дорогахъ въ здѣш-

[1]) Третья тетрадь. Оправданіе честности своихъ дѣйствій.

ней губерніи, получая по 110 руб. за человѣка; кормить ихъ должны подрядчики, чѣмъ заблагоразсудится, а покоить подъ открытымъ небомъ!») [1]). Указывая на подобныя безобразія, не стѣсняясь выдавать имена совершителей беззаконій, Каразинъ съ каждой запиской становился все смѣлѣе и смѣлѣе. Въ послѣднихъ запискахъ смѣлость эта достигаетъ невѣроятнѣйшей степени; такъ рѣдко кто осмѣлился бы дѣйствовать теперь, какъ «говорилъ правду» государю Каразинъ тогда.

Причиной, побудившей Каразина на отчаянный конецъ записокъ, была защита возмущенія солдатъ Семеновскаго полка въ ночь съ 16 на 17 октября, кончившаяся тѣмъ, что весь полкъ оказался въ Петропавловской крѣпости. «Въ донесеніи командовавшаго гвардейскимъ корпусомъ генералъ-адъютанта Васильчикова было сказано, что единственною причиною происшествія въ Семеновскомъ полку—командиръ его, полковникъ Шварцъ: нижніе чины были выведены изъ терпѣнія неблагоразумнымъ и неосторожнымъ поведеніемъ съ ними» [2]). Приказомъ отъ 2-го января 1820 г. полкъ былъ раскассированъ по разнымъ мѣстамъ Россіи, преимущественно на Кавказъ, гдѣ долженъ былъ погибнуть въ битвѣ съ горцами, офицера—по разнымъ полкамъ. Шварцъ былъ отданъ подъ судъ, но не за свою жестокость, а «за неумѣнье поведеніемъ своимъ удержать полкъ въ должномъ повиновеніи». Отношеніе къ семеновцамъ государя было весьма неблагосклонное, ибо онъ былъ вовсе не согласенъ съ мнѣніемъ Васильчикова. «Царь полагаетъ—писалъ съ его словъ Меттернихъ—что должна быть какая-нибудь причина для того, чтобы 3000 русскихъ солдатъ рѣшились на поступокъ, такъ мало согласующійся съ народнымъ характеромъ. Онъ доходитъ до того, что воображаетъ, что никто иной какъ радикалы устроили все это, чтобы *застращать* его и принудить возвратиться въ Петербургъ. То же самое писалъ государь и Аракчееву; въ возмущеніи онъ видѣлъ только средство напугать его и дѣйствіе либеральной партіи:... «никто на свѣтѣ меня не убѣдитъ чтобы сіе происшествіе было вымыслено солдатами или происходило единственно, какъ показываютъ, отъ жестокаго обращенія съ оными полковника Шварца. Онъ былъ всегда извѣстенъ за хорошаго и исправнаго офицера и командовалъ съ честью полкомъ. Отчего же вдругъ сдѣлаться ему варва-

---

[1]) Тетрадь 4-я подана 4 іюня 1820 г.

[2]) „Шильдеръ" „Императоръ Александръ I" т. IV стр. 184.

ромъ? По моему убѣжденію тутъ кроются другія причины. Внушеніе, кажется, было не военное, ибо военный умѣлъ бы заставить ихъ взяться за ружье, чего никто изъ нихъ не сдѣлалъ, даже тесака не взялъ... Я заключаю, что тутъ было внушеніе чуждое, но не военное... Я его приписываю тайнымъ обществамъ, которыя по доказательствамъ, которыя мы имѣемъ, въ сообщеніяхъ между собою и коимъ весьма непріятно наше соединеніе и работы—въ Троппау. Цѣль возмущенія, кажется, была испугать». Такъ относился государь къ Семеновской исторіи... Василій Назаровичъ садится и пишетъ оправданіе «бунтовщикамъ», говоря, что возмущенію нельзя придавать значенія; «оно не такъ страшно», что, напротивъ, въ немъ только высказывается «благороднѣйшій характеръ безподобнаго русскаго народа», что «сопротивленіе власти было только отрицательное, то есть одно то, которое христіанскій законъ дозволяетъ въ крайнихъ случаяхъ», ибо «съ прекраснымъ полкомъ было поступлено безъ снисхожденія». «Жалобы были приносимы неоднократно,—писалъ Вас. Наз. Наконецъ они рѣшились по-ротно просить объ удаленіи начальника. Никто изъ такого множества людей не имѣлъ при себѣ оружія, никто не произнесъ ни слова, которое могло бы имѣть значеніе угрозы. Первую роту обманомъ залучили и взяли въ крѣпость. Прочіе, даже и симъ не оскорбляясь, добровольно пошли за нею—въ однихъ шинеляхъ—желая раздѣлить наказаніе за общую вину. Какая черта среди безпорядка противъ дисциплины!.. О народъ единственный! Я становлюсь предъ тобою на колѣни; слезы наполняютъ глаза мои. Я горжусь тѣмъ, что къ тебѣ принадлежу [1])! Какъ могло подѣйствовать на государя, «въ конецъ запутаннаго гидрой безначалія», положившаго задачей жизни подавленіе всякаго сопротивленія власти, подобное оправданіе факта, говорить излишне. Мало того, послѣднія тетради Каразина, какъ мы говорили, дышали прямо вызывающе. Въ разрѣзъ направленію государя Каразинъ негодуетъ: «Боятся дать поводъ разсуждать о взаимныхъ отношеніяхъ правительства и народа. Полиція съ жезломъ въ рукахъ, цензуры—духовная и гражданская—съ затворами для словъ и мыслей поставлены на стражѣ... Едва вѣроятно, что у насъ по сей части происходитъ! Глубокимъ молчаніемъ даютъ поводъ разсѣевать самыя вздорныя, самыя вредныя начала; между тѣмъ какъ правительство противорѣчіемъ самому себѣ по временамъ показываетъ, какъ *будто не имѣетъ никакихъ»* [2]). Въ то время, какъ государь приписывалъ дѣйствіямъ

---

[1]) „Русск. Стар." 1871 г. т. III стр. 16—17.
[2]) „Русск. Стар." 1771 г. т. III стр. 30.

тайныхъ обществъ стремленіе «застращать», «напугать его и тѣмъ отвлечь его отъ работы за границей въ Троппау, Каразинъ прямо заявляетъ, что скоро въ Россіи начнутся движенія, если только не будетъ приступлено къ внутреннимъ реформамъ: «благородное наше юношество и народъ, который также уже выходитъ изъ дѣтскаго возраста, стоятъ въ настоящее время въ самомъ опасномъ распутіи. Одно мгновенье—и они пойдутъ на тотъ или другой путь невозвратно!.. *Не самовластныя мѣры, не подслащенныя слова, не тонкости французской полиціи* тутъ потребны—все это даетъ совсѣмъ противный оборотъ дѣлу!—но честность, строгая честность (loyalité), систематическій планъ, основанный на началахъ христіанскаго монархическаго направленія»!.. «Не всѣмъ вѣрьте поклонамъ и рѣчамъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ государю, которыми васъ встрѣчаютъ губернаторы, которые, можетъ быть, говорятъ: «все еще благополучно, все еще по прежнему!» Великая перемѣна произошла и переходитъ въ умахъ. Множество причинъ на сіе дѣйствуетъ, и день онъ яко тать пріидетъ! Правительство само способствуетъ тому всеусильно»... Высказывая подобныя отчаянныя мысли, Каразинъ самъ предсказалъ ожидающія его за нихъ несчастья. «Моя участь должна быть или ссылка за Байкалъ, *пока еще ссылать можно*,—не могъ не погрозить опять онъ,—или смерть съ оружіемъ въ рукахъ при защищеніи послѣдняго входа къ комнатамъ государевымъ» [1]). Но въ искренность и преданность Вас. Н—ча государь давно уже не вѣрилъ; въ томъ поддерживали его и окружающіе. Каразинъ,—писалъ имп. Александру Васильчиковъ,—самый опасный человѣкъ: онъ уменъ и подъ личиной безграничной преданности къ особѣ вашего императорскаго величества можетъ служить нашимъ врагомъ болѣе, чѣмъ другіе» [2]). Опасенія Каразина за свою судьбу сбылись. Въ довершеніе записки его, новый случай, доказывая справедливость заявленія, какъ бы помогалъ несчастію Василія Назаровича.

Одновременно съ Семеновской исторіей подкинуто было на дворѣ Преображенскихъ казармъ воззваніе отъ Семеновскаго полка къ Преображенскому, призывавшее преображенцевъ встать на защиту товарищей, убить государя и проч. [3]). Прокламація оканчи-

---

1) „Русск. Стар." 1871 г, т. III стр. 19.
2) Письмо отъ 26 ноября 1820 г. «Русскій Архивъ» 1875 г. т. II, стр. 326—327.
3) См. письмо Кочубея къ Дибичу отъ 16 іюля 1826 г. Шильдеръ Императоръ Алекс. I, т. VI, прилож. 10.

валась словами: «спѣшите слѣдовать сему плану, и я къ вамъ явлюсь по зачатіи сихъ дѣйствій. Любитель отечества и сострадатель несчастныхъ. Единоземецъ» [1]). Прокламація страшно встревожила всѣхъ правящихъ лицъ. Бросились разыскивать виновнаго. Оказалось, что онъ безпрепятственно ходилъ по казармамъ и читалъ свое воззваніе. Агентъ тайной полиціи Фогель [2]), сличивъ почеркъ подброшенной бумаги и Каразинскій, заподозрилъ Вас. Наз—ча. Оригинальный способъ выраженія Каразина, бросившійся, можетъ быть, въ глаза тѣмъ сильнѣе, что въ то же время была имъ подана Кочубею записка, обратилъ на него вниманіе. Отъ государя, освѣдомленнаго о происшествіи, прискакалъ 25 ноября курьеръ въ Петербургъ съ инструкціей Кочубею относительно Каразина. Кочубей прочелъ инструкцію и, какъ заявилъ въ письмѣ къ государю, «не нашелъ никакого мотива, который могъ бы отдалить его (Каразина) «арестъ». 26 ноября Васильчиковъ доносилъ государю, что «за Каразинымъ слѣдитъ полиція» [3]). Того же числа Каразина арестовали. Арестъ этотъ былъ обставленъ большими предосторожностями. «Я—писалъ Кочубей къ государю 26 ноября,—сговорился съ военнымъ губернаторомъ. Боясь не застать Каразина на квартирѣ въ теченіе дня, потому что его довольно часто не бываетъ дома, и такимъ образомъ доставить ему средства принять прямыя или косвенныя мѣры для того, чтобы удалить на сторону или даже уничтожить свои бумаги, мы согласились съ гр. Милорадовичемъ на томъ, что сегодня вечеромъ, между 4 и 5 часами, онъ будетъ приглашенъ къ нему, арестованъ и тотчасъ же отправленъ въ Шлиссельбургъ, между тѣмъ какъ въ это же время генералъ Горголій съ полицейскимъ чиновникомъ захватятъ его бумаги, приложатъ къ нимъ печати и доставятъ ихъ ко мнѣ. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, я не только не обращусь къ лицу, которое ваше величество мнѣ указали въ качествѣ сторонняго свидѣтеля при разсмотрѣніи

---

1) Чириковъ цитируетъ изъ письма къ государю кн. NN (не разобрано): «Воззваніе, подоброшенное въ казармы Семеновскаго полка было написано на очень толстой бумагѣ вродѣ пергамента славянскимъ шрифтомъ. Содержаніе бумаги заключалось въ призваніи убить государя и все въ государствѣ передѣлать заново. По собраннымъ губернаторомъ свѣдѣніямъ узналъ, что человѣкъ, подбросившій бумаги, высокаго роста съ черными волосами, одѣтъ въ венгерку. Проповѣдывалъ свое воззваніе очень открыто; но несмотря на всѣ усилія полиція найти его не могла» (Историч. Арх. Харьк. ун-та).

2) «Русск. Авх». 1875 г., т. II, 327—329.

3) «Русск. Арх.» 1875 г. т. II, стр. 326.

этихъ бумагъ, но и постараюсь, несмотря на необходимость и слишкомъ большую массу бумагъ, не допускать къ этому никого изъ чиновниковъ. Я предложу графу Милорадовичу вскрыть пакеты вмѣстѣ со мною и сообща сдѣлать обозрѣніе ихъ содержимаго. Надѣюсь, государь, прежде чѣмъ запечатать это письмо, донести вамъ, что Каразина болѣе здѣсь нѣтъ. Не могло существовать никакого препятствія къ его отсылкѣ въ Шлиссельбургъ, и я надѣюсь, какъ и ваше величество, что для него тамъ болѣе подходящее мѣсто, чѣмъ въ равелинѣ Петербургской крѣпости» [1]). Въ шесть часовъ вечера того же дня Кочубей приписалъ къ своему письму: «Сейчасъ я получилъ извѣстіе, что Каразина уже нѣтъ въ городѣ. Офицеръ, который его сопровождалъ до заставы, явился ко мнѣ дать въ томъ отчетъ; теперь приступаютъ къ овладѣнію его бумагами [2]). Изъ описи бумагъ Каразина [3]) видно; что въ числѣ найденныхъ проектовъ былъ проектъ объ основаніи «общества добрыхъ помѣщиковъ, друзей отчизны», затѣмъ «записка въ разсужденіи общественнаго просвѣщенія», записка о злоупотребленіяхъ въ продажѣ питей, записка, или, какъ она названа въ оффиціальной бумагѣ, «мечтанія» о какомъ то новомъ образѣ провинціальнаго правленія; рядомъ съ этими «мечтаніями» шла «записка о необходимости монархическаго правленія» и письмо неизвѣстнаго о винныхъ промыслахъ въ Бѣлоруссіи»... «Изъ того же списка бумагъ Каразина мы видимъ, что онъ писалъ какое то письмо къ самому государю для Пукалова, какъ извѣстно, имѣвшаго сильное вліяніе на всемогущаго уже въ то время графа Алексѣя Андреевича Аракчеева; съ княземъ Вяземскимъ и графомъ Шуваловымъ Каразинъ состоялъ въ перепискѣ; у петербургскаго военнаго губернатора Милорадовича бывалъ въ домѣ»... Нашлись у Каразина «*записки весьма важныя*», но каково было ихъ содержаніе—не знаемъ, ибо реестра имъ въ свое время сдѣлано не было [4]). Между прочимъ любопытенъ документъ, характеризующій возбужденное состояніе Каразина послѣ семеновской исторіи. Въ одномъ изъ петербургскихъ домовъ Каразину дали на прочтеніе стихи такого содержанія:

---

[1]) Д. П. Миллеръ «Арестъ и ссылка В. Н. Каразина. «Историч. Вѣстн.» апр. 1900 г., стр. 1050—1051.

[2]) «Шильдеръ». «Александръ I», т. VI, прилож. IX. 3.

[3]) Хранящейся въ дѣлахъ военно-ученаго архива главнаго штаба (Ист. Вѣстн. 1900, апр., стр 1048).

[4]) Д. П. Миллеръ «Арестъ и ссылка В. Н. Каразина». «Истор. Вѣстн.» 1900 г. апр., стр. 1048—1049.

«Ну, ребята, чуръ дружнѣе
За товарищей стоять:
Съ злымъ начальствомъ жить тошнѣе,
Отъ него чѣмъ почивать.
Полно, полно! ужъ доколѣ
Намъ на сихъ тварей смотрѣть?
Лучше быть солдатомъ въ полѣ,
Чѣмъ ихъ глупости терпѣть.
Намъ къ терпѣнью-ль пріучаться
Стужу, голодъ преносить?
Но съ друзьями лишь разстаться...
Ахъ, что жъ дѣлать: какъ же быть?» [1]).

Попались эти стихи Каразину нѣсколько дней спустя послѣ 17 октября, а авторомъ ихъ, какъ ему сказали, былъ какой-то полковникъ. Каразинъ тотчасъ же препроводилъ бумагу къ Кочубею съ слѣдующимъ письмомъ: «Испытайте, сіятельнѣйшій графъ! нарочно помолчать о сей бумагѣ, не давая о ней приказанія чиновнику особенной вашей канцеляріи, чтобы увидѣть, сколь скоро будетъ донесено о ней оффиціально, и удостовѣриться, что правительство позже всѣхъ обыкновенно извѣщается о подобныхъ вещахъ». Бумажка, которой придалъ такое важное значеніе Каразинъ, оказалась вздоромъ. По разслѣдованію, произведенному Кочубеемъ, оказалось, что возмутительные стихи шли совсѣмъ не оттуда, откуда ихъ предполагали; въ академіи художествъ былъ «une espèce d'insurrection d'écoliers», вызванный излишней экономіей начальства въ отношеніи ученическаго стола: нѣсколькихъ учениковъ исключили, и вотъ кто-то изъ оставшихся или исключенныхъ безграмотными стихами побуждалъ будущихъ художниковъ «дружнѣе за товарищей стоять», хотя бы съ рискомъ попасть подъ красную шапку [2]). Подозрѣніе виновности

[1]) Д. П. Миллеръ «Арестъ и ссылка В. Н. Каразина». Историч. Вѣстн.» апр. стр. 1090—1049.

[1]) Д. И. Миллеръ «Арестъ и ссылка В. Н. Каразина», «Истор. Вѣстн.» апр. 1900 г., стр. 1850. Д. П. Миллеръ, опубликовывая послѣднее свѣдѣніе, указываетъ на то, что Каразинъ «придаетъ важное значеніе пустой и безграмотной бумажкѣ», объясняя этотъ фактъ тѣмъ, что Вас. Наз. къ этому времени значительно измѣнился, что «на основателѣ Харьковскаго университета успѣлъ уже въ достаточной мѣрѣ отразиться и 50-тилѣтній возрастъ, и общій духъ времени». Мы въ свою очередь не раздѣляемъ подобнаго взгляда на «перемѣну» Каразина настолько, чтобы «духъ времени» оказалъ на него замѣтное вліяніе. Судя по запискѣ 1820 г. и 1801 г. къ государю, политическіе

Каразина въ семеновской исторіи, по изслѣдованіи его бумагъ, не подтвердилось. Кочубей, производившій дознаніе и приказавшій арестовать Каразина, почти навѣрное можно сказать, не считалъ его авторомъ прокламаціи. Въ томъ же письмѣ государю Кочубей, говоря, что открытіе автора пасквиля предметъ величайшей важности, продолжаетъ: «Всѣ средства были для того употреблены, но безполезно»...: «Ваше Величество легко убѣдитесь, что розыски по столь важному дѣлу могли вестись только съ величайшей осторожностью. Нужно было хранить тайну относительно существованія такого документа. Малѣйшая гласность возбудила бы общее безпокойство, а авторамъ дала бы поводъ радоваться, что документъ въ рукахъ правительства, и надѣяться, что оно увлечется ложными мѣрами, въ то время какъ его ролью должно быть видимое безстрастіе, малѣйшій слухъ объ этой бумагѣ заставилъ бы работать головы полицейскихъ чиновниковъ, которые въ надеждѣ на награду могли бы поднять цѣлыя исторіи и отдалить истину отъ правительства. Руководясь этими соображеніями, я просилъ военнаго губернатора спрятать эту бумажку какъ можно дальше и никому о ней ни слова. Такъ и сдѣлали, а полицейскимъ чиновникамъ сказали только о толкахъ, будто бы ходитъ въ публикѣ какая то бумажка и т. д., и этого одного было достаточно, чтобы дать толчокъ изобрѣтательности нѣкоего флейтиста и полкового писаря. Я не предвижу, государь, никакой возможности, исключая какого-нибудь счастливаго случая, открыть что-нибудь болѣе точное относительно этого пасквиля. Что бы я не далъ или не сдѣлалъ, чтобы этого добиться!» [1]) Государь тоже не былъ увѣренъ въ виновности Каразина; изъ донесенія Кочубея барону Дибичу 16-го іюля 1826 г. видно, что «государь императоръ сомнѣвался по многимъ другимъ бумагамъ Каразина, что пасквиль, дѣйствительно, могъ быть имъ написанъ» [2]).

идеалы и стремленія остались у Каразина въ существенныхъ чертахъ одинаковы, а то, что онъ былъ взволнованъ стихами, не можемъ считать удивительнымъ, если сообразоваться съ безпокойнымъ настроеніемъ всего общества, по поводу солдатскихъ волненій, которое приписало даже и стихи *полковнику*, и поразительнымъ сходствомъ мысли стиховъ съ совершавшимися событіями.

[1]) Ист. Вѣстн. 1900 г. апр., стр. 1051—1052.

[2]) Шильдеръ. «Импер. Алекс. I», т. IV. стр. 545. Также говоритъ Магницкій «Русск. Стар.» 1899 г. XCVII, стр. 295.

Что касается самого В. Н. Каразина, то онъ, повидимому, не ожидалъ ареста, не смотря на то, что говорилъ въ 7-ой тетради записки Кочубею о горькой своей участи въ Сибири. Изъ писемъ митр. Евгенія видимъ, что въ ноябрѣ Василій Назаровичъ собирался пріѣхать въ гости къ нему въ Псковъ [1]). Въ примѣчаніи къ изданному въ 1829 г. VI тому Актовъ филотехническаго общества В. Н. Каразинъ упоминаетъ, что «рукопись этихъ актовъ (первыя 21 стр.) была назначена для публичнаго чтенія *въ тотъ самый день,* столько достопамятный въ моей жизни», Примѣчаніе подъ датой: 26-го ноября 1820 года.

Тѣмъ не менѣе дѣло о Каразинѣ шло своимъ порядкомъ. Его привезли въ Шлиссельбургъ, допросили и заперли въ крѣпость. Все было сдѣлано въ строжайшей тайнѣ; даже близкіе къ Каразину лица ничего не знали точнаго о постигшемъ его несчастіи и причинѣ того [2]).

---

[1]) Какъ обрадовали вы меня обѣщаніемъ посѣтить меня съ В. Н. зимою!—писалъ митрополитъ Евгеній Анастасевичу 6 сент. 1820 г. Братъ родной вамъ не былъ бы такъ радъ. Теперь пусть пока В. Н. насыщается богатою—и не диво—библіотекою императрицы и загороднымъ воздухомъ»; и въ письмѣ отъ 5 ноября: „Буду ждать васъ на святки. Есть ли В. Н. съ вами не поспѣетъ, то я вамъ заплачу и всѣ прогоны. Рус. Арх. 1889 г. т. 2, стр. 367 и 377.

[2]) Такъ Карамзинъ писалъ Милорадовичу 28 ноября 1820 года: „Вчера сказывали мнѣ, что В. Н. Каразинъ задержанъ, и бумаги его взяты полиціею, а причина неизвѣстна. Жалкій человѣкъ! не могъ жить спокойно, и все чего-то добивалси. У него жена и много дѣтей. Это грустно. Думаю, что вина его состоитъ изъ какой-нибудь дерзости: не написалъ ли опять письма безразсудочнаго»... Евгеній писалъ Анастасевичу 6 дек. 1820 г.: «Вѣсть ваша о В. Н. меня крайне удивила. Но ему давно сего ждать нужно надлежало за энтузіастическія, даже до фанатизма, декламаціи политическія. Политикоманія есть также родъ помѣшательства, и «Екатерина II въ завѣщаніи своемъ, совѣтуя одобрять всѣ дарованія, не совѣтуетъ терпѣть политическихъ писателей, больше возмущающихъ, нежели вразумляющихъ народы. Въ бумагахъ его найдутъ, можетъ быть, многихъ, подобныхъ ему»... «Не перехвачены-ли его письма въ Украйну или куда въ др. мѣста? А за статью о смертности мало бы привязки. Впрочемъ, думаю, все кончится продержаніемъ нѣсколькихъ недѣль и высылкою изъ столицы. Этотъ примѣръ учитъ всѣхъ остерегаться въ политическихъ умствованіяхъ. На что мѣшаться въ дѣла, намъ не порученныя. Поле наукъ такъ велико, что и безъ политики можно всякому найти себѣ мѣсто. А нынѣ со всѣхъ сторонъ времена лукавы. Когда пріѣдете ко мнѣ на святки, то наговоримся больше. Правду сказать, я и не надѣялся пріѣзду В. Н. (Русск. Арх. 1889 г. т. II, стр. 385—386). И въ письмѣ отъ 17 дек. 1820 г.:

Заключеніе Каразина продолжалось *шесть мѣсяцевъ*. Въ продолженіе этого времени даже не знали о мѣстѣ его заключеченія [1]). «23 апр. 1821 г. въ первый разъ впустили ко мнѣ струю свѣжаго воздуха, и я писалъ оскорбительный допросъ въ полдень при свѣчахъ, ибо такъ свѣтло было мое жилище!»—писалъ Вас. Наз. о своемъ освобожденіи князю П. М. Волконскому [2]). Черезъ нѣкоторое время Каразинъ съ фельдъегеремъ Марковичемъ былъ отправленъ въ Харьковъ, куда и прибылъ 2-го іюня [3]). Слободско-украинскій губернаторъ Муратовъ доносилъ о томъ такъ [4]): «Высочайше ввѣренной управленію моему Слободско-украинско губерніи Богодуховскаго уѣзда, помѣщикъ статскій совѣтникъ Вайсилій Каразинъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1821 г. по высочайшему повелѣнію доставленъ ко мнѣ изъ Шлиссельбурга съ нарочным-фельдъегеремъ съ опредѣленіемъ ему непремѣннаго пребыванія въ помѣстьѣ его Богодуховскаго уѣзда въ селѣ Кручикѣ и съ поя рученіемъ мнѣ имѣть неослабное наблюденіе, чтобы онъ никуд-не уѣзжалъ, обращая вниманіе и на людей, съ коими онъ буадетъ имѣть сношеніе, и чѣмъ самъ будетъ заниматься. Высочайшее повелѣніе о семъ сообщено мнѣ было отъ начальника главнаго штаба Его императорскаго величества, князя Петра Михаиловича Волконскаго и потомъ повторено отъ генералъ-отъ-артиллеріи графа А. А. Аркачеева съ объявленіемъ высочайшей воли, чтобы я доносилъ обо всемъ, заслуживающемъ вниманія въ отношеніи поступковъ и дѣяній его». О состояніи В. Н—ча въ это время свидѣтельствуетъ два письма на имя упомянутаго князя

„Жаль В. Н.! Но и это утѣшно, что его бумаги у кн. (т. е. у кн. А. Н. Голицына), а не у другого кого позлѣе. Можетъ быть все кончится побранкою и высылкою. Впредь не будетъ пускаться въ мечты (Тамъ же стр. 387).

[1]) 20 декабря Карамзинъ писалъ тому же Малиновскому: „О Каразинѣ извѣстно то, что онъ скрылся отъ глазъ людей: не сидитъ-ли онъ въ Шлиссельбургѣ? Говорятъ за дерзкое письмо. Ему запрещено было писать: не послушался. Жалки жена и дѣти. Надѣюсь, что добрый государь умилосердится надъ безразсуднымъ"; и 10 марта: „О К-нѣ ничего не слышно. Даже не говорятъ о немъ. (Ник Мих. Карамзинъ, по его сочиненіямъ, письмамъ и отзывамъ современниковъ М. Погодинъ т. II. Москва 1866). Въ письмѣ къ Дмитріеву Каразинъ названъ *каррикатурой* вслѣдствіе шутки Дмитріева (Письма Карамзина къ Дмитріеву изд. Гротомъ и Пекарскимъ, стр. 302 и прим. 264).

[2]) 2-го іюня 1821 г. „Историч. Вѣст." апр. 1900 г. стр. 1053.

[3]) Тамъ же стр. 1052.

[4]) 1-го марта 1826 „Русск. Стар." 1900 г, іюль 153.

П. М. Волконскаго, который, надо заключить, сочувственно относился къ освобожденному, написанныя тогда же 2-го іюня: «Свѣтлѣйшій князь!.. Пользуясь симъ случаемъ, вѣроятно, первымъ и послѣднимъ, хотя едва-едва въ рукахъ перо держать могу, чтобы увѣрить вашу свѣтлость въ томъ, что сохраню по гробъ чувствованія къ вамъ душевнаго глубокаго почтенія и преданности, которыя ваши достоинства въ меня вселили. Простите и порадѣйте обо мнѣ когда-нибудь». Другое письмо, писанное, какъ видно изъ помѣтки, въ 10 часовъ вечера того же дня, гораздо пространнѣе»: «Сіятельнѣйшій князь! Послѣ шестимѣсячнаго заключенія въ ужасномъ мѣстѣ и тяжкаго пути на почтовыхъ телѣгахъ, который не отвѣтствовалъ ни лѣтамъ моимъ, ни привычкѣ, я едва живой довезенъ до Харькова и первыя минуты употребляю на то, чтобы принести вашему сіятельству глубочайшую сердечную благодарность за содѣйствіе къ облегченію моей участи Въ чемъ оная будетъ теперь состоять,— я еще не знаю. Все мое существо раздавлено и раздроблено. Имѣлъ я добрую жену и семерыхъ дѣтей,—не знаю, гдѣ они и когда съ ними увижусь. Имѣлъ доброе имя, лишили его невозвратно. Имѣлъ маленькое состояніе,—оно, вѣроятно, должно исчезнуть, ибо мои кредиторы, пользуясь моимъ униженіемъ, заставятъ продать его за безцѣнокъ. Я думаю, что въ несчастные эти шесть мѣсяцевъ заемныя письма и закладныя предъявлены, и мнѣ не дадутъ никакой пощады. Сжальтесь надъ бѣднымъ моимъ имуществомъ, добродушнѣйшій князь! Исходатайствуйте мнѣ у монарха позволенія написать послѣднее письмо въ собственныя руки его императорскаго величества. Я не ропщу на жребій мой, точно такъ, какъ не роптадъ, дышавъ гнилыми парами каземата до 23 апрѣля»... «Не ропщу, сіятельнѣйшій князь, но благословляю и лобзаю руку, поразившую меня. Со всѣмъ тѣмъ я имѣю нужду успокоить мою совѣсть, не бывши увѣренъ въ дольшемъ продолженіи моей жизни. Я почитаю себя обязаннымъ предъ Богомъ и государемъ представить мой поступокъ съ истинной точки зрѣнія, дабы испросить не себѣ, но несчастному моему семейству, нѣкоторую пощаду, нѣкоторую помощь. P. S. Простите безобразію сего письма: оно отвѣчаетъ моему душевному и тѣлесному состоянію [1]).

4-го іюня, какъ явствуетъ изъ рапорта Муратова, съ тѣмъ же Марковичемъ отправленнаго въ Петербургъ, Каразинъ былъ уже

---

[1]) Д. П. Миллеръ „Арестъ и ссылка В. Н. Каразина“ „Историч. Вѣст.“ апр. 1900 г. стр. 1052—1053.

доставленъ съ полицейскимъ чиновникомъ въ свой Кручикъ [1]). Муратову было приказано строго слѣдить за перепиской Каразина, которая допускалась только черезъ посредство губернатора, а нѣсколько времени спустя Каразину было воспрещено издавать въ свѣтъ всякое литературное произведеніе.

Н. Тихій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

1) „Историч. Вѣстн.“ апр. 1900 г. стр. 1053. (Свѣдѣнія изъ военно-уч. арх).

2) „Русск. Стар.“, іюль 1900 стр. 153.

НІОБА.

(Новеля).

1) Братія!
Хочъ бы я говорывъ всима людськымы и янгольськымы мовамы, та не мавъ бы любовы, то бувъ бы я мидію що звеныть, або кымваломъ що бренчыть.

2) И хочъ бы я мавъ пророцтва даръ, и знавъ бы вси таемныци, и тямывъ вси знаття, и якъ бы мавъ всю ту виру, що навить горы переставовляе, та немавъ бы любовы, то бувъ бы ничымъ.

3) И хочъ бы роздавъ я вси свои маетки и хочъ бы тило свое виддавъ спалыты, а любовы немавъ бы, то не булобъ мени корысти ніякои.

4) Любовъ довго терпыть, мылосердя мае, любовъ не заздрыть, любовъ не пышается, не гордуе.

5) Не осоромлюе, не допомынается свого, не роздражнюется, не мыслыть зла.

6) Не радіе зъ неправды, а радіе зъ правды.

7) Вона все любыть, всёму виры діймае, на все вповае, все терпыть.

8) Любовъ николы не впадае, хочъ бы и пророцтва пересталы, хочъ бы

и мовы замовклы, хочъ бы и знаття затратылыся.

9) Бо мы тильки частково знаемо и частково пророкуемо.

10) Покы я бувъ дытыною, то говорывъ якъ дытына и думавъ якъ дытына, и миркувавъ якъ дытына; якъ ставъ дорослымъ,— видкынувъ дытяче.

11) А якъ прыйде довершене, тоди все часткове непотрибне буде.

12) Адже мы теперъ бачымо немовъ ворожачи насвидачи, тоди-жъ— око въ око; теперъ я розумію частково, а тоди пизнаю все такъ, якъ и мене самого пизнано було.

13) Теперъ же зостаются вира, надія, любовъ, тры ихъ, але найбильша зъ ныхъ—любовъ.

(Лыстъ апостола Іоана до Корынтейцивъ, глава 13).

ГЛАВА І.

Пани Анна Яновычъ, симдесятьсимлитня вдова по уніятскимъ пароху, въ цилій околыци загально шанованимъ, не пережыла ще а-ни однои недили правдыво святочно, видколы перейихала зъ села до свого сына въ мисто.

И ныни, хотя й зновъ недиля, день вже для неи попсованый, безъ настрою до мольбы, и нею заволодило якесь чудне несупокійне почування. Вона не молылася, хочъ уже йшло до полудневои поры, и вона зранку шептала молытвы; доси все вона неначе боролася зъ рижнымы думкамы и спогадамы. Що ій тутъ не ставало и видбырало звычайнои ривновагы—бувъ бракъ сельского супокою и малыхъ дрибныхъ дзвонивъ сельскои церковци, до котрыхъ була звыкла зверхъ пятьдесять рокивъ. Хочъ и якъ на самоти и въ злыдняхъ прожывала вона тамъ свои дни зъ своимъ молодшымъ сыномъ пьяныцею... безъ чоловика, и прочыхъ своихъ дитей,—то все-жъ такы, колы настала недиля, або

свято, вона це тамъ скорше знала и инакше себе почувала. Тогди и могла намолытыся до воли, передъ полуднемъ и по обиди, за всихъ своихъ помершыхъ и жывыхъ дитей, котрыхъ разомъ було у неи багато, стилько, якъ чысло св. апостоливъ, и котрыхъ всихъ любыла однаково, гордылася и любувалася ными, а иноди бувала за ныхъ така сыльна и видважна, що, здавалося, була-бъ и зъ самою судьбою ставала до борбы, щобъ имъ лыше добра здобуты. Лыше колы невыдыме горе, а то невмолыма смерть ставала за ихъ плечыма, вона не могла ничого вдіяты и хылыла покирно голову, пересвидчывшись, що тутъ буде всяке іи старання безнадійне, и скинчытся тымъ, передъ чымъ вона якъ разъ потерпала.

Сёгодня була роздражнена и безъ настрою, сылкувалася спійматы спомежы голосивъ дзвонивъ дзвинъ церквы, до котрои належала вона, однакъ дарма. Межъ дзвоны, що утрымовала за «свои», тыснулыся до іи слуху и дзвоны церквы православнои, тамъ зновъ протестантскои, тамъ зновъ католыцького костела, и наклыкувалы на неи почуття, неначебъ щось непрошене тыснулося въ іи душу и выпывало супокій, котрого вона потребувала. Мижъ тымъ якъ дзвоны подражнювалы іи душу, згадала вона своихъ дитей.

«Вси воны»,—перетягнулося болизно тремтячи кризь іи душу—«вси дванадцятеро»...

Вона мымоволи похылыла голову ныզько на груды, и почала молытыся. Тыхенько и зъ невыразнымъ бажанням въ серци, що то помырыть щось важке, гризне, непомыриме, що вже видъ довгыхъ литъ тяжыло на ній, а теперъ въ отцимъ домй іи сына, що мавъ за жинку *жыдивку* и слипого сына, все прыгноблювало іи,—скилько не повторялабъ вона соби, що въ *тимъ* несчастю не поносывъ вже нихто такъ выну, якъ сама одна якась непрыязна зловищня сыла... «Вси дванадцятеро»—перeплыла думка, якъ терне болюча, кризь іи сумну душу—«вси дванадцятеро»; а звукы дзвонивъ неначебъ насувалы на неи слова «кара Господня... кара Господня».

Але вона знала вже давно, що це не була ніяка «кара Господня», лышь гра доли, яка на ній видбылась. Іи чоловикъ, побожный, здатный и чесный, котрого парафіяне мало не пивъ сотки рокивъ на рукахъ носылы,—винъ и вона зналы въ жыттю лышъ *одну* церковъ, *одну* дорогу, одну циль... зналы «такъ», або «не такъ», и такъ прожывалы, докы Господь позволывъ. Але вже іи диты, іи прекрасни, талановыти диты, котри становылы колысь іи гордисть и втиху, поряду вси дванадцятеро—особлыво жъ старши—вже воны...

Добродійка Анна прыжмурыла очи, сперла втомлено голову о высоке поруччa софы, неначе видтягалась видъ чогось немылого, и перестала думаты... Годи було ныни... Годи було и молытыся, пры звукахъ тои мишаныны дзвонивъ, годи! Вона вже була викова и безъ энергіи, не посидала бильше тои видпорнои сылы давнихъ литъ, яка уможлывляла іи перебуваты все гирке и болюче, жыттямъ наказуване. Теперъ потребувала лышъ супокою, того самого супокою, що іи мужъ и вси ти диты, що розлучылыся зъ нею, одно по другимъ, спочывшы вичнымъ супокоемъ.

Покынула насылу свого молодшого сына, несчасного пьяныцю Андрушу, перейихала до старшого, одруженого зъ жыдивкою, Есыпа. И не за-для себе и того кусныка хлиба, що вымывлювавъ іи тутъ... ни, а за-для несчаснои, свитла позбавленои ёго дытыны, котрій бракувала постоянна щыра жиноча опика, бо маты (хоть и жылося всимъ въ достаткахъ) не мала ни терплывости, ни часу жертвуватыся несчасному сынови, якъ це ёго страшне калицтво вымагало.

Насылу прывизъ сынъ бабуню до двадцятлитнёго внука, насылу, бо вже само пожыття Ёсыпове зъ жинкою прычынылося до того, що вона, видъ часу якъ винъ заявывъ родычамъ, що визьме дивчыну жыдивку за жинку, не могла полюбыты, ба навить и пошануваты ту свою невистку. Доси, цебъ-то за цилый часъ що перебувала тутъ коло двадцятлитнёго внука, не мала ще жаднои прыкрои стричи зъ жыдивкою, котрои не абы якъ боялася.

Але була цилкомъ видокремлена, и лышъ десь колысь стричалася зъ невисткою. Тоди звычайно переходыла та повзъ стареньку маты мужа въ шовкахъ, бурхлыво, або якъ семыголова змія, въ постати ще гарнои жинкы, пробурмотивши пивъ-голосомъ «добрый день», або яке инше слово ввичлывости, и гнала дали за своимы справамы.

И хоча той іи сынъ бувъ зъ жыдивкою невымовно несчаслывый, але теперъ було годи станъ ричей зминыты. Всежъ такы вона була маты ёго дытыны, любыла іи въ свій способъ, якъ сынъ и іи любывъ, и хочъ вона горе тои дытыны видчувала не такъ глыбоко, якъ батько, то все-таки само те горе вьязало и держало ихъ всихъ пры купи. Це було *теперъ* такъ—але двадцять рокивъ тому назадъ ричь малася инакше, и тоди Ёсыпъ самъ хотивъ свого несчастя.

Винъ, Ёсыпъ, бувъ у ныхъ зъ ряду другый сынъ (найстаршый померъ) и бувъ при війску одынъ зъ найздатнійшыхъ поручыкивъ своёго регименту—люблeный и почытуваный товарышамы и старшымы, а въ товарыстви боготвореный, мовъ найкраща молода дивчына.

Въ якій тяжкій годыни завивъ знакомство зъ молодою прегарною жыдивською дивчыною, не моглы воны въ себе дома, на сели, пры тяжкій праци и турботахъ зъ газдивствомъ и молодшымы дитьмы, дизнатыся. Лыше стилько дизналыся, що зносыны мижъ нымы пійшлы такъ далеко, що іи, дивчины, родына, маюча и зарозумила на свій маетокъ, грозыла,—що наколы винъ зъ дивчыною не оженытся, то винъ за ту «офицерську забавку» поплатыть своимъ становыськомъ. Одначе, позаякъ Ёсыпъ дивчыну дійсно щыро любывъ и зрадыты й покынуты не гадавъ,—на що и не позволялы ёму ни ёго чесна вдача, ни сумлиння,—то, не надумуючысь въ своій молодій запальчывосты довго, выступывъ зъ війска и завивъ безъ шуму и гуку зъ дивчыною цивильный шлюбъ, поставывшы тымъ (якъ самъ казавъ) «попивсько-жыдивській родынній драми» кинець.

О выхрещенню жыдивськои донькы не хтилы ни родычи, ни сама молода знаты, и такъ выйшло, що хочъ-не-хочъ дистала

далеко и шыроко знана родына Яхновычивъ жыдивську невистку. Въ тодишнихъ часахъ бувъ це выпадокъ въ попивськыхъ родынахъ нечуваный, и несчасни родычи молодого мужа терпилы пидъ тымъ вчынкомъ сына мало не до роспукы. Одначе булы проты молодои сылы сына цилковыто безсыльни: Ёсыпъ бувъ зъ вдачи упертый, прудкый, до того повнолитній и родычамы своеи «Рутъ» пидбурюваный,—отже вси прозьбы родычивъ, яки умолялы ёго залышыты свое несчасне ришення, оставалыся безъ послуху и наслидкивъ.

ГЛАВА II.

Тяжка и незабутна була це хвылына, колы до ныхъ наспила вистка, що ихъ сынъ вже одружывся и небавомъ обійме якусь цивыльну службу далеко видъ ридни и своеи батькивщыны. Ихъ молодшый сынъ, котрому заповидалася найкраща військова карьера—винъ самъ свою долю покаличывъ. Несчасный батько, по прочытанню звисткы, въ перші хвыли ставъ (хоть и якъ бувъ вже прыготованый на такый несподиваный крокъ) мовъ громомъ пидбытый,—а видтакъ, не промовывшы ани словечка до никого и прыступывшы до стины, вдарывъ такъ сыльно головою объ неи, що жинка була певна, що це настала ёго послидня годына. Де-котри зъ дитей, що сами тоди булы прысутни въ хати, росплакалыся въ голосъ, а одна зъ молодшыхъ донёкъ, на имя Зоня, скрычала такъ страшенно, неначебъ хто въ неи стрельнувъ зъ пистоля. Видтакъ батько пишовъ до своеи кимнаты и, замкнувшыся тамъ надовго, побывався тамъ за нымъ, мовъ за вмерлымъ.—И лыше *вона*, не маючы супокою, що зъ нымъ діется, упросылася до нёго и вспокоювала и утыхомыряла мужа, о скилько це ій було самій можлыво. Тоди першый разъ бачыла свого мужа плачучого, бо видтакъ хочъ и яки бури зрывалыся надъ нымы, не бачыла цёго николы. Здавалося, по смерти найстаршого сына и утраты Ёсыпа черезъ жыдивку, закаменивъ винъ проты всихъ прочыхъ несчастій...

Тоди, окримъ розпукы батька, спала на неи ще сыла допытуванѣ прочыхъ іи дитей и ихъ молодый переполохъ надъ учынкомъ брата, котрого булы звыклы уважаты мижъ собою якъ свого рода богомъ. Проты дитей и жалю свого мужа, мусила вона встоюваты тоди *сама*, хотяй мало-що сама зъ грызоты й розпукы не видхорувала те несчасне одружиння сына.

Тоди то булы вже тяжки и въ смутку потонени дни, котри перебувала и перетручувала своимы сыламы впередъ. И нихто й доси не знавъ, якъ крипылася тоди проты горя, шукаючы по ночахъ въ молытвахъ полекшы. Такъ прым., заходыла черезъ чотырнадцять день що-ночи до церквы; перележуючи тутъ же хрестомъ до билого дня, молячыся та благаючы въ Господа прощення за негидный крокъ сына передъ святою церквою и родычамы.

Внукъ и сынъ хрыстіянського походження, и такыхъ же родычивъ, злучывся зъ жыдивкою! И вже тоди-то побоювалася вона кары Господнёи, молыла видвернення кары, усунення наслидкивъ проклёну зболилого батька, що, ослипленый жалемъ, не мигъ настилько запануваты надъ собою, щобъ не проклясты гиркымъ словомъ молодшого сына. А винъ, той сынъ... прыйшовъ, мовъ олень, зъ пиднятою гордо головою, до ныхъ по весиллю, наколы, вмисто бодай формального дозволу до подружія, одержавъ видъ батька лыше саме одно слово, похоже на проклинъ, а бильшъ ни словечка.

«Найстаршого забравъ намъ Богъ»,—звернувся тоди іи чоловикъ до неи, що стояла оподаликъ по привити и заносылася плачемъ: прывитъ бо изъ сыномъ видбувся мовъ похоронъ, и николы вона его не забуде.

«Найстаршого забравъ намъ Богъ»,—повторывъ батько,—а другого пожерла жыдивка. Чы чуешъ ты, жинко?—жыдивка! Донька першого лыхвяря. *Внука* священныка, и сына священныка! Иды соби, сыну, иды соби зъ Богомъ!»—звернувся винъ тымъ словомъ до сына,—я не годенъ на тебе теперъ, якъ давно, глядиты; ты надто мою душу розшарпавъ!

А винъ, блидый мовъ смерть, очевыдно влученый въ саму глыбыню души батьковымы словамы, отворывъ уста до обороны,—та не зъ супокоемъ и зъ упокореннямъ, якъ це було бъ ёму въ тодишній хвыли прыстояло, але непогамовано и, — зъ зворушення,—мало не ажъ зъ дыкою бурлывостю.

«Я пиду»,—обизвався тремтячымъ, погаслымъ голосомъ,—я пиду! но впередъ закымъ пиду, звертаю вамъ все ваше «релыгійне» выховання и душевни засобы, якымы вы выносажылы мене на жыття. Ваши души переповнени фанатызмомъ, вузькымы почуваннямы и родытельскымъ эгоизмомъ Не о правду розходытся вамъ и не о людыну въ жинци, котра злучыла свое жыття зо мною,—лыше о слипу, стару тысячлитню ненавысть, котра не мала мисця въ моій души проты тіеи жинкы. Въ тимъ напрями я не можу зъ вамы ничого спильного маты, и не потребую видъ васъ бильше ніякыхъ наукъ.—Я вже дозрилый и прыготованый до дальшого жыття, и буду зъ нымъ боротыся, якъ и де покаже мени те мое сумлиння, честь, просвита и сыла моеи вдачы. А що до моихъ поглядивъ дотычно виры, то я религійный атеистъ и повторяю те саме, що повторялы й други передо мною, вважаючы религію гарною илюзіею, прыдуманою на те, щобъ державы народъ въ рукахъ,—а бильше ничого. За себе я буду передъ Богомъ самъ видповидаты. А счастя мого жыття я не буду черезъ вироисповидання выщыты и матиръ своеи дытыны, хочъ бы була й паганкою, покыдаты. Це було бъ найтяжчымъ проты справдишнои моралы. А що мы въ тимъ, очевыдно, не погодымся, то воно буде и липше, колы я попрощаюся зъ вамы такы заразъ, бо того-жъ я й прыйихавъ сюды. Вже й такъ крайня пора мени обняты нову посаду. Прощаюся зъ вамы, родычи, и браты и сестры!—Не вдавайтеся за мною жалемъ и журбою, бо я хочъ бы и якъ розчаровався въ своихъ жыттевыхъ надіяхъ, не годенъ вже въ ничимъ назадъ завернутыся. А нарикання на свою долю вы видъ мене такожъ не почуете, бо у мене своя честь и гордость, и воны поможуть мени вси втраты и розчарування въ жыттю перенесты

не жаліючыся, якыхъ воно, певно и для мене, якъ и для другыхъ прочыхъ смертельныхъ, зберигае. Дали, дорогій, простить мене, колы я васъ за-глыбоко влучывъ въ душу, але я не бачу ніякои справдишнёи провыны въ моихъ вчынкахъ, хиба що пишовъ проты старыхъ традицій и поглядивъ,—але успокойтеся! я не першый зъ попивськои родыны, що завернувъ на иншый шляхъ,—я не кажу «новый» шляхъ,—але пидуть за мною й инши, вражаючы може ще гирше серця и души своихъ батькивъ и ридныхъ, нижъ я теперъ. Мене лышъ любовъ и честь, а головно мое сумлиння выкынуло зъ традиційного сидла,—а бильшъ ничого; мое оправдання подаю вамъ лыше въ двохъ словахъ: «я молодый и любывъ щыро». Дай, Боже, щобъ вамъ молодши диты лиише и бильше писля вашыхъ идеаливъ вдавалыся, якъ вашъ другорядный. Окримъ мене маете ихъ ще семеро.

«A propos—звернувся винъ до молодшого килканадцятьлитнёго хлопця, званого «Андрушою», що стоявъ босоногый коло викна и глядивъ змишано й переляканo на брата: «чому ты не въ школи, Андрушко? Чы у васъ теперъ вакацыи?

— «Ни», видповивъ цей,—«тато выбравъ мене изъ школы. Я не вдатный до наукы и буду господаремъ!».

— «Такъ?—сказавъ Ёсыпъ холодно,—я гратулюю до нового поля. Ты мавъ выступыты по укинченню школъ до семынара.

Отже також одынъ «видпавшый». Якъ выдко, попы не хотять вдаватыся въ нашій родыни, помымо попивськои крови и предкивъ. Найстаршый, Иванъ, померъ правныкомъ, я... отъ якъ я.—«Такъ, такъ,—додавъ якось роздражнено,—докы русыны хотять лыше «попыты», то и не будуть въ сыли творыты инши дила, якъ попивськи. Але нехай видтакъ и не жаліются, що ихня доля повна церковно-жалибного спиву. «А ты, козаче?—звернувся потимъ жыво до наймолодшого, що сыдивъ спокійно пры столи, прыслухаючысь уважно всёму — «чымъ ты хочешъ буты?»

— «Я хочу буты морякомъ, або тамъ чымъ иншымъ такымъ на мори».

— «Чы ты знаешъ, що тамъ дуже тяжко?—спытавъ Ёсыпъ усмихаючысь.

— «Я не боюся; тамъ же будуть и други.

— «Твоя правда. То-жъ иды! А нехай бы море и якъ хвылювало и лютылося, ты памьятай,—выхри въ души бувають иноди для насъ тысячу разъ тяжши до перенесення и гризнійши, якъ море. Воно поводытся зъ намы все ще смырнійше и прямійше, нижъ люде, нехай бы й якъ коректно и по доброму зъ поверховносты заповидалыся. Остаточно, бувають це все такы воны, що творять нашу долю, и неразъ и гиршу, нижъ море.

— «Будьте здорови!—

Видтакъ пишовъ.

Хтивъ ще батькови на прощання поцилуваты руку, одначе ураженый батько видтягнувъ іи, не позволяючы цёго.

Але маты цилувала ёго и прытыскала такъ сыльно до грудей, прыдержуючы ёго тутъ мовчкы черезъ добру хвылыну, що винъ, хоть и мужчына и «воякъ», захлыпавъ зъ зворушення. Видтакъ, вырвавшыся зъ іи обіймивъ и проведеный братамы й сестрамы, пишовъ.

. . . .

ГЛАВА III.

Межъ старымы въ хати щось завмерло.

Несчастя и горе вставылыся по видйизди сына въ ихъ тыхій хати мовъ прычаровани, бо видъ тіеи хвыли, здаесь, не було въ ній вже бильше безгорестнои хвыли.

Наступыла черга на молодшыхъ бративъ и сестеръ—терпиты. И все, що видтеперъ до тіеи хвыли, де вона перейихала до сына, мучылося, потребовало повныхъ двадцять рокивъ.

За той часъ утратыла вона и мужа, найлипшого и найвирнійшого прыятеля свого, и осталася сама одна зъ сыномъ Андрушою, що розпывся до краю и управлявъ недбало дрибне, сильске, незначне господарство, въ недостаткахъ и найглыбшій самоти.

А тая самота мала таможъ свою историю, переповнену невыдымымы драмамы, докы не повернувъ назадъ до ридного краю зъ своею родыною сынъ Ёсыпъ. Не на видвидыны прыйихавъ до матери, бо пысьменно винъ все розвидувався про жыття матери, братывъ и сестеръ, спомагаючы матиръ матеріально, о скильки мигъ. Але прыйихавъ до неи, щобъ забраты іи зъ собою.

И не прыбувъ винъ энергичнымъ, певнымъ своеи сылы чоловикомъ, якымъ видйихавъ видъ ныхъ, а зломанымъ, постарилымъ передвчасно, горемъ прыхыленымъ мужчыною и зъ тяжкою рапою въ души. Одынока ёго дытына, вся радисть ёго, на котру покладавъ всю свою надію въ жыттю, сынъ—стратывъ по тяжкій недузи въ пятнадцятимъ роци жыття взиръ, и помымо всякыхъ старань ликаривъ и подорожей до всякихъ корифеивъ—остався навикы слипцемъ.

Ёго гарна, жыття жадибна, легкодушна маты, въ найкрытычнійшимъ часи песчаснои недугы сына, спустылася надто на окружаючу хорого службу—и несчастя згодомъ вставылося, не раптомъ перерaжаючы, лыше звильна, степнево, а врешти—видражаючою темнотою, котра вже николы бильше несчасного хлопця не покынула.

Зъ тымъ настала и розпука. Правда, вона була серце розрываюча, якъ и самъ выпадокъ. Це-жъ було страшне горе—маты однисиньку свою дытыну слипою! Однакъ наколы перши рокы несчастя мынулы и маты зъ своимъ горемъ усвоилася, взяла безжурна, легка вдача іи зновъ верхъ, и гарна жинка стала въ товарыствахъ и забавахъ та иншыхъ товарыськыхъ розрывкахъ шукаты розрады.

На упимпення и закыды мужа, котрый засуджувавъ безмылосердно зъ огирченнямъ легкодушнисть и безжурнисть жинкы въ выди несчастя сына,—вона знаходыла все вымивкы и оправдання на свои вчынкы.

Зпыхала не задумуючысь, якъ це бувае звычаемъ безжурныхъ и малоинтеллигентныхъ истотъ, выну свого несчастя на *проклинъ* батька и (якъ вымовлялася) на недбалый доглядъ

«хрыстіянськои» службы, котра обходыла и дозырала хорого въ найкрытычнійшій пори. Це доводыло до бурлывыхъ суперечокъ, пизнійше до сценъ, котри чымъ разъ то частійше повторялыся, а зъ литамы,—однаково повторяючысь,—змагалыся. Остаточно дійшло до того, що супругы побачылы себе въ зовсимъ иншимъ, неначе доси незнанимъ, новимъ свитли, нижъ булы звыклы на себе давнимы литамы глядиты.

Винъ закыдавъ ій оріентальну недбалисть, бракъ чуття, та що іи душу держыть въ руху лышъ жадоба ужывання свита жыття,—колы натомисть вона ёму пры кождій нáгоди выкыдала всяки несчасливи прыгоды и выпадкы въ ёго родыни, мотывуючы ихъ тымъ, що вси зъ ёго родыны зъ грунту лыхи люде; наколы-бъ, мовляла, булы добрымы, за якыхъ себе вважалы, то Богъ бувъ бы ихъ злуку такымъ несчастямъ, якъ осляплення сына, не каравъ.

— Але ты (говорыла чоловикови), ты такый самый, якъ твои браты и сестры, а тіи таки, якъ родычы и вся ваша «вируюча» раса, и тому несчастя не уступають зъ вашои хаты.

Видтакъ выкыдала ёму ёго становысько, котре одержавъ, що правда, за помочею іи маентку, неначе погирдлыву завысимисть видъ неи,—и тымъ бувъ зъ іи стороны найтяжшый крокъ до незгоды почыненый. Колы одного разу (оповидавъ матери зъ видверненымъ облыччямъ), зневажыла ёго зновъ на тій точци передъ службою нечуванною сценою,—вразыла ёго здается въ найтоньшу струну ёго души, выклыкавшы тымъ таке пекло почувань въ ёго нутри, що винъ не здолавъ надъ собою довше запануваты. Вже доволи довго вона ёго зъ грязею мишала, доволи мучыла, обыджала,—то жъ не дыво, що-разъ и въ нимъ терплывисть урвалася и винъ... пиднявъ руку на неи. Вона запыщала.

— Такъ поступается зъ дыкымы звирямы, що нападають за-едно на наше жыття фызычне, чы псыхычне,—выстогнавъ винъ погаслымъ голосомъ,—такъ обороняются видъ звиривъ...

А вона гадюкою вчепывшысь за ёго, мовъ божевильна, крычала за-едно на всю хату:

— На твою жинку пидносышъ ты руку, недобрый чоловиче? На твою жинку, що поставыла тебе на ногы?.. Старче ты, *якъ и вси тіеи виры, до котрои належышъ!* Чы ты въ додатку до твоеи никчемности ще й збожеволивъ?..

— Я жалую, що вже давнійше не «збожеволивъ», а то може бъ мое нутро знаходылося ныни въ иншимъ настрою, нижъ теперъ, а чесне имья мого батька не було бъ пидъ твоимы ногамы. Нызька ты, оріентальна породо, що не знае ничого иншого, жадныхъ шляхетнишыхъ зворушень душы, кримъ жадобы за мамоною. Я жалую,—кажу ще разъ,—що не „збожеволивъ" скорше, въ такимъ рази не стоявъ бы я ныни въ очахъ свита и своеи родыны яко нужденный чоловикъ, котрому донька звисного лыхвяря справляе упокорення, безсонни ночы и биль.

— Але я бувъ трусомъ,—говорывъ винъ, дали,—пидлымъ трусомъ, зъ самого початку, якъ лышъ выявыла ты свій правдывый характеръ и показала свою никчемнисть; я вже тоди бувъ повыненъ проты тебе повзяты инше становысько. Але тому, що я бувъ трусомъ, станула ты горою, а зъ тобою вси твои груби и никчемни инстынкты. На мое оправдання и оборону маю лышъ те, що я тебе боготворывъ, любывъ, уважаючы тебе за якусь справдишну прекрасну, бездоганну побожну «Рутъ» зъ библіи, для котрои «Руть» я въ захвати посвятывъ свою каріеру, любовъ родычивъ, ихъ спокій и надіи на мене, и, якъ бачу, змарнувавъ циле свое жыття. Але ты—ты не була николы чымъ иншымъ, якъ донькою знаного лыхвяря, котрого имья згадуе ще и ныни простый народъ зъ погордою и жахомъ, мовъ опыря. Ты по правди николы не розумила и не знала святе чуття любовы и тому надгородыла мене въ твоимъ порожнимъ жытти лыше зневагою, горемъ и розчарованнямъ! Тому знай, я погорджую не лышъ тобою, але и собою, а колы ты хочъ почасты здибна зрозумиты далекосягнисть отцихъ моихъ смутныхъ сливъ, то иды и роздумуй надъ нымы!»

— Ты, старче!—повторыла вона вмисто всякои иншои видповиди,—чы я мушу тоби въ друге прыгадуваты, кому ты маешъ

твое становысько завдячыты? Причъ мени заразъ зъ-передъ очей, а то я склычу заразъ цилу свою родыну!

— Ты маешь слушнисть, колы ужываешь проты мене слово «забувъ», бо я не бувъ повыненъ забуты, що я не потомокъ якого тамъ крамаря, але потомокъ старои чесной працёвытои, шанованои родыны. Такъ, жинко; а що я про те забувъ, заслипывшыся лыше твоею гарною поверховнистю, тому й бачу я ныни, отверезывшыся, свою въ кинець покаличену долю и звыхнене жыття, переповнене упокореннямы. Наколыбъ не була отця несчасна дытына,—котрои матерею есы ты,—то бъ не бачыла мене николы въ отцимъ дому. Але,—додавъ винъ въ найглыбшимъ огирченню святою правдою,—повторяется тысячамы разивъ въ жытти, що «*де люде люблять,—мусыть найбильше упокорятыся той, котрый найбильше любыть*». Межъ намы обома—прыпала тая роля *мени*. Але я не маю навить того задоволення, що ты мою ролю *розумiешъ*. А теперъ кажу,—иды! розберы мои слова и чытай въ своимъ тальмуди...

Матери здавалося пры сыновимъ оповиданню, що iи уста немовъ сталы поpáженымы,—до тои степени не могла вона на яке тамъ слово здобутыся. Одначе вона лыше несказанно терпила. Здавалося, що весь супокiй, якый пидъ часъ ёго оповидання заховала, бувъ лыше хороблывымъ станомъ, зъ котрого вона кождои хвылыны заворушытся, а то лыше на те, щобъ вже въ слидуючiй хвыли заподiяты щось страшенне каракочого. Але чысло смутныхъ и гиркыхъ днивъ, котри не осталыся на iи энергичну вдачу безъ вплыву,—було мабуть за-велыке, щобъ iи врешти не перемогло. Вмисто всякого слова сципылыся iи рукы пальцямы до купы, и вона прытыскала ихъ безмовно до грудей, опираючыся, мовъ въ ослабленню, до софы. Оттакъ чынила це разъ-повзъ-разъ.

Тоди, пры тiй короткiй характерыстыци ёго пожыття зъ невирною, вона не могла на свого сына ґляпуты. Ёго горе було за-велыке, а померпшый батько и вона вже надто певно пророчылы ёму несчастя зъ такои злукы, щобъ була вона теперъ въ сыли сказаты ёму яке слово. Потишáюче не могла вона сказаты, бо заго-

родывъ винъ своимы вчынкамы проты ныхъ, видйизжаючы, поле, а на докирлыве... не була бы здобулася. Тожъ мовчання, що само зъ себе наступыло, було саме добрымъ въ тій хвыли... *Тоди* въ своимъ любовнимъ захвати розмахнувся винъ чы не до цилого свита, до борьбы о свою прекрасну «Рутъ» и о счастя зъ нею. Теперъ же було въ нимъ все за-обезсылене и за-розчароване, а вона за-немична, щобъ хочъ въ де-чимъ сталася ёму помичною.

«Мамо»!..

Вона не розкрывала очей, лыше кывнула головою, на знакъ що почула ёго.

— Мамо!—повторывъ винъ зтыха—теперъ розуміете мене, чы не до глыбыни душы?..

— Розумію, мій красный, колысь такый себе певный сыну! Розумію, и *выджу*, щó жинка може зъ душы чоловика зробыты. Та хоча й якъ благала я тоди, по твоимъ видйизди, Господа Бога охороныты тебе видъ горя й недоли, и хоча й якъ сподивалася я и батько, що несчастя не мыне тебе, одначе що злука твоя зъ невирною поставыть тебе *въ таке* пекло—цёго а ни я, а ни винъ не сподивалыся!

Це *одно*, мій сыну. Одно, що я розумію и розумиты мушу, але *одного* я все-такы не въ сыли соби розъясныты. Ты, сыну мій, свого часу такый честолюбывый и гордый,—такый вражлывый на всяке, навить найменьше подражнююче твою гиднисть, слово,—якъ мигъ ты, въ свидомости твоеи доброи колышнёи славы и чести, допустыты, щобъ тая жинка, іи деспотызмъ, взялы до такои миры надъ тобою верхъ?!

Я розумію, сыну—(тягнула вона дали)—що истоту, для котрои стилько пожертвувалося, якъ ты пожертвувавъ... и все надаремне, можна, помымо всякыхъ іи хыбъ, завше любыты; але що твоя мужеська честь и гиднисть зносылы такъ довго всяки особысти зневагы зъ іи стороны терплыво, я, пры твоій колышній гордости и палкій вдачи, не розумію... И поправди кажучы—простыты тоби не можу!

На таке розповивъ винъ їй цилый рядъ сценъ, яки ёму выправляла и якыхъ зносывъ терплыво за-для сына, щобъ не розлучаты ёго зъ матирью, до котрои бувъ, ще въ першыхъ литахъ свого калицтва, мовъ мала дытына прывьязаный. Не хтивъ отже ёго вырываты зъ обставынъ, котри, будь-що-будь, все-такы, завдякы іи маетку, булы для хлопця корыстнымы и бильше умож-лывлялы выгыднише жыття, нижъ наколыбъ винъ, розлучывшыся зъ нею, забравъ ёго зъ собою й удержувавъ зъ власнои праци. А безъ нёго винъ не мавъ бы сылы жыты. Винъ же въ нёго ёго дытыта, хоча несчасна, невынно терпляча, але ёго дытына, сынъ дорогый ёго! Чы маты ёго теперъ розумила?

Розумила.

Маты мала право робыты ёму зъ того докиръ, мала сотню разъ право,—видповивъ винъ зъ поважною покорою,—и бувъ бы навить дывувався, наколыбъ вона ёму сёго остаточно, по зро-зумленню ёго нужденного жыття, не зробыла.

Вси, що ёго въ жыттю колы-небудь шанувалы и цинылы, ба навить любылы, малы те пытання проты нёго въ души, лышъ николы ёму не було такъ гирко при тимъ пытанню, якъ у-перше *передъ нею*, матирью, котру и батька колысь такъ сыльно вразывъ. *А въ-друге—колы* (винъ усмихнувся гирко) се пы-тання пишло до нёго око въ око, зъ молодыхъ дивочыхъ устъ.

— Такъ дывно укладается намъ иноди жыття, мамо—гово-рывъ винъ дали,—що чоловикъ, пережывшы десяткы литъ, до-перва прыходыть до пизнання, що винъ въ свити и жыттю не йе чымъ иншимъ, якъ лышъ якымсь автоматомъ або ряду пры-падкивъ, або якои однои могучои сылы, котра рядыть, и чоло-викъ проты неи, въ своїй немичній вдачи—нищо.

— Одна далека своячка «Руты» (ёго жинкы),—оповидавъ дали похмуро,—выхрещена вже, и пры тимъ учытелька, перебувала одного разу довше въ ихъ доми, прыготовляючыся до послиднёго свого испыту. Була вона, мамо, тонка и чутлыва вдача, и я за-мичавъ часто, якъ вона терпила пидъ часъ сценъ, що видбувалы самежъ намы, и якъ уныкала остатыся зъ намы обома на са-моти, щобъ не буты свидкомъ прыкрыхъ и неразъ дуже бур-

лывыхъ сценъ мижъ намы. Була-бы напевно й скорійше зпомежы насъ втекла, але що лагодылася, якъ кажу, до испыту, и Рутъ ій мало не насылу пры соби прыдержувала, осталася вона въ насъ довше.

— Чы вы слухаете, мамо, що я вамъ розсказую?—спытавъ сынъ наразъ, наколы вона сыдила непорушно, вслухаючыся вже теперъ бильше въ дорогый ій голосъ сына, нижъ въ ёго слова.

— Слухайте,—додавъ видтакъ жывише.—Мени хочется цей дрибонькый скарбыкъ, що я ёго видъ часу того одруження зъ Рутъ въ жыттю найшовъ, зъ кымъ-сь подилыты. Винъ такый нижный и малый, що хиба въ вашу святу перемучену грудь, що никого не зрадыла и не зрадыть, на викы захowаю,—и бильшъ ничого.

Все, що намъ жыття въ своимъ бигу дае, все воно не те, що намъ дійсно потрибно, а, звычайно, що инше. Лыше колы наша жытева энергія вже зломана, и мы наново свою долю перестроиты негодни,—кыдае воно намъ цвиты на груды, мовъ на розраду за наши гирки розчарування. Слухайте, мамо!

Маты слухала.

Одного разу зибралося,—оповидавъ дали,—въ ихъ доми бильше товарыство, и гости розбавылыся до того, що розгулялыся.

Дивчына, про котру винъ спомынавъ, не гуляла, вымовляючыся, що гуляты не вміе, и вступыла до сусиднои кимнаты, де якъ разъ незамиченый знаходывся винъ. Винъ пидсунувъ ій кресло и глядивъ мовчкы черезъ хвылыну на неи. Вона мала щось сымпатычного въ своихъ рысахъ для него, щось тонкого и доброго, хоча по правди не можно було іи гарною назваты. Лыше очи іи винъ любывъ, хочъ и воны завсигды проты нёго зорилы, неначе зъ хорои души, що винъ ій не разъ говорывъ, а вона ёго за те высмивала.

Наразъ, безъ всякыхъ интродукцій, ставляе ёму таке пытання:

— Чы вы покладаете що на одвертисть жинкы?

Винъ здывувався такымъ пытаннямъ.

— Ну, якъ-же? такъ, чы ни?—спытала, звертаючы свои мыли оченята на ёго уста.

— Ну,—видповивъ винъ, ухыляючыся прямій видповиди,—властыво не покладаю ничого. Жинка не бувае николы одвертою, хиба въ дуже ридкыхъ и критычныхъ моментахъ. Звычайно актёрує вона, бо актерство лежыть въ іи натури.

— Може правда и по вашій сторони,—видповила вона задумлыво, видвертаючы очи видъ нёго, а видтакъ сказала: чы думаете, Ёсыпе, що воно *мусыть* такъ буты, що лышъ мужчыни вильно свою любовъ заявляты жинци, мижъ тымъ колы ій це не лычыть?..

— Ну,—видповивъ винъ,—я цёго не думаю, лыше воно не въ звычаю, щобъ «порядни» (впала вона ёму иронычно въ слово),—такъ,—говорывъ винъ дали,—бодай въ звычайнимъ поняттю слова «порядни» жинкы це робылы. И воно, може зъ де-якыхъ прычынъ, и липше такъ. Велыкымъ, значнымъ жинкамъ, це, що правда, такъ сказаты-бъ, «уходыть». Воны це намъ, якъ історія иноди учыть, доказувалы. Але таки жинкы видповидалы и видповидають взагали сами за себе и свою «добру славу». Для звычайныхъ смертельныхъ воно, справди, липше такъ, якъ теперъ бувае.

— Але,—перебывъ винъ наразъ самъ себе, окынувшы мымоволи іи нижне поважне лыце поглядомъ:—чому вы такъ пытаете? Чы маете замиръ якому мужчыни свою любовъ заявыты? (Тутъ усмихнувся винъ, Богъ знае чому, вымушено).

И вона усмихнулася. Але видтакъ спытала, та цимъ разомъ вже цилкомъ поважно:

— Чы думаете, Ёсыпе, що пры такимъ заявленню мае и честь дивчыны що до дила?

— Ни,—выдповивъ винъ,—цёго-бъ я не сказавъ. Честь—ни. Але въ кождимъ рази—гордисть іи. Вона тымъ выступае проты звычаю, а въ де-якимъ змысли и проты выховання; тому все-такы такый крокъ упокорює іи. Але такый вчынокъ, на мою думку, позбавляе іи честы.

Въ ёго очахъ *такого* рода упокорення—то щось гарне и велыке; розуміется, колы воно походыть видъ шляхетнои жинкы, яку власне маемо на думци. Мени выдается воно, неначебъ вона клала ёму кытыцю билыхъ лилій до ниґъ.

— Яки винъ може пидняты, або и ни,—видповила дивчына жыво, спускаючы скоро поглядъ.

— Цилкомъ слушно. Ёму выдается таке упокорення гидне пошанування; бильше правдыва и велыка любовъ годна такъ покорытыся. Поверховне чуття бувае завсигды склонне до упору и прымхивъ. Але скажить мени, дорога дивчыно, спытавъ іи потимъ:—чы хочете вы такый крокъ поповныты?.. Вона видвернула свій поглядъ видъ ёго, и почала щось неначе по столи очима шукаты.—Я-бъ це вчынила, бо любовъ не йе зовсимъ щось страшлывого, якъ іи вже часто представляють. Але мужчына, бачыте,—сказала,—котрого я маю на думци, той мужчына мени за-боязлывый, щобъ мигъ прыняты таке заявлення. Подумайте соби лыше: *винъ мае семыголову змію за жинку*, котра ёго зъ прыроды чудово успособлену душу замучуе и ныщыть, и той трусъ не мае *николы настилько видвагы, щобы укараты іи хоть бы одынъ разъ.*

Винъ пыльно подывывся на неи.

Вона-жъ не могла прецинь тутъ на думци ёго маты!.. Одначе, вона мала дійсно на думци ёго. Пры послиднихъ своихъ словахъ поблидла такъ сыльно, неначебъ зъ іи лыця зныкла послидня крапелька крови.

— Що вчынылы-бъ на мисци того чоловика *вы*?—спытавъ винъ іи, вмисто всякои видповиди.

— «Я?.. Я-бъ іи за кождый разъ, по зневази, въ котрій понесла-бъ моя мужеска честь и гиднисть ущербокъ, видбыла одну зъ іи зміиныхъ головъ!—Пры тыхъ словахъ дивчына махнула, спалахнувшы очима, такъ сыльно рукою, що коло нёго мовъ холодомъ повіяло.—Такъ!—Вона видитхнула глыбоко, неначебъ въ тій хвыли видбыла справди одну зъ зміиныхъ головъ. И постоявшы ще хвылыну непорушно на мисци, воны вытрыщалысь черезъ ту хвылыну розгорилымы очима на себе.

Видтакъ обизвалася вона ледве чутно.

— Але винъ, помымо того, може дизнатыся, що я ёго зъ всеи моеи души любыла. *Се може винъ*. Я хтила ёму лыше се заявыты. Се було мени потребою! и я думаю, що я не согрíшыла тутъ, ани проты добрыхъ звычаивъ, ани проты гидносты жиночои. А що до «упокорення»,—додала вона,—то я годна ёго перенесты. Въ мене честы и гордосты доволи,—о, доволи!—Пры тимъ пиднеслася на пальцяхъ такъ высоко, що майже ёго перевысшыла, стягнула бровы мовъ зъ фызычного болю, и не окынувшы ёго бильше ани однымъ поглядомъ, пишла соби.

Вона пишла, а винъ остався неначе громомъ пидбытый на мисци.

Черезъ хвылю стало ёму въ души ясно, мовъ ёго блыскавка пронызала.

А видтакъ ставъ шукаты іи очима.

Вона стояла въ другій кимнати, высока й нижна, оперта плечыма до стины и слухала одного молодого чоловика, про котрого знавъ винъ зъ певнистію, що той іи любывъ.

— Ни, мамо,—сказавъ,—вона не мала на своій головци короны, але я бувъ бы й безъ того кынувся ій до нигъ и поцилувавъ ихъ. Чому не прытыснувъ я іи, заразъ по іи гордимъ прызнанню, до своихъ грудей? Іи душа належала до мене. Одначе булы це іи велыка интелигентнисть и гиднисть душевна, котри поклалы невыдымо палець на уста и наказалы мовчання.

— И я мовчавъ, мамо, видъ тои хвыли до сегоднишнои дныны; за-пизно пославъ мени іи Богъ на мій шляхъ!.. А колы небавомъ потимъ Рутъ справыла мени сцену, котру я тоби згадувавъ, то мени здавалося и здается, що се була била рука дивчыны, котра пидвела раптомъ мою правыцю и видбыла одну зъ зміиныхъ головъ.—Такъ, мамо, такъ чудно укладаются иноди прыгоды въ жыттю, и, вирьте мени, отця одна хвылына самымъ спогадомъ ставала мени не разъ пизнише правдывою розрадою на мою зранену душу. Отци молоди уста поставылы мени те саме пытання, що й вы, мамо, хотяй иншымъ змистомъ, и дивчына та мала слушнисть робыты мени зáкыдъ зъ мого трусивства. Вона була-бъ таки зневагы зи стороны своёго чоловика,—

наколы була-бъ ёго мала,—николы не зносыла! Була-бъ уже скорише ёму, або соби, якого лыха заподіяла. Іи характеръ можно було поривняты зъ афоризмомъ, котрый мени зъ твоихъ устъ и досы въ памьяты задержався: «такъ, або не такъ,—одна лынія, одна циль». И таки люде доходять завсигды до своеи меты. Але мы, мамо, мы есьмо вси проты ныхъ—калики.

Старенька маты кывнула головою и згадала зновъ свои диты. Вси дванадцятеро, вси воны булы свого рода калики...

— Скажы мени, сыну,—спытала вже видтакъ, колы сынъ, немовъ прыпочываючы зъ якыхсь мучительныхъ спогадивъ, мовчавъ:—чы ты николы не видчувавъ, якъ я тебе любыла и яки мукы переносыла за тебе, закымъ ты ставъ такымъ безталаннымъ? Я все твое горе серцемъ впередъ видчувала, и лыше Господь одынъ знавъ, скильки мукъ я за тебе натерпилася!.. Господь одынъ... А теперъ я стара и немична и не можу тоби вже въ ничимъ статы помичною,—ты самъ се бачышъ.

— О, дорога моя мамо!—видповивъ винъ ій, зворушеный, схыляючысь и цилуючы щыро іи руку,—тысячамы разивъ видчувавъ я, скильки вы за мене натерпилыся, и що правда була зъ самого почятку на вашій сторони, такъ що вашъ жаль и гнивъ проты мене бувъ самый праведный! Ваша и батькова любовъ була сама безкорыстна и ясновыдюча, але все що, сталося, вже мынулося и не може завернутыся... И отце я повернувъ назадъ до батькивщыны й до васъ,—правда, вже не той Ёсыпъ, що выйшовъ зъ дому, гордый и певный своёго счастя, та все-такы—вашымъ сыномъ. Обое мы не есьмо счаслывы, ани я, ани Рутъ, хоть и якъ вона намагается своею безжурною вдачею заглушыты порожнечу свого серця, котре все кривавытся на выдъ несчастного сына.

Все вона не йе счаслыва!

Маты не видповидала.

Не хтила. Бачыла, що все ще любывъ тую жинку въ поодынокыхъ, неспостереженыхъ хвыляхъ; але вона вже не хтила бильше ничого про неи зъ ёго устъ чуты. Видчувала, що колыбъ

ій мала ще яка прыкристь въ жыттю лучытыся, то вона пишла бы лыше видъ «невирнои», бо за *свои* диты вона вже давно вытерпила...

ГЛАВА IV.

Описля ставъ сынъ просыты матиръ перейихаты до ёго. А колы вона, слыве жахаючыся, видмагалася, вымовляючыся неможлывою для неи невисткою, котру и на очи не хтила бачыты, ставъ винъ поклыкуватыся на своёго несчасного сына. Не іи зневагы бажавъ винъ,—оправдувався,—ани жадного упокорення зи стороны ёго и немылои ій жинкы ёго; но видокремлено буде вона въ ёго жыты, спокійно и шановано, видвыджуваною нымъ и ёго несчаснымъ хлопцемъ,—а більшъ ничого. Для нёго бажавъ винъ іи; Рутъ такъ само буде ій вдячна за іи прыйиздъ; бо и вона рада бы бачыты коло сына когось щырого и прыхыльного несчасному. Въ тій однiй точци вона не лыцемирыть.—Змылосердиться, мамо!—молывъ,—не видмовляйте моеи прозьбы! Въ мене, за обовязкамы фаху, мало часу, и бидный слипець жые мовъ пидъ шкляною вазою. На-колы не мавъ ще свій инструментъ, котрымъ такъ сказаты бъ дыше, и своrо учытеля, що вчыть его, я справди не знаю, що сталось бы зъ ёго душою, бо товарышивъ въ нёго жадныхъ нема.

Винъ потребуе жывои, щырои опикы, неустанного, лагидного товарыства, и для нёго зробыте це, мамо, колы прыйидете, а не для мене. Забудьте тяжкый жаль, якый справывъ я вамъ колысь, гляньте на мою безталанну долю! Думаете, мамо,—мовлявъ дальше,—що бачыты свою одниську дытыну слипцемъ, бажается ще-чого въ жыттю? Иноди мени такъ тяжко на души, що, колы бъ не безталанный мій сынъ, я бъ свое жыття давно закинчывъ. Але на кого мени ёго лышыты? на гуртъ самолюбныхъ жыдивъ? Скоришъ вже потягнувъ бы и ёго зъ собою въ могылу. Вы, мамо, зъ вашою доброю душою, що черезъ циле свое жыття зазнавала лышъ терпиння, вы будете ёму найлипшою товарышкою—и, знаючы це одно зъ моихъ устъ про васъ, винъ васъ ожы-

дае. Змылосердиться, мамо, надъ моимъ и ёго велыкымъ горемъ! О Господы! (вырвалося гирко зъ его грудей, колы вона все ще не обзывалася) до чого дожывъ я въ своимъ жыттю, розпочавшы ёго такымы надіямы на счастя! Лучше воливъ бы я спочываты въ чорній земли вмисто мого старшого брата, нижъ глядиты на несчастя своеи безвынной дытыны!..

Такъ розпочавъ и благавъ матиръ, докы не выблагавъ, чого хотивъ.

На ёго послидни гирки слова маты усмихнулася. Але іи усмишку сынъ не зрозумивъ.

Винъ бачывъ, що вона лышъ зъ болю усмихнулась, и що того, котрого такъ горестно спимнувъ,—свого старшого померлшого брата,—вона (хоть мынуло стильки рокивъ)—не забула.

— Лышы ёго въ супокою!—обизвалась врешти якось твердо,—лышы ёго въ супокою! Господь потребуе также щось доброго, и я цимъ потишала себе довги лита; оставъ ёго въ супокою! Винъ одійшовъ въ самимъ початку праци и жытёвыхъ мукъ (почала вже зновъ вона ёму оповидаты). Нехай буде ёму земля перомъ. Я за нымъ такъ само побывалася, якъ описля за тобою. Лышъ колы ты мигъ буты вратованый, а супротывлявся проты розлукы зъ твоею недолею, мовъ проты смерты,—винъ лежавъ самъ, безпомичный, въ велыкимъ чужимъ мисти, мовъ та мурашка, и боровся зъ недугою, далеко видъ батька и матери.

— Тыфъ пожеръ Ивана,—закынувъ Есыпъ бильшъ до себе

— Тыфъ,—повторыла маты. Видтакъ, помовчавшы хвылыну, иначе выпочываючы, якъ перше сынъ, зъ болючого спомыну по дорогимъ помершимъ, дала вже описля внутришнёму бажанню волю выговорытысь передъ кымсь по довгимъ часи нимого терпиння,— и тягнула дали:

— Винъ бувъ по третимъ правнычимъ испыти. Це лыбонь ты самъ знаешъ, бо тоди ты належавъ ще до насъ. Выжыдавъ лышъ по испыти грошей на подорожъ до-дому, щобъ тутъ вдома, коло насъ, выпочыты якыйсь часъ. Тожъ и мы вси выжыдалы нетерплыво, радуючыся вже впередъ тіею хвылыною, въ котрій зможемо прытыснуты ту щыру и чесну дытыну до серця.

Въ тыждень передъ ёго смертію, прысныв с мени сонъ, котрого не забуду николы, хоть бы мени Господь давъ ще разъ стилько горя перенесты. Такъ запамьятала я соби той сонъ у всихъ подробыцяхъ. Не смійся, сыну, зъ мене старои, але слухай; мени вже теперъ не до баёкъ!

Снылося мени отже, що я була десь въ малимъ гостыннимъ покою нашого прыходства, обтырала комоды и инши мебли зъ порохивъ, особлыво жъ старе бюрко до пысання, котре батько казавъ внесты зъ свого покою для хлопця, щобъ мавъ все выгидно; такъ дуже любывъ и шанувавъ винъ свого найстаршого сына. И колы жъ я оттакъ по кимнати туды и сюды вештаюся,— влитае наразъ громадка чорныхъ крукивъ викномъ въ середыну, и май бачнисть, мій сыну, вона дилытся на чотыри часты. Одна частына сидае на лижку въ головахъ, друга на лижко въ ногы, третя на пульти надъ столыкомъ, а четверта кынулася, закрякавшы до дверей. При отцимъ выди я остовпила, и мое серце зъ якогось болизного прычуття защымило: такъ що я, якъ стояла, опустылася навколюшкы и почала молытысь. Саме посередыни молытвы видчынылысь двери и увійшовъ Иванъ. Весело и жыво, зъ пачкою кныгъ пидъ пахвою, якъ мабуть часто за часивъ студентськыхъ ходивъ, и, прыступывшы такъ впростъ до мене, заговорывъ:

— Мамо дорога, добра наша мамо! завсигды молытеся вы за насъ, маете щось для насъ у Бога выпрошуваты! Молиться, матинко, молиться до Господа и подякуйте, що я вже позбувся своихъ испытивъ. Цимъ разомъ прыходылось мени тяженько працюваты. Але вже теперъ я готовъ и свобидный, и прыбувъ до васъ, бо довго прыходылося мени на те ждаты, щобъ свобидно межъ вамы видитхнуты.

Винъ говорывъ жыво и радисно, одначе межъ ёго словамы звенило щось несказанно сумне, такъ що я наразъ выбухла сыльнымъ плачемъ, и, плачучы, ажъ збудылась. Слидуючого дня оповила я сонъ батькови.

Ты знаешъ, батько не терпивъ николы, щобъ въ ёго доми пиддержувано забобоны, якъ и взагали всяку мистыку, лаючы и

засуджуючы за таке строго; одначе, выслухавшы мій сонъ, замовкъ и споважнивъ. Въ кинци сказавъ: жинкы все бильше вгадують чуттямъ, нижъ мы; воны суть якъ тіи диты, або звирята. Бороны насъ, Боже, передъ несчастямъ! Але щобъ це могло до Ивана видносытыся, я зовсимъ не думаю; покынь и ты таку неспокійну гадку. Хлопчысько здоровый и молодый, мудрый и загартованый,—и колы ёго Богъ стереже, то ничого лыхого ёму не лучытся. Такъ потишавъ винъ мене и зъ тымъ я пишла соби. Въ чотыри дни по тимъ прыйшовъ лыстъ видъ одного зъ ёго прыятеливъ, що Иванъ лежыть тяжко хорый на тыфъ..., а все проче ты вже и самъ знаешъ. Знаешъ, якъ батько выбрався заразъ самъ въ дорогу и пойихавъ. Якъ то все ще въ тогдашнихъ часахъ двыгалося звильна впередъ. Тоди зализныця не йшла ще, якъ теперъ, впростъ видъ насъ до Видня. Треба було впередъ ще тры дни киньмы до Л. йихаты, и доперва видты зализныцею. А наколы врешти добывся до мисця, було все надаремне. Иванъ лежавъ вже въ агоніи, не пизнавъ ёго, и таки перенисся несчаспый на тамъ-той свитъ. Перейшовъ видъ насъ всихъ немовъ на дно моря потонувъ... А ни ёго маты, а ни вы, вси прочи дороги диты, не моглы ступаты за ёго домовыною и видпровадыты до вичного супочынку.

Бидный батько!

Самъ стоявъ винъ пры смертельнимъ ложи своёго найстаршого сына, своёго любымця, всеи своеи надіи. Самъ одынъ.—И може теперъ зможешъ соби уявыть, що винъ тоди вытерпивъ! А одначе винъ це перенисъ. Бувъ сыльный духомъ, до жыття добре прыспособленый, и мудрый чоловикъ! А все жъ такы—колы описля утратывъ и тебе, на котрого неначе вси надіи по Ивани перенисъ, чыслячы на твою помичъ въ выхованню своихъ молодшыхъ дитей, мовъ на другого батька ихъ,—подалася ёго душа. Тоди хтивъ, въ розпуци и першимъ шаленимъ болю, голову объ стину розбыты. Але Господь Богъ охоронывъ ёго. Але вже то проче, що ёго ще по тимъ всимъ зъ другымы дитьмы спиткало...—грызло ёго и пидмулювало, а вже Андруша (ста-

рушка кывнула головою въ сторону, де знаходылося мале госпо-дарське обійстя) пидтявъ ёго послидни сылы...

Всёго надіявся винъ по нимъ—и все не було добре, чого сподивався; але що зъ-пожемы гурту ёго даровытыхъ и гарныхъ дитей выйде одынъ крайный пьяныця... Не надіявся николы, а воно наступыло...

Старуха замовкла и сперлася спыною. Іи рукы зложылыся мымоволи до молытвы, але іи уста не молылыся.

По втрати чоловика и по драмахъ, що по ёго смерти поступалы, вона втратыла свою давню, до подыву вытрывалу сылу и энергію. Стала втомлена и тыха; дистала гостри черты лыця, а лынія болю, що выбигала пивлукомъ зъ-за низдривъ и злучалася зъ кутыкамы устъ, загострылася ще глыбше.

А помымо всёго осталася отця стара жинка гарною, гарною и сымпатычною. Се мусы̂въ передъ нею сыдячый сынъ таможъ завважыты. Винъ не звертавъ погляду зъ лыця матери, ажъ докы не перемогло ёго на-разъ якесь дывно-сыльне зворушення. Тоди заховавъ раптомъ, мовъ молодый хлопець, голову въ подолокъ матери и якось болизно застогнавъ.

— Мамо, ты наша дорога мучыныце!—мовлявъ винъ,—за що натерпилыся властыво вы стилько въ вашимъ жыттю за насъ! Вы, що бажалы завсигды лышъ саме добре и шляхетне, и лышъ добре робылы! Мамо, вы стороже нашъ! Якъ васъ колысь Господь поклыче..., то, здается, самъ Спасытель перепровадыть васъ на тамъ-той свитъ!

Била якъ снигъ голова матери схылылася нызько надъ безталаннымъ сыномъ, и обое мовчалы, не ворушачыся. Старенька маты ришылася врешти на мольбы сына перейихаты бодай на якый часъ до внука и взяты ёго пидъ свою опику.

ГЛАВА V.

Килька день передъ видйиздомъ сыдилы зъ сыномъ Ёсыпомъ въ своій малій кимнатци. Однакъ не въ кимнати прыходства, а у власній маленькій, ызенькій хатыни, котру поставыла ще за

жыття чоловика, а радше передъ недугою ёго, абы малы колысь свій власный спокійный кутъ и не подиляли завше прыходства зъ молодымъ сотрудныкомъ. Іи чоловикъ, зъ прычыны своеи недугы, що не мигъ вже свои чыны сповняты якъ слидъ, видступывъ сотрудныкови добровильно циле помешкання, а въ додатку и вси доходы, а самъ зъ жинкою, Андрушою и двома молодшымы донькамы, Лидіею та Оленою, переселывся далеко видъ села, до малого свого домыка, щобъ маты цилковытый супокій, якъ це вымагавъ ёго станъ здоровья. Тутъ прожывала вдова по ёго смерти, зъ сыномъ Андрушою, ось досы, т. е. до повороту другорядного сына Ёсыпа. Убого и запущено выглядало повсюды, навкругы малои хатыны зъ обійстямъ. Мали ныженьки кимнаты, освичени дрибнымы викнамы, хоронылы ще де-яки мебли зъ давнійшыхъ, липшыхъ часивъ, але зъ-надвору вдарявъ бракъ порядкуючои рукы. Стара, колысь така славна газдыня, втратыла вже свою сылу и ледве що могла справлятыся зъ своимы хатнимы диламы, а черезъ те, що господарка вымагала такъ само зъ-надвору порядкуючои рукы, якъ и въ хати, и іи и тамъ не доставало,—падалы на першый поглядъ въ око всюды пануючый неладъ и недбалисть.

Молодшый видъ Ёсыпа сынъ, колысь то названый «господаремъ», Андрушка, бувъ тутъ самовладець и ёго панування робыло прыкре и сумне враження цилковытого занепаду.

Межъ тымъ, якъ саме теперь (передъ вечоромъ) бувъ Ёсыпъ занятый упорядковуваннямъ кореспонденціи свого батька зъ дитьмы,—сыдила маты, видпочываючы недалеко видъ теплои печы, похылывшы голову на груды, якъ чыныла це видъ смерти мужа несвидомо и мала своёго «піяка» за едно передъ душею.

Іи думкы булы таки: остатнимы днямы намовлявъ іи Ёсыпъ перейихаты въ ёго димъ за-для ёго несчасного сына; бо навить горда іи невистка «невирна Рутъ» упокорылася запросыты стару незначню матирь свого чоловика, гарнымъ пысьмомъ, прыбуты до ныхъ и заопикуватыся биднымъ іи сыномъ...

Однымъ словомъ... неначе завзялыся до неи, щобъ іи вырваты зъ отцёго глухого закутку свита, де неначе незамитно западалася зъ литамы въ землю до своёго чоловика. И все було бъ воно вже добре, вже була бъ зо всимъ тымъ помырылася и дала соби раду—вона жъ не одно вже перебула на своимъ вику,—але якъ мала оставыты тутъ своёго молодшого сына, своёго «піяка», котрымъ не займався окримъ неи и іи сельской товарышкы, старои Катерыны,—нихто;—объ тимъ не думало жадне зъ ныхъ. Тому, що ёго жыття було въ очахъ всихъ «звыхнеными», то кождый уважавъ злышнимъ займаться ёго долею, жыттямъ. Вона сама одна не забувала про нёго, а особлыво жъ булы іи думкы остатнимы часамы пры нимъ.

И теперъ, якъ сыдила зъ старшымъ сыномъ, видпочываючы зъ хатнои праци (слугы бо вже въ ныхъ не держалося видъ давна), глядила несупокійно въ викно. На двори заносылося на заверюху и сниговыцю, и вона вычикуючы Андрушу, терпила мовчкы. Все терпила найглыбше, колы мовчала. А прысутнисть старшого сына неначе спыняла и заважала іи въ тимъ терпинни Вона була звыкла все терпиты сама.

Наколы розбурхани витромъ снижыны былыся жмуткамы до викна, прывыджувався ій передъ очима пьяныця Андрушка, десь бродячый въ снигу по поляхъ. Боялася завсигды зимы: вона була для несчасного пьяныци найгиршою порою въ роци. Винъ бувъ слабкого здоровля и, пидпывшы трохы, тратывъ свидомисть, блукавъ годынамы по поляхъ, закымъ прыволикався врешти напивъ замерзлый до хаты, що стояла далеко видъ села, окроме посередъ належного до неи поля. Тому пережывала зимою, колы винъ выходывъ або выйизджавъ на-довше зъ дому, сами гирки хвыли несупокою. Винъ мигъ десь упасты (уявляла соби), або забресты въ снигу, (хто ёго знае, куды винъ тамъ ходывъ), мигъ де-небудь въ снигу лежаты безъ тямкы и морозыстымы ночамы замерзнуты.

Скильки то ночей перевела вона дожыдаючы, ще за жыття мужа, якъ винъ, все хоруючи, не знавъ, що округъ нёго діялося, а Андрушка за господарьскымы справункамы, до млына, або въ

лисъ, або на закупно въ мисто выйизжавъ—и не вертавъ! Тоди... мынався вже, зъ його видйиздомъ, и всей іи супокій! Нихто не знавъ й не бачывъ все такъ добре, *що воно зъ нымъ буде*, якъ вона. Нихто не вгадувавъ такъ добре напередъ, якъ вона. Неначе бъ ій хто все пророчывъ. Вона знала результаты кожного його видаленння зъ дому.

Вона одна и Господь Богъ зналы, яки бували въ неи ночи черезъ оттаке дожыдання... Чы прывезуть кони його цилого, чы пораненого, чы пошматованого, кривью облытого?.. Бо вже й таке зъ нымъ случалося, що прывозылы його на-пивъ мертвого, безъ свидомости. И якъ то вона мусыла все передъ хорымъ таиты, залагоджуваты, щобъ грызотою хорого ще бильше не нищыты. Вси закыдкы и упевнення не здавалыся и такъ до ничого. Горе и налигъ въ тимъ ихъ несчаснимъ сыни булы сыльнищи, нижъ всяки постановы зъ його стороны, та упевнення и грозьба зъ ихнього боку. Винъ бувъ навикы пропаща дытына.

Такымъ вже й постарився пры ныхъ въ господарстви; и помымо наукъ, пересторигъ и гострого нагляду зи стороны батька й іи, выйшовъ зъ Андруши налоговый пьяныця, якыхъ въ сели, окримъ нього, ледве чы килькохъ ще було.

ГЛАВА VI.

Въ кимнати панувала глыбока тышына. Старенька маты не ворушылася, а Ёсыпъ, запалывшы соби цыгарку, прыдывлявся задумлыво до заметильныци на двори.

Здавалося, що мовчання було теперъ обоимъ пожадане; та ще обое пеначе однымъ и тымъ самымъ предметомъ займалыся въ тій хвили.

Сынъ обернувся на-разъ до матери, та завважывшы утомленный выразъ въ іи облыччю, немовъ видгадавъ течію іи думокъ.

— Де дився зновъ ныни Андрушка?—спытавъ,—на двори розпочынається заметильныця. Гляньте, мамо, завтра будуть дорогы зновъ завіяни. Мени выдытся, що ему було вчора за-мало піятыки, и винъ хоче соби ще ныни надолужыты. Се жъ пидлота крайня!—скыпивъ,—въ выду того, що вы лышъ ледви день-два

тутъ останете!—Есыпъ кынувъ сердыто цыгаркою объ землю, заложывъ рукы на плечи и задержався на хвылынку въ ходи, коло викна замовкъ сердыто. Стара маты прокынулася на ёго слова, мовъ сполохана, та лыше на те, щобъ въ слидуючій хвыли, немовъ зламана, перехылытыся впередъ.

Видъ тону, въ якимъ братъ про брата говорывъ, заболило іи серце, хоча вона видчула добре правду сыновыхъ сливъ и мусыла ёму тую правду прызнаты.

Одначе!..

Що знавъ винъ *о тимъ*, о чимъ знала *вона*, що видчувала вона!

Що знавъ винъ!

Тутъ истнувало стильки тысячивъ и тысячивъ оковъ, котри сами зъ себе укладалыся, выклыкуючы мымоволи все, що описля за кожнымъ разомъ вытворювалося и несчастя зъ собою привожикало! Але кожный разъ, колы котре зъ дитей, або навить самъ батько, высловлявся зъ погордою або караючо о пьяныци, падала іи душа буквально закривавлена облыччямъ до-долу. У іи биль бувавъ червоный якъ кровъ, и жадна людська душа не хотила іи въ тимъ пощадыты и зрозумиты. Се була іи кривава тайна, при тій безталанній дытыни іи найтяжча драма, котра не хотила николы кинчатыся и все що разъ трагійнійше повторялася.

Здавалося, жадне зъ іи дитей не держало іи душу въ такимъ болючимъ руху, якъ сей слабосыльный чоловикъ!

И якый бувъ винъ пры всимъ своимъ несчастю добрый! Якъ ридко случалося, щобъ яке грубе, або непогамоване слово выхоплялося зъ ёго устъ! Лыше колы бувъ зачепляный або враженый по пьяному, тратывъ всю свою, ёму властыву, доброту и терплывисть, хапавъ, що въ рукы попадалося, хоча-бъ и сокыру.

Въ такыхъ хвыляхъ—дрожала навить сама передъ нымъ, хоча могла ёго иноди якъ шовкъ округъ пальця обвываты.

Теперъ сыдила все ще неповорушно и мовчала. На-разъ обизвався сынъ:

— Мамо,—сказавъ,—я бы хотивъ отъ ци вси лысты, що я ихъ упорядкувавъ, зъ собою забраты, бо лышаты ихъ тутъ нема

рації: Андруша ледве чы буде ихъ колы чытаты; я взагали сумниваюся, чы винъ ще чытаты и пысаты уміе, особлыво-жъ пысаты. Хыба що може ще колы пидпысуется. Ёму бувалы, о скильки я соби ще давнійши лита прыгадую, кныжка й перо завсигды дуже протывни. Чы винъ чытае подеколы що-небудь?

— Календаря...—видповила маты несмилыво.

— Всежъ такы? Ну на таке воно въ нёго й показуе!—

Въ души старенькои матери задрижало болючо. Скильки разивъ бувавъ упокорюваный, вона все за нёго терпила.

— Скажить, будьте ласкави, мамо, куды то винъ ныни пойихавъ зновъ? Винъ, якъ бачу, фурманомъ зъ тиломъ и душею!

— Це винъ и йе. Кони въ ёго одынока ричъ, до котрои винъ дійсно зи всеи души прывьязаный. До якои степени, скажу тоби отцей прымиръ. Одного разу обицявъ ёму батько купыты доброго й дорогого коня, колы повздержытся черезъ цилый рикъ видъ всякыхъ напыткивъ,—и винъ повздержався. Якъ неимовирно воно звучыть, мій сыну,—а винъ выдержавъ обицяный цилый часъ! Але за те якъ звирына станула вже въ стайни,—допывся винъ такъ страшенно, що ёго очи ажъ позапухалы, и винъ черезъ тры дни зъ стрихы въ стайни не злазывъ. Тамъ бувъ ёго схововъ до выспання по такыхъ прыгодахъ...

Видтакъ подилывъ соби часъ на тры часты: пыльна праця, кинь и корчма...

— Мамо, якъ давно запывается властыво той чоловикъ?

Стара маты похытала сумно головою и видповидала мовъ оправдо́вуючысь:

— Ты думаешъ, Ёсыпе, що Андруша пье справди такъ багато? Винъ потребу́е лыше оденъ килишокъ, и вже готовый; винъ цёго николы не прызнае, але о тимъ знають вси, для того-то бувала й бувае въ господарци черезъ нёго утрата и шкода. Одну часть пропье винъ самъ, а тры часты вытуманять и вкрадуть въ нёго добри ёго товарыши, або хто вже тамъ мае въ намири загарбаты въ нёго те, що кому якъ разъ треба... А розпывся винъ властыво зъ часу, якъ бувъ у одного лисничого за

помичныка. Батько давъ ёго въ рикъ по твоимъ видйизди, и колы пересвидчывся, що ёго школою й кныжкою нема що мучыты, давъ до одного знаёмого лиснычого, котрый якъ разъ потребувавъ молодого хлопця на практыку; а винъ, пробувшы тамъ ледви рикъ, закохався въ сестру лиснычого, старшу якусь дивчыну, и давай мучыты іи, щобъ выйшла за нёго.

Дивчына, розуміеся, о такій бесиди й чуты не хотила; разъ— винъ бувъ видъ неи молодшый, а по-друге—за кого й було тамъ выходыты замижъ?.. Тожъ, замисть всякои надіи, просто видмовыла ёму, наказуючы доволи строго весты себе въ службы якъ слидъ, добыватыся кусныка хлиба, а вже потимъ и женытыся, зъ кымъ той часъ захочется; «а мене зоставте въ супокою»,—мала видказаты.

Винъ взявъ соби ту іи (якъ самъ оповидавъ) «поныжаючу» видмову такъ до серця, що почавъ ночамы запыватыся, щобъ свій жаль забуты...

А що тамъ не обходылося безъ товарыства, а передъ тымъ всимъ гострйшого надзору не було, допывся винъ вже тамъ такъ сыльно, що батько, не выжыдаючы на ёго поправку у лиснычого, пойихавъ самъ по нёго й забравъ зъ собою до-дому. На скильки це було лыше, що винъ остався опися вдома, а не мижъ чужымы, я ныни добре розсудыты не можу. Знаю лышъ тильки, що винъ тутъ не гамувавъ себе далеко бильше, нижъ тамъ. До того неустанне товарышування зъ простымы сильскымы парубкамы, до котрыхъ ёго вже бильше тягнуло, якъ до интелигенціи, а наразъ и въ добре лыхо затягнуло, и по-воли, по-воли дійшло до того, що винъ ставъ сторонытыся видъ лишшого товарыства цилкомъ, а батька, котрый зъ нымъ безпощадно строго обходывся, почавъ уныкаты, мовъ свого ворога. За це вымовлявся строгостю батька, котрый що-правда разъ-у-разъ выловлявъ ёго на неправди й пiятыци, и такъ выходыло, що хочъ якъ бажалы мы ёму добра й иншои жызни, винъ все-такы мавъ свои прычыны ходыты до корчмы, тайкомъ чы явно, и запыватыся. Пизнише почавъ гниватыся, що батько надто багато втручается ёму въ господарство и не дае самому

господарськи дила перепроваджуваты,—и зновъ була прычына мижъ «прыятеливъ» ходыты и всяки жали запываты... На всяки упевнення и мольбы батькови й мои не марнуваты въ такый огидный способъ найкраци лита и здоровля и майно, що ёму виддано въ рукы, оправдувався тымъ, що въ нёго нема ни жинкы, ни дытыны, для котрыхъ мавъ-бы маеткы «збываты», и що винъ до-воли старый, щобъ знавъ, що становыть для нёго счастя, а що несчастя.

Винъ, мовлявъ, працюе тяжко, удержуе батька й матиръ, (бидный батько почавъ вже чымъ разъ бильше занепадаты на здоровля), працею своихъ рукъ, пры чимъ показувавъ зъ гордистю мозоли на своихъ дійсно спрацёваныхъ рукахъ; не робывъ никому якого-небудь закыду,—нехай же лышать и ёго вже разъ въ супокою. Скильки ёму до жыття потрибно (мовлявъ)—винъ соби завжды годенъ запрацюваты, хотяй бы ёму лыше кинь и батигъ осталыся.

На тимъ кинчавъ свое оправдування.

Звычайно старався батькови якъ найскорише зъ очей зныкнуты, або вмовкавъ такъ уперто, що иноди можешъ до нёго й годыну якъ хочешъ говорыты, винъ а ни пивъ-словечкомъ не обизвется.

Чудно поводывся винъ иноди!

Николы не бувъ винъ въ сыли (ба йе навить ще и теперъ все такымъ) видмовыть кому небудь яку просьбу; нехай бы ёго о що прошено, винъ завсигды буде старатыся бажання кожного сповныты, чы кого-небудь въ одній або другій справи поратуваты.

Таке серце въ нёго!

Глянь, въ якій одижи винъ ходыть,—чы на нимъ йе хочъ одна ричъ, що дійсно ёму належыть. Боже бороны! И це въ нёго хтось выдурывъ, и той за гирше заминявъ, и той на вичне виддання выпожычывъ, а винъ въ самимъ лахмиттю або зъ другыхъ перебранимъ остався.

Докы я жыю и годна, я все стараюся, щобъ винъ мавъ чысте, биле на соби и яку таку одежыну на тили,—але якъ я колысь замкну очи, то винъ одынъ останется дійсною сыротою и

опущенымъ, хочъ яка въ нёго борода сыва и винъ себе старымъ называе. Въ тимъ пьяныци йе щось вично неповнолитне и дытынне, що показуе ёму свитъ завсигды гарнымъ и въ рожевымъ свитли! И може въ тимъ и крыется ёго безталанне счастя!.. Але я не умру черезъ нёго спокійна, *бо не маю ёго на кого оставыты*. Винъ моя найнесчаслывійша дытына—хочъ и якою розшарпаною и покаличеною йе доля всихъ васъ прочыхъ...

— Андруша! Андруша!—застогнала на разъ маты въ голосъ и іи очи зайшлы слизьмы,—то ты выбравъ соби найордынарнійшу судьбу. А дытыною мавъ ты таки чудово нижни губынята й умивъ-есь такъ любо та щыро коло матери пестытыся. А помымо того не *проклынало* ни одно зъ дитей свою матиръ, лышъ ты одынъ! ты однисинькый!.. Господы Боже, змылосердыся надъ намы!

Другорядный сынъ обернувся зъ переляком до матери.

— Якъ, мамо?!—клыкнувъ зъ нетаенымъ перелякомъ,—цей негидный важывся васъ проклынаты? чому вы мени о тимъ ниголы передше не пысалы?—

— Тыхо, тыхо, мій сыну!—успокоювала старенька зъ ледве замитнымъ гиркымъ усмихомъ,—це вже така давня застарила писня, що я іи вже й сама забула! А все жъ такы по всихъ такыхъ тяжкыхъ хвыляхъ сыдила пры ёго постели и усыпляла мольбамы до Спасытеля. Особлывожъ *одного разу*, а винъ повторявъ мольбы зо мною. Такъ, такъ мій сыну; ты сёго не розумієшъ, якъ и багато, багато де-чого иншого не розумієшъ. Андруша молывся, хоча по пьяному, а все-такы повторявъ молытвы за мною, и мовъ сама засыпляючы, повторыла пивъ-голосомъ:—молывся, сынку, зо мною...

— Але бійся Бога, мамо!—поклыкнувъ зъ жахомъ, обурено, сынъ,—того чоловика, маючы ёго такымъ передъ собою, бувъ бы я не знаю що... а вы моглы ёго—молытвамы до сну успокоюваты?! Вы жъ малы безпрытомну звирыну коло себе!

— Тыхо, тыхо, мій сыну!—успокоювала старенька маты якъ передше, лыше цимъ разомъ несказанно-лагиднымъ голосомъ,—се вже така давня й застарила писня, що я іи й сама бильше

не тямлю. Хто бъ ще й згадувавъ та зворушався тамъ нею! Тогдишня ничъ, колы воно все скоилося, пожéрла все... Се жъ була тыхесенька, ясна, мисячна, зимна и морозыста ничъ, а смерть заедно коло моихъ виконъ выблыскувала косою. Чы ты думаешъ, що чоловикъ не радъ, колы годенъ передъ нею двери зачыныты, на которого заносылося *молытвамы* до сну уложыты? ты не знаешъ ничого про таки ночи, и тому тоби бракуе розуминня, лагидносты й бодросты въ осуди такыхъ ричей, въ осуди твого безталанного брата!

— Але, мамо, батько! чы винъ жывъ ще тоди?—

— Жывъ. Це лучылося якъ разъ передъ самою ёго смертію и винъ перебувавъ тоди вже зъ твоимы обома сестрамы, Лидкою и Оленкою, у твого шурына въ мисти, пидъ ликарськымъ доглядомъ... а я була тутъ сама одна, въ отцій самій постели, зъ Андрушкою...

— Якъ воно сталося, мамо? якъ сталося? прошу, розскажить мени!—просывъ зворушеный сынъ и, пидійшовшы скоро й блызько до неи, сивъ и глядивъ неспокійнымъ поглядомъ на билоголову матирь.—Це мусыте мени, мамо, оповисты, це я мушу знаты, це я Андруши не прощу,—нехай що винъ безталанный, нехай ще й я не счаслывійшый, але сёго я ёму николы не прощу. Винъ йе звирюкою, а до звирятъ треба пидступаты зъ батогомъ.

Та тутъ пидняла стара маты, погрожуючысь, палець.

— Мій сыну, мій сыну!—сказала,—колы я помру, я на тебе Андрушу не полышу. Винъ не йе вже теперь а ни для свита, а ни для людей. Я ще Богу дякую, що ёго душа не запропастылася цилковыто. Морально винъ не збывався, хочъ и якъ винъ себе змарнувавъ. Але й винъ мае свои шляхетни хвылыны. Не смій николы зъ нымъ обходытыся жорстоко! Пьяныця винъ, отой мій сынъ, слабои воли, немичный, котрый ще до того ставъ брехлывымъ, лякаючыся гострого й збачлывого ока свого батька, але въ нимъ нема ничого злого, жорстокого.

— Я не мавъ на думци, мамо, що ёму заедно жорстокого трактовання треба. Надъ нымъ треба лышъ сыльнійшои

рукы, котра бъ нымъ конче въ ёго власнимъ интереси кермувала. Мени ёго жаль, и я думаю, що найсыльнище, що въ нимъ йе, це ёго нахылъ до пыття. Винъ бувъ бы въ сыли навить щось значного сповныты, колы бъ ёму въ надгороду обицяно пестыслену волю впытыся. Але все жъ такы, мамо, всежъ! якъ ёго уста не усохлы, колы обыджувавъ тебе такъ нечувано, то я не можу соби порадыты!.. Але тоди була такожъ хвылына, въ котрій була повынна одна «зміина» голова видбытыся! Я не хочу ничого бильше казаты и далекый видъ того, щобъ зробыты вамъ, батькови, або кому-небудь на свити, якый закыдъ за нёго; але мени все здается, що колы бъ винъ бувъ въ молодшыхъ литахъ доставсь у сыльнійши рукы пидъ керму, якъ ваши,—зъ нёго булы бъ люде выйшлы. Але вы булы вси разомъ за-надто добри й поблажлыви для нёго; вы, мамо, и батько, й сестры, особлыво жъ вы и сестры, а то черезъ боязнь передъ батькомъ и «сценамы». Це я самъ по соби знаю. За те маете теперъ таки сцены, котрыхъ, правда, не выдно по театральныхъ сценахъ, але за те воны не меньше морозъ на тили выклыкають..

Матиръ прытакувала головою.

Вона те сама все знала, и ще багато иншого, що други не зналы, а й те, зъ чого други робылы *ёму* закыдъ. Господы велыкый!—знала сама, нехай бы ёго лышъ не докорювано! Не докорювано... Це було одно, чого не могла за для тіеи своеи дытыны и за для себе переносыты, видъ часу, якъ злый духъ станувъ за нымъ...

— А скильки вамъ, мамо, таки нични сцены души й чуття стоилы, то просто страшенно й подуматы! Мамо, звидкы берется у васъ ще серце для того чоловика?--

Вона здержувалася зъ видповиддю.

Въ грунти бувъ бы винъ іи все такы не зрозумивъ. Вона була всимъ дитямъ одна матиръ, але и була кождій дытыни зъ-окрема зъ глыбыны серця *по-одыноко* матирью. Вона мала для кождого зъ своихъ дитей *окреми* очи и для того годна була любыты и *тамъ*, де други видчувалы погорду й ненависть. Годна була сыльно и глыбоко любыты.

Врешти вона голосно сказала:

— Въ тыхъ сценахъ бувъ винъ такожъ моею дытыною! Хоча я тоди передъ ёго здычилымъ поглядомъ и ёго словамы дрижала. Не зворушуйся и будь спокійный,—я тоби розскажу, якъ воно пишло. Це проста и коротка подія и,—якъ вже сказано,—давня й прызабута писня... Не зворушуйся, бо воно мени болячé! Слухай радше, а видтакъ и самъ побачышъ!..

И почала:

— Колы твоя найстарша сестра пры своій четвертій дытыни пюмерла...

— Простить, мамо, колы я вамъ заразъ-же на початку перебываю,—перебывъ іи сынъ,—але я николы докладно не знавъ, якъ жыла вона зъ своимъ чоловикомъ. Я жывъ завше такъ въ виддаленню видъ васъ,—зразу пры війску, а потимъ черезъ свою несчастну женытьбу,—дистававъ такъ ридко и таки не докладни звисткы про всихъ, що тильки теперъ почынаю вси подіи въ родыни пизнаваты и осуджуваты: хоча про найстаршу сестру знаю, що вона зробыла таку «добру партію» и выйшла замижъ зъ любовы.

— О, справди, що зъ любовы... мій сыну,—прытакнула маты.—Вона й була одна найсчаслывиша зъ моихъ дитей. Іи мужъ любывъ и шанувавъ іи незвычайно, а до того мáлыся и матеріально не-абыякъ. Не дурно говорылы люде пры звистци про іи смерть, що завыдування убыло ихъ счастя и тому мусило одно зъ ныхъ умерты. Памьятай, сыну,—де чоловикъ добрый, тамъ жинка лыха, а жинка добра, тамъ чоловикъ лыхый, а де обои добри, тамъ одно умирае; такъ вже воно бувае, мій сыну... Мій викъ и мои досвидчення жытёви переконалы мене въ тимъ. Знаешъ, сыну, що винъ робывъ, колы дистававъ добру плату за свои будивли, яко техныкъ? Увійшовшы до неи въ кимнату, винъ або стававъ тыхо, незамитно за іи плечыма и опускавъ отрымани банкноты по-пидъ іи голову, передъ облыччямъ, або якъ ни, то станувшы на порози іи кимнаты, клыкавъ іи пестлыво до себе, кыдаючы мовъ мячемъ ґрошмы до неи. А вона вже все напередъ знала, чого винъ маневрує за іи плечыма. Ґарни й

нижни хвыли видбувалыся мижъ нымы! О, вона одна, отця моя найстарша зъ донёкъ, вона була найсчаслывійша зъ моихъ дитей, хоча и якъ вчасно поклыкавъ іи Господь видъ чоловика й дитей. Такъ мій сыну, вона була на стильки счаслыва, на скильки була гарною и доброю.

Боже! колы-бъ могла теперь встаты зъ гробу й побачыты, що зъ іи биднымы сыротамы діется, надъ котрымы розбывалася й тремтила, колы-бъ могла побачыты, хто и яка ихъ мачуха, то...—старенька маты махнула рукою и лыше додала:—але Богъ взявъ самъ сторожыты надъ сыротамы, одно, себъ-то наймолодшу дытыну, поклыкавъ за матирью до себе. Вси прочи тры іи сыны, хоча й якъ занедбани збайдужнилымъ батькомъ и поневиряни паганою мачухою, вчатся добре и ведуть себе, якъ Богъ прыказуе. Господь сторожыть самъ надъ сыротамы, якъ колы яка маты замкне очи навикы... Колы отже Марія пры четвертій дытыни Богу душу виддала, занедужавъ батько такъ, сыну, що мы мусилы ёму іи смерть затаиты, и тильки въ рикъ пизнише, колы показалося, що винъ мусивъ до миста перейихаты, щобъ буты за-едно пидъ ликарськымъ дозоромъ, прыйихавъ повдовилый твій швагеръ и забравъ ёго до себе. Тильки тоди довидався, що найстаршои доньки ёго вже нема. Видтакъ выйихавъ, а зъ нымъ ще й Лидка, «що була вже наречена своёго шурына», и Олена. Лидка до догляду батька, бо вона, можна сказаты, була рожденою сестрою мылосердя и можна було на неи у всимъ спустытыся; а разомъ зъ тымъ мáла потрохы доглядаты осыротилыхъ дитей своёго шурына, котримъ мала статы за пивроку матирью; мы булы цымъ вдоволени, тымъ бильше, що за то любывъ и шанувавъ іи правдыво.

Олену выслала я въ-разъ зъ нею и батькомъ въ мисто, щобъ була Лидци помичъ, особлыво жъ въ догляданню батька въ хвороби, бо була сыльнійшого здоровля,—а по-друге щобъ учылася кравецтва и знала соби въ свити, въ потреби, чымъ-небудь заробыты на кавалокъ хлиба. А я вже тутъ осталася сама, дбаючы та прыроблюючи отутъ зъ Андрушою сяки-таки

грошенята, щобъ продовжыты батькови викъ. Батько оставсл въ мисти вже й цилый послидній пивъ-рикъ, ажъ до своеи смерты.

Въ послидныхъ дняхъ того пивъ-року, лучылося одного разу, що я мусила Андрушу выслать зъ грышмы и рижнымы потрибнымы дивчатамъ ричамы въ мисто до ныхъ. Якъ вже мабуть самъ здогадаешся, велося намъ вже пидъ той часъ матеріально дуже не добре. Зъ прыходства одержувалы мы всёго такъ мало, що зъ тымъ не було що й чыслытыся; господарка пидъ рукою Андрушн прыносыла лышь тильки, що могла насъ обохъ сякъ-такъ выжывыты; часомъ можна було десь-що спродаты, та абы вымогы хворого въ мисти заспокоиты, або прыпадаючы податкы поплатыты.

И по-воли, по-воли, мій сыну, дійшло до того, що я мусила де-що злышне зъ хаты и зъ давнійше настараного продаваты и здоровля хорого пиддержуваты, то зновъ тутъ и тамъ затягнени довгы сплачуваты. Одже—якъ кажу—прыдбала одного разу зновъ трохы грошенять; а тяжко прыпало воно мени тоди, лышъ Господь одынъ знае, якъ тяжко въ моему вику; але врешти воно мени вдалося, то и не буду довше про тее згадуваты.

Позапаковувавшы въ визъ все власною рукою, що було хворому и дивчатамъ въ мисти потрибне, я выпроводыла Андрушу въ дорогу зъ прозьбамы и мольбамы. Бороны Боже не поступаты нигде по зайиздныхъ корчмахъ, та прыстанкахъ пидъ часъ тіеи килька-годынпои подорожи до хворого, щобъ несчасный пáлигъ не перемигъ ёго, та щобъ винъ не протратывъ и не пропустывъ марно, що вдома такъ гирко збиралося; а тамъ въ мисти хворый и дивчата нетерплыво посылкы зъ дому выжыдалы Грошн я ёму повисыла зъ мошонкою власноручно на груды и, прохаючы та благословляючы ёго по килька развъ, выряжала зъ щырымъ серцемъ въ дорогу.

— Ты вже не малый, Андруша,—упомынала я ёго въ послидній разъ поважно и по доброму,—памьятай про тее, що батько въ послидныхъ своихъ дняхъ въ своій немочи, полышеный на ласку й неласку своеи родыны, и що жинка ёго й диты маютъ обовьязокъ про нёго дбаты, бо винъ дбавъ щыро про ныхъ

всихъ, видъ тои першои хвылыны, якъ тильки взявъ обовьязокъ на себе дбаты й трудытыся для ныхъ. И винъ чынывъ се, мій сыну, чынывъ безъ огирчення, або дорикання, якъ це иноди случается и въ найлипшыхъ родынахъ. Теперъ же самъ знаешъ, винъ слыве цилкомъ на ласци въ свого зятя, а зять немае обовьязку трудытыся у всимъ коло нёго. Памьятай про велыку гордисть твоёго батька, и про гирки хвыли, яки винъ безъ сумниву въ наслидокъ своеи той завысымости и своёго теперишнёго положення мусыть видчуваты. Тому,—о скильки намъ наши сылы выстарчають и позволяють,—мусымо для него трудытыся и ёго физычно й морально пидтрымуваты, бо, якъ и самъ знаешъ, писля высказивъ ликарськыхъ... ёму вже нема довгого вику... и конець може несподивано кождои хвыли наступыты.

Будь сыльный, Андрушо! будь, бодай сей однисенькый разъ, сыльнымъ мужчыною, та выведы твое завдання чесно и якъ повага хвыли вымагае. Батько буде спокійнишый и за мене, колы побачыть тебе тверезого. Хто знае, чы буде ще й потрибно йихаты зъ чымъ-небудь до нёго. Звисткы про ёго станъ мы вже видъ Лидкы давно не малы, а самъ знаешъ, що іи звычаемъ йе мовчаты, колы ёму погиршуется, щобъ на мене грызоту и смутокъ не наводыты.

Памьятай и про мене, бо я-жъ николы за тебе не забуваю,—якъ неспокійно и нетерплыво буду твоего повороту дожыдаты. Колы будешъ отже жваво йихаты та, не попасаючы, нигде, окримъ батька въ мисти, задержуватыся, то зможешъ (теперъ же рано) выгидно надъ-вечиръ дома въ мене назадъ буты.

Йидь же, мій сыну Андрушко... йидь и нехай тебе Господь счаслыво запровадыть!—Кажу то, Ёсыпе,—перервала стара маты свое оповидання,—що, що лыше було въ мени зъ сылы, щырости й доброго, я все те старалася вложыты словамы въ ёго груды, абы лыше держався сыльно и выпровадывъ свою задачу якъ слидъ.

И винъ прыобыцявъ мени тое... и, поцилувавшы покирно въ руку, пойихавъ.

. . . .

Я помолылася, якъ кождымъ разомъ, колы винъ зъ дому выйизджавъ, и провела его.

А дали лышъ очима пыльнувала его, о скильки мени на те лыше мій викъ позволявъ.

Може, винъ буде держатыся, потишала я свое бидне серце. Може, Богъ возьме его въ свою опику,—сегодняжъ недилечька свята, то може, вона буде для ныхъ *тамъ* и для мене тутъ счаслыва.

Врешти, колы мени вже зъ очей зныкъ, вернулась я въ хату, забрала свою палыцю и, замкнувшы, пійшла..

Зразу навкругы хатыны й саду, а потимъ поволи чымъ-разъ дали й дали въ поле.

— День бувъ осинній, але погидный, хоть не саме теплый, и я пійшла оттакъ, щобъ яку жыву душечку встринуты. Зъ видйиздомъ Андрушы опанувавъ мене якыйсь мучлывый несупокій, котрій мене неустанно пидгрызавъ.

Стерня розлягалася далеко и пусто передъ моима очима и якась дыка самотнисть далася навкругы видчуты; и мене, стару жинку, обгорнуло на разъ почуття, неначебъ въ тій тышыни прыблыжалась звидкись до мене невыдымо смерть, и я мала... десь, тутъ або може и тамъ, въ землю запастыся...

Разъ-въ-разъ мала я Андрушу передъ очима, а зъ нымъ и дорогу, котрую мавъ перейизжаты, и котру я ажъ надто добре знала. Якъ и самъ добре знаешъ, маючы васъ въ школи, я йиздыла нею не разъ. Отже я знала,—насампередъ йихавъ винъ гарною спокійною околыцею, видтакъ якыйсь часъ по-пры велычезный, пышный лисъ, видтакъ черезъ маліи сильця, одно передмистя, а въ-кинци вже просто до миста. Все те я бачыла выразно въ души и немовъ держала кроку зъ его жвавымъ сыльнымъ конемъ, щобъ лышъ его чымъ скорише у хворого батька побачыты.

Зъ тою думкою вышла я въ поле, а заразомъ зъ невыразнымъ бажаннямъ въ души яку-небудь людську душечку встринуты, съ котрою було-бъ можна самитнисть тои дныны легше затерты.

Одначе я не стринула никого, бо на поляхъ було вже по роботи; а колы хто зъ сильськыхъ мешканцивъ не мавъ дила до мене, то заходывъ теперъ лышъ ридко до нашои хаты.

Тожъ я глянула далеко впередъ себе и на дорогу, що вела до миста, а не побачывшы и на ній никого, поблагословыло мое старече око цилу околыцю, якъ передше, и я вернулась до хаты. Повернувшы сюды, я побачыла пидъ хатою на прысьпи коло входовыхъ дверей—стару Катерыну, котру знаешъ, вдовыцю по нашимъ дяку и,—я можу смилыво сказаты,—мою одыноку дорадныцю и потишныцю моихъ найтяжчыхъ днивъ, а тутъ одыноку товарышку. Вона прыйшла ще зъ однымъ господаремъ, котрый вернувъ якъ разъ ныни зъ миста, то одвидавшы тамъ и мого мужа, та розвидавшыся тамъ про ёго здоровля, а спытавшы у дивчать, чы не мають мени що переказаты, прыйшовъ про все оповисты и передаты поздоровлення видъ мужа и дитей.

— Ой, не добре выглядае нашъ панъ-отчыкъ, татко нашъ! (перервавъ господаръ свое оповидання) не добре, и вже зовсимъ зисохъ; Господь знае,—але ёго пожовкле и почорниле лыце не заповидае ёму багато днивъ... Смерть вызырае ёму вже зъ очей. Не мигъ вже добре говорыты, а голову мусила ёму вже ваша Лидочка пидійматы, колы хотивъ мене липше побачыты. Вамъ лыше не кажуть ничого пани-матко, але я кажу, що ледве килька день позистане на симъ свити. Мое серце немовъ застыгло въ мени, а раптовый жаль випобравъ мову. Я видчула наразъ, якъ прыблыжалася моя самитнисть на симъ свити, передъ котрою я зъ самого початку недугы вашого батька боялася... Катерына, та щыра и мудра жинка, видгадала мои почування и обизвалася.

— Идить, куме, идить! Вже сте десь за тоту годыноньку, що тамъ перебулы, и смерть у нашого татки побачылы! Погадайте лыше о тимъ, що панъ-отець вже не сёгоднишни, и що старый чоловикъ въ слабосты, а особлыво-жъ въ довгій лежи инакше выглядае, якъ молодый!

— Та се-жъ бо то й йе!—поправывъ іи кумъ,—молодый трохы въ хвороби поблидне, трохы пожовкне, видлежыть свій часъ, а дали выдышъ,—винъ вже й ставъ. Але старый,—паниматко,—старый (звернувся зъ прытыскомъ до мене), старый перебирае въ тяжкій та недобрій хвороби иншій выдъ, надъ старымъ смерть за-едно похылена, и винъ мусыть ій такъ довго въ очи глядиты, докы вона позистае надъ нымъ и въ его очахъ не видобьется. Дай, Боже, щобъ я отце передше лышъ такъ заговорывся, и дай ему ще не одну добру й веселу днынку пережыты,—але я все такы кажу вамъ отце, що знаю. Винъ бувъ для нашого села, не якъ панъ-отець бувають, але бувъ якъ ридный тато дитямъ своимъ. Винъ насъ научавъ, винъ насъ потишавъ, рятувавъ, до розуму провадывъ, и мы заедно жалуемо за нымъ, видколы мусивъ зъ-поможы насъ уступыты. Цей теперешній,—молодый, винъ нибы такожъ добрый, и не одно знае и научае, але щобъ по правди сказаты, паниматко, такымъ таткомъ, якымъ бувавъ вашъ панъ-отець для насъ, винъ намъ ныколы не буде.

И це не лышъ я кажу, але и все село. Такъ. Але оть ще, колыбъ не забуты: винъ просыть васъ не побыватыся и не грызтыся, а здатыся на Божу волю. А я потишавъ его и казавъ: «не журитеся (кажу), татку, не журитеся. Паниматка вже такожъ подалася, якъ и вы, и волѝе зъ палыцею ходыты, якъ безъ неи. Але вы знаете—кажу—що вона зъ促 зализа и навить и тоди зъ зализа, де иноди й мужчына слёзу зъ очей зитре, а винъ бидненькый лышъ сплакавъ и замовкъ.

Такъ казавъ я ему. А панна Лидія, старша ваша донечка, побачывшы мене и полышывши на сторожи коло хворого на хвылыну,—напысала отце пысьмо до васъ и—оть его вамъ! Вона такожъ дуже помарнила и поблидла. Вона була завсиды дрибна и тоненька, якъ дытына, а теперъ то стала вже така, що чоловикъ взявъ-бы іи на долоню. Ни, паниматко, вже гнивайтеся за тое смилыве слово, або ни, але такы такою гарною, якою була ваша небижка найстарша донька, то вже жадна зъ вашыхъ до-

нёкъ не йе. Хиба ще, може, ваша панна Зоня, що іи забрала ваша сестра за свою, и ще панна Лидка. Але вже ваша середуща, чы якъ іи звуть Оленка, то вже такы зовсимъ нибы видъ всихъ дитей видродылася.

Що правда, вона здорова й говорлыва хоть бы и теперъ, колы батька незабаромъ вынесуть зъ хаты; але пры тимъ и така гостра, що передъ нею й чоловикъ злякавсь-бы! Якъ стеремкотила на мене, колы я, незнаючы въ котри двери, зайшовъ до вашого зятя. Ажъ мени соромно стало, та на счастя надійшовъ и винъ якъ разъ зо мною, и вказавъ дорогу до панны Лидкы. Скажить,—перепрошуючы васъ, паниматко,—тягнувъ дали знаёмый газда,— чы се правда, що панна Лидія мае незадовго за вашого зятя виддатыся?

— Правда,—кажу,—Дмытре... правда! Винъ посватавъ іи заразъ по роци смерти своеи жинкы,—пересвидчывшыся, що Лидія добра й щыра не лыше до родычивъ и цилои родыны, але й для ёго сыритокъ. Колы ёму було найтяжче зъ дитьмы, по смерти жинкы, вона ёму свои труды видбирала и тому винъ іи дуже ушанувавъ.

— А така дрибонька и маленька, паниматко,—и така робоча й добра! оть—то дытына! Дай ій, Боже, добра замужемъ! Я гадаю, що вона мае й теперъ досыть на своій голивонци! Казала мени, що мае дуже мало помочи у всимъ въ роботи и мусыть ще окримъ доглядання батька займатыся й осыротилымы дитьмы своеи сестры.

Але чытайте лыстъ, пани-матко! Вы цилкомъ забулы, що маете лыстъ въ рукахъ. Чытайте и не журиться! Господь Богъ добрый, подбае й на-дальше про васъ!..

ГЛАВА VII.

Я неначе збудылася послиднимы словамы чоловика зъ задумы про хорого чоловика и дитей, тамъ въ мисти; и тому перечытала лышъ скоро й зворушено коротке пысьмо Лидчыне, пы-

сане также въ поспиху и въ очевыдному зворушенню; лысть той бувъ бильше-менше такого змисту:

«Дорога мамо! «прысылайте якъ найскорше ричи и, колы можете, трохы грошенять. Вышлить и мою брансолетку, котру я лышыла у васъ и котру я-бъ хтила заставыты, бо я не годна довше дывытыся на батька, якъ винъ въ своихъ, може послиднихъ дняхъ жыття выдаткамы, яки прывела ёго довга и тяжка недуга, журытся, а передъ всякою значнійшою помочею свого зятя жахается.

Мій суженый—добрый, мамо, дуже добрый, але я це розумію, що батько, будучы, такъ сказаты-бъ, въ нёго теперъ на ласци, видчувае глыбоко свое невидрадне положення. Воно й такъ вже досыть, що мы тутъ въ нёго замешкуемъ, и винъ оплачуе ликаривъ и инши выдаткы. Правда, що я стараюся зъ своеи стороны, на скилько лыше мени мій скупый часъ и сылы позволяють, надгородыты ёго доброту на ёго дитяхъ, котрыхъ и безъ того безгранычно люблю. (Все я бачу зъ ихъ лычокъ нашу дорогу незабутню Марійку). Але за те Олена, мамо, за те вона... я мушу на неи тяжко передъ вамы пожалитыся.

Вона прыйихала въ тій цили сюды, щобъ буты помичною въ догляданню батька въ хворобі, и пры тій нагоди вчытыся кравецтва. Але чы вы думаете, мамо, що вона справди журытся про батька?.. Нехай Господь боронить передъ такою помочею!

Ничымъ не журытся вона, мамо! ани батькомъ, ани иншою працею, яка кышыть въ округы насъ... а вже найменше за «кравецтво», чымъ мае нибы-то колысь заробляты соби на кусныкъ хлиба. Вона уганяе за-едно вулыцямы передъ выставкамы, або вештаючыся въ кимнатахъ мого нареченого!.. чы выпадае се дивчыни, мамо? Чы выпадае взагали ходыты стилько зъ визытамы, въ выду такого несчастя, яке насъ хоробою батька спиткало, а и ще на-дальше дожыдае?

Вы, ~~мамо~~, осталыся ~~зъ~~ несчаснымъ нашимъ пьяныцею сами въ-дома, мозолячыся й побываючыся, стараючыся гирко здобуваты той нужденный гришъ, щобъ якъ найскорше выслаты ёго намъ зновъ сюды. Тутъ хорый батько... маючый лыше даровани

дни передъ собою,—а вона безжурна... свавильна, туть и тамъ на видвидынахъ, забавляючыся, и то иноди по мисцяхъ, въ котри заходыты молодій дивчыни зовсимъ не подоба.

Мамо! отця дивчына наводыть на мене безсонни ночи. На мои упимнення и наукы держатыся своеи праци, маты поважну невеселу будучыну на оци, яка насъ жде за смертію батька, особлыво жъ іи,—видповидае вона мени, що мае свою будучыну сама на оци, и ще бильше якъ я, та що не мае замиру марноваты свои молоди лита и здоровля по кравчынахъ коло чужыхъ «шмативъ». Вона хоче озырнутыся завчасу за якымъ «добрымъ мужомъ». «Видъ шыття суконъ» (каже) не ставъ ще нихто сытый, и вона мусыть доходыты «межъ люде», и все що вона (каже) діе, то діе зъ обчысленнямъ, и не йе така огранычена, за яку я іи маю. И нехай я нею зовсимъ не журюся, бо вона вже мае «свои лита». Напышить їй, мамо, та наказуйте «працюваты». Вона розлазытся зъ линывства й недбальства, а що найважнише—нехай, рады Бога, памьятае и вважае на себе та на осудъ людей.

Що мени найпрыкрійше и найглыбше мене вражае, се те, що вона до всихъ своихъ прогулокъ и проходивъ вытягае й мого нареченого, або просто просыть ёго супроводжаты іи, куды выходыть. Той чоловикъ такъ працею обтяженый, що мае ледви хвылыну часу занятыся своимы дитьмы, або зійты на килька словець до мене и до хорого, а вона выпрохуе ёго товарыства... За те обицяется помагаты ёму въ ёго технычныхъ обчыслюванняхъ и перепысуванняхъ, що такожъ не конче потрибно. Ёму це, о скилько я замитыла, не мыло и прыкро, а иноди мени выдается, мамо, що наколы ёму всёго буде забагато, винъ кыне все лоскомъ и утече зъ своеи власнои хаты.

Пры тимъ не думайте, мамо, що якъ колы вона соби що заробыть (кравецтвомъ, чы перепысуваннямъ у мого нареченого), то може зъ того видкладае де-що и для батька. Боже бороны! заховае все тайкомъ, накупыть лакитокъ; а колы я іи вмовляю подуматы й про хворого, видказуе глумлыво, що вона працювала для себе, а не для другыхъ, а якъ я хочу, можу даты батькови

зи «свого»,—вона мени не буде бороныты. «Моимъ» (каже) розпоряджаю я... а «своимъ»—ты.

Це наша наймолодша, мамочко, наша, якъ называе себе гордо,—«повнолитня, безъ прыказаныхъ литъ», нашъ «мызынчыкъ», котрого колышня дытяча энергія вамъ и батькови такъ дуже свитлыхъ результативъ заповидала.

Вы, певно, о всимъ тоди думалы,—о всимъ добримъ, якъ це звычаемъ добрыхъ родычивъ,—але о такій безсумлинности и легкодушности, такимъ самолюбію, що проявляются теперъ въ тій дивчыни, вы певно и въ сни не сподивалыся.

Батько й десятои часты не знае зъ іи учынкивъ; а зъ самои немичи, обезсылення ставъ проты неи податлывый. Але я, мамо, я вдаюся до вашого велыкого й твердого розуму, якъ и до вашого материнського авторитету. *Мени справляе Олена журбу; я боюсь за іи будучыну.*

Поздоровляю Андрушку.

P. S.

Наша дорога Зоня, мамо, прыслала недавно, якъ разъ въ день ангела батькового, красный, грошевый дарунокъ для нёго, пры котрій нагоди батько розплакався, якъ мала дытына. «Мій далекый Ангелъ (говорывъ) не забувае за мене;—а не справляла намъ своимъ буттямъ, скилько була вдома, ни найменшого клопоту.—О, вы, мои добри голубы!»—хлыпавъ хворый (теперъ вже дуже хворый, мамо), а колысь то, якъ уродылася, ваша маты тяжко вамы журылася! А теперъ кожне зъ васъ носыть дни мои, прызначени мени Богомъ, на своихъ добрыхъ рукахъ!» и пры тимъ цилувавъ мои рукы.

Мамо! мое серце краялося пры тыхъ ёго словахъ зъ болю; якъ разъ день передъ тымъ урвала Олена кусень ёго гарного золотого ланцюжка видъ годынныка тайкомъ, и мабуть заминяе десь за лакиткы, або марне лахмиття.

Не журиться, мамо, але я мушу зъ вамы,—хоть и якъ це мени прыкро,—подилыты мій сумъ и жаль!

Я, мамо, физычно дуже на сылахъ пидупала. Мои нервы, черезъ чатування по ночахъ пры батьковы, ослабылыся до краю.

Я не здорова!..

Колы прыйиде Андрушка?»

Слово «Андрушка» немовъ прыклыкало мене зъ того иншого свита. Я не думала вже ни про що инше. А ни про Лидку, а ни про Зоню, а ни про Олену: я бачыла лыше свого бидного хворого чоловика,—котрому «вже смерть зъ очей вызырала»,—и Андрушку въ дорози до нёго. Винъ мусивъ вже давно до цили дойихаты, мусивъ вже руку дорогого старця поцилуваты.. або, може, теперъ десь... сымы хвылынамы, теперъ може вже, певно теперъ...

— Дмытре!—звернулася я наразъ до доброго чесного господаря, чы не здыбалы вы прыпадково мого Андрушу въ дорози до миста? Винъ выйихавъ ныни зъ ранку зъ де-якымы орудками до батька й сестеръ.

— Якъ разъ, що я здыбавъ!—видповивъ Дмытро,—якъ разъ коло передмистя. Винъ йихавъ зъ-вильна, хоча ёго кинь выдався мени мокрисинькій.

Я повздержала духъ.

— Чы винъ задержувався де? (Мои думкы розпорошылыся и не складалыся до жаднои видповиди самій соби). Але уста спыталы механично:—чы винъ попасавъ де?—Добрый чоловикъ видгадавъ мій страхъ зъ моихъ очей, або безтонного голосу, бо видповивъ мени якось-то скварно:—винъ, о скилько мени выдалося, дуже поспишався и не хтивъ ставаты, колы я збирався прытрыматы свою шкапыну, щобъ перекынутыся де-якымъ словомъ.

Пьяныци и божевильни бувають хвылямы хитрійши надъ нормальныхъ,—зойкнуло мени чомусь у души.

А голосно спытала я:

— Пойихавъ дали?..

— «Такъ; клыкнувъ мени лыше, що йиде до батька, и вдарывъ коня батогомъ, инакше бъ хтивъ мени утекты зъ очей, и я не мигъ видъ нёго ничого бильше довидатыся.

— Не турбуйтеся, пани матко!—успокоювавъ мене той простый чоловикъ, що знавъ Андрушку и вгадавъ мою журбу.— Винъ и немавъ такъ дуже де вступыты. Я ёго добре знаю! Окримъ того мавъ ще тильки мале передмистя перейихаты. Най-

гирши мисця, а то тіи зайиздни корчмы на пустыхъ поляхъ, винъ вже мынувъ, тому не турбуйтеся. Зъ вечеромъ будете ёго зновъ въ себе маты. Завсигды не йде вже винъ за послухомъ своёго злого духа, а ныни маемо и святу недиленьку!

— «Святу недиленьку»...—повторыла я механычно и замовкла... Отцѐ довидалася я...

Видтакъ оставылы мене стари люде саму зъ моимы мукамы, зъ моею журбою и зъ тымъ страховыщемъ смерти моёго чоловика передъ очима...

. . . .

Стара жинка опустыла на хвылынку голову внызъ, виддыхуючы такъ важко, немовъ бы держала на плечахъ велычезный тягаръ.

Іи сынъ уклавъ свою голову вже давно на іи колинахъ и держався нерухомо, мовъ и не дыхнувъ.

На разъ пидняла старенька голову, втопыла мовчкы поглядъ въ викно и дывылася туды якый часъ, немовъ хтила розибраты зъ гульбы снижынъ, чы довго ще до правдывои пичнои заметильныци; бо дерева, старый плитъ передъ викнамы булы вже грубо снигомъ обсыпани.

Описля почала сама дали:

— Видтакъ настала ничъ, мій сыну,—холодна, пуста, смерты жадибна ничъ, зъ такымъ зорыстымъ небомъ, якого прыводять зъ собою лыше пизни осинни ночы. Мене застала зкулену въ закутку, выжыдаючу сына.

Въ кимнати не було свита.

Я не могла ёго знесты. Мени було мылише въ потемкы; окримъ того щадыла я й свитла, а въ кимнати й такъ не було що выдно. Була вже и такъ на-пивъ порожня. Кильки вуглыкивъ, що жарило въ печи й огривало страву дожыданого, выстарчало мени на освитлення, бо жарило мени ажъ до глыбыны души.

Було вже коло пивъ-ночы, а Андруши все ще не було. Я дывылася видъ часу до часу на вугилля, чы не погасло, и грымала страву теплишъ.

Зразу я молылася... За всихъ, зъ першу за шисть помершыхъ, котри можуть мене колысь на тамъ-тимъ свити повитаты, а видтакъ за жывыхъ, а писля надслухувалася...

Охъ те дожыдання и надслухування!.. Те надслухування кождого найслабшого шелесту въ такій страшенній самитности й тышыни!.. А далеко й шыроко—жаднои жывои душечкы, ни якои хатыны...

Далеко, шыроко, якъ ты самъ одынъ!

Що то не зачувается оттакъ въ такыхъ хвыляхъ, мій сыну, що то не зачувается! — сказала стара маты зъ протягомъ и похытала головою. А до того твое нутро! Охъ мое само зъ себе глузуюче, николы невмовкаюче нутро, зъ своимъ почуваннямъ на супротывъ тіеи мертвои тышыны навкругы тебе!.. Оть-оть, здавалося мени, загуркотивъ визъ... отъ-отъ прыйихавъ визъ, прыволикся конысько, якъ вже не разъ. самъ одынъ до-дому, и брала палыцю въ рукы, моцювалася напомацкы на двиръ и розглядалася въ ясну зористу ничъ.

О. Кобылянська.

(Дали буде).

МАЛОРОССЫ ПО ПЕРЕПИСИ 1897 Г.

Результаты первой всеобщей переписи населенія Россійской Имперіи, произведенной въ началѣ 1897 г., относительно распредѣленія населенія по преобладающему родному языку, наконецъ, опубликованы въ 7-мъ выпускѣ изданія переписи, подъ редакц. Н. А. Тройницкаго. Теперь является возможность представить этнографическую картину Имперіи на основаніи болѣе или менѣе твердыхъ данныхъ. Конечно, нельзя опубликованнымъ даннымъ придавать значеніе полной точности и достовѣрности: первая перепись не могла преодолѣть всѣхъ трудностей, воздвигнутыхъ на пути ея выполненія нашей тяжелой исторіей, не могла также надлежащимъ образомъ выполнить щекотливый вопросъ о родномъ языкѣ, требующій, съ одной стороны, сознательнаго національнаго самоопредѣленія и, съ другой, полнаго уваженія къ этому самоопредѣленію, тогда какъ наше прошлое культивировало именно идеи насильственной національной нивилировки. Многія данныя переписи по упомянутому вопросу положительно вызываютъ недоумѣніе и сопровождаются фактами, извѣстными намъ изъ другихъ источниковъ, бросаются въ глаза противорѣчія данныхъ переписи, неточности подсчетовъ и явные пропуски. Но мы не имѣемъ въ виду заняться исправленіемъ этнографической картины, представленной переписью, и ограничиваемся задачей—воспользоваться матеріаломъ переписи для выясненія общаго числа

малороссовъ и распредѣленія ихъ на территоріи Имперіи. Приходится отмѣтить, что перепись, къ сожалѣнію, дала лишь сырой матеріалъ и что пользующійся этимъ матеріаломъ вынужденъ собственными силами производить подсчеты и исчислять процентныя отношенія.

Суммируя данныя переписи, можемъ дать слѣдующую таблицу распредѣленія малорусской національности по крупнымъ районамъ.

	Число въ тысячахъ.	% населенія раіона.
Юго-западныя губ. (3) . .	7.357	77
Малороссійскія (3) . . .	6.118	80
Новороссійскія (4) . . .	3.909	47
Великорус. цент. (2) . . .	1.443	30
Донская область и Сѣверный Кавказъ.	1.990	33
Приволож. и Пріуральск. (4)	440	6
Привислинскія (9). . . .	333	3
Сѣверо-западныя (1) . . .	362	22
Сибирскія (9)	193	3
Среднеазіатскія (9). . . .	98	1,2
Кавказскія (8)	29	0,4
Въ заграничномъ плаваніи на военныхъ корабляхъ и въ Бухарѣ	3	17
Всего въ Имперіи кромѣ Финляндіи.	22.175	17,6

Полученная цыфра малороссовъ въ Имперіи значительно разнится отъ цыфръ, апріорно приводимыхъ изслѣдователями. Такъ, проф. М. Грушевскій въ своемъ «Очеркѣ исторіи украинскаго народа» (С.-Пб. 1904 г.) насчитываетъ въ Имперіи до 27 мил. душъ, а другіе—еще болѣе. Полагаемъ. что. несмотря на всѣ недочеты переписи, послѣдняя цыфра все-таки значительно превышаетъ дѣйствительное число м-въ.

Теперь обратимся къ болѣе детальному изображенію разселенія малороссовъ.

Въ Юго-западномъ краѣ малороссы живутъ сплошною массою, составляя около трети всѣхъ малороссовъ Имперіи, при чемъ

въ Кіевской губ. . .	2.819 тыс.	или	79%	нас. губ.
» Подольской . .	2.242	»	80%	»
» Волынской. . .	2.0:9	»	70%	»

Изъ этихъ данныхъ видно, что Кіевская и Подольская губерніи почти въ равной мѣрѣ заселены малороссами, тогда какъ Волынская губ., эта исконная малорусская область, подверглась колонизаціи иноплеменныхъ элементовъ. Относительное значеніе этнографическихъ элементовъ, населяющихъ край, представляется изъ слѣдующей таблицы:

ПРОЦЕНТЫ.

	Кіевск.	Подол.	Волын.
русскихъ . . .	85,27	84,23	73,74
(въ т. ч. м-въ . .	79,20	80,93	70,09
евреевъ	12,09	12,24	13,20
поляковъ . . .	1,94	2,29	6,16
нѣмцевъ. . . .	»	»	5,73
чеховъ	»	»	0,93
молдаванъ . . .	»	0,89	»
прочихъ . . .	0,70	0,35	0,24

Болѣе равномѣрно малороссы заселили *Подольск.* губ. Здѣсь колебанія по уѣздамъ составляютъ всего 10%—между 74% (Винницкій) и 85% (Ямпольскій), что объясняется отсутствіемъ значительныхъ городскихъ поселеній, населенныхъ преимущественно евреями и понижающихъ процентъ м-въ въ уѣздѣ.

Если исключить два уѣзда *Кіевской* губ. Кіевскій и Бердичевскій, гдѣ малороссы составляютъ всего 56 и 67%% населенія благодаря вліянію расположенныхъ въ этихъ уѣздахъ крупныхъ городовъ, то по остальнымъ десяти у.у. колебанія составятъ всего 12%—между 78% (Радомысльскій) и 90% (Чигиринскій).

Въ *Волынской* губ. малороссы слабѣе представлены въ западныхъ у.у. (Луцкомъ, Дубенскомъ, Ровенскомъ) и въ Житомирскомъ, гдѣ свила себѣ прочное гнѣздо нѣмецкая и отчасти чешская колонизація, не говоря о болѣе древней—польской и еврейской. Колебанія по у.у. значительны и составляютъ 27%—между 56% (Луцкій) и 83% (Овручскій). Болѣе высокимъ процентомъ малороссовъ обладаютъ, кромѣ Овручскаго у., еще Ковельскій и Кременецкій—по 80%, а также Заславскій и Староконстантиновскій—по 77%.

Малороссійскія губерніи далеко неодинаково заселены малороссами:

въ Полтавской губ. . . .	2.583	тыс. д. или	92%
» Харьковской » . . .	2.009	»	80%
» Черниговск. » . . .	1.526	»	66%

Полтавская губернія должна считаться въ полномъ смыслѣ малорусской областью: здѣсь малорус. національность имѣетъ наиболѣе благопріятныя условія для сохраненія и развитія, рѣзко подавляя своею численностью прочія этнографическія группы. Колебанія по у.у.—18%: между 80% (Кременчугскій) и 98% (Зеньковскій). Изъ тринадцати у.у. губерніи въ двѣнадцати м-въ свыше 93 % и лишь въ трехъ у.у.—менѣе того, а именно: въ Полтавскомъ—88%, Кременчугскомъ—80% и Константиноградскомъ—86%, при чемъ въ первыхъ двухъ сказалось понижающее вліяніе большихъ городовъ, въ третьемъ—великорусская и нѣмецкая колонизація.

Въ *Харьковской* губ. малороссы встрѣтились съ великороссами, которыхъ всего болѣе въ Зміевскомъ у.—35%. Колебанія % малороссовъ по у.у. весьма значительны: въ 8 у.у. всего 8%—между 83% (Старобѣльскій) и 97% (Валковскій)—и въ 3 у.у. малороссовъ значительно меньше — въ Харьковскомъ 54%, Зміевскомъ—63% и Валчанскомъ—74%. Свыше 90% м-въ числится въ Валковскомъ, Лебединскомъ, Сумскомъ, т. е. въ сѣверо-западномъ углу губерніи. Нѣмецкая колонизація замѣтна лишь въ Изюмскомъ у.у. (1,5%).

Черниговская губ. одной своею частію, при томъ значительнѣйшей,—всего одиннадцать у.у.,—примыкаетъ къ раіону сплошного поселенія малороссовъ. Въ этихъ уѣздахъ колебанія составляетъ всего 13%—между 86% (Черниговскій) и 98% (Городненскій), при чемъ, если исключить Черниговскій у. съ губернскимъ городомъ, то колебанія въ десяти уѣздахъ составляютъ всего 8%. Другая часть губерніи, состоящая изъ трехъ у.у., крайнихъ сѣверныхъ—Суражскаго, Мглинскаго и Стародубскаго, *совсѣмъ* будто бы лишены малороссовъ. Здѣсь живутъ «русскіе» и евреи. Среди русскихъ замѣтную величину составляютъ бѣлоруссы, которыхъ въ Суражскомъ у. 68% и въ Мглинскомъ—около 15%, по отношенію же къ населенію всей губерніи ихъ 6,5%. Евреи составляютъ по губерніи 5%. Изъ прочихъ этнографическихъ группъ обращаютъ на себя вниманіе въ Борзенскомъ у. нѣмцы—около 3%.

Хотя въ *Новороссійскихъ* губерніяхъ малороссы составляютъ замѣтную величину, но все-таки не столь подавляющую, какъ въ первыхъ двухъ раіонахъ, являющихся центромъ малорусскаго населенія съ $^3/_5$ м-въ Имперіи. Въ этомъ раіонѣ малорусская колонизація, сравнительно поздняя, столкнулась съ оживленной великорусской, довольно замѣтной нѣмецкой и молдаванской, а также встрѣтила въ нѣкоторыхъ мѣстахъ старыхъ насельниковъ.

Въ Екатериносл.	г.	малороссовъ . .	1.456	т д. или	68%.
» Херсонской	»	»	1.462	»	53%
» Таврической	»	»	611	»	42%
» Бессарабской	»	»	379	»	19%

Въ *Екатеринославской* губ. въ половинѣ уѣздовъ наблюдаются процентныя отношенія малороссовъ ко всему населенію, тожественныя съ коренными малорусскими областями: въ Павлоградскомъ у.—80%, Александровскомъ—83, Верхнеднѣпровскомъ—90% и въ Новомосковскомъ—93%. Въ другой половинѣ у.у. % малороссовъ ниже: въ Бахмутскомъ—58%, Екатеринославскомъ—55%, Славяносербскомъ—50% и, наконецъ, въ Маріупольскомъ—46%. Въ послѣднемъ, какъ приморскомъ, населеніе отличается особенной пестротой:

	тысячъ	въ %-хъ
русскихъ	154	60,85
грековъ	48	19,00
нѣмцевъ	19	7,52
татаръ	15	6,10
евреевъ	10	4,05
турокъ	5	2,09
прочихъ	0,9	0,39

Въ общемъ, западная часть губерніи значительнѣе заселена малороссами, чѣмъ восточная. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что пришлый людъ играетъ большую роль въ населеніи губерніи и состоитъ онъ преимущественно изъ великороссовъ.

Въ *Херсонской* губ. можно отмѣтить тѣ же явленія, что въ Екатеринославской, только къ меньшей выгодѣ для малороссовъ. Въ такомъ чисто земледѣльческомъ у., какъ Александрійскій, малороссы составляютъ 85%. Вѣроятно, таковъ же былъ бы процентъ малороссовъ въ Елисаветград. и Херсонскомъ у.у., если исключить вліяніе на него большихъ городовъ. Впрочемъ, тутъ, какъ и въ Ананьев. и Тирасп., уже рѣзче сказывается вліяніе нѣмецкой и молдаванской колонизаціи. Въ Ананьевскомъ у. малороссы составляютъ 61%, въ Тираспольскомъ же всего 33%. Въ послѣднемъ этнографическій составъ населенія таковъ:

русскіе	121	тыс.	или	50,5%
молдаване	59	»	»	24,9
евреи	23	»	»	9,9
нѣмцы	23	»	»	9,9
болгары	8	»	»	3,3
прочіе	3	»	»	1,5

Въ *Таврической* губ. малороссы живутъ сплошною массою лишь въ трехъ материковыхъ у.у.—Днѣпровскомъ (73%), Бердянскомъ—(59%) и Мелитопольскомъ—(54%). Изъ остальныхъ (крымскихъ) у.у. лишь въ Перекопскомъ—малороссовъ—21%: въ прочихъ же у.у- они мало замѣтны среди пестраго населенія, составляя 7—16%, а въ Ялтинскомъ всего 2%. Абсолютныя

цыфры малороссовъ распредѣляются такъ: въ упомянутыхъ трехъ материковыхъ у.у.—546 тыс. д., въ крымскихъ же—всего 65 т. д.

Бессарабская губ., при наличности коренного населенія—молдаванъ, населена малороссами гораздо слабѣе прочихъ губерній Новороссіи. Здѣсь только въ сѣверо-западной ея части, въ Хотинскомъ у., малороссы составляютъ главное ядро населенія—163 тыс. или 56%. Въ остальныхъ же у.у. малороссы, въ числѣ 202 тыс., составляютъ меньшинство населенія: въ Аккерманскомъ у.—26%, Измаильскомъ—19%, Бендерскомъ—17%, Сорокскомъ—16%, Бѣлецкомъ—11%, а въ Кишиневскомъ—всего 1%.

Изъ *центральныхъ великорусскихъ* губерній только въ двухъ—Курской и Воронежской—малороссы заняли обширную территорію и составляютъ замѣтную величину въ населеніи, въ перемежку съ великоруссами, при чемъ

въ Курской губ.	малороссовъ	527	тыс.	или	22%
« Воронежской	»	916	»	»	36%

Въ *Курской* губ. малороссы живутъ на большей половинѣ территоріи губерніи, въ 9 у.у., кромѣ 7 сѣверныхъ у.у., приблизительно южнѣе линіи р. Сейма. Всего болѣе они заселили у.у.—Грайворонскій (58%), Путивльскій (52%), Новооскольскій (51%), Суджанскій (48%), слабѣе—Рыльскій—(36%), Корочанскій (34%), Бѣлгородскій (21%), Обоянскій (10%) и Старооскольскій (8%). Въ семи сѣверныхъ у.у. малороссовъ не числится.

Воронежская губ. гораздо болѣе Курской колонизована малороссами. Изъ двѣнадцати у.у. только четыре сѣверные у.у. являются исключительно великорусскими. Въ остальныхъ же малороссы разселились либо весьма плотною массою, какъ въ Острогожскомъ, Богучарскомъ и Бирюченскомъ у.у., гдѣ они составляютъ 90, 81 и 70% населенія, либо весьма замѣтной величиной, какъ въ Валуйскомъ—51%, Павловскомъ—42%, либо, наконецъ, составляютъ меньшинство,—какъ въ Бобровскомъ—16% Коротоякскомъ и Новохоперскомъ—15%.

Въ обширномъ раіонѣ, охватывающемъ степныя пространства—*Донскую обл. и Ставропольскую губ. и Сѣверный Кавказъ*—Кубанскую и Терскую области, малороссы, какъ и въ предыдущемъ раіонѣ, даютъ себя знать внушительными цыфрами:

въ	Донской обл.	малороссовъ	719	тыс.	или	28%
»	Ставропольской губ.	»	319	»	»	36%
»	Кубанской обл.	»	908	»	»	47%
»	Терской »	»	42	»	»	4%.

Въ *Донской* области свыше 75% означеннаго числа малороссовъ области живетъ въ трехъ юго-западныхъ округахъ—Таганрогскомъ—254 тыс. или 61%, Ростовскомъ—124 т. или 31%, Донецкомъ 177 тыс. или 38%. Въ Сальскомъ округѣ ихъ 22 тыс. или 28%. Въ остальныхъ округахъ малороссовъ 6—18%.

Въ *Ставропольской* губ.—въ Новогригорьевскомъ, Медвѣженскомъ и Александровскомъ у.у. малороссы составляютъ—50, 45 и 38% населенія. Въ Ставропольскомъ же у. 10% и на территоріи кочующихъ народовъ—всего 5%. Въ данной губ. малороссы живутъ рядомъ съ великороссами; инородцевъ же, кромѣ спеціальной территоріи кочующихъ народовъ, въ губерніи числится не много.

Кубанская обл., какъ извѣстно, представляетъ далеко выдвинутый впередъ этапъ густой малорусской колонизаціи. Однако, только въ Пріазовскихъ отдѣлахъ—Темрюкскомъ и Ейскомъ—малороссы составляютъ $^3/_4$ населенія, а въ обоихъ вмѣстѣ—свыше половины малороссовъ всей области. Меньше значится малороссовъ въ Екатеринодарскомъ—51% и Кавказскомъ—45%. Въ остальныхъ трехъ они составляютъ меньшинство—Лабинскомъ—17%, Майкопскомъ—31%, Баталпашинскомъ—27%. Въ Кубанской области малороссамъ приходится сожительствовать съ великороссами, которыхъ, однако, меньше, чѣмъ малороссовъ, равно съ разными инородцами, какъ черкессы (2%), карачаевцы, нѣмцы, греки (свыше 1%). Особенно значителенъ процентъ инородцевъ въ Баталпашинскомъ, Екатеринодарскомъ и Майкопскомъ округахъ; свободенъ отъ инородцевъ лишь Ейскій окр.

Въ *Терской* обл. малороссы мало замѣтны среди массы инородческаго населенія. Всего болѣе ихъ въ Пятигорскомъ отд.—25 тыс. или 13%. Въ остальныхъ окр. ихъ числится по 1—4 тыс. или $0,^6$–4%. Въ Владикавказскомъ окр. малороссовъ совсѣмъ не значится.

Приволжскій край и отчасти *Пріуралье* тоже затронуты малорусской колонизаціей, а именно:

въ Самарской	губ.	малороссовъ	119	тыс. или	4%
» Саратовской	»	»	149	» »	6%
» Астраханской	»	»	133	» »	11%
» Оренбургской	»	»	38	» »	$2,^3$%

Въ *Самарской* губ. малороссы сосредоточиваются преимущественно въ Новоузенскомъ у., гдѣ ихъ—70 тыс. или 17% и гдѣ они сталкиваются съ разнообразными этнографическими элементами. Относительно малороссовъ въ прочихъ у.у. губерніи перепись не даетъ данныхъ.

Изъ десяти у.у. *Саратовской* губ. малороссы живутъ въ четырехъ (западныхъ и южныхъ)

въ Аткарскомъ	ихъ	38	тыс. или	13%
» Балашовскомъ	»	41	» »	13%
» Камышинскомъ	»	46	» »	11%
» Царицынскомъ	»	12	» »	8%.

Въ названныхъ у.у. малороссы поселились среди великороссовъ, совсѣмъ не сталкиваясь съ финскими племенами, населяющими сѣверные уѣзды губерніи. Въ Камышинскомъ у. до 40% населенія составляютъ нѣмцы.

Въ *Астраханской* губ. малороссы живутъ по Волгѣ въ Царевскомъ у.—75 т. или 38%, Черноярскомъ—40 тыс. или 40% и Енотаевскомъ—13 тыс. или 18%.

Въ *Оренбургской* губ. малороссы основались только въ Оренбургскомъ у.—29 тыс. или 5% и въ Орскомъ—9 т. или 4%.

Въ *Привислинскомъ* краѣ малороссы, теряясь среди массы польскаго населенія, крупными группами живутъ

въ Люблинской губ.	196	тыс.	или		8%
» Сѣдлецкой.	107	»	»		14%
» прочихъ 7 губ.	29	»	»		

Въ *Люблинской* губ. малорусскія поселенія смыкаются съ таковыми же Волынской губ., т. е. находятся въ южныхъ и восточныхъ у.у.:

въ Грубешовскомъ	60	тыс.	или		60%
» Томашовскомъ.	48	»	»	св.	50%
» Холмскомъ.	46	»	»		33%
» Бѣлгорайскомъ	20	»	»		20%
» Замостьскомъ.	9	»	»		8%
» Красноставскомъ.	5	»	»		

Въ *Сѣдлецкой* губ. малороссы населяютъ восточные у.у., примыкающіе къ Гродненской губ. и составляющіе съ малорусскими у.у. послѣдней губерніи т. наз. Подляшье:

въ Владавскомъ.	54	тыс.	или	56%
» Бѣльскомъ	29	»	»	38%
» Константиновскомъ.	18	»	»	30%

Въ прочихъ же у.у. малороссовъ значится небольшое число.

Изъ *Сѣверозападныхъ* губерній малороссы значатся только въ одной Гродненской, тогда какъ присутствіе ихъ въ Минской губ. едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, хотя обнаруженіе ихъ въ послѣдней губерніи требовало бы извѣстной научной подготовки отъ переписчика.

Въ *Гродненской* губерніи малороссы живутъ въ южныхъ ея частяхъ:

въ Кобринскомъ у.	146	тыс.	или	ок.	80%
» Брестскомъ	140	»	»	»	63%
» Бѣльскомъ	64	»	»	»	39%
» Пружанскомъ.	9	»	»	»	60%

Въ названныхъ у.у., кромѣ малороссовъ, еще живутъ евреи (12—20%), поляки (1—4%, въ Бѣльскомъ же—34%), бѣлоруссы (въ Бѣльскомъ—4% и въ Пружанскомъ—75%).

Въ остальныхъ уѣздахъ Гродненской губ. малороссы не значатся.

Колонизаціонный потокъ послѣдняго времени занесъ малороссовъ и въ далекую *Сибирь*, гдѣ малороссы разселились кустами вплоть до Тихаго Океана. За время 1894—1899 г. максимумъ переселенцевъ дала Полтавская губ.—свыше 100 тыс. переселенцевъ въ Сибирь, Черниговская—до 100 т., Харьковская—до 50 тыс. [1]), т. е. какъ разъ Малороссійскія губерніи.

Въ *Амурской* обл. малороссовъ—въ 21 тыс. или 14 %.

Въ *Приморской* обл.—33 т. или 13%, при чемъ большинство малороссовъ живетъ въ Южно-Уссурійскомъ окр.—31 тыс. или 258%.

Большая половина малороссовъ, переселившихся въ Сибирь, осѣла въ *Томской* губ.—99 тыс. или 5% населенія. По округамъ же малороссы распредѣляются такъ: въ Барнаульскомъ—50 тыс. или 8%, Змѣиногорскомъ 10 т. или 5%, Маріинскомъ—11 т. или 8%.

Въ *Енисейской* губ. малороссовъ числится всего 13 тыс.—въ Ачинскомъ окр. — 6 т. или 5% и въ Канскомъ — 7 тыс. или 7%.

Въ *Тобольской* губ. малороссовъ—19 тыс., которые сосредоточиваются въ Тюкалинскомъ округѣ, гдѣ они составляютъ 9% населенія.

Кромѣ того, малороссы значатся въ Забайкальской обл.—въ Читинскомъ окр. ($3_{,8}$ тыс. или $2_{,7}$%) и на Сахалинѣ ($2_{,3}$ тыс. или 7%).

Болѣе половины малороссовъ *Среднеазіатскихъ владѣній* живетъ въ *Акмолинской* обл.—51 тыс. или 7%,—въ томъ числѣ,

---

[1]) Колонизація Сибири. Издаіе Кн-та Министровъ С.-ПБ. 1900 г.

въ Кокчетаевскомъ у.—19 т. или 12%, Петропавловскомъ — 20 или 12%, Омскомъ—4 т. или 4%.

Въ *Семирѣчинской* обл. малороссовъ всего 18 т., въ Сыръ-Дарьинской—12 т., Закаспійской—5 тыс., Семипалатинской—2 т., Самаркандской — 2 т., Тургайской—4 т., Ферганской — $1{,}7$ тыс., т. е. весьма незначительный процентъ населенія названныхъ областей.

Понятно, что въ Сибири и Средней Азіи малороссы затериваются въ массѣ инородцевъ и великороссовъ, такъ что перепись легко могла многихъ изъ нихъ не зарегистрировать [1]).

На *Кавказѣ* малороссамъ не удалось занять важныхъ позицій въ средѣ разноплеменнаго населенія этого края. Лишь въ Черноморской обл. сказалась малорусская колонизація послѣдняго времени: здѣсь малороссовъ $9{,}2$ тыс. или 16% населенія. Въ оотальныхъ областяхъ малороссы составляютъ не свыше $1{,}7$% (Карская обл.), и если принять во вниманіе, что свыше половины малороссовъ этихъ областей живетъ въ городахъ, то можно предположить, что это—въ значительной части военный людъ, укомплектованный въ малорусскихъ областяхъ.

Если подвести итогъ изложенному, то окажется, что насчитывается малороссовъ

свыше 75%—	въ	4	губ. и	обл. и	69	у.у.,	округахъ и	пр.
50 — 75%	»	4	»	»	35	»	»	»
25 — 50%	»	5	»	»	21	»	»	»
10 — 25%	»	8	»	»	28	»	»	»
5 — 10%	»	5	»	»	15	»	»	»
1 — 5%	»	8	»	»	18	»	»	»

Перепись, кромѣ того даетъ возможность установить число малороссовъ, населяющихъ города. Это число не велико—всего 1.211. тыс. или $5{,}2$% малороссовъ Имперіи (7% общаго числа

---

1) Намъ извѣстны, напр., малорусскія поселенія въ Минусинскомъ у. Енисейской губ., существовавшія до переписи и, однако, не зарегистрированныя ею.

горожанъ Имперіи). Такимъ образомъ, по переписи, малороссъ представляется настоящимъ «хлѣборобомъ», еще мало изощрившимъ свои способности въ промышленномъ и торговомъ занятіяхъ.

Таковы наблюденія надъ условіями разселенія малороссовъ на территоріи Имперіи и ихъ сожительства съ другими этнографическими группами.

—

Мы здѣсь не изслѣдовали, какъ образовалось племя, насчитывающее свыше 22 мил. д. об. пола, какъ оно въ историческомъ процессѣ разселилось на огромной территоріи. Все это свершилось частію за предѣлами исторіи, частію на ея глазахъ. Но до сихъ поръ это былъ чисто стихійный процессъ развертыванія полнаго жизненности и энергіи народа, не закончившаго еще первоначально-славянскихъ переселеній, стремящагося занять подъ земледѣльческую культуру новыя территоріи и на нихъ запѣть свои трудовыя пѣсни. Однако, наступаетъ пора сознательнаго вмѣшательства въ этотъ стихійный процессъ развитія малорусской національности съ цѣлію укрѣпленія пріобрѣтеній ея духа и дальнѣйшаго ея развитія, и намъ пріятно отмѣтить, что прочищаются пути для этого вмѣшательства и открывается эра національнаго возрожденія вмѣстѣ съ общимъ возрожденіемъ нашей государственной жизни.

А. Ярошевичъ.

Къ исторіи польскаго возстанія въ юго-западномъ краѣ въ 1831 году.

Сраженіе русскихъ съ поляками подъ м. Дашевомъ, 2 мая 1831 г., по разсказамъ старожиловъ.

$^{17}/_{29}$ ноября 1830 г. началось польское возстаніе въ г. Варшавѣ, и, по отзыву компетентныхъ лицъ и сознанію самихъ поляковъ, еслибы только великій князь Константинъ Павловичъ рѣшительно воспользовался имѣющимися у него средствами, то возстаніе легко было подавить въ самомъ началѣ. Но великій князь не воспользовался своимъ положеніемъ, а приказалъ 18 ноября 1830 г. русскимъ войскамъ и оставшимся вѣрными польскимъ войскамъ очистить городъ и расположиться у Мокотовской заставы, а самъ поселился въ с. Вержбнѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ Варшавы. Положеніе великаго князя и его отряда—безъ денегъ, продовольствія, оружія — среди непріятеля было крайне опасно. Затѣмъ великій князь вышелъ изъ Польши и 2 декабря 1830 г., перейдя рѣку Бугъ у Влодавы, вступилъ на русскую землю; крѣпости Модлинъ и Замостье были сданы полякамъ. 22 ноября 1830 г. въ г. Варшавѣ было учреждено временное правительство съ княземъ Чарторыйскимъ во главѣ. Главнокомандующимъ польскихъ военныхъ силъ былъ назначенъ генералъ Хлопицкій. Возстаніе

начало разростаться: изъ Варшавы перешло въ ближайшие города; вездѣ основывались революціонные клубы, учреждалась національная гвардія, или «стража безопасности», и приглашала народъ къ возстанію. 6 декабря 1830 г. самовольно собрался польскій сеймъ, обнародовалъ манифестъ о возстановленіи Польши въ прежнихъ предѣлахъ, но большинство поляковъ не сочувствовало этому. Генералъ Хлопицкій отправилъ даже въ Петербургъ къ императору Николаю князя Любецкаго и графа Язерскаго для переговоровъ. Императоръ принялъ ихъ не какъ депутатовъ, а какъ должностныхъ лицъ, и требовалъ полной и безусловной покорности отъ поляковъ и на этомъ только условіи соглашался примириться съ ними. Депутаты на это не согласились, и возстаніе начало разростаться. 13 января 1831 г. польскій сеймъ, по предложенію Салтыка, объявилъ династію Романовыхъ лишенною польскаго престола, и такимъ образомъ совершился окончательный разрывъ Россіи съ Польшей. 24 и 25 января русскія войска стали вступать въ Польшу и нигдѣ не встрѣчали польскихъ. Главнокомандующій Хлопицкій всѣми силами старался отклонить войну, не желалъ развивать вооруженій и предпринимать какихъ либо наступательныхъ операцій; не вѣрилъ въ польскія банды и, по настоянію революціонеровъ, отказался отъ командованія войсками, а на его мѣсто былъ назначенъ князь Михаилъ Радзивилъ. Народонаселеніе къ русскимъ войскамъ относилось сначала сдержанно. Первая стычка русскихъ войскъ съ польскими произошла у Сточека, была неудачна для русскихъ, и это обстоятельство имѣло громадное значеніе для поляковъ— подняло ихъ духъ, содѣйствовало укрѣпленію убѣжденія въ возможности борьбы съ русскими. Начальникъ польскаго отряда Дверницкій сдѣлался сразу героемъ, и къ нему стала стекаться масса волонтеровъ. Въ ночь съ 2 на 3 февраля также произошла стычка у Пневника, и опять послѣдовала неудача для русскаго войска вслѣдствіе неисполненія военно-охранительныхъ мѣръ. Главнокомандующій русской арміей, графъ Дибичъ Забалканскій, издалъ строгій приказъ о неукоснительномъ исполненіи авангардной и аванпостной службы. Сраженіе при Háврѣ начало уже

убѣждать поляковъ въ безсиліи ихъ войска, и многіе изъ нихъ уже считали свое дѣло сомнительнымъ. 13 февраля при Гроховѣ произошло опять сраженіе, окончившееся побѣдою русскихъ, но, по отзыву генерала Пузыревскаго, побѣда эта была не полной и непріятенльская армія не была уничтожена. Все-же побѣда эта произвела въ Варшавѣ тревогу. Многіе считали сраженіе проиграннымъ и ожидали скоро увидѣть русскую армію подъ стѣнами Варшавы. Фельдмаршалъ Дибичъ, послѣ Гроховскаго сраженія, предполагалъ, что онъ скоро покоритъ Варшаву и поляки на другой день вышлютъ депутацію съ изъявленіемъ покорности. Но поляки не думали объ этомъ и приняли всѣ мѣры къ энергичному сопротивленію. Сеймомъ былъ утвержденъ, вмѣсто Радзивила, главнокомандующимъ Янъ Скржинецкій, который назначилъ начальникомъ штаба Хржановскаго на мѣсто Моравскаго. Скржинецкій занялся реорганизаціей польской арміи, старался поднять упавшій духъ, укомплектовать войска новыми силами и назначить новыхъ начальниковъ: Рыбинскаго, Гелгуда, Малаховскаго и Ньюльберга. 19 февраля 1831 г. Скринецкій прислалъ на передовые посты русскихъ войскъ графа Минельскаго для переговоровъ съ цѣлью узнать: на какихъ основаніяхъ императоръ уполномочилъ фельдмаршала прекратить военныя дѣйствія. Дибичъ принялъ Минельскаго и объяснилъ ему, что польская армія должна безусловно положиться на милосердіе государя и объявить беззаконнымъ актъ объ упраздненіи престола. Іосифъ Минельскій просилъ о перемиріи, но ему было отказано, и переговоры не привели ни къ какимъ результатамъ. Эти переговоры, прекративъ на время военныя дѣйствія, помогли полякамъ возстановить свои вооруженныя силы и развить средства борьбы.

Скржинецкій приказалъ устроить батареи на лѣвомъ берегу Вислы, чтобы сильнѣе укрѣпить Варшаву, и велѣлъ сжечь Прагу, чтобы имѣть свободное пространство впереди мостового укрѣпленія. Забота Скржинецкаго объ увеличеніи войска достигла прекрасныхъ результатовъ. Въ половинѣ марта польская армія состояла уже изъ 100,000 чел. при 158 орудіяхъ; изъ нихъ: въ главной арміи съ Уманскимъ 51 тч., въ отрядахъ Сѣравскаго 9 т.,

Дверницкаго $6^1/_2$ т. и въ резервѣ Паца 11 т.; сверхъ того гарнизоны Модлина, Замостья, Праги и національная гвардія до 26 т. [1]).

Фельдмаршалъ графъ Дибичъ задумалъ устроить переправу чрезъ Вислу, но достичь этого не могъ. Поляки же занялись идеей развить мятежъ въ Литвѣ и пограничныхъ русскихъ губерніяхъ — Волынской и Подольской. Малочисленность корпуса барона Крейца, дѣйствовавшаго въ Люблинскомъ воеводствѣ, и слабое занятіе границы обнадежило поляковъ въ успѣхѣ. Лелевель внесъ въ военный совѣтъ предложеніе поднять возстаніе на Волыни, и военный совѣтъ рѣшилъ сформировать партизанскій отрядъ силою въ 1500 коней подъ начальствомъ Дверницкаго и отправить на Волынь. Дверницкій отправился къ мѣсту назначенія; на пути занялъ городъ Люблинъ, пополнилъ тамъ запасы, сформировалъ ополченіе и двинулся на Красноставъ; изъ Красностава пошелъ на Холмъ, пріостановился у Грабовца и затѣмъ вступилъ въ крѣпость Замостье. Окрестные жители оказывали ему полное сочувствіе и помощь и пополняли отрядъ.

17 марта назначена была переправа русскихъ войскъ чрезъ Вислу въ Варшаву; но поляки начали переходить въ наступленіе, наносить удары корпусу барона Розена, и Дибичу пришлось отказаться отъ перехода. Неудачныя сраженія русскихъ съ поляками при деревняхъ: Вельке-Дембе, отступленіе барона Розена и сраженіе у Игане, способствовали поднятію духа польскаго войска и увеличивали число повстанцевъ. Въ январѣ и февралѣ мѣсяцѣ дѣйствовали тайные революціонные агенты въ Виленской и Минской губерніяхъ; мятежъ разростался; инсургенты напали на городъ Ковно; заволновалось Августовское воеводство, и мятежъ принималъ грозные размѣры.

Дверницкій явился на Волынь, издалъ воззваніе, которымъ приглашалъ народъ стекаться подъ его знамена. Войско Дверницкаго вездѣ встрѣчало радостный пріемъ, къ нему присоединилось много дворянъ съ своими дворовыми людьми и разными во-

---

[1]) Пузыревскій, стр. 126.

лонтерами. Въ Дружнополѣ явились къ Дверницкому графы: Чацкій, Стецкій и Тарновскій и обязались выставить на свой счетъ по одному полку. Дверницкій выдѣлилъ изъ своего войска офицеровъ и унтеръ-офицеровъ для образованія кадровъ. Силы у Дверницкаго увеличились, — началъ онъ двигаться къ г. Дубно. По дорогѣ къ Дубно къ Дверницкому присоединилось 100 инсургентовъ, которые привели съ собой взятыхъ въ плѣнъ адъютантовъ генер. Редигера и гр. Дибича.

Поляки успѣли перехватить донесеніе Редигера Дибичу отъ 2 апрѣля, въ которомъ онъ извѣщалъ, что сосредоточилъ у Красного около 8 т. чел., но что старослужащихъ только третья часть, остальные рекруты, не умѣющіе стрѣлять; что онъ обремененъ своей артиллеріей, въ которой много людей изъ пѣхоты, неопытныхъ въ новой службѣ. Силы Дверницкаго онъ опредѣлялъ въ 8000 чел. одной лишь пѣхоты, причемъ полки усиливались постоянно приливомъ волонтеровъ. Эта депеша, обнаружившая малочисленность отряда Редигера, придала увѣренность Дверницкому.

При Боремлѣ произошло сраженіе русскихъ съ поляками, и поляки были разбиты; Дверницкій ушелъ заграницу. Послѣ ухода Дверницкаго стали проявляться мятежныя вспышки на Волыни; но скоро волненіе было прекращено генераломъ Редигеромъ. Въ апрѣлѣ фельдмаршалъ Дибичъ началъ уже наступательныя дѣйствія; происходили незначительныя стычки; самое же важное сраженіе произошло при Остроленкѣ, 14 мая. Поляки были разбиты, и прекратились у нихъ всѣ мечты о побѣдѣ надъ русскими войсками. Объ этомъ сраженіи Пузыревскій такъ отзывается: «Остроленское сраженіе имѣло для насъ, русскихъ, весьма выгодныя послѣдствія; оно дорого стоило полякамъ и облегчило намъ послѣдующія военныя дѣйствія. Отступленіе Гелгуда привело къ гибели его дивизію. Польская армія послѣ Остроленскаго сраженія потерпѣла такой уронъ и такъ была разстроена нравственно и матеріально, что уже не могла болѣе оправиться».

Въ самой Варшавѣ всѣ пали духомъ и были поражены ужасомъ. Между польскими военачальниками произошли разныя

недоразумѣнія. Губернаторъ въ Варшавѣ Круковецкій глумился надъ дѣйствіями Скржинецкаго и вооружилъ противъ него Варшавскій сеймъ. Прондзинскій составилъ даже записку, въ которой очень рѣзко и раздраженно осуждалъ дѣйствія Скржинецкаго. Мало-по-малу подрывалось довѣріе къ полководцу. Въ Варшавѣ началось даже волненіе и явно высказывалось неудовольствіе противъ Скржинецкаго и Янковскаго. По требованію камеръ-сейма, генералы Янковскій и Буковскій были отрѣшены отъ должностей и преданы военному суду. Вообще въ польскихъ войскахъ не было должнаго порядка и дисциплина падала.

Послѣ смерти фельдмаршала Дибича, въ іюнѣ мѣсяцѣ прибылъ въ Польшу новый главнокомандующій, князь Паскевичъ-Эриванскій.

Новый главнокомандующій задумалъ перенести театръ военныхъ дѣйствій на лѣвый берегъ Вислы, и русскія войска начали переправляться возлѣ с. Осѣкъ у прусской границы. Переправа шла прекрасно, и армія, 21 іюля, достигла уже Ловича, отстоящаго отъ пункта переправы на 130 верстъ. Переправа войскъ черезъ Вислу произвела въ Варшавѣ тоже тяжелое впечатлѣніе.

Правленіе Варшавскаго сейма приказало Скржинецкому возвратиться въ Варшаву съ корпусомъ Хржановскаго и воспротивиться дальнѣйшему движенію русскихъ. Главнокомандующій Скржинецкій прибылъ въ Варшаву, предполагалъ вступить въ бой съ русскими, но послѣ отказался отъ этого. Духъ польскихъ войскъ началъ падать. Въ Варшавѣ задумали смѣнить Скржинецкаго, причемъ комиссія, составленная изъ членовъ правительства, сената и камеръ-депутатовъ, 28 іюля, изслѣдовавъ положеніе дѣлъ, высказалась противъ излишней осторожности и малой предпріимчивости Скржинецкаго, не желавшаго принять сраженіе ранѣе, какъ подъ стѣнами Варшавы, и потому временно былъ назначенъ Дембинскій.

Въ ночь съ 3 на 4 августа, въ Варшавѣ вспыхнуло возмущеніе. Уличная чернь обвиняла правительство въ снисхожденіи къ измѣнникамъ. На площади Сигизмунда были преданы мучи-

тельной смерти генералы: Янковскій Гуртихъ, Феншау и многіе другіе.

Президентъ правленія сейма, князь Чарторыйскій, и члены—Лелевель и Неміевскій подали въ отставку.

Президентомъ былъ избранъ Круковецкій, который внесъ только разладъ между генералами Дембинскимъ и Прондзинскимъ. Дембинскій отказался отъ командованія арміей, и былъ назначенъ Малаховскій—старикъ, человѣкъ, по отзыву Пузыревскаго, высоко-честный, но совершенно лишенный дарованій полководца. Между тѣмъ въ августѣ главнокомандующій Паскевичъ началъ обложеніе Варшавы. 25 и 26 августа произошелъ штурмъ Варшавы. Предсѣдатель сейма Круковецкій и Прондзинскій обратились къ Паскевичу съ просьбою принять ихъ для переговоровъ. Графъ Паскевичъ предложилъ имъ полную покорность волѣ императора. Поляки не согласились. Штурмъ продолжался, и Варшава, 26 августа, была взята послѣ ожесточеннаго боя. И началось постепенное разсѣяніе польскихъ войскъ. Въ сентябрѣ 1831 г., совсѣмъ прекратились военныя дѣйствія и послѣдовала сдача польскихъ крѣпостей: Модлина и Замостья. Силы возстанія таяли, разбитыя польскія войска бѣжали въ Австрію и Пруссію.

Изложивъ вкратцѣ, по сочиненію Пузыревскаго «Русско-польская война 1831 г.», главные факты изъ исторіи возстанія этого времени, я хочу подробно остановиться на одномъ его эпизодѣ, именно—сраженіи русскихъ съ поляками 2 мая 1831 г. подъ м. Дашевомъ и разсказать объ этомъ событіи то, что слышалъ изъ устъ непосредственныхъ его свидѣтелей—мѣстныхъ старожиловъ.

Я уже упоминалъ, что Дверницкій на Волыни поднялъ возстаніе. Изъ Волыни возстаніе перешло на Подолію. Богатые помѣщики Подоліи—братья Собанскіе, Стемпковскій, Орликовскій, Ржевусскій, Еловицкіе—начали собирать банды, раздѣлили ихъ на 11 эскадроновъ, добыли 3 орудія и стали двигаться къ Кіевской губерніи. По дорогѣ къ нимъ присоединились многочисленныя банды Запольскаго, Потоцкаго и др. Войско ихъ быстро возра-

стало, и рѣшено было избрать м. Дашевъ, на границѣ Подоліи и Кіевской губерніи, опорнымъ пунктомъ; усилившись же здѣсь, поляки, по словамъ Пузыревскаго, думали двинуться *и на Кіевъ*, тѣмъ болѣе, что въ этихъ мѣстахъ войскъ совсѣмъ не было. Въ уѣздныхъ городахъ Подольской и Кіевской губерній находились тогда команды только жандармовъ и инвалидовъ; а въ Бердичевѣ и Махновкѣ стояли только два резервныхъ баталіона. Слѣдовательно, для поляковъ представлялись всѣ средства для развитія въ этомъ краѣ въ широкихъ размѣрахъ мятежа, и не потерпи они неудачи подъ Дашевомъ, быть можетъ судьба возстанія въ юго-западномъ краѣ была бы иная. Генералъ Пузыревскій такъ оцѣниваетъ исходъ сраженія подъ Дашевомъ: «Дѣло при Дашевѣ сразу нанесло рѣшительный ударъ возстанію поляковъ на югѣ. Инсургенты лишились своей артиллеріи, казны, части обоза, до 400 плѣнныхъ и множество убитыхъ и раненыхъ. Они уже не могли думать о распространеніи возстанія и должны были сами искать спасенія». Если авторитетный военный историкъ придаетъ сраженію подъ Дашевомъ такое важное значеніе и смотритъ на него, какъ на выдающееся событіе, то не лишнимъ будетъ въ печати всякое воспоминаніе о Дашевскихъ событіяхъ того времени.

Проживая въ 1890-хъ годахъ въ м. Дашевѣ нѣсколько лѣтъ, я лично зналъ ближайшихъ очевидцевъ и даже участниковъ всего происходившаго здѣсь въ 1830 — 31 гг., собралъ и записалъ отъ нихъ много разсказовъ, и въ настоящемъ очеркѣ намѣренъ передать все, мною слышанное. Быть можетъ, въ записанныхъ мною преданіяхъ и разсказахъ не все можетъ быть признано вполнѣ точнымъ и достовѣрнымъ; нельзя, конечно, и требовать, чтобы старые люди, вспоминая давно прошедшіе факты и событія, свидѣтелями коихъ они были въ свои юные годы, въ чемъ-либо не погрѣшили противъ исторической точности. Но если мелкія подробности, по естественному свойству человѣческой памяти, быть можетъ, и подверглись нѣкоторымъ видоизмѣненіямъ, то общій характеръ событія несомнѣнно отразился правдиво въ этихъ воспоминаніяхъ. При томъ же, записанные мною разсказы являются единственными воспо-

минаніями мѣстныхъ жителей о польскомъ мятежѣ 1831 г. въ Кіевской и Подольской губ. Въ польскихъ мемуарахъ сохранилось не мало воспоминаній объ этомъ событіи; но русскихъ мемуаровъ изъ этой эпохи мы не имѣемъ. Въ особенности можно пожалѣть о томъ, что въ свое время никому не пришло на мысль записать народные разсказы о тѣхъ же событіяхъ; теперь же сдѣлать этого нельзя, такъ какъ въ настоящее время трудно уже найти живыхъ свидѣтелей того, что творилось въ нашемъ краѣ три четверти вѣка назадъ. По крайней мѣрѣ и то немногое, что мнѣ удалось слышать и записать изъ устъ старожиловъ, я хотѣлъ бы сберечь отъ забвенія, какъ матеріалъ для будущей исторіи перваго польскаго мятежа въ нашемъ краѣ. Кромѣ устныхъ преданій, я привожу и нѣкоторые подлинные документы изъ той же эпохи, до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, еще не обнародованные.

Въ началѣ XIX столѣтія въ южной части Кіевской губерніи самымъ богатымъ и крупнымъ землевладѣльцемъ былъ графъ Владиміръ Потоцкій, жившій въ м. Дашевѣ [1]). Почти весь Липовец-

---

[1]) М. Дашевъ расположенъ на границѣ Кіевской и Подольской губерніи, по большой дорогѣ изъ г. Липовца въ г. Умань, на рѣкѣ Соби, раздѣляющей Дашевъ на двѣ части, соединяемыя плотиной,—на Дашевъ Старый и Новый, съ отдѣльною церковью въ каждомъ. Площадь имѣетъ фигуру дуги; въ центрѣ ея находится собственно мѣстечко—еврейское поселеніе съ неразлучными лавками и торговыми площадями,—находится и обсаженный рядомъ тополей графскій дворъ съ его палацо—большимъ каменнымъ двухъ-этажнымъ зданіемъ, обставленнымъ разными „офицынами"—флигелями, съ неизбѣжной панской каплицей. Мѣстность Дашева покатая къ рѣчнымъ берегамъ, въ низовьяхъ осѣлось еврейское населеніе, а на возвышенностяхъ и по краямъ мѣстечка расположены крестьянскія усадьбы. Волнистая профиль мѣстности, довольно обширныя серебристыя воды Соби и множество растительности дѣлаютъ Дашевъ замѣтно живописнымъ поселеніемъ, не блистающимъ, однако, архитектурностію мизерныхъ деревянныхъ своихъ зданій. Почва Дашева преимущественно камени-

кій уѣздъ принадлежалъ ему. По преданію еще въ 1812 г. онъ принималъ дѣятельное участіе въ снаряженіи особаго польскаго корпуса, примкнувшаго къ арміи Наполеона во время его похода въ Россію, почему онъ считался однимъ изъ видныхъ польскихъ патріотовъ въ краѣ. Центромъ владѣній Потоцкаго былъ Дашевъ, принадлежавшій прежде графу Плятеру, который принималъ здѣсь въ маѣ 1787 г. короля Станислава-Августа, возвращавшагося изъ Кіева, послѣ свиданія съ Екатериной Великой. Новый владѣлецъ Дашева, Владиміръ Потоцкій, былъ сыномъ Станислава-Щенснаго, умершаго въ 1804 г. и женатаго на Юзефѣ-Амеліи Мнишковнѣ, умершей въ 1798 г. Владиміръ Потоцкій былъ женатъ на Ѳеклѣ Сангушко. Онъ умеръ въ 1812 г. отъ оспы, оставивъ вдову и малолѣтнихъ дѣтей.

Въ 1830-хъ годахъ правительницей имѣніями графа Владиміра Потоцкаго все еще оставалась его жена съ сыновьями— Станиславомъ и Владиміромъ; послѣднему уже было 18 лѣтъ. Когда начался сборъ денегъ для предположеннаго возстанія, Ѳекла Потоцкая первая заложила часть своихъ имѣній и полученную сумму положила, какъ основаніе фонда. Затѣмъ князь Чарторыйскій (владѣлецъ Гранова, Ладыжина), Сабанскіе и др. начали вносить деньги для пополненія фонда. Запасшись капиталами еще въ 1828 и 1830 гг., поляки начали агитацію въ пользу возстанія. Всѣ денежныя суммы на дѣло возстанія сосредоточивались въ Дашевѣ. Предъ самымъ возстаніемъ графиня Ѳекла Потоцкая

стая, песчаная, хотя находятся и черноземныя полосы. На разстояніи 2—3 верстъ Дашевъ окруженъ съ сѣвера и востока большими лиственными лѣсами. Почтовая дорога, пересѣкающая Новый Дашевъ и предмѣстье Полевое, направляется отсюда, черезъ нѣсколько селъ Гайсинскаго уѣзда—Городокъ, Слободище, Леухи,—въ м. Терлицу. При церкви Новаго Дашева дороги раздѣляются по двумъ направленіямъ; одна въ Китайгородъ, а другая—въ Монастырище. Между этими дорогами, на протяженіи 5 верстъ, находится обширная равнина, съ небольшой лощиной и нѣсколькими холмами. На этой-то равнинѣ и происходило знаменательное Дашевское сраженіе 2 мая 1831 г.

съ сыномъ Станиславомъ выбыла за-границу, а въ домѣ остался несовершеннолѣтній Владиміръ Потоцкій. Главноуправляющимъ имѣніями былъ Лопушанскій; онъ то и распредѣлялъ капиталы и передавалъ специально назначеннымъ лицамъ, которые ѣздили по селамъ и вербовали шляхту въ войско. Въ главной конторѣ Потоцкаго состоялъ писарь Омыловскій. Онъ, съ крестьянскимъ мальчикомъ изъ с. Хрѣновки, Трофимомъ Онищукомъ, разъѣзжалъ по селамъ и записывалъ, кто изъ шляхты поступалъ въ жолнеры, и каждому охотнику выдавалъ по 5 руб. У Омыловскаго былъ особый сундучекъ, въ которомъ хранились деньги, и онъ, разъѣзжая, высыпалъ изъ него червонцы и рубли. Получившій деньги, по приказанію Омыловскаго, долженъ былъ на нѣкоторое время явиться въ м. Дашевъ, гдѣ открыто учили военнымъ пріемамъ. На площади ежедневно играла музыка; сюда вывозилось нѣсколько бочекъ съ пивомъ и медомъ. Изъ палаца Потоцкихъ выходили нарядныя паненки—дочери сосѣднихъ помѣщиковъ, управляющихъ, экономовъ—и приглашали танцовать собравшуюся молодежь. Сами барышни подходили и приглашали къ танцамъ, не обращая вниманія, былъ ли то шляхтичъ или простой крестьянинъ. На изъявившаго согласіе надѣвали смушковую шапку съ прикрѣпленнымъ къ ней букетомъ изъ калины, перевязаннымъ лентами національнаго цвѣта поляковъ, т. е. синяго. Надѣвъ на себя такую шапку, молодой человѣкъ, хотя бы и русскій, считался зачисленнымъ въ войско и долженъ былъ ревностно исполнять тѣ обязанности, которыя требовали «вудцы», т. е. предводители. Зачисленнымъ въ войско на площади предъ палацо варили обѣдъ. Возлѣ дворца графа Потоцкаго находилось громадное зданіе суконной фабрики, обращенное предъ возстаніемъ въ манежъ, гдѣ проживали навербованные солдаты и учились стрѣльбѣ и фехтованію. Для образованія кавалеріи, богатые поляки, какъ князь Чарторыйскій, графъ Ржевусскій, владѣлецъ большихъ имѣній въ Бердичевскомъ уѣздѣ, выбирали изъ крестьянъ и шляхты здоровыхъ парней и, подъ видомъ надворныхъ козаковъ, выучивали ихъ кавалерійской военной службѣ, давая имъ въ руководители опытныхъ кавалеристовъ—поляковъ. Желая сдѣлать этотъ

наборъ мало замѣтнымъ, поступали слѣдующимъ образомъ: подучившихся отпускали, набирали новыхъ съ тѣмъ, чтобы, обучивъ ихъ, смѣнить другими... Благодаря такому способу, графъ Ржевусскій образовалъ у себя цѣлый эскадронъ кавалеріи. Князь Чарторыйскій изъ Гранова всегда держалъ при себѣ 12 козаковъ, выучивалъ ихъ кавалерійской службѣ, отпускалъ, замѣнялъ новыми, и это продолжалось нѣсколько лѣтъ. Подъ Дашевомъ Чарторыйскій представилъ самую лучшую кавалерію.

Стараясь привлечь къ участію въ возстаніи и простой народъ, Лопушанскій и его помощникъ Немиловскій вездѣ объявляли по селамъ, что если Польша отберетъ Украину, то крестьяне получатъ полную волю. Вообще принимались самыя разнообразныя мѣры, чтобы привлечь населеніе къ возстанію. Въ этихъ видахъ безземельной шляхтѣ обѣщали, что каждый шляхтичъ получитъ полный надѣлъ изъ панской земли и по три подданныхъ. Зная о нерасположенности евреевъ къ военной службѣ, Лопушанскій приказалъ вездѣ объявлять, что когда наступитъ господство поляковъ въ краѣ, то евреи будутъ навсегда освобождены отъ рекрутчины, и съ ними поляки будутъ жить, какъ друзья. Въ подтвержденіе своихъ обѣщаній Лопушанскій приказалъ освободить всѣхъ евреевъ, подлежавшихъ въ томъ году рекрутскому набору изъ имѣній Потоцкаго, и объявить, что они вольны заниматься какими угодно промыслами, не помышляя о военной службѣ. Крестьяне же недовѣрчиво относились къ полякамъ и на приглашеніе послѣднихъ въ вербунки, отвѣчали насмѣшливой пѣсней:

Пшыстань, пшыстань до вербунку,
Будешъ йисты зъ масломъ булку,
Будешъ йисты, будешъ пыты,
Довбешкою вошi быты.

Отъ управляющаго Лопушанскаго ежедневно получались новыя распоряженія для завлеченія населенія въ вербунки: открыто на площадь выходилъ писарь съ бумагой и чернилами и записывалъ тѣхъ, кто изъявлялъ согласіе поступить въ войско, и кто

записывался, получалъ, кромѣ 5 р., чумарку, черные штаны, шапку съ киверомъ или перьями въ родѣ султана, бѣлую «квитку»—цвѣтокъ, выпивалъ водку, ставалъ въ рядъ поступившихъ и получалъ уже по 20 руб. Суконная фабрика обратилась въ штабъ, а ея главные распорядители—какъ то нѣмецъ Іокишъ и др.—сдѣлались чиновниками, получавшими уже жалованье изъ графской кассы; такъ что фабрика совсѣмъ прекратила свои дѣйствія и превратилась въ канцелярію для распоряженій по возстанію. За фабрикой и теперь стоитъ безъ всякой цѣли каменное зданіе, которое въ то время со всѣми бывшими пристройками было обращено въ фабричное заведеніе для выдѣлки пикъ. Приготовленныя здѣсь пики разсылались по разнымъ концамъ польскихъ имѣній. Вездѣ по селамъ шла вербунка; вездѣ открыто играла музыка на площадяхъ и выставлялась водка, закуска, шапка, чемерка. Старожилы теперь помнятъ тѣ дни и говорятъ, что никогда въ жизни не было такого веселья.

Должность маршала исполнялъ тогда Ипполитъ Володкевичъ. Онъ былъ женатъ на Дудзинской, владѣвшей селами: Калиногоркой, Копіевкой, Китайгородомъ и Янишевкой; у самого же Володкевича было въ распоряженіи одно имѣніе *Городокъ*, фиктивно купленное у князя Чарторыйскаго. Володкевичъ изъ «пленипотентовъ» (адвокатовъ того времени) также принималъ дѣятельное участіе въ возбужденіи народа для поступленія въ польское войско; онъ всѣ свои доходы отдавалъ на это дѣло, забиралъ даже доходы родственниковъ, жены—и несъ на возстаніе. Музыканты тогда получали за день игры по рублю сереб.—цѣну, какой не даютъ и теперь,—имъ же былъ даровой кормъ и водка. По прудамъ вездѣ приготовлены были лодки. Поступавшіе въ войска крестьяне садились въ лодки и катались; музыка вездѣ имъ сопутствовала, и вообще веселіе было полное. Крестьяне, хотя и работали барщину, но значительно меньше. Вездѣ какъ маршалокъ, такъ и его друзья говорили крестьянамъ: «какъ мы отберемъ Украину подъ Польшу, то всѣмъ крестьянамъ будетъ хорошо—будутъ вольные». Шляхта съ разныхъ концевъ брела въ Дашевъ, получала все даровое и гуляла въ полное свое удовольствіе. Еже-

дневно мѣнялись развлеченія, возникали новыя, какія только могла придумать фантазія Лопушанскаго и его друзей. Ничего тутъ не жалѣли; благо деньги текли со всѣхъ концевъ, безконтрольно поступали въ кассу, и можно было дѣлать что угодно. Каждый богатый полякъ старался пороскошнѣе одѣть свою шляхту и выдать всадникамъ самыя лучшія лошади. Одинъ помѣщикъ предъ другимъ хвалился роскошью одежды шляхты и убранствомъ лошадей. Князь Чарторыйскій имѣлъ въ это время большой конскій заводъ, и всѣ лошади завода были предоставлены въ распоряженіе возстанія. Каждый полякъ лѣзъ въ долги и несъ свое достояніе въ графскую кассу. Явились командиры, и въ каждой деревнѣ шло обученіе военному искусству шляхты и завербованныхъ крестьянъ. По нѣсколько разъ въ недѣлю съѣзжались въ Дашевѣ представители польскихъ знатныхъ родовъ, управляющіе имѣніями, съ своими семействами; толковали о скорѣйшемъ выступленіи въ походъ. Видѣли они, что русское правительство дѣйствовало нерѣшительно; вездѣ какъ будто отсутствовала власть, что и вселило въ душу поляковъ полную увѣренность въ успѣхѣ возстанія. Этимъ только и можно объяснить, почему многіе не жалѣли послѣднихъ средствъ на это дѣло. Изъ Дашева шла переписка съ главными руководителями возстанія въ Варшавѣ, и оттуда ожидали приказа о днѣ, когда приступить къ дѣлу, требовалось только увеличивать численность войска, не жалѣть денегъ на *вербунки*. Съ этой цѣлью записавшимся въ войско, сверхъ выданныхъ вещей и денегъ, прибавили еще по 12 р. на табакъ, и веселье съ каждымъ днемъ увеличивалось. Знатныя польскія дамы изъ высшаго круга, какъ Володкевичъ, Сабанская и др., не стѣснялись сидѣть вмѣстѣ съ «хлопами», записанными въ реестрѣ, разговаривали съ ними, старались показать, что въ возстановленной Польшѣ будетъ полное равенство сословій,—не будетъ ни бѣднаго ни богатаго, всѣмъ будетъ хорошо,—богатый будетъ помогать бѣдному. Въ нѣкоторыхъ селахъ, какъ напр., въ Городкѣ, Володкевичъ, распорядившись приготовить древка для пикъ, хитрилъ съ народомъ, говорилъ, что эти древка приготовляются въ садъ подъ цвѣты, которыми онъ предполагаетъ засадить весь свой

огородъ. Въ кузницахъ по большей части были поляки или нѣмцы, которые заняты были исправленіемъ оружія, и тайно невѣдомо куда его развозили. Вся бѣдная шляхта бросила семьи, шла толпами въ войско; каждый думалъ разбогатѣть, сдѣлаться настоящимъ паномъ и каждый не скрывалъ того, что будетъ имѣть своихъ подданныхъ.

Пасха въ 1831 году была 18 апрѣля; предъ Пасхой получилось изъ Варшавы распоряженіе выступить въ походъ и открыть военныя дѣйствія. Изъ главнаго двора Потоцкаго посланы были козаки съ письмами во всѣ концы Липовецкаго, Бердичевскаго, Гайсинскаго, Уманскаго, Винницкаго и другихъ уѣздовъ Кіевской и Подольской губерній, приглашая въ Дашевъ на последнее совѣщаніе и выходъ войскъ.

Незадолго до Пасхи, Дашевъ сталъ наполняться польской милиціей. Чтобы правительство не провѣдало объ этомъ сборѣ преждевременно,—устроены были заставы, гдѣ всѣхъ проѣзжавшихъ чрезъ Дашевъ опрашивали, кто онъ и откуда. Если предполагали, что проѣзжій можетъ донести властямъ, то его не пропускали въ Дашевъ, а заставляли вернуться назадъ; менѣе опасныхъ, какъ напр. дѣтей священниковъ, возвращавшихся изъ Уманскаго духовнаго училища домой на праздники, пропускали чрезъ Дашевъ, но съ завязанными глазами. Наиболѣе строгій надзоръ былъ надъ проѣзжающими со стороны г. Липовца; послѣднихъ рѣшительно не допускали переѣзжать чрезъ Дашевъ, и заставляли окольными дорогами ѣхать на Умань. Въ то время въ г. Умани были военныя поселенія и стояли русскія войска. Поляки особенно боялись, чтобы русскіе не провѣдали о мѣстѣ ихъ сборищъ и не разстроили ихъ плановъ и затѣй. Къ тому же въ это время всюду по церквямъ публиковался Высочайшій манифестъ слѣдующаго содержанія:

„Манифестомъ Нашимъ отъ 12 декабря минувшаго года, Мы объявили вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ о возникшемъ въ Царствѣ Польскомъ возмущеніи. Тогда въ самомъ праведномъ Нашемъ негодованіи на мятежниковъ, готовясь смирить и наказать ихъ, Мы еще утѣшали Себя надеждой спасти заблуждаю-

щихся и обольщенныхъ. Гласомъ истины и новыми знаками милосердія Мы хотѣли возвратить ихъ къ долгу, и съ тѣмъ вмѣстѣ, ожививъ бодрость въ благомыслящихъ, устрашенныхъ первыми ужасами бунта, дать имъ возможность остановить успѣхи онаго и счастливымъ противодѣйствіемъ доказать свѣту, что не весь народъ Царства Польскаго достоинъ презрѣннаго названія «измѣнниковъ». Мы и нынѣ удостовѣрены, что сей народъ несчастный есть токмо слѣпая жертва темныхъ злодѣевъ. Но сіи вѣроломные продолжаютъ имъ властвовать; они готовятъ оружіе на Россію, въ безумствѣ своемъ призываютъ вѣрныхъ подданныхъ Нашихъ къ предательству и, наконецъ, 13 сего мѣсяца, среди мятежнаго противозаконнаго сейма, присваивая себѣ имя представителей своего края, дерзнули провозгласить, что царствованіе Наше и дома Нашего прекратилось въ Польшѣ и что тронъ, возстановленный Императоромъ Александромъ, ожидаетъ иного монарха. Сіе наглое забвеніе всѣхъ правъ и клятвъ, сіе упорство въ зломысліи исполнили мѣру преступленій; настало время употребить силу противъ незнающихъ раскаянія, и Мы, призвавъ въ помощь Всевышняго Судію дѣлъ и намѣреній, повелѣли Нашимъ вѣрнымъ войскамъ итти на мятежниковъ. Россіяне! Въ сей важный часъ, когда съ прискорбіемъ отца, но съ спокойною твердостію царя, исполняющаго священный долгъ свой, Мы извлекаемъ мечь за честь и цѣлость державы Нашей, соедините усердныя мольбы свои съ Нашими мольбами предъ алтаремъ Всевидящаго Праведнаго Бога. Да благословитъ Онъ оружіе Наше для пользы и самихъ Нашихъ противниковъ, да устранитъ скорой побѣдой препятствія въ великомъ дѣлѣ успокоенія народовъ, десницей Его Намъ ввѣренныхъ, и да поможетъ Намъ возвратить Россіи мгновенно отторгнутый отъ нея мятежниками край, устроить будущую судьбу его на основаніяхъ прочныхъ, сообразныхъ съ потребностями и благомъ всей Нашей Имперіи и положить навсегда конецъ враждебнымъ покушеніямъ злоумышленниковъ, мечтающихъ о раздѣленіи. Вѣрные подданные Наши! Сія цѣль достойна вашихъ трудовъ и усилій; вы привыкли не щадить ихъ за Насъ и отечество».

«Данъ въ С.-Петербургѣ 25 января, въ лѣто отъ Р. Хр. 1831, царствованія Нашего въ шестое».

Поляки знали о Высочайшемъ манифестѣ, знали, что, если русскія войска обнаружатъ мѣсто ихъ сборищъ, то можетъ погибнуть вся ихъ затѣя, и потому принимали мѣры предосторожности, тѣмъ болѣе, что значеніе Дашева для польскаго возстанія росло съ каждымъ днемъ. Дашевъ, какъ центръ возстанія для юго-западнаго края, былъ обращенъ въ какую то крѣпость, куда свозилось оружіе, гдѣ собирались банды. Лошади всадниковъ, т. е. польской кавалеріи, не могли вмѣщаться въ конюшняхъ, сараяхъ и стояли прямо въ полѣ на коновязахъ, т. е. забивались колья, устраивались желобки, и тамъ кормили ихъ. Въ Правиковомъ лѣсу, возлѣ с. Кошлановъ, также стояла часть польской кавалеріи, и тамъ въ котлахъ варился полякамъ обѣдъ. а изъ Дашева привозили имъ провизію, водку.

На первой недѣлѣ Пасхи устроено было большое празднество въ Дашевѣ; вся польская молодежь разныхъ сословій съѣхалась сюда; всѣ проводили цѣлыя ночи въ веселіи и кутежахъ; на площадяхъ открыто стояли бочки съ пивомъ, водкой и разныя закуски. Каждому дозволялось пить, гулять, требовалось только, чтобы каждый пожелалъ успѣха тому дѣлу, за которое взялись поляки. Одни только рабочіе крестьяне въ кузницахъ не имѣли отдыха; не знали они, когда Пасха, не знали отдыха ни днемъ, ни ночью. Этихъ мастеровыхъ заставляли работать и приготовлять оружіе на войну. Слишкомъ невыносимой показалась имъ такая египетская работа, и въ одну изъ ночей рабочіе сожгли кузницу, вслѣдствіе чего масса матеріала, приготовленнаго на войну, сгорѣла. Всѣ рабочіе притворились пьяными, и некому было тушить огонь.

Во все это время панъ Омыловскій также не зналъ отдыха. Онъ объѣзжалъ села Бердичевскаго, Липовецкаго, Гайсинскаго и другихъ уѣздовъ и отдавалъ приказанія, когда именно явиться въ Дашевъ. Омыловскій имѣлъ открытый листъ съ точнымъ указаніемъ своего назначенія и, являясь въ какое-либо село, онъ отправлялся въ конюшню любого помѣщика, выбиралъ лучшихъ лошадей и ѣхалъ, куда имѣлъ надобность.

Козачекъ Омыловскаго, Трофимъ Онищукъ, нынѣ 80-лѣтній старикъ, разсказывалъ мнѣ, что трудъ, принятый на себя Омыловскимъ, былъ очень великъ; нужно было постоянно спѣшить записывать охотниковъ, вручать деньги, передавать списки особенному повѣренному, чтобы тотъ зналъ, кто вступилъ въ войско, затѣмъ ѣхать далѣе. Омыловскій ждалъ для себя за этотъ трудъ большой награды—чуть ли не маршалство, а дарственная на имѣніе была, какъ онъ говорилъ, уже написана ему за труды, вотъ почему не жалѣлъ онъ своего здоровья; работалъ усиленно со своимъ козачкомъ Онищукомъ: оба ждали наградъ и панства. По словамъ Онищука, деньги сыпались изъ сундучка, какъ мука изъ жернова; денегъ совсѣмъ не жалѣли, какъ будто бы тамъ, въ палацо, ихъ ковали и передавали Омыловскому, а онъ раздавалъ ихъ шляхтѣ и народу на вѣру, безъ разбора, не требуя никакихъ гарантій, стоило только сказать, что согласенъ поступить въ войско. Сѣдла для кавалеріи польскихъ войскъ дѣлалъ въ экономіи графа Потоцкаго шляхтичъ Врочинскій, который имѣлъ въ своемъ распоряженіи 10 мастеровыхъ, работавшихъ день и ночь. Всѣхъ этихъ мастеровъ кормила экономія Потоцкаго безплатно. Обѣдъ рабочимъ и новоприбывшимъ полякамъ въ Дашевѣ готовился въ 6 котлахъ, для чего ежедневно рѣзали 6 быковъ. Два котла были устроены возлѣ плотины съ правой стороны, если идти изъ Новаго Дашева на Старый; два—на черномъ дворѣ возлѣ каплицы, гдѣ теперь кухня; одинъ—ниже по рѣкѣ Соби, гдѣ теперь конюшня, а одинъ—прямо на площади. Въ палацо же особо приготовлялся роскошный обѣдъ для панства, ежедневно съѣзжавшагося къ пану Лопушанскому съ докладомъ, какъ идутъ дѣла по возстанію. При каждомъ обѣдѣ выпивалось огромное количество французскихъ винъ; хвалилось все французское. Радовались, что русскіе ничего не знаютъ объ ихъ замыслахъ, а если знаютъ, то не обращаютъ вниманія, что и дѣлало поляковъ болѣе самонадѣянными.

Для ночлега съѣзжавшихся на совѣщаніе, кромѣ помѣщеній въ палацо, отводились квартиры въ еврейскихъ постоялыхъ дворахъ; особенно тогда зарабатывалъ еврей Куперманъ, коего по-

стоялый дворъ находился направо за плотиной на Старомъ Дашевѣ. Евреи тогда пользовались многимъ у поляковъ и быстро обогащались. Польскія банды шли подъ Дашевъ съ разныхъ сторонъ. Много ихъ шло изъ Гайсинскаго, Брацлавскаго, Ольгопольскаго уѣздовъ, шли чрезъ Грановъ, Тепликъ, Жорнище.—Въ м. Зятьковѣ, Гайсинскаго уѣзда, жилъ благочинный, о. Рыбицкій, человѣкъ образованный, преподававшій французскій и нѣмецкій языки дѣтямъ графа Холоневскаго. Бывая ежедневно у графа на урокахъ, о. Рыбицкій узналъ о готовящемся возстаніи и сообщилъ, куда слѣдуетъ. Поляки сейчасъ же провѣдали объ этомъ и оцѣнили голову о. Рыбицкаго въ 50,000 злотыхъ, и по необходимости о. Рыбицкій долженъ былъ скрываться въ камышахъ, на полѣ, наконецъ, долженъ былъ уйти изъ Зятькова. Игуменъ Грановскаго монастыря, о. Григорій, принялъ участіе въ судьбѣ о. Рыбицкаго, скрывалъ его двѣ недѣли вь Грановскомъ монастырѣ—въ пономарнѣ, на церковномъ чердакѣ. Мнѣ указывали мѣсто, гдѣ о Рыбицкій проживалъ и откуда только ночью выходилъ на свѣтъ Божій. Поляки, проходя въ большомъ количествѣ возлѣ Грановскаго монастыря, приказали звонить, грозя въ противномъ случаѣ сжечь монастырь, и о. игуменъ Григорій разрѣшилъ звонить. По прибытіи въ м. Грановъ, польскія банды были встрѣчены княземъ Чарторыйскимъ, приказавшимъ протоіерею Мартыновскому отслужить молебенъ. О. Мартыновскій отслужилъ молебенъ, окропилъ войско св. водой, причемъ дьячки пѣли: «Спаси, Господи, люди твоя и благослови достояніе твое, побѣды Благовѣрному Императору нашему Николаю Павловичу на сопротивныя даруя»... и поляки не понимали, что православное духовенство молило Бога дать побѣду русскому царю. За отправленіе молебна о. Мартыновскій получилъ много червонцевъ. Въ Грановѣ поляки приглашали крестьянъ итти съ ними на войну. Полякъ Францишекъ Лещинскій говорилъ крестьянину Алексѣю Сичкарю: «ты будешь мнѣ сапоги чистить, будешь моимъ подданнымъ, если не пойдешь съ нами; я буду имѣть 4 подданныхъ такихъ, какъ ты». Послѣ сраженія, Лещинскій, проколотый штыкомъ, съ великимъ трудомъ шелъ домой въ Грановъ, встрѣтилъ на дорогѣ Сичкаря

и просилъ его подвезти; но Сичкарь на возъ не взялъ, отвѣтивъ: «пропадай же, якъ собака, бо бувъ собакою».

Крестьяне въ м. Грановѣ продавали полякамъ куръ, яйца, хлѣбъ и получали деньги въ три-четыре раза дороже ихъ стоимости.

При проходѣ поляковъ чрезъ м. Жорнище, священникъ Андрей Обыдовскій приказалъ ударить въ колокола, какъ въ набатъ. Полякамъ это не понравилось. Они хотѣли убить о. Обыдовскаго, напали на его домъ, расхитили благочинническія деньги; самъ о. Андрей Обыдовскій скрылся въ болотѣ, тамъ простудился и умеръ отъ горячки. Въ г. Липовцѣ, отстоящемъ отъ м. Жорнищъ въ 17 верстахъ, узнали о прибытіи поляковъ, прислали нѣсколько инвалидовъ для защиты м. Жорнищъ отъ разграбленія, и поляки, замѣтивъ инвалидовъ, ушли. Такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ двигались къ м. Дашеву польскія банды, и къ 1-му мая здѣсь собралось много инсургентовъ. Днемъ выхода польскаго войска изъ м. Дашева было 1-е мая; предполагалось все собранное польское войско двинуть къ Варшавѣ на соединеніе съ имѣвшимися тамъ польскими войсками.

Главнымъ начальникомъ войска былъ назначенъ полковникъ польскихъ войскъ Колыско, отецъ коего жилъ въ с. Жаданахъ, въ качествѣ поссессора. Самъ полковникъ въ послѣднее время проживалъ въ м. Дашевѣ и руководилъ обученіемъ войска. Каждый панъ считалъ для себя честью носить военную форму и именоваться: «маіоромъ», «капитаномъ», «поручикомъ», и чины эти до возстанія давались не особенно охотно; такъ напр., главный распорядитель по хозяйственной части возстанія Лопушанскій едва добился чина маіора, а то никто не имѣлъ чина выше поручика: требовалось доказать на дѣлѣ, что поступившій въ войско панъ дѣйствительно достоинъ чина маіора или поручика. Пиры слѣдовали за пирами, и, въ угарѣ общаго веселія, поляки ежедневно откладывали день выхода подъ Варшаву. И вотъ на одномъ изъ такихъ пировъ, въ субботу на второй недѣлѣ послѣ Пасхи, 2 мая, въ самый разгаръ веселья, когда всѣ паны пировали въ Дашевѣ, влетаетъ гонецъ и заявляетъ, что русскіе идутъ

на Дашевъ [1]). Явка гонца произвела на поляковъ сильное впечатлѣніе. Всѣ вскочили изъ-за стола; каждый хватался за оружіе, вскакивалъ на коня и бѣжалъ изъ Дашева по дорогѣ на городокъ и Росоховатку. Въ тотъ день, въ субботу, ходили по домамъ молодые Григорій Прокофьевъ Крупникъ и Екатерина Петрова Кравчукъ; просили по малорусскому обычаю всѣхъ встрѣчавшихся имъ лицъ на свадьбу. При выѣздѣ изъ палацо, поляки встрѣтили молодыхъ, сочли это за счастливое предзнаменованіе и каждый старался осыпать ихъ деньгами. Послѣ разгрома польскихъ войскъ, долго и много дней гуляли крестьяне на свадьбѣ Крупника и вспоминали рѣдкую щедрость поляковъ. Теперь еще старики помнятъ ту свадьбу и щедрое награжденіе молодыхъ. Помнятъ также, что рядовые повстанцы были одѣты—кто въ лаптяхъ и кожаныхъ постолахъ,—кто въ курткахъ, свиткахъ. Это объяснялось тѣмъ, что шляхта припрятывала дома лучшую одежду и являлась въ худшей, чтобы опять получить новую, и такъ многіе ежедневно мѣняли костюмы и неизвѣстно гдѣ скрывали ихъ. Каждый старался кое-что скопить не только изъ денегъ, получаемыхъ отъ пана Омыловскаго, но и изъ вещей. Чтобы обезопасить себя со стороны русскихъ войскъ, поляки распорядились уничтожить переправы чрезъ рѣки, а въ Ладыжинѣ всѣ паромы на рѣкѣ Бугѣ перетянули на лѣвую сторону. Устраивая переправы чрезъ Бугъ, а гдѣ возможно и пройдя въ бродъ, русскіе узнали, что чрезъ Грановскій лѣсъ ѣдетъ въ каретѣ важная польская пани, распорядились задержать ее, начали распрашивать, кто она и откуда. Задержанная объяснила, что она Сабанская, помѣщица м. Ладыжина, ѣдетъ изъ Дашева со своими дочерьми. Вотъ тутъ ее заставили разсказать откровенно, что видѣла въ Дашевѣ, что тамъ происходитъ. Русскіе узнали отъ Сабанской, что въ м. Дашевѣ собираются поляки и тамъ стоитъ польское

---

[1]) По поводу 2 мая сложилась въ Дашевѣ поговорка:

«Колыско въ палацо піе,
А москаль поляка на плацу біе».

войско,—узнали приблизительно его количество. Вотъ почему русскія войска такъ неожиданно для поляковъ направились къ Дашеву и рѣшили вступить съ поляками въ бой.

Начальникъ польскихъ войскъ подъ м. Дашевомъ, полковникъ Колыско, состоялъ на службѣ въ г. Варшавѣ въ кавалерійскомъ полку и ежегодно, по распоряженію своего начальства, ѣздилъ къ своему отцу въ с. Жаданы съ 50 жолнерами для покупки лошадей въ херсонской, подольской губ. на ярмаркахъ въ г.г. Вознесенскѣ, Новомиргородѣ, Елисаветградѣ, Ярмолинцахъ. Накупивъ табуны лошадей, молодой Колыско пріѣзжалъ къ отцу, гостилъ у него, а жолнеры тѣмъ временемъ выѣзжали лошадей, и къ 24 октября онъ возвращался въ Варшаву съ купленными лошадьми для пополненія кавалерійскихъ полковъ. Старый Колыско 19 лѣтъ держалъ въ арендѣ Жаданы, имѣніе графа Потоцкаго, и потому сынъ его зналъ хорошо мѣстность, зналъ семью графа Потоцкаго и многихъ богатыхъ землевладѣльцевъ; поэтому-то въ Варшавѣ, при обсужденіи вопроса, кого послать въ Дашевъ для обученія военному искусству и предводительствовать бандой, палъ жребій на Колыско [1]). По словамъ очевидцевъ, Колыско много работалъ въ дѣлѣ обученія шляхты военному дѣлу, но плохо привилась шляхтѣ эта наука; много денегъ было у каждаго изъ нихъ въ карманѣ, много искушеній было на площади; неудивительно, что каждаго будущаго солдата влекло не ученіе, а попойка и закуска, а потому обучить, какъ слѣдуетъ, этотъ сбродъ—было трудно. Въ палацо графа также были длинные обѣды, выпивалось всегда много старокъ, и неудивительно, что только нѣсколько часовъ можно было употреблять на обученіе новыхъ воиновъ, которые

---

[1]) Осипъ Колыско, стольникъ Львовскій, былъ другомъ Костюшки, а его сынъ Тимошъ былъ арендаторомъ с. Жадановъ, Липовецкаго уѣзда. Колыско, живя въ Жаданахъ, былъ другомъ священника Левитскаго, сынъ котораго, протоіерей Стефанъ Левицкій, бывшій тоже священникомъ въ Жаданахъ, и передалъ мнѣ факты о частыхъ пріѣздахъ Колыско въ Жаданы и объ обученіи лошадей его жолнерами кавалерійской ѣздѣ.

вовсе не думали изучать военное искусство. По разсказамъ старожиловъ, въ первые моменты извѣстія о явкѣ русскихъ къ Дашеву, Колыско стремился высказать свою храбрость, въ первыхъ рядахъ побѣжалъ встрѣтить русское войско, просилъ, кричалъ, гналъ солдатъ въ бой, но солдаты сразу не послушались его и стали послѣ первыхъ выстрѣловъ уходить. Генералъ Ротъ при началѣ сраженія велѣлъ немного отступить назадъ. Сраженіе происходило въ лощинѣ, въ 5—6 верстахъ отъ Дашева, по дорогѣ въ Росоховатку, Монастырище и Умань. Русскіе стояли за вербами, и очень имъ хотѣлось, чтобы поляки подошли поближе къ лощинѣ на холмъ и развернули весь свой составъ. Генералъ Ротъ правильно разсчиталъ, какой цѣли можетъ достичь кажущимся отступленіемъ, и дѣйствительно Колыско не понялъ маневра Рота, выступилъ на холмъ со своими пушками: Ротъ сдѣлалъ сильный залпъ со всѣхъ орудій; сразу дрогнули полчища поляковъ, и они начали уходить. Много поляковъ погибло отъ выстрѣловъ, и два громадныхъ холма вблизи мѣста сраженія служатъ видимымь знакомъ, что много ихъ легло на холмахъ, много ихъ погибло въ рѣкѣ Собѣ и въ Каменогорскомъ прудѣ, еще больше разбѣжалось ихъ въ разныя стороны. Все поле отъ мѣста сраженія до Дашева было усѣяно трупами: русскія войска гнали поляковъ вездѣ по дорогамъ.—Во время этого сраженія поляки только тотъ сдѣлали для русскихъ вредъ, что разобрали плотину, и такимъ образомъ много поляковъ имѣло возможность скрыться въ лѣсахъ Копіевскихъ и Дашевскихъ. Самъ маршалъ Ипполитъ Володкевичъ скрылся въ Копіевкѣ—въ глинищѣ, а Потоцкій на балагулѣ съ крестьяниномъ Антономъ Музыченкомъ уѣхалъ въ Радзивиловъ, оттуда заграницу, гдѣ проживалъ у старыхъ знакомыхъ отца—французскихъ эмигрантовъ—до 1850 г., и уже, при посредствѣ Писарева, управляющаго генералъ-губернаторской канцеляріей при Бибиковѣ, возвратился въ Россію [1]).

---

[1]) Графъ Владиміръ Станиславовичъ Потоцкій часто проживалъ заграницей въ Парижѣ и имѣлъ тамъ массу знакомыхъ. Во время французской революціи онъ предложилъ у себя пріютъ многимъ ли-

Къ удивленію, Дашевское имѣніе не было конфисковано, а только секвестровано и собственно потому, что Өекла Потоцкая заявила, что это имѣніе со всѣми деревнями было заложено у нея покойнымъ мужемъ въ обезпеченіе ея приданаго.

Генералъ Пузыревскій въ своемъ сочиненіи: «Польско-русская война 1831 г.», такъ описываетъ сраженіе подъ Дашевомъ: ...«Для подавленія возстанія вызвана была поселенная Бугская уланская дивизія. Ротъ спѣшилъ форсированными маршами.—Направивъ Шереметева съ 2-мя уланскими полками и 6-ю орудіями на Ладыжинъ, самъ онъ съ Харьковскимъ уланскимъ и 35-мъ егерскимъ полками при 6 орудіяхъ быстро двинулся изъ окрестностей Каменецъ-Подольска чрезъ Шаргородъ по направленію къ Ольгополю и Красноселкѣ; узнавъ въ Петковкѣ, что инсургенты выступили въ Грановъ и что генералъ Рейтернъ съ Бугской улан-

---

цамъ, изгнаннымъ изъ Франціи временнымъ французскимъ правительствомъ. Многіе изгнанники, въ числѣ, приблизительно, до 50 человѣкъ, поселились въ особыхъ дворахъ въ с. Кальникѣ, Липовецкаго уѣзда, гдѣ нынѣ сахарный заводъ; имъ доставляли туда провизію и полное содержаніе. Эмигранты были всё народъ образованный и обратили вниманіе на могилу: «Сорока», отстоящую отъ Кальника въ разстояніи 2—3 верстъ, по направленію къ Липовцу, начали раскапывать могилу, а графъ Потоцкій распорядился для работъ давать людей въ видѣ—барщины. Эмигранты раскопали могилу, а землю свозили на рѣку Собь и сдѣлали тамъ громадную плотину при коей теперь имѣется тамъ же громадная крупчатая мельница. По разсказамъ старожиловъ, французы эмигранты обращались съ крестьянами очень мягко, что было не въ духѣ того времени; воспрещали оффиціалистамъ—приказчикамъ бить народъ, требовать непосильныхъ работъ и сами относились къ народу съ особеннымъ вниманіемъ и любовью. Однажды при нихъ одинъ приказчикъ побилъ крестьянъ. Эмигранты обратились къ графу Потоцкому и потребовали немедленно удалить его отъ должности, и приказчикъ былъ удаленъ отъ должности безъ права служить въ его имѣніяхъ. По прекращеніи революціи эмигранты уѣхали обратно въ Францію. 2 мая 1831 г. графъ—Владиміръ Владиміровичъ Потоцкій къ нимъ ушелъ и проживалъ у нихъ до 1854 г. При раскопкѣ могилы «Сорока» эмигранты ничего не нашли, кромѣ костей и части одежды.

ской дивизіей на пути въ Ладыжинъ, находился лишь въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Петковки, онъ обратился влѣво, притянулъ къ себѣ Рейтерна и, переправившись чрезъ Бугъ въ бродъ у Ладыжина, достигъ, форсированнымъ маршемъ, ночью на 2 мая, Гайсина. Получивъ свѣдѣніе, что инсургенты находятся въ Грановѣ, Ротъ направилъ ген. Соболева, съ 2-мя баталіонами 35-го егерскаго полка, 2-мя орудіями и Ольвіопольскимъ уланскимъ полкомъ, по большой дорогѣ къ Гранову, а самъ, съ Вознесенскимъ (7 эскр.), Харьковскимъ (4 эск.), и Одесскимъ (6 эск.) уланскими полками и 4-мя конными орудіями, двинулся по лѣвому берегу Соби, чтобы обойти непріятеля съ праваго фланга. Инсургенты ничего не знали о прибытіи Рота и, полагая, что за ними слѣдуетъ только отрядъ Рейтерна, продолжали въ безпорядкѣ слѣдовать къ Дашеву, куда прибыли около 10 час. утра 2 мая. Арьеградъ ихъ въ числѣ 3-хъ эскадроновъ, подъ начальствомъ Побѣдзинскаго, находился въ 6 верстахъ назади у с. Городка, наблюдая за большою кіевскою дорогою. Въ два часа пополудни отрядъ Рота приближался къ Городку. Въ головѣ шелъ дивизіонъ Одесскаго уланскаго полка, за нимъ, въ разстояніи $1^1/_2$ версты, самъ Ротъ съ двумя другими дивизіями и 2-мя конными орудіями, а нѣсколько назади два остальные уланскіе полка и орудія. При выходѣ изъ городка, составляющаго положеніемъ своимъ довольно затруднительное дефиле, головной нашъ дивизіонъ былъ атакованъ поляками и опрокинутъ; но Ротъ встрѣтилъ преслѣдующихъ картечнымъ огнемъ и этимъ далъ время Одесскому полку пройти Городокъ и выстроиться влѣво отъ большой дороги по направленію къ Дашеву. Съ своей стороны главныя силы инсургентовъ, по первому пушечному выстрѣлу, одинъ эскадронъ за другимъ, спѣшили изъ Дашева и стройно развернулись предъ Ротомъ. На правомъ ихъ флангѣ находилась густая пѣхотная колонна, около 1000 человѣкъ, имѣя впереди себя 4-ре орудія, центръ и лѣвое крыло съ тремя орудіями построены были въ двѣ линіи развернутымъ фронтомъ и съ надлежащими интервалами. Между тѣмъ подоспѣли усиленной рысью Харьковскій и Вознесенскій уланскіе полки. Ротъ поставилъ

первый на лѣвомъ флангѣ, противъ сомкнутой колонны, а Рейтерна съ Вознесенскимъ и Одесскимъ полками противъ центра и лѣваго крыла непріятеля и немедленно двинулся впередъ. Инсургенты, защищаясь мужественно, отступали въ порядкѣ, и, опрокинутые нѣсколько разъ, возобновляли нападеніе. Въ одной изъ атакъ взяты были у нихъ 4-ре орудія и палъ Побѣдзинскій; эскадроны его дали тылъ. Начальникъ штаба Орликовскій, а затѣмъ и Колыско хотѣли возстановить дѣло, но также принуждены были отступить къ Дашеву. Пѣхота, оставшись безъ прикрытія, была атакована нашими уланами и частію положена на мѣстѣ, частію взята въ плѣнъ вмѣстѣ съ тремя орудіями. Ротъ преслѣдовалъ бѣгущихъ не столько своею кавалеріею, сколько артиллерійскимъ огнемъ. Онъ держалъ свои 4-ре орудія на дорогѣ; по обѣ ея стороны развернулъ по два эскадрона, за ними еще два и нѣсколько правѣе одинъ эскадронъ; позади слѣдовали прочіе эскадроны въ общей колоннѣ. Въ такомъ порядкѣ Ротъ достигъ мѣстечка, гдѣ господствовало величайшее смятеніе. Три эскадрона, оставшіеся въ Дашевѣ и хотѣвшіе удержать другихъ, были частью увлечены, но однако изъ нихъ образовалась куча, къ которой примкнули другіе, и всѣ они, въ числѣ около 150—200 чел., вдругъ бросились въ атаку на подошедшаго Рота. Съ отчаяннымъ мужествомъ эта небольшая толпа устремилась прямо къ нашимъ орудіямъ и наскакала на нихъ. Атакованные съ фронта эскадрономъ Харьковскихъ, а съ фланга и тыла 2-мя эскадронами Вознесенскихъ уланъ, поляки мужественно дрались, причемъ особенною храбростію отличались братья Собанскіе, Еловицкіе, 70-лѣтній Борзецкій и др. Послѣ продолжительнаго рукопашнаго боя погибла значительная часть этого родовитаго польскаго дворянства.—Потери русскихъ въ дѣлѣ простирались до 98 челов. убитыми и раненными, въ томъ числѣ 8 офицеровъ».

Послѣ пораженія польскихъ войскъ русскія войска двинулись въ Дашевъ. Въ рядахъ уланъ Ольвіопольскаго полка былъ одинъ изъ Дашевскихъ крестьянъ, Ѳеодоръ Хворостяный, и онъ указалъ солдатамъ, какъ и въ какихъ мѣстахъ можно было перейти въ бродъ чрезъ Собь. Этотъ Хворостяный, до поступле-

нія въ солдаты, служилъ при графѣ Потоцкомъ лакеемъ и зналъ, въ какихъ погребахъ и гдѣ скрыты были вина и всякія яства, поэтому онъ сразу повелъ своихъ товарищей уланъ по погребкамъ, указалъ, въ какихъ кладовыхъ какія закуски скрыты, и солдаты 3 дня гуляли; кавалеристы не забывали своихъ лошадокъ, давали имъ немолоченный овесъ снопами. Θеодоръ Хворостяный былъ сданъ въ солдаты за какую-то шалость (въ то время всѣхъ провинившихся крестьянъ помѣщики сдавали въ солдаты) Хворостяный былъ сданъ въ Ольвіопольскій уланскій полкъ, въ январѣ или февралѣ 1831 г., а въ маѣ уже съ полкомъ прибылъ въ Дашевъ и указалъ, гдѣ скрываются старки и всякія вина. Во время погрома и бѣгства поляковъ много ихъ не умѣло укладывать ноги въ стремена, и потому съ поля сраженія много тянулось въ стременахъ по землѣ, и такъ погибали. Изъ Попудни помѣщица Пакшевицкая выслала подъ Дашевъ двухъ сыновей, и отъ одного изъ нихъ лошадь принесла въ Попудно только одну ногу въ стремени. Когда поляки проходили чрезъ с. Кальникъ, въ этотъ моментъ несли тѣло умершаго крестьянина Θеодора Качалая; священникъ и народъ оставили гробъ съ марами на улицѣ, возлѣ нынѣшняго зданія народнаго училища, а поляки подошли къ трупу и выбросили его изъ гроба. По уходѣ поляковъ трупъ былъ народомъ поднятъ съ земли и погребенъ. Солдаты, гонясь за уходившими, всякаго подозрительнаго человѣка считали за инсургента и кололи. Однажды они встрѣтили крестьянина на дорогѣ и спросили: куда идешь? Онъ отвѣтилъ: иду къ священнику по дѣлу.—Отчего же у тебя свита и рубаха съ отворотами? ты должно быть шляхтичъ... и убили его. И такъ случалось часто погибать крестьянамъ, заподозрѣннымъ въ соучастіи съ возставшими. Во время набѣга войска въ палацо, лакей Никодимъ Креденцеръ спряталъ на выемкахъ въ согрѣвательныхъ печахъ нѣсколько серебряныхъ блюдъ, сервизъ, и этого никто не тронулъ. Баба Пичкурка, служившая мамкой у Потоцкихъ, во время набѣга, побѣжала въ католическую каплицу, схватила всѣ серебряные подсвѣчники и принесла въ церковь; но протоіерей Діевскій не принялъ ихъ.

Первую ночь послѣ сраженія, на полѣ битвы происходило мародерство; всѣ крестьяне и евреи бросились на поле, стали обыскивать карманы у убитыхъ, снимать одежду, золотыя вещи и уносить. Особенно здѣсь усердствовали евреи; многіе сдѣлали немалыя пріобрѣтенія. Солдаты въ Дашевѣ весь обѣдъ, приготовленный поляками для своего войска, вылили изъ котловъ,—взяли въ экономіи 13 воловъ, зарѣзали и сами приготовили для себя обѣдъ. Нѣкоторые солдаты, подъ шумокъ общаго грабежа, побѣжали на квартиру къ ксендзу и сняли съ него одежду и обувь; ксендзъ пожаловался генералу Роту, какъ своему единовѣрцу. Ротъ постарался обнаружить виновныхъ, 6 солдатъ прогналъ сквозь строй, и послѣ того грабежи прекратились. Вообще же крестьяне обнаружили свое исконное нерасположеніе къ панамъ и при уходѣ ихъ умышленно указывали полякамъ дорогу, гдѣ стояло русское войско или козаки, чтобы ихъ тамъ побили. Одинъ полякъ, уходя изъ сраженія, забѣжалъ въ д. Полевое, встрѣтилъ крестьянина Шевчука и сталъ просить его указать, гдѣ возможно чрезъ рѣку перейти въ бродъ. Шевчукъ намѣренно указалъ на самое глубокое мѣсто, и полякъ, повѣривъ, поѣхалъ въ бродъ и едва не утонулъ. Два поляка забѣжали въ дворъ крестьянина Василія Матрійчука, просили его скрыть ихъ, давали нѣсколько серебряныхъ рублей; но Матрійчукъ не принялъ и выгналъ ихъ со двора. Евреи, напротивъ, принимали поляковъ, оказывали имъ содѣйствіе, скрывали ихъ по чердакамъ, постоялымъ дворамъ, погребамъ,—особенно много скрывалъ въ своемъ постояломъ дворѣ еврей Куперманъ. Гоняясь за поляками, солдаты загнали многихъ подъ шлюзы и тамъ много ихъ утонуло.

Предъ сраженіемъ одинъ полякъ въ повозкѣ, запряженной прекрасной лошадью, заѣхалъ въ дворъ крестьянина Ивана Клименка. Клименко принялъ его, завелъ лошадь въ сарай, а пана съ вещами пригласилъ въ свой домъ. Утромъ панъ пошелъ въ палацо графа Потоцкаго и больше уже не возратился. Клименко между вещами пана нашелъ много денегъ и скрылъ ихъ, а лошадь выгналъ со двора, и послѣ Клименко сдѣлался однимъ изъ богатыхъ крестьянъ.

Слышалъ я въ Дашевѣ и такой разсказъ. Гоняясь за поляками, одинъ козакъ по какому-то случаю расположился отдыхать возлѣ д. Шабельной въ лощинѣ, поставилъ котелокъ на огонь, а лошадь пустилъ пастись и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Между тѣмъ къ козаку подъѣхали изъ лѣса шесть поляковъ и стали совѣщаться, какъ имъ поступить съ козакомъ: убить ли его, или оставить живымъ? Старый полякъ сказалъ: «стыдно намъ соннаго козака убивать; лучше мы его разбудимъ, пусть онъ покажетъ намъ свое искусство и храбрость». Такъ и сдѣлали. Разбуженный, увидѣвъ предъ собою 6 человѣкъ, немного струсилъ. Поляки потребовали, чтобы онъ показалъ свою храбрость. Козакъ согласился исполнить ихъ требованіе, но попросилъ разрѣшенія впередъ поѣсть сваренной каши въ котелкѣ. Поляки дозволили. У нихъ было 6 хорошихъ лошадей, а у козака по виду лошадка была дрянь, даже губы у нея отвисшія. Поѣвши, козакъ предложилъ устроить состязаніе въ верховой ѣздѣ. Поляки согласились. Козакъ побѣжалъ на своей лошадкѣ, за нимъ погнались они всѣ 6, но стали бѣжать не вмѣстѣ, а постепенно отставать одинъ отъ другого. Замѣтивъ, что за нимъ бѣжатъ только два поляка козакъ немного пріостановился, ловко подбѣжалъ къ нимъ и обоихъ закололъ, — послѣ подбѣжалъ къ оставшимся другимъ двумъ и такъ же поступилъ, а затѣмъ у него осталось только два: изъ этихъ двухъ онъ одного убилъ, а другого—Василія Недогоду—избилъ такъ, что послѣдній, поднявъ руки къ небу, началъ просить козака сохранить ему жизнь, и козакъ отпустилъ его. И вотъ оставшійся въ живыхъ Недогода и разсказалъ мнѣ о геройствѣ козака.

При уходѣ польскій казначей Береговичъ былъ настигнутъ козаками возлѣ с. Паріевки, далъ имъ часть денегъ, а остальныя скрылъ,—послѣ спряталъ ихъ въ лѣсу подъ с. Василевкой. По прекращеніи бунта онъ открылъ ихъ и сдѣлался зажиточнымъ человѣкомъ.

Генералъ Ротъ, покончивъ съ польскимъ возстаніемъ, распорядился устроить въ Дашевѣ порядокъ. Священника Діевскаго назначилъ управляющимъ гражданской части м. Дашева и, въ

помощь ему, назначилъ 4-хъ выборныхъ крестьянъ. Въ 1831 г. былъ неурожай, крестьяне совсѣмъ не имѣли ржи, питались однимъ овсомъ. Генералъ Ротъ распорядился всѣ хлѣбные запасы графа Потоцкаго раздать бѣднымъ крестьянамъ, и это дало средства всѣмъ прокормиться.—Изъ крестьянъ нѣсколько человѣкъ пошли въ польскія войска; такъ, изъ Китайгорода пошелъ Гавріилъ Чепелевскій. Отецъ его Аѳанасій не позволялъ ему дѣлать этого, и онъ противъ воли отца пошелъ въ польское войско, но при первой стычкѣ съ русскими убѣжалъ и явился въ свой домъ; отецъ не принялъ его, и онъ шлялся цѣлый мѣсяцъ по лѣсу. При дознаніи чрезъ исправника отецъ выдалъ сына, и онъ былъ взятъ въ солдаты, выслужилъ въ русскомъ войскѣ 26 лѣтъ и возвратился домой. Изъ м. Дашева въ польскомъ войскѣ былъ Бендатый; его также предали суду, но онъ скоро умеръ отъ полученныхъ ранъ на войнѣ. Помѣщица селъ: Каменногородки, Тодоровки, Копіевки, Китайгорода и Янишевки—Дудзинская не особенно была расположена къ польскому возстанію, и убѣждала своихъ крестьянъ не поступать въ банды. Генералъ Ротъ послѣ сраженія посѣтилъ ее, благодарилъ за расположенность къ русскимъ, и изъ ея имущества солдаты ничего не брали. У этой Дудзинской былъ слабоумный сынъ Карлъ, жившій въ с. Тодоровкѣ. При проѣздѣ чрезъ Тодоровку козаковъ, Карлъ Дудзинскій [1])

---

[1]) У графа Станислава-Феликса-Щенснаго Потоцкаго былъ лакеемъ бойкій мальчикъ изъ крестьянъ и такъ понравился пану, что онъ сдѣлалъ его придворнымъ парикмахеромъ и, какъ парикмахеръ, получилъ фамилію: Зачесальскій. Затѣмъ панъ Зачесальскій перемѣнилъ свое занятіе—началъ играть на дудкѣ и сталъ тогда именоваться: Дудзинскимъ. Будучи очень ловкимъ и бойкимъ, панъ Дудзинскій успѣлъ собрать средства, попалъ въ офиціалисты графа Потоцкаго, сфабриковалъ дворянскіе документы, 12 человѣкъ присягнуло, что онъ дворянскаго роду, и послѣ Дудзинскій началъ покупать имѣнія, купилъ Китайгородъ, Каменногорку, а въ 1824 г. с. Копіевку. У него были двѣ дочери и сынъ слабоумный. Дочь одна вышла замужъ за Ипполита Володкевича, и къ нему послѣ перешли всѣ имѣнія Дудзинскаго, какъ напр. Китайгородъ, Каменногорка, Копіевка и проч.

выстрѣлилъ въ нихъ. Козаки знали, что онъ слабоумный, и ограничились только тѣмъ, что высѣкли его. Управляющій графа Потоцкаго, Лопушанскій, былъ сосланъ въ каторгу, но послѣ Потоцкая стала ходатайствовать за него, крестьяне дали приговоръ, что Лопушанскій не участвовалъ въ возстаніи, и Лопушанскій былъ возвращенъ; но, явившись въ Дашевъ, отплатилъ крестьянамъ неблагодарностію: сталъ онъ ихъ обижать, отбирать землю, и крестьяне послѣ горько сожалѣли, что ходатайствовали за такого негодяя. Помѣщикъ Копіевки и Городка Володкевичъ тоже какимъ-то чудомъ выпутался изъ бѣды и, по возвращеніи изъ тюрьмы, сильно обижалъ крестьянъ, особенно былъ жестокъ къ крестьянамъ Мартынюку и Голосію за указаніе козакамъ мѣста въ „глинищѣ", гдѣ онъ скрывался. Мартынюкъ и Голосій были зажиточные крестьяне; но онъ сдѣлалъ ихъ нищими, забралъ ихъ имущества, сыновей Голосія отдалъ въ солдаты, и впослѣдствіи Голосій умеръ въ полной нищетѣ. Послѣ сраженія все въ домѣ Володкевича было расхищено, но, возвратившись, онъ сторицею восполнилъ понесенные убытки: забралъ у крестьянъ воловъ, лошадей,—сѣкъ ихъ жестоко, давалъ по 500 розокъ, и многіе умирали послѣ такихъ истязаній.

Въ печати приходилось встрѣчать, что сраженіе русскихъ съ поляками подъ Дашевомъ происходило 8—14 мая. Я полагаю—на основаніи предыдущихъ фактовъ слѣдуетъ признать, что оно было несомнѣнно 2 мая, и въ этомъ убѣждаютъ еще слѣдующія данныя.

Еврей Сахарный, очевидецъ этого сраженія, имѣвшій въ то время около 18 лѣтъ, точно помнитъ, что сраженіе было въ субботу, а предъ сраженіемъ за нѣсколько дней панъ Лопушанскій распустилъ всѣхъ рекрутъ евреевъ и обѣщалъ имъ, что во время польскаго владычества не будутъ брать евреевъ въ солдаты. И вотъ въ субботу всѣ освобожденные рекруты пили, гуляли, веселились, радуясь освобожденію навсегда отъ воинской повинности. Значитъ, можно рѣшительно утверждать, что сраженіе было въ субботу, но какого именно числа — точно рѣшить нельзя по разсказамъ старожиловъ. Большинство старожиловъ утвер-

ждаетъ, что въ первый день Пасхи была подожжена кузница, гдѣ изготовлялись пики на войну, а чрезъ недѣлю послѣ поджога произошло сраженіе въ субботу; меньшинство-же старожиловъ говоритъ, что кузница была подожжена на Ѳоминой недѣлѣ въ воскресеніе, а чрезъ недѣлю въ субботу было сраженіе. Пасха Хр. въ 1831 г. была 18 апрѣля. Въ субботу послѣ Пасхи было 25 апрѣля, въ слѣдующую субботу—2 мая. Если сопоставить бракъ Григорія Крупника съ Екатериною Кравчукъ, записанный по метрическимъ книгамъ церкви м. Новаго Дашева—1-го мая, съ разсказомъ, что поляки много жертвовали новобрачнымъ, то не остается сомнѣнія, что сраженіе происходило 2 мая.

Разбитые подъ Дашевомъ поляки уходили на мѣста своего жительства, просили крестьянъ скрывать ихъ въ клуняхъ, сараяхъ,—отдавали за ничто свои кунтуши и съ благодарностію надѣвали крестьянскія свиты, чтобы не признали ихъ за повстанцевъ. Въ м. Жорнищахъ, липовецкаго уѣзда, крестьянинъ Матвѣй Горячій передерживалъ у себя многихъ повстанцевъ, забралъ ихъ кунтуши, далъ имъ свиты и послѣ за проданные кунтуши выручилъ много денегъ и разбогатѣлъ. Сотскій м. Жорнищъ, Горбикъ, сильно ненавидѣлъ поляковъ. Липовецкимъ инвалидамъ указывалъ, гдѣ скрываются уходившіе изъ-подъ Дашева повстанцы, ихъ забирали и отправляли въ Липовецъ. Поляки послѣ жестоко отомстили Горбику. Изъ ненависти къ нему мѣстный помѣщикъ Владиміръ Хлопицкій семерыхъ сыновей его отдалъ въ солдаты, самого Горбика вогналъ въ нищету, въ которой онъ и умеръ.

Много повстанцевъ скрывалось въ Жорнищскомъ Реформатскомъ монастырѣ, монахи и повстанцы заперли монастырскія ворота, инвалиды и крестьяне выломали ворота, выгнали поляковъ, нашли оружіе, и за участіе въ возстаніи монастырь послѣ былъ закрытъ [1]).

---

[1]) Костелъ и монастырь построены были въ м. Жорнищахъ графиней Юліанной Струтинской, рожденной Росцишевской въ 1776 г., съ разрѣшенія епископа Еразма-Богорія Воловича. Храмъ былъ во имя св. Іоанна Богослова. При костелѣ были богадѣльни, построенныя Даніиломъ Кохальскимъ и содержимыя на пожертвованныя имъ 24.000 польскихъ злотыхъ.

Изъ Дашева генералъ Ротъ двинулся съ своими войсками на Яновъ, Хмѣльникъ и Меджибожъ, а генералъ Шереметьевъ былъ направленъ къ Тыврову, чтобы не допустить поляковъ на Волынь. Поляки стали осторожнѣе, начали собираться въ отряды, обходить русскія войска и уклоняться отъ боя.

7-го мая поляки, при переходѣ чрезъ большую дорогу изъ Брацлава въ г. Винницу, перехватили курьера съ депешей, изъ которой узнали, что генералъ Шуцкій, съ двумя эскадронами Дерптскаго и Нѣжинскаго конноегерскихъ полковъ и двумя орудіями 26 конной батареи, прибылъ въ Ободное, чтобы отрѣзать имъ путь отступленія. Въ то же время показался генералъ Шуцкій съ своими войсками; небольшой лѣсокъ раздѣлялъ обѣ стороны. Инсургенты, подъ проливнымъ дождемъ, быстро выстроились въ три колонны, а затѣмъ стремительно бросились на русскихъ. Вмѣсто того, чтобы устремиться на непріятеля, генералъ Шуцкій, быть можетъ болѣе довѣрявшій карабинамъ, чѣмъ саблямъ, принялъ атаку на мѣстѣ, приказавъ людямъ открыть пальбу повзводно. Почти всѣ выстрѣлы пошли на воздухъ, и, прежде чѣмъ разсѣялся ихъ дымъ, поляки ворвались въ ряды нашихъ экскадроновъ и начали истреблять беззащитныхъ людей, не успѣвшихъ даже выхватить свои сабли. Еловицкій, Борзецкій и другіе всадники бросились на орудія, едва успѣвшія дать пять выстрѣловъ, изрубили прислугу и овладѣли пушками. Немногіе изъ егерей успѣли спастись въ бѣгствѣ. Виновникъ несчастья Шуцкій, многіе офицеры и солдаты были взяты въ плѣнъ. 2 мая графъ Ржевусскій не успѣлъ явиться въ м. Дашевъ со всѣми кавалеристами, но явился во-время подъ Ободное, и кавалерія Ржевусскаго способствовала побѣдѣ.

9 мая поляки прибыли въ Яновъ, рѣшили двинуться въ Баръ, но 11 мая встрѣтились съ русскими войсками у с. Майданека, недалеко отъ Деражни въ Литичевскомъ уѣздѣ. Генералъ Шереметьевъ приблизился къ полякамъ съ тылу. Прежде чѣмъ поляки успѣли выбраться изъ мѣстнаго дефиле и построиться къ бою, наши уланы понеслись въ атаку, опрокинули непріятельскій арьергардъ, взяли часть обоза и, послѣ упорной схватки,

отбили взятыя у Шуцкаго два орудія. Пораженіе инсургентовъ было рѣшительно. Храбрѣйшіе изъ нихъ, какъ Борзецкій, отецъ Еловицкій и др., пали. Орликовскій, видя все потеряннымъ и терзаясь дѣлаемыми ему упреками за пораженіе при Дашевѣ, пустилъ себѣ пулю въ лобъ. Многіе разсѣялись или взяты въ плѣнъ. Убитыми и ранеными инсургенты потеряли до 300 человѣкъ.

Послѣ разныхъ попытокъ инсургентовъ взять г. Летичевъ, собрать банду въ г. Барѣ, пришлось убѣдиться, что дальнѣйшія дѣйствія безполезны, и повстанцы бѣжали въ Австрію, гдѣ австрійскій гусарскій полкъ обезоружилъ ихъ, а Колыско былъ отправленъ въ Трансильванію, гдѣ скоро умеръ.

Таковъ былъ конецъ возстанія поляковъ на Подоліи. Много поляковъ погибло; многіе, какъ князь Чарторыйскій, бѣжали заграницу навсегда.

Сраженіе подъ Дашевомъ и разгромъ польскаго войска при дальнѣйшихъ стычкахъ въ Подоліи произвели подавляющее впечатлѣніе на всѣхъ жившихъ въ юго-западномъ краѣ поляковъ, уничтожили всякую надежду отнять юго-западный край отъ Россіи, и поляки воочію увидѣли, что народъ къ нимъ не расположенъ, и что разсчитывать на крестьянъ не представляется никакой надежды.

Въ сраженіи подъ Дашевомъ, кромѣ крестьянъ и поляковъ, участвовали даже евреи, служившіе на фабрикѣ; такимъ былъ еврей Райхъ. Фабрикой завѣдывалъ въ то время нѣмецъ Іокишъ; но онъ очень ловко повелъ дѣла и такъ двусмысленно разыгрывалъ свою роль, что ускользнулъ отъ всякой отвѣтственности.

Полицейской частію въ м. Дашевѣ во время возстанія завѣдывалъ засѣдатель, панъ Новофацкій. Графъ Потоцкій далъ ему прекрасную усадьбу въ д. Полевомъ (предмѣстье Дашева). Онъ завелъ прекрасный садъ, къ нему явились сотскіе за приказаніями; но послѣ возстанія онъ былъ удаленъ отъ должности, сдѣлался нищимъ и умеръ подъ плетнемъ.

Предъ сраженіемъ для войска поляки привезли 7 возовъ ложекъ и массу деревянныхъ тарелокъ, но не пришлось этимъ пользоваться. Послѣ сраженія крестьяне все это захватили и забрали себѣ.

Во время сраженія подъ Дашевомъ былъ убитъ одинъ офицеръ, который въ качествѣ парламентера, былъ посланъ отъ русскихъ войскъ для переговоровъ съ поляками. Поляки убили беззащитнаго офицера, ѣхавшаго къ нимъ на лошади, какъ парламентеръ. Лошадь его сама возвратилась во фронтъ, а убитаго офицера нашли на полѣ и погребли въ с. Городкѣ, Гайсинскаго уѣзда.

Лопушанскій, Омыловскій и другіе поляки часть имѣвшихся у нихъ денегъ позакапывали въ лѣсахъ. Лопушанскій закопалъ часть своихъ денегъ въ лѣсу «Ярошъ»; своему слугѣ Антону Музыкѣ приказалъ беречь деньги до его возвращенія. Музыка былъ настолько честенъ, что берегъ; Лопушанскій, возвратившись съ каторжныхъ работъ, выкопалъ свои деньги, а Музыку за честность сдѣлалъ экономомъ въ с. Купчинцахъ, и онъ въ этой должности умеръ. Другой полякъ сказалъ своему слугѣ, Леонтію Качмару, что въ извѣстномъ мѣстѣ закопаны деньги. Не скоро послѣ сраженія, Качмаръ отправился туда, чтобы выкопать деньги, но выкопалъ только боченокъ со сгнившей провизіей. Панъ Омыловскій послѣ сраженія не успѣлъ даже сложить своихъ вещей въ повозку и скрылся, а вещи остались на память его лакею Онищуку.

Послѣ сраженія протоіерей Илія Діевскій объѣзжалъ поле битвы, находилъ много поляковъ, умиравшихъ отъ жажды, просившихъ капли воды, и онъ, по мѣрѣ возможности, старался удовлетворять ихъ; а крестьяне рѣшительно отказывались поить ихъ. Въ память побѣды русскихъ надъ поляками, протоіерей Діевскій распорядился поставить крестъ съ надписью:

«Подъ симъ крестомъ
Мощнымъ перстомъ
Стерта глава
Русскаго врага».

Крестъ съ этой надписью долго стоялъ на своемъ мѣстѣ, и неизвѣстно кѣмъ надпись эта была уничтожена, а креста потомъ совсѣмъ не стало.

Послѣ побѣды подъ м. Дашевомъ, русскіе власти распорядились разослать всѣмъ землевладѣльцамъ, а также учрежденіямъ, владѣющимъ землями, въ томъ числѣ и Грановскому монастырю—циркуляры. Первый циркуляръ былъ полученъ отъ Гайсинскаго земскаго исправника на имя Грановскаго монастыря слѣдующаго содержанія:

«По случаю разбитія около м. Дашева и селенія Городка россійскими войсками собравшейся было толпы польскихъ мятежниковъ, изъ коихъ множество оныхъ бѣжало, и согласно приказанію военнаго начальства, въ числѣ прочихъ владѣльческихъ экономій и оному монастырю предлагаю: во-первыхъ, учредить заразъ на выѣздахъ въ селеніи со всѣхъ сторонъ надежные караулы изъ крестьянъ, дабы каждый проѣзжающій и проходящій былъ спрашиванъ и при малѣйшемъ видѣ подозрѣнія задерживаемъ, а въ ночное время таковой караулъ для означенной надобности удвоить, и при томъ на постоялыя и трактовыя корчмы обратить особое наблюденіе; во-вторыхъ, скрывающихся нынѣ въ лѣсахъ и въ состоящихъ въ оныхъ корчмахъ помянутыхъ мятежниковъ пѣшихъ и конныхъ ловить, какого бы они чина и званія ни были, посредствомъ народа въ достаточномъ количествѣ жителей, съ надлежащими предосторожностями. На случай вооруженія ихъ и таковыхъ, какъ равно и тѣхъ, кои по-одиночкѣ или въ нѣкоторомъ числѣ будутъ показываться по дорогамъ, въ поляхъ и поселеніяхъ на лошадяхъ и станутъ разглашать ложные слухи, или иначе возмущать мирныхъ жителей,—взять и со всѣмъ отобраннымъ отослать въ Нижній земскій судъ, для передачи ихъ въ военное вѣдомство, въ случаѣ же большого гдѣ скопища мятежниковъ—давать знать помянутому Нижнему суду,—въ то же время, гдѣ таковое открыто будетъ, а между тѣмъ преслѣдовать оное, дабы далѣе не могло бѣжать. Въ третьихъ, приказать всѣмъ вообще жителямъ, чтобы они, дабы не навлекли на себя подозрѣнія, не отлучались никуда—даже въ сосѣдственныя имѣнія, хотя-бы и по необходимымъ надобностямъ безъ письменнаго вида отъ Земскаго суда, ибо задержанные безъ онаго, хотябы не только мужчины, но дамы или женщины, будутъ считаться подозрительными и поступать съ ними

по законамъ, объявивъ онымъ жителямъ, что таковые письменные виды выдаваться будутъ судомъ на простой бумагѣ, если не на долгое время и не въ далекое мѣсто. И если только настоящее предписаніе, сверхъ чаянія, не будетъ выполнено тотчасъ оною экономіею во всей точности, то за неисполненіе онаго и передержательство или укрываніе кѣмъ либо помянутыхъ мятежниковъ виновные преданы будутъ строгому военному суду».

Земскій Исправникъ. № 576. Мая 4 дня, 1831 г.

2) *Отъ Подольскаго гражданскаго губернатора тайнаго совѣтника и кавалера Лубяновскаго для повсемѣстнаго объявленія.*

«Г. генералъ-лейтенантъ Редигеръ извѣстилъ меня, что все оружіе, вся аммуниція, всѣ лошади, весь обозъ и снаряды польскихъ войскъ, состоявшихъ подъ начальствомъ Дверницкаго, сданы ему по распоряженію австрійскаго правительства. Нижніе чины сихъ войскъ всѣ отправлены подъ стражею въ Трансильванію; всѣ офицеры въ разныя другія мѣста; самъ Дверницкій сосланъ въ Лейбахъ, до дальнѣйшаго о немъ разрѣшенія. Генералъ побѣдоносныхъ россійскихъ войскъ Крейцъ одержалъ съ 27 на 28 апрѣля блистательную побѣду между Любашевымъ и Каменкою надъ польскими войсками подъ предводительствомъ генерала Паца Хасановскаго, Любашево сожжено до основанія. Малые остатки разбитаго войска бѣжали въ крѣпость Замостье.

«Г. генералъ отъ инфантеріи Ротъ совершенно разбилъ и истребилъ возлѣ с. Городка въ Гайсинскомъ повѣтѣ мятежническое полчище, бывшее подъ предводительствомъ графа Ржевусскаго и Собанскихъ, болѣе 1200 человѣкъ пали на мѣстѣ несчастными жертвами преступнаго возмущенія. Взятые въ плѣнъ удостовѣряютъ, что Ржевусскій и Александръ Собанскій тутъ же заплатили жизнью за измѣну; графъ Владиміръ Потоцкій, Исидоръ Собанскій и Колыска, бѣжавшіе съ малыми остатками сего скопища, преслѣдуются, и безъ сомнѣнія постигнетъ ихъ та же участь, какая ожидаетъ всѣхъ гнусныхъ измѣнниковъ. Такъ рушились и такъ всегда рушатся всѣ злые и преступные замыслы. Есть правосудіе, всегда и вездѣ карающее злодѣевъ. Но между

павшими на полѣ битвы 2 мая злодѣями, врагами домашними, конечно, были и многія жертвы легкомыслія, превратныхъ понятій и ослѣпленія. Сіи несчастные, обманутые, обольщенные и увлеченные да послужатъ наставленіемъ всѣмъ имъ подобнымъ, кои и за симъ еще могли бы злодѣями быть соблазняемы ложными и пагубными мечтами. Казнь и смерть—награда за всякій умыселъ и за всякое предпріятіе противъ власти законной. Милосердіе и всемилостивѣйшее прощеніе всѣмъ, кто, познавъ свое заблужденіе, оставитъ шайки мятежниковъ и возвратится въ свое жительство къ мирнымъ занятіямъ. Въ комъ есть чувство истинной чести, чувство любви къ самому себѣ и къ роднымъ своимъ, тотъ воспользуется временемъ и способомъ, даруемымъ ему для возвращенія отъ обмана на путь правый. Тѣ же злодѣи мутятъ другихъ разглашеніями, якобы крестьяне и даже войска Его Императорскаго Величества имѣютъ намѣреніе и даже повелѣніе истреблять поляковъ,--сіи презрительныя и ложныя разглашенія не достойны не только вѣры, но и вниманія. Крестьяне, напротивъ того, даже и тамъ, гдѣ были соблазняемы мятежниками, пребыли вѣрными и непоколебимыми. Да не слушаютъ они и впредь никакихъ обольщеній, но да остаются въ своихъ селеніяхъ мирно, спокойно и въ должномъ законномъ повиновеніи. Войска же обязаны переходить изъ мѣста въ мѣсто единственно для усмиренія и истребленія измѣнниковъ, враговъ общей тишины и порядка,—пораженіе бунтовщиковъ 2-го мая то доказываетъ. Мая 8 дня, 1831 г., Каменецъ-Подольскій Гражданскій Губернаторъ Лубяновскій.

3) *Высочайшій указъ Правительствующему Сенату.*

«Изъ донесеній мѣстныхъ начальствъ западныхъ губерній усмотрѣвъ Мы, что, вслѣдствіе указа Нашего отъ 6 мая сего года, нѣкоторые помѣщики, удаляясь отъ сообщничества съ мятежниками, явились добровольно къ военнымъ начальствамъ и, объясняя, что они токмо силою и страхомъ вовлечены были въ преступныя дѣйствія возмутителей, просили помилованія.

Даровавъ имъ оное и повелѣвъ возвратить имъ имѣнія, Мы не могли не обратить особаго на таковые примѣры вниманія и потому, желая въ тѣхъ мѣстахъ сихъ губерній, кои терпятъ отъ зломыслія нѣкоторыхъ и отъ заблужденія другихъ, возстановить спокойствіе и благосостояніе не одною силою оружія, но и снисхожденіемъ къ самимъ виновнымъ,—повелѣваемъ: 1-е) главнокомандующіе, командиры отдѣльныхъ корпусовъ и отрядовъ, а равно военные и гражданскіе губернаторы, коменданты военные, уѣздные начальники, когда явятся къ нимъ добровольно и съ изъявленіемъ раскаянія помѣщики, участвовавшіе въ мятежѣ даже съ поднятіемъ оружія, уполномочиваются давать имъ о явкѣ ихъ свидѣтельства и, отбирая отъ нихъ подписки въ непоколебимой впредь вѣрности, отпускать въ ихъ имѣнія, а съ тѣмъ вмѣстѣ относиться непосредственно къ гражданскимъ губернаторамъ о дозволеніи имъ свободнаго пользованія сими имѣніями; губернаторы же, по учиненіи о томъ распоряженія, обязываются доносить о томъ до свѣдѣнія главнокомандующимъ и мѣстнымъ военнымъ губернаторамъ. Изъ прощенія сего изъемлются извѣстные главные зачинщики и предводители мятежа, о которыхъ, впрочемъ, имѣетъ быть представляемо Намъ для оказанія имъ въ подобныхъ случаяхъ возможнаго по благоусмотрѣнію Нашему помилованія.

2-е) Получившіе свидѣтельство, если бы вновь отваживались участвовать въ какихъ-либо преступныхъ замыслахъ или дѣйствіяхъ, наказаны будутъ по всей строгости изданныхъ предъ симъ постановленій наравнѣ съ зачинщиками.

3-е) Лицамъ духовнаго званія, которыя на семъ же основаніи получатъ прощеніе, не препятствовать оставаться при своихъ приходахъ и исполнять духовныя, по званію ихъ, требы, съ оставленіемъ за ними всѣхъ сопряженныхъ съ саномъ ихъ доходовъ, но сообщая немедленно о дарованіи имъ прощенія епархіальнымъ ихъ начальствамъ, дабы, по сношеніи съ сими начальствами, окончательно утверждать ихъ въ прежнихъ правахъ.

4-е) Какъ извѣстно, что нѣкоторые люди другихъ званій, какъ-то околичная и чиншевая шляхта, городскіе обыватели, дво-

ровые люди и крестьяне, въ мятежѣ участвовавшіе, опасаясь возвратиться въ свои жилища изъ страха наказанія, скитаются въ лѣсахъ и составляютъ мятежныя скопища, то и таковымъ, когда возвратятся и сдадутъ оружіе и останутся спокойными, даровать прощеніе, если они не принадлежатъ къ числу зачинщиковъ и предводителей мятежа.

5-е) Съ тѣми, кои, не взирая на сіи новые знаки монаршаго Нашего милосердія, останутся въ числѣ мятежныхъ шаекъ или отважатся грабить почты, курьеровъ либо проѣзжающихъ, или посягнуть на другія безчинства, поступать по всей строгости военнаго уголовнаго уложенія.

6-е) Само собой разумѣется, что если кто изъ числа лицъ, въ предшедшихъ статьяхъ упомянутыхъ, кромѣ участія въ мятежѣ, вообще учинитъ еще особое уголовное преступленіе, то даруемое прощеніе къ таковому преступленію относимо быть не можетъ.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить надлежащія распоряженія къ немедленному распубликованію сего указа Нашего во всѣхъ губерніяхъ, отъ Польши присоединенныхъ».

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою: «Николай».

4 іюня 1831 г. Въ г. С.-Петербургѣ.

Въ разъясненіе Высочайшаго указа Подольская Духовная Консисторія разослала свой указъ слѣдующаго содержанія:

«По указу Его Императорскаго Величества, сія Консисторія, слушавъ резолюцію Его Высокопреосвященства, наложенную на отношеніи г. Подольскаго и Волынскаго временнаго военнаго губернатора Левашова, коимъ, прописывая, что при обстоятельствахъ настоящаго времени, охраненіе помѣщичьихъ крестьянъ отъ всякихъ возмутительныхъ внушеній со стороны владѣльцевъ или другихъ лицъ, принявшихъ въ возмущеніи участіе, есть предметомъ, достойнымъ попеченія правительства, и въ семъ отношеніи по военной и гражданской части сдѣлано уже распоряженіе: но, дабы оное достигло во всѣхъ мѣстахъ до свѣдѣнія

крестьянъ, есть вѣрное средство—обнародованіе въ церквахъ со внушеніемъ со стороны духовенства всѣмъ вообще крестьянамъ, чтобы тѣ изъ нихъ, которыхъ помѣщики оказались или окажутся участвующими въ бунтахъ, не только имъ не повиновались, но, напротивъ, задержали бы какъ ихъ, такъ и другихъ возмутителей и такихъ лицъ представляли бы правительству; крестьянъ таковыхъ помѣщиковъ духовенство можетъ обнадежить, что имъ опасаться нечего, ибо они поступаютъ въ казенное вѣдомство и мятежникамъ принадлежать не будутъ,—проситъ учинить по сему предмету распоряженіе; коею изображено: «разсмотря и сообразивъ съ прочими по предмету сему здѣшними обстоятельствами и полученными предписаніями и сношеніями, доложить съ мнѣніемъ». При семъ слушали другое отношеніе г. гражданскаго губернатора Лубяновскаго съ извѣщеніемъ, что въ Балтскомъ повѣтѣ послѣ истребленія мятежническихъ шаекъ, произошли разные безпорядки въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, сопровождающіеся буйственными поступками крестьянъ, рѣшающихся на противозаконныя и обидныя въ отношеніи мѣстныхъ экономическихъ управленій дѣйствія. Подобныя происшествія происходили въ Лабужной, въ коихъ главнѣйше участвовалъ священникъ Станкевичъ, подобравши къ себѣ еще двухъ другихъ священниковъ, почему и проситъ для раскрытія со всею строгостію истины, для преданія виновныхъ строгой по законамъ отвѣтственности, назначить благонадежнаго со стороны духовной депутата, причемъ не излишнимъ будетъ постановить въ извѣстность по духовной части и потребовать, чтобы священники по приходамъ, елико возможно, старались внушать крестьянамъ надлежащее къ управленіямъ экономическимъ и земской полиціи повиновеніе, не допуская ихъ ни къ какимъ противозаконнымъ поступкамъ, которые влекутъ за собою безпорядки и нарушеніе общаго спокойствія; на которомъ отношеніи резолюція Его Высокопреосвященства послѣдовала таковая: «учинить по сему не медля надлежащее распоряженіе и доложить съ мнѣніемъ»,—и сообщеніе Подольскаго Губернскаго Правленія, съ приложеніемъ одного печатнаго экземпляра именного Высочайшаго указа о мѣрахъ, какія должны быть приняты съ

иміями дворянъ, изобличенныхъ въ распространеніи мятежа въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, возвращенныхъ отъ польскихъ губерній, —въ коемъ между прочаго въ 5 пунктѣ сказано: «крестьяне имѣній, на коихъ наложенъ будетъ секвестръ, должны повиноваться опредѣленнымъ надъ ними отъ правительства начальникамъ и, оставаясь въ совершенномъ покоѣ, выдавать тѣхъ, кои отважатся возбуждать ихъ къ новымъ безпокойствамъ». Приказали и Его Высокопреосвященство утвердилъ: съ прописаніемъ вышеизложеннаго, съ приложеніемъ въ копіи сенатскаго указа, всѣмъ Подольской епархіи духовнымъ правленіямъ, штатнымъ и заштатнымъ мужскимъ и дѣвичьимъ монастырямъ, градскому и Кременецкаго повѣта благочиннымъ и зависящимъ отъ консисторіи священникамъ послать указъ и велѣть въ полученіи оныхъ тотчасъ объявить чрезъ частныхъ благочинныхъ всѣмъ приходскимъ священникамъ о точномъ исполненіи прописанныхъ требованій г. г. военнаго и гражданскаго губернаторовъ, соображаясь во всемъ съ Высочайшимъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату, подъ строгой отвѣтственностію за противное ему». Іюня 16 дня 1831 г. Протоіерей Сильвестръ Гогоцкій. Секретарь Китновскій. Повѣтчикъ Степанъ Михайловскій» [1]).

По словамъ очевидцевъ, послѣ ухода русскихъ войскъ изъ м. Дашева, здѣсь настала полная тишина и спокойствіе. Начали съѣзжаться комиссіи и производить разслѣдованіе. Народъ зажилъ мирною, тихою жизнью. Шляхта стыдилась показываться на улицѣ. Молодежь долго вспоминала ту веселую и буйную жизнь, которую вели до 2 мая. Музыканты съ тяжелыми думами разошлись по своимъ деревнямъ.

При составленіи этого очерка я много свѣдѣній получилъ отъ покойнаго нынѣ священника м. Дашева, о. Августина Левитскаго, который поступилъ въ Дашевъ священникомъ въ 1843 году. О. Августинъ Левитскій былъ человѣкъ очень любознательный, даро-

---

1) Всѣ указы и Высочайшіе манифесты списаны мною въ архивѣ Грановскаго первоклассного монастыря.

витый, живо интересовался событіями 1831 года и изъ устъ очевидцевъ собиралъ объ этомъ вѣрныя свѣдѣнія. По разсказамъ о. Левитскаго, во время сраженія подъ м. Дашевымъ 2 мая выстрѣлами изъ польскихъ пушекъ была повреждена церковь на Новомъ-Дашевѣ, а колокольня совсѣмъ была разрушена. Священникъ Илія Діевскій на поврежденной части церкви на особой дощечкѣ сдѣлалъ надпись: «здѣсь сокрушена дерзость отечества врага».

Память о сраженіи 2 мая живетъ еще въ Дашевѣ и окрестностяхъ его у стариковъ, современниковъ этого событія, и дѣтей ихъ; но пройдетъ еще два-три десятка лѣтъ, старики умрутъ, молодые забудутъ, и навсегда потеряется память объ этомъ дѣлѣ.

Я лично зналъ одного стараго поляка, участвовавшаго въ Дашевскомъ сраженіи и знавшаго всѣ пѣсни вербунокъ. При разспросахъ моихъ пришлось получить отъ него такой отвѣтъ: «До 1831 года мы смѣялись надъ русскими,—думали, что побѣдимъ ихъ,—писали листы, приглашали народъ на возстаніе... Не удалось намъ это... А теперь вы хотите на своихъ листахъ осмѣять насъ... Ничего не скажу».

Въ 1863 г. въ Дашевѣ также предполагалось возстаніе. Управляющій м. Дашева Каліевичъ и владѣлецъ Яструбинецъ Хржонщевскій бойко дѣйствовали въ пользу составленія шаекъ. Тысяцкій Нейкирхъ былъ жестоко избитъ Хржонщевскимъ за задержаніе повозки съ пиками подъ Полевымъ, гдѣ собиралась польская банда. Сраженіе подъ Булаями и разбитіе польскихъ бандъ умѣрило пылъ горячихъ поляковъ, да къ тому же владѣлецъ Дашева, Владиміръ Владиміровичъ Потоцкій, зналъ по опыту, какія послѣдствія возстанія были въ 1831 г. при лучшей подготовленности поляковъ, и не сочувствовалъ этому дѣлу.

Въ заключеніе замѣчу слѣдующее: изъ краткаго перечня событій возстанія 1831 г. видно, что въ Дашевѣ, гдѣ были владѣльцами графы Потоцкіе, въ Ободномъ, гдѣ были владѣльцами Собанскіе, въ Махновкѣ и др. мѣстахъ происходили мятежныя сборища, совѣщанія, вооруженныя стычки, и всегда при дѣятель-

номъ участіи самихъ владѣльцевъ,—и русское правительство, по возвращеніи владѣльцевъ, возвращало имъ имѣнія и такимъ образомъ выполнило выраженное въ указѣ обѣщаніе: «кто изъ поляковъ, участвовавшихъ въ мятежѣ, даже съ поднятіемъ оружія, изъявитъ раскаяніе, отпускать ихъ въ имѣнія и дозволить ими свободно пользоваться». На основаніи этого указа, многіе бывшіе мятежники, какъ графы Потоцкіе, Ржевускіе, Собанскіе и др., для вида покаялись, возвратились въ имѣнія, но нѣкоторые изъ нихъ вторично приняли учатіе въ мятежѣ 1863 года, и опять были помилованы, а наслѣдники ихъ пользуются имѣніями до сего дня. Къ удивленію, не было исполнено другое правительственное обѣщаніе, публиковавшееся въ 1831 г. по всѣмъ сельскимъ церквямъ и обнадеживавшее крестьянъ, что они смѣло должны задерживать и передавать властямъ своихъ мятежныхъ пановъ, не опасаясь ничего, «ибо они поступятъ въ казенное вѣдомство и мятежникамъ принадлежать не будутъ». О послѣдствіяхъ этого обѣщанія генералъ-губернаторъ Бибиковъ писалъ въ 1846 г. слѣдующее: «Въ 1840 и 1841 годахъ я всеподданнѣйше докладывалъ государю, что здѣшніе крестьяне во время мятежа не только не измѣнили своему долгу, несмотря на соблазны поляковъ, но въ свое время предупреждали правительство о заговорѣ и бунтѣ, почему въ приказѣ покойнаго фельдмаршала князя Сакена, въ маѣ 1831 г. читанномъ въ церквяхъ, имъ было обѣщано, что они никогда не будутъ принадлежать возмутившимся помѣщикамъ. По усмиреніи мятежа это обѣщаніе не выполнено: крестьяне возвращены тѣмъ же самимъ владѣльцамъ, коихъ захватывали, какъ мятежниковъ, или на коихъ доносили, а взятые въ казну поступили тоже въ управленіе поляковъ, часто родственниковъ тѣхъ, кои по мятежу наказаны и коимъ принадлежали имѣнія. Послѣ сего крестьяне вытерпѣли жестокія преслѣдованія со стороны своихъ господъ; были даже случаи, что при наказаніяхъ имъ повторялось, что таковыя дѣлаются за ихъ вѣрность правительству. Подобныя угнетенія и преслѣдованія были тогда повсемѣстны».

Пав. Клебановскій.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Украинскіе лубочные пѣсенники.

Народная лубочная литература на Руси, насчитывающая уже около двухъ столѣтій своего существованія, была для народа, послѣ его собственной устной словесности, главнымъ источникомъ, утолявшимъ духовную его жажду. Книги, выданныя болѣе интеллигентными издателями, и даже книги для народа, составляемыя спеціалистами писателями, которыя появились у насъ сравнительно недавно, никогда не имѣли въ народныхъ массахъ такого широкаго распространенія, какъ литература лубочныхъ издателей. Цифры достаточно освѣщаютъ степень распространенія и роста лубочной литературы. Такъ, въ 1892 г. лубочными книгоиздательствами было выпущено въ свѣтъ 403 названія книгъ въ 3.929.200 экземплярахъ, а уже въ слѣдующемъ году число названій подымается на 64, а число экземпляровъ увеличивается на 560.000. Ясно, что лубочная литература, отнюдь не являющаяся результатомъ какихъ-либо *идеальныхъ* стремленій издателей, а представляющая собою только торговое предпріятіе, никогда бы не могла развиться до такихъ громадныхъ размѣровъ, если бы не находила въ народной средѣ хорошаго сбыта. Это, конечно, далеко не значитъ, что лубочная литература совершенно соотвѣтствуетъ литературнымъ вкусамъ всѣхъ тѣхъ, для кого она предназначается. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что интеллигентныя издательства, будучи поставлены въ такія же свободныя условія къ изданію и распространенію своихъ книгъ для народа, какъ и лубочники, значительно бы ослабили, если не уничтожили совсѣмъ, лубочную литературу. Лубочная же книга

читается народомъ почти исключительно потому, что другой, лучшей книги нѣтъ, а когда нѣтъ подъ руками никакой книги, то и прошлогодній календарь можетъ представлять большой интересъ.

По содержанію подавляющее большинство лубочныхъ книгъ приходится на долю повѣствованій духовно-нравственнаго характера и на произведенія специфически базарнаго пошиба, изъ которыхъ нѣкоторыя восходятъ къ очень отдаленнымъ источникамъ—рукописнымъ повѣстямъ и романамъ XVII—XVIII в.в. Что подобное направленіе лубочной литературы не вполнѣ удовлетворяетъ духовные запросы все болѣе и болѣе развивающагося народа, объ этомъ уже свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что лубочные издатели постоянно совершенствовали содержаніе издаваемыхъ ими книгъ, вводя въ кругъ лубочныхъ изданій произведенія литературы образованнаго общества. Смотря по возможности, они или передѣлывали лучшія произведенія этой литературы для народа (не всѣ имѣютъ право издавать произведенія того или другого писателя), или же цѣликомъ издавали нѣкоторыя произведенія выдающихся писателей. Такимъ образомъ въ передѣлкахъ оказались на рынкѣ лубочныхъ книгъ: А Толстой, Тургеневъ и Гоголь; безъ измѣненія издавались Карамзинъ, Жуковскій, Пушкинъ и почему-то Островскій. Когда въ 1902 году срокъ исключительнаго пользованія литературнымъ достояніемъ Гоголя истекъ, тотчасъ же на базарѣ оказались въ лубочныхъ изданіяхъ украинскіе его разсказы и петербургскія повѣсти: настало, но только отчасти, то *желанное времячко*, о которомъ лишь мечталъ Некрасовъ: и сельскій житель можетъ нести съ базара Гоголя!

Въ своемъ развитіи лубочныя издательства не остановились на одномъ русскомъ языкѣ,—они сочли нужнымъ включить въ свои изданія также произведенія на языкѣ украинскомъ. Фактъ самъ по себѣ очень краснорѣчивый! Создалась украинская лубочная литература, правда, не большая, но постоянно возраставшая въ количественномъ отношеніи. Хотя у насъ нѣтъ точныхъ статистическихъ данныхъ для освѣщенія роста лубочной украинской литературы, но, если даже бѣгло ознакомиться въ настоящее время съ ея наличнымъ содержаніемъ и сравнить съ тѣмъ перечнемъ украинскихъ лубочныхъ книгъ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ помѣщенъ во Львовскомъ журналѣ «*Зоря*»,—то ростъ лубочныхъ книгъ на украинскомъ языкѣ станетъ очевиденъ. При этомъ украинская лубочная литература развивалась не только количественно, но и качественно, и уже дошла до

изданія сочиненій Котляревскаго, Крымскаго и имѣетъ авторовъ, болѣе или менѣе приближающихъ лубочную литературу къ литературѣ художественной.

Среди лубочныхъ украинскихъ изданій довольно видное мѣсто занимаютъ пѣсенники,—народныя пѣсни, изданныя дня народа... Народъ носитъ въ себѣ свою многовѣковую поэзію, развивая её согласно ходу своей исторической жизни и сохраняя ее въ силу традиціи отъ одного поколѣнія къ другому. Это—картина идеальная, съ дѣйствительностью не совсѣмъ согласующаяся. Уже давно среди украинскихъ этнографовъ стали раздаваться печальные голоса по поводу того, что народъ украинскій забылъ свою высокую поэзію не только историческую, но даже и бытовую. Да, изъ великаго богатства поэзіи, которое создалъ украинскій народъ, многое имъ уже утрачено, но еще многое и многое осталось. Автору удалось привести въ нѣкоторую извѣстность наличное количество бытующихъ среди населенія одной изъ мѣстностей черниговской губ. пѣсенъ, и этотъ наличный матеріалъ оказался весьма значительнымъ, хотя далеко не былъ исчерпанъ до конца, что сдѣлать очень трудно. То же подтверждаютъ этнографическіе поиски другихъ лицъ, опубликованные за послѣдній десятокъ лѣтъ.

Тотъ фактъ, что мы видимъ сборники съ украинскими пѣснями, изданные лубочниками для народа, ясно свидѣтельствуетъ, что на подобные сборники существуетъ большой спросъ. Кто же спрашиваетъ эти пѣсенники? Трудно отвѣтить на данный вопросъ за отсутствіемъ точныхъ данныхъ, но вѣроятнѣе всего, что потребителемъ лубочныхъ пѣсенниковъ, какъ и вообще лубочныхъ книгъ, является болѣе горожанинъ, чѣмъ селянинъ. Легче и быстрѣе попадаетъ въ руки перваго такой сборникъ и болѣе онъ ему необходимъ, чѣмъ жителю деревни. Городъ, въ силу понятныхъ условій, скорѣе теряетъ свое національное духовное богатство, чѣмъ деревня. А между тѣмъ потребность въ родной пѣснѣ, потребность въ выраженіи своего чувства, хотя и *старыми словесы*, существуетъ, и вотъ тутъ-то на подмогу является пѣсенникъ. Вмѣстѣ съ этимъ, какъ лично намъ неоднократно случалось наблюдать, обращающійся среди молодежи, главныхъ любителей пѣсенъ, пѣсенный матеріалъ скоро начинаетъ пріѣдаться, и является стремленіе къ новому. Въ селахъ и деревняхъ всегда происходитъ обмѣнъ пѣснями, и такимъ образомъ репертуаръ села постоянно обновляется. Этому стремленію къ новой пѣснѣ въ городахъ долженъ

удовлетворять лубочный пѣсенникъ. Нужны новыя слова, мотивъ же пѣсни не представляетъ затрудненія къ ея усвоенію. Когда слова извѣстны, молодежь сама подбираетъ къ ней какой-либо, соотвѣтствующій размѣру пѣсни, уже извѣстный мотивъ, или создаетъ что-либо свое, новое. Вотъ почему одна и та же пѣсня въ различныхъ мѣстахъ даже одного уѣзда поется совершенно на различные мотивы. Такое разучиваніе и усвоеніе пѣсенъ изъ книжки, хотя и не лубочнаго характера, намъ приходилось видѣть самимъ: въ одно село попалъ печатный сборникъ пѣсенъ изъ другого села, и вскорѣ всѣ неизвѣстныя въ селѣ пѣсни были разучены и распѣвались уже хоромъ.

Такимъ образомъ, на основаніи вышеизложенныхъ соображеній и фактовъ, мы заключаемъ, что лубочный пѣсенникъ долженъ находить потребителей (иначе бы онъ и не существовалъ), и что переходъ пѣсни изъ книжки въ народъ возможенъ и не представляетъ собою особенныхъ затрудненій. Очевидно, пѣсенникъ, изданный лубочниками, отвѣчаетъ одной изъ сторонъ духовныхъ потребностей народа. А разъ такъ, то этнографъ не можетъ пройти безъ вниманія мимо нихъ. Поэтому мы и обращаемся къ лубочнымъ украинскимъ пѣсенникамъ, съ цѣлью выясненія ихъ состава и характера.

Какъ ни велико количество издаваемыхъ ежегодно лубочныхъ книжекъ (до четырехъ милліоновъ экземпляровъ), но количество народонаселенія исчисляется такими цифрами, передъ которыми не только ежегодное количество однѣхъ лубочныхъ книгъ, но и всѣхъ вообще издаваемыхъ у насъ ежегодно книгъ совершенно блѣднѣетъ. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, что лубочная книга въ довольно короткій срокъ совершенно исчезаетъ съ книжнаго рынка, и лѣтъ черезъ десять ея не сыщешь, что называется, днемъ съ огнемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдить за подобнымъ матеріаломъ, обращающимся глубоко внизу, среди простого народа, очень трудно. Вотъ почему невозможно привести въ извѣстность всѣ бывшія изданія лубочныхъ украинскихъ пѣсенниковъ, не задаваясь даже мыслью о томъ, чтобы собрать ихъ. «Литература украинскаго фольклора» Б. Д. Гринченко даетъ намъ немногочисленныя указанія на этотъ счетъ. Приведемъ оттуда все, что съ полною увѣренностью можно отнести на долю лубочныхъ пѣсенниковъ и что не является болѣе ранними изданіями разбираемыхъ ниже сборниковъ. Вотъ что даетъ названный указатель:

1872. Новый сборникъ самыхъ любимыхъ и общеизвѣстныхъ украинскихъ пѣсенъ. Болѣе 100 пѣсенъ etc. Изданіе второе. Москва (№ 585).

1883. Кобзарь, полный сборникъ самыхъ любимыхъ и обще-извѣстныхъ украинскихъ народныхъ пѣсенъ. Болѣе 100 пѣсенъ..., заимствованныхъ изъ лучшихъ сборниковъ и пѣсенниковъ. Москва. Изданіе книгопродавца А. В. Морозова. (Были изданія и раньше). (№ 821).

1887. Бандуристъ. Збирныкъ малороссійскихъ пѣсенъ. Зибравъ А. Легасовъ. Москва. Изданіе книгопродавца Е. А. Губанова (№ 971).

1889. Молодой «Чорноморецъ». Малороссійскія писни знаменитыхъ писателей: Котляревскаго, Шевченка и проч. Скомпонувавъ М. И. Антипенко. Москва. Изданіе книгопродавца Е. А. Губанова (№ 1053).

1889. Спивака. Пѣвецъ. Сборникъ малороссійскихъ пѣсенъ. Собралъ Грыцько Остапенко. Москва. Изданіе книгопродавца А. А. Абрамова (№ 1097).

1892. Черноморецъ. Сборникъ малороссійскихъ пѣсенъ. Изд. Е. Губанова. Москва. (№ 1286).

1899. Казачка. Сборникъ новѣйшихъ пѣсенъ и романсовъ. Изд. 2-ое кригопродавца А. Холмушина. Петербургъ. (№ 1602).

1899. Казачка. Сборникъ національныхъ пѣсенъ. Изданіе 3-е книгопродавца Т. Кузина. С.-Петербургъ (№ 1603).

Теперь укажемъ тѣ пѣсенники, которые намъ удалось найти, отмѣчая рядомъ нѣкоторыя ихъ осебенности.

№ 1. Молодой Чумакъ. Малороссійскій пѣсенникъ. Сборникъ украинскихъ, козацкихъ, разгульныхъ, колыбельныхъ и прочихъ малороссійскихъ пѣсенъ. Собралъ С. Ф. Легасовъ. Изданіе книгопродавца-издателя Т. А. Губанова въ Кіевѣ. К. 1896. (Заглавіе на обложкѣ: «Молодой Чумакъ. Малороссійскій пѣсенникъ».—Картинка на обложкѣ: чумакъ сидитъ на бревнѣ и играетъ на бандурѣ; за нимъ волъ въ упряжкѣ [1]).

Въ сборникѣ 75 пѣсенъ. Авторъ его болѣе обѣщаетъ, чѣмъ даетъ. Колыбельныхъ пѣсенъ въ сборникѣ всего одна, а вотъ *украин-*

[1]) Г. Гринченко отмѣчаетъ изданія этого пѣсенника 1884—90—91 гг. (№№ 851, 1153, 1213).

скихъ ни одной. Это самый плохой изъ всѣхъ разсматриваемыхъ сборниковъ. Какъ отдѣльныя слова, такъ и текстъ пѣсенъ, какъ произведеній ритмическихъ, искажаются совершенно. Для примѣра приведу текстъ первой пѣсни такъ, какъ онъ напечатанъ въ сборникѣ:

Молодой чумаче, чего зажурився,
Чи зъ дороги сбився, чи волы присталы?
Волы не присталы, зъ дороги не сбився,
Чого зажурився, що отецъ и маты
Померъ, а я не женився. Пиду я въ чисто
Поле, шукамъ соби долы, не нашевъ
Я долы, нашевъ я рыболовлю.
Рыболовцы хлопцы, добрые молодцы,
Ви закиньте сѣты, поймайты
Мою долу. Не поймалы долу,
А поймалы рыбу щуку.
Щука рыба грае, себѣ пары мае,
А я молоденькій парочки немаю.

Въ этомъ родѣ, напомннающемъ по языку ретоградно-литературныя потуги старорусской партіи въ Галиціи, изданъ весь пѣсенникъ: въ немъ почти нѣтъ ничего «малороссійскаго»—по терминологіи автора—да и мало россійскаго.

№ 2. Слухайте панове писни мои! Малороссійскій пѣсенникъ. Составилъ Кукель. Москва. Изданіе книгопродавца Е. А. Губанова. 1899. (Заглавіе на обложкѣ: «Слухайте панове писни мои»!—Рисунокъ: дивчина играетъ на гитарѣ [1]).

Въ сборникѣ 126 пѣсенъ:

№ 3. Метелица. Малороссійскій пѣсенникъ. Москва. Типографія Т-ва И. Д. Сытина. 1900. (Заглавіе на обложкѣ «Метелица».—Рисунокъ: зимній пейзажъ; возлѣ корчмы играетъ музыкантъ на скрипкѣ; передъ нимъ пляшутъ въ лѣтнихъ костюмахъ *жинка* и *чоловикъ*; у послѣдняго въ рукахъ бутылка и стаканъ. Внизу рисунка слова: «Ой на двору метелица») [2]).

---

[1]) У г. Гринченко № 1609.

[2]) У г. Гринченко подъ № 1272 указывается изданіе 1892 г.

Въ книжкѣ 121 пѣсня.

№ 4. Черноморецъ. Сборникъ малороссійскихъ пѣсенъ. К. Изданіе книгопродавца Т. А. Губанова. 1901. (Заглавіе на обложкѣ: «Молодой Черноморецъ».—Рисунокъ: парубокъ, собравшійся въ дорогу, и дивчина, склонившаяся къ нему черезъ березовый заборчикъ) [1]).

Въ сборникѣ 123 пѣсни. Въ отношеніи чистоты языка сборникъ производитъ довольно пріятное впечатлѣніе.

№ 5. Украинецъ. Малороссійскій пѣсенникъ. Сборникъ разныхъ малороссійскихъ пѣсенъ и стихотвореній. Собралъ Ѳ. М. Кеслеръ. Отъ разныхъ авторовъ. К. Изданіе книгопродавца Т. А. Губанова. 1901. (Заглавіе на обложкѣ: „Украинецъ. Малороссійскій пѣсенникъ".—Картинка: парубокъ съ кнутомъ) [2]).

Въ книжкѣ 75 пѣсенъ. Правописаніе достаточно выдержанное.

№ 6. Грицько-Кобзарь. Сборникъ малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ въ двухъ частяхъ. М. Типографія т-ва И. Д. Сытина. 1902. (Заглавіе на обложкѣ: „Кобзарь".—Рисунокъ: вослѣ плетня парубокъ играетъ на бандурѣ; рядомъ—дивчина, опирающаяся ему на плечо) [3]).

Въ сборникѣ 148 пѣсенъ. Слова часто искажаются руссизмами, что вообще болѣе свойственно московскимъ пѣсенникамъ, чѣмъ кіевскимъ; также вмѣсто украинскихъ иногда подставляются русскія слова; напр., въ стихотвореніи Шевченка: „Ой умеръ старый батько" одинъ стихъ читается такъ: „Ой, пиду я въ *лѣсъ* зеленій",

№ 7. Збирныкъ малоруськихъ писень. Ой не ходы Грыцю на вечерныци. Зибравъ И. Овчинниковъ. К. Изданіе книгопродавца Т. А. Губанова. 1902. (Заглавіе на обложкѣ: „Збирныкъ малоруськихъ писень. Ой не ходы Грыцю на вечерныци".—Картинка: огородъ; на переднемъ планѣ задумавшаяся дивчина; дальше *дядько* съ люлькою во рту въ равнодушной позѣ).

Въ сборникѣ 90 пѣсенъ.

№ 8. Украинскій Кобзарь. Малорусскія пѣсни знаменитыхъ писателей: Шевченка, Котляревскаго и проч. Скомпанувавъ Н. И. Сучиленко. К. Изданіе книгопродавца Т. А. Губанова. 1902. (Заглавіе

---

[1]) У г. Гринченко подъ № 1286—изданіе 1892 г.

[2]) У г. Гринченко подъ № 1604 изданіе 1899 г.

[3]) У г. Гринченко отмѣчаются изданія: 1890 г. (№ 1129) и 1894 г. (№ 1349).

на обложкѣ: „Украинскій Кобзарь“. — Рисунокъ: у хаты слѣпецъ играетъ на лирѣ; рядомъ—мальчикъ-поводырь; лирника слушаетъ семья крестьянъ) [1]).

Въ книжкѣ 110 пѣсенъ. Изъ всѣхъ разсматриваемыхъ пѣсенниковъ данный въ отношеніи языка—самый лучшій.

№ 9. Новѣйшій Збирникъ малоруськихъ писень. Ой у лузи та пры березп. Зибравъ Н. Овчинниковъ. К. Изданіе книгопродавца Т. А. Губанова. 1903. (Заглавіе на обложкѣ: „Ой у лузи тай при березп“.— Рисунокъ: подъ деревомъ, на берегу рѣчки, стоитъ дивчина; вдали водяная мельница).

Въ сборникѣ 92 пѣсни.

№ 10. Колядныки. Собралъ Кириллъ Ивановичъ Самойленко. К. Изданіе книгопродавца Т. А. Губанова. 1902. (Заглавіе на обложкѣ: „Колядныци“.—Картинка: внутренность хаты; четыре дивчины колядуютъ передъ хозяйкою, сидящею за столомъ).

На первыхъ 27 страницахъ помѣщено 16 колядокъ и щедривокъ съ замѣчаніями бытового характера, а также 5 церковныхъ пѣснопѣній, касающихся Рождества, какъ-то: „Рождество Твое“, „Дѣва днесь“ и др. Далѣе идетъ „поэма“ Максима Цимбаленко „Семенъ у пекли“. Приведемъ одну изъ колядокъ для характеристики сборника:

„Благословить колядувать. Хозяинъ отвѣчаетъ: ничого давать; колядныки продолжаютъ: да благословить колядувать; хозяинъ отвѣчаетъ: да колядуйте“.

„Бигла тылычка, да збырызнычка, да въ дядькинъ двиръ, дай дядьку пыригъ, якъ недасы пырога, возьму вола за рога, да выведу на моризъ, зобью ёму правый ригъ, воломъ буду робыты, рогомъ буду трубыты, хвостомъ погонять, соби гроши зароблять“.

„Добривичоръ, съ празныкомъ, бувайте здоровы“.

Въ такомъ родѣ излагаются и остальныя колядки; въ нѣкоторыхъ даже бытовыя сцены описываются еще подробнѣе, чѣмъ въ данномъ случаѣ. Подъ послѣднею колядкою—примѣчаніе: „Эти колядки прославляются во всемъ кіевскомъ уѣздѣ“.

Переходя къ содержанію указанныхъ сборниковъ, исключая последній, замѣчаемъ, во-первыхъ, что большихъ отличій между ними въ выборѣ пѣсенъ нѣтъ, и во-вторыхъ—почти всѣ заключающіяся въ

---

[1]) У г. Гринченко подъ № 1107 изданіе 1899 г.

нихъ пѣсни—лирическія. Пѣсни, которыя мы встрѣчаемъ въ сборникахъ, это—„самыя любимыя и общеизвѣстныя“ пѣсни, какъ выражается одинъ изъ упоминаемыхъ выше пѣсенниковъ. Большинство пѣсенъ въ сборникахъ однообразно; нѣкоторыя же встрѣчаются во всѣхъ или почти во всѣхъ сборникахъ, каковы; „Ой не ходы, Грыцю“,—„Сонце нызенько“,—„Засвисталы козаченькы“,—„На що мени чорни бровы“,—„Реве та стогне“,—„Ой изъ-за горы та буйный витеръ віе,—„Въ кинци гребли“,—„Віють витры“,—„Повій витре“,—„Ой тамъ за Дунаемъ“,—„Ой дивчына горлыця“,—„У сусида хата била“,—„Ой пидъ вышнею“,—„Добрый вечиръ, дивчыно“.—„Люлька моя червоная“,—„Ой на гори та женци жнуть“ и др. Пѣсни въ сборникахъ, главнымъ образомъ, любовныя и бытовыя. Пѣсенъ другихъ видовъ встрѣчается немного. Такъ, въ сборникѣ № 6 находимъ 6 колядокъ, 9 колыбельныхъ пѣсенъ; 5 русальныхъ и 3 зажнивныхъ; въ сборн. № 1—одну колыбельную пѣсню и въ сб. № 5 двѣ колядки. Думы совершенно отсутствуютъ; даже вообще эпическихъ пѣсенъ черезчуръ мало. Только въ № 5 помѣщена пѣсня про Морозенка; въ № 7—„Гей, не дывуйте, добріи люде“ и пѣсня о Петрусѣ, котораго полюбила пани, а панъ велѣлъ бросить въ Дунай, и въ № 9—„Гей, не дывуйте“ и баллада про Бондаривну. Отсутствіе эпическихъ пѣсенъ въ лубочныхъ сборникахъ объясняется, конечно, тѣмъ, что предназначаются они для хорового пѣнія, тогда какъ эпическая пѣсня для этого не годится. Но къ слову сказать, народъ, почти забывшій свои высокопоэтическія думы, при знакомствѣ съ послѣдними, очень заинтересовывается ими, и такой сборникъ, какъ „Думы кобзарськи“ Б. Д. Гринченко доставляетъ большое удовольствіе читателямъ изъ народа.

Кромѣ пѣсенъ чисто народныхъ, всѣ оборники содержатъ въ себѣ и пѣсни, идущія, такъ сказать, изъ верховъ литературы, и въ этомъ случаѣ на первомъ мѣстѣ стоятъ Котляревскій и Шевченко. Въ каждомъ сборникѣ мы непремѣнно встрѣчаемъ тѣ или иныя пѣсни, виршу и куплеты, хоторые заключаются въ двухъ опереттахъ Котляревскаго, какъ-то: „Віють витры“,—„Чы я тоби, дочко, добра не желаю“,—„Дидъ рудый, баба руда“,—„Ой пидъ вышнею“,—„Всякому городу нравъ и права“ (вирша Сковороды),—„Ой доля людская“,—„Гоминъ, гоминъ по диброви“,—„Сонце нызенько“,—„Витеръ віе горою“,—„У сусида хата била“,—„Та йшовъ козакъ зъ Дону“. „Ой я дивчына полтавка“,—изъ „Наталки Полтавки“ и—„Съ того часу, якъ женывся“,—„Тобою восхищенный“ и „Хоть (у Котл.: Будь) мене

мужычокъ съ кулачокъ“ изъ „Москаля Чаривныка“. Заимствованія изъ „Энеиды“, но и то неудачныя, находимъ лишъ въ одномъ сборникѣ № 5, а именно—приводится пять небольшихъ отрывковъ изъ поэмы, выбранныхъ безъ особаго смысла и внѣ связи съ текстомъ.

Изъ Шевченка въ пѣсенники перешло также очень многое, что могло подойти подъ опредѣленіе пѣсни, какъ-то: „Одъ села до села“ (№№ 6, 7, 9),—„Плавай, плавай, лебедонько“ (изъ „Тополи“; №№ 3—5, 8, 9),—„На що мени чорни бровы“ (№№ 3—5, 7—9),—„Мынають дни, мынають ночы“ (№№ 5, 7, 9),—„Зацвила въ долыни“ (№№ 5, 7, 9),—„Ой умеръ старый батько“ (№№ 6, 8),—„На улыци не весело“ (№№ 6, 5),— „Утоптала стежечку“ (№№ 5, 6),—„Якъ бы мени черевыкы“ (№№ 6, 7),—„Тяжко, важко жыть на свити“ (№№ 6, 9),—„Шовъ кобзарь до Кыива“ (изъ „Катерыны“; №№ 2, 8).—Така іи доля“ (изъ „Прычынной“; №№ 4, 8),—Тече вода въ сыне море“ (№№ 5, 7),—„Реве та стогне“ (изъ „Прычынной“; №№ 2, 3, 5, 7—9). Въ одномъ № 5 помѣщены слѣдующія стихотворенія: „Не вернувся изъ походу“,—„Полюбылася“,—„Витеръ въ гаи нагынае“,—„Не хочу я женытыся“,—„Не женыся на богатій“,—„Чого мени тяжко“,—„Ой сяду я пидъ хатою“,—„Гомонила Украина“ (изъ „Гайдамакивъ)“,—„Думы мои, думы мои“ (8 строкъ),—„Ой пишла я у яръ за водою“,—„У перетыку ходыла“,—„Туманъ, туманъ долыною“,—„Ой я свого чоловика“, — „Не щебече соловейко“, — „Доле моя, доле!“ (изъ „Хустыны“),—„У гаю, гаю“ (изъ „Гайдамакивъ“),—„Закувала зозуленька“; только въ № 6 встрѣчаются слѣд. пѣсни изъ „Гайдамакивъ“ „На городи пустернакъ“,—„Ой гопъ-гопака“,—„А мій батько орандарь“.—Такимъ образомъ Шевченко представленъ въ разсматриваемыхъ лубочныхъ пѣсенникахъ въ количествѣ 34 №№. Не всегда текстъ приводимыхъ изъ поэта стихотвореній исправенъ, и очень часто встрѣчаются значительныя отступленія отъ оригинала; это свидѣтельствуетъ о томъ, что стихотворенія заимствуются иногда и не изъ первоисточника—„Кобзаря“, но попадаютъ въ пѣсенники послѣ нѣкоторой жизни внѣ книги. Такъ, часть отрывка изъ баллады „Прычынна“—„Така іи доля“ встрѣчается въ слѣдующей редакціи (№ 4):

Щаслыва голубка *хочъ тымъ*, що литае:
Полыне до Бога: *у хмары спыта.*
Кого жъ сыротына, кого запытае?
И хто ій розскаже; *де мылый выта?*

Чи въ чистому поли, чи въ темному гаю?
Чи въ быстримъ Дунаю коня напува?
Зъ другою спизнався, другую кохае:
Іи *же несчаслыву на викъ* забува?
Якъ бы то *у неи орлячіи* крыла
За сынимъ бы моремъ *ёго и найшла*;
Живого бъ *кохала*, другу задушила,
До мертвого бъ яму жывая лягла
Не такъ сердце любыть щобъ съ кымъ подилыться:
Не такъ воно хоче, якъ Богъ намъ дае;
Воно жыты хоче, не хоче журыться,
А думка, мовъ ворогъ, жалю завдае...

Изъ другихъ невародныхъ по происхожденію пѣсенъ встрѣчаемъ сравнительно мало, какъ напр.: пѣсни и куплеты изъ извѣстнаго водевиля „Бувальщина“: „Якый чортъ мени надавъ“— „Мій совитъ усимъ жынкамъ“—„Руки бѣлѣйшія“—„Побачымъ, визьме тутъ чыя“;— „И тыхая хатыночка“ Гринченко (№ 4).—„Стоить гора высокая“ Глибова (№№ 4, 7, 9)—„Вечерній дзвинъ“ (пер. изъ Козлова № 9)— „Не писни намъ весели спивать довелось“—Гринченко (№ 4) „Повій, витре, на Вкраину„ Руданскаго; „Дывлюсь я на небо“ Петренко и нѣсколько другихъ отрывковъ. Укажемъ тѣ отличія противъ обычнаго текста стихотвореній Руданскаго и Петренко, которыя находимъ въ пѣсенникахъ.

„Повій, витре, на Вкраину“ стихи: 3... кари...; 4... опивночи.

6. Въ тій долыни есть хатына,
7. А въ хатыни дивчынонька.
Дивчынонька голубонька.

12... дивка... 13. Нахылыся тышкомъ-нышкомъ. 17. Чы спыть вона, чы... 18. Спытай іи... 22... якъ здыхне вона важенько. 23... кари. 24... опивночи. 25. Колы жъ мыла полюбыла. 26. Та... по долыни. 28. Й невертайся...

29. Серце вьяне, серце мліе...
30. Витеръ віе, не вертае,
31. Серце зъ жалю замырае. (№ 4).

„Дывлюсь я на небо“—стихи: 1... на себе... 2. Чому я не соколыкъ?.. 5... подальше видъ свиту. 7... прохать. 8. И въ свити ихъ яснимъ себе покохать. 13... прывиту не знаю. 14. И гирко и марно... 19. И въ думци... 23... польну... 24... одъ свиту на викъ утону. (№ 4).

Подобныя отличія объясняются тѣмъ обстоятельствомъ, что стихотворенія, вошедшія въ кругъ пѣсенъ, какъ среди народа, такъ, главнымъ образомъ, въ обществѣ, мало по малу въ устной передачѣ отступили отъ первоначальнаго текста и въ такомъ видѣ по памяти были внесены въ одинъ какой-либо пѣсенникъ, откуда перешли и въ другіе.

Вотъ въ какомъ видѣ представляется содержаніе лубочныхъ пѣсенниковъ.

Мы могли отмѣтить, пользуясь также одними заглавіями изъ „Литературы укр. фольклора“ Б. Д Гринченко, 18 различныхъ названій пѣсенниковъ въ 27 изданіяхъ за 30 лѣтъ,—безъ сомнѣнія, ихъ было болѣе. Ясно, что пѣсенниками интересовался украинскій народъ, что они были необходимы, какъ пища духовная. И произнося послѣдній приговоръ надъ ними, мы должны признать, что, несмотря на тѣ ихъ недостатки, которые были отмѣчены нами, эти пѣсенники посильно отвѣчали своей цѣли, поддерживая въ средѣ читателей память о „старыхъ словесахъ“, созданныхъ самимъ народомъ, и проводя въ него „былины сего времени“, творенія нашихъ художниковъ слова—Котляревскаго, Шевченка и др. Но, какъ бы тамъ ни было, лучше, если за это дѣло возьмется интеллегенція, чему уже были примѣры. А въ многотомныхъ собраніяхъ этнографическихъ матеріаловъ много, много истинно художественныхъ вещей, уже забытыхъ, но которыя слѣдуетъ снова возвратить народу. Я уже не говорю о томъ, какая насущная необходимость произведенія интеллигентной украинской литературы провести въ народныя массы и такимъ образомъ „на сторожи коло ихъ поставить слово“, которое оберегало бы ихъ отъ всего темнаго, мрачнаго, злого...

Передъ нами лежитъ еще одинъ лубочный пѣсенникъ, на которомъ слѣдуетъ остановиться, но который необходимо выдѣлить изъ общаго обзора. На обложкѣ онъ носитъ названіе: „Ой за гаемъ, гаемъ. Малорусскій пѣсенникъ“. Литографія на обложкѣ: дивчина за сохою; возлѣ нея парубокъ играетъ на скрипкѣ. Но на первой страницѣ заглавіе совершенно другое, а именно: „Стихотворенія и писни Д. Додольного и К. Бубелы антонивскихъ поэтивъ зибравъ Денисъ Кузьмичъ Пигулинъ, въ Антонови. Кіевъ. Изданіе книгопродавца Т. А. Губанова, 1901“. Народныхъ пѣсенъ въ книжкѣ всего одна: „Ой за гаемъ, гаемъ“, остальное все—„стихотворенія и пѣсни антонивскихъ поэтовъ“. Такимъ образомъ передъ нами литературное новообразова-

ніе въ народной средѣ. Изъ книжки знаемъ, что Додольный и Пигулинъ (онъ же Пигуликъ, Подольный и Додильнякъ) это—одно лицо, а Бубела это—псевдонимъ, настоящее же имя второго „антоновскаго поэта"—Андрійчукъ. Большая часть „стихотвореній и писень" принадлежитъ Додольному-Пигулину.

Хотя послѣдній и заявляетъ, что

Всяка моя писня
Не дуже цикава,
Я ихъ запысавши
Ховаю въ рукава,

но мы весьма заинтересовались его „писнямы", такъ какъ на сей разъ онъ не запряталъ ихъ въ рукава, а отдалъ г. Губанову, который тиснулъ ихъ подъ видомъ пѣсенника. Однажды 9 марта въ солнечный день, повѣствуетъ Додольный (конечно, въ стихахъ), онъ отправился ловить рыбу, а затѣмъ,

Наловывши рыбочокъ
Чуть не повненькый мишокъ,
Я до дому перенисъ,
Спикъ, наивсь и спать зализъ.

Сейчасъ же слѣдуетъ обращеніе къ дѣтямъ:

Потыхоньку ходить, диты,
Намъ поэта не збудите...

Но „поэтъ" проснулся и,

Вставшы уже вмывся,
Зачесавсь, прычепурывся
И пысать уже началъ..

О, боги! Зачѣмъ онъ проснулся и сталъ писать! А писалъ „поэтъ" про „предметцы" своего поклоненія, которыхъ было много: Надя, Надэжка, Насташка, Харитына, Марічка и т. д., и т. д. Какъ человѣкъ „мы учены", Додольный иногда тонко выражаетъ въ стихахъ эту самую свою „любофть". Такъ онъ сочиняетъ стихотвореніе подъ заглавіемъ „Юхимъ и злодій", которое представляетъ собою акростихъ, и пишетъ „по краеграненсію", какъ выражались сочинители виршъ

XVII—XVIII вв. на Украйнѣ, слѣдующія слова: „Надажку люблю и буду любыт“. Никому не воспрещается „любыты Надэжку“ и даже выражать это въ стихахъ, но что сказать относительно такихъ виршей, которыя даже какъ-то неловко приводить на страницахъ журнала. А вирши эти таковы (стр. 51):

П и с ь н я.

Лукіи Бухерови вселюбезнѣйше посвящаю.

Дывуются молодыцы
Що велыкы мои „цыцы“,
И парубкы и дивчата
Шо я мала и цыцата;
Тилько любый не дывуе
Обіймае та цилуе
и т. д.

Что это такое? А упоминаемыя здѣсь вещи фигурирують не разъ на страницахъ книжки и при томъ въ самыхъ грубыхъ описаніяхъ! Мы уже не будемъ приводить ихъ.

Все это было дозволено цензурою. Мы очень далеки отъ той мысли, что книжку Додольнаго и Бубелы надо было запретить,—пусть всякій пишетъ, что ему угодно! Но Намъ вспоминаются факты и напрашиваются на сопоставленія; они были печальны и непонятны, эти факты, но они не отошли въ область преданій.

Мы хотимъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ притѣсненіяхъ, которыя претерпѣваетъ народная пѣсня у насъ на югѣ. Гоненія на народную пѣсню начинаются на Руси съ XI вѣка. Сначала лишь духовенство въ своемъ прямолинейномъ увлеченіи византійскимъ формализмомъ громило въ словахъ и поученіяхъ „бѣсовскія пѣсни“, но затѣмъ съ XVI вѣка въ московскомъ государствѣ къ этимъ преслѣдованіямъ присоединяется и свѣтская власть. Особенно ревностнымъ искоренителемъ сложившагося вѣками духовнаго богатства народа оказался „зѣло тихій“, какъ говорили современники, Алексѣй Михайловичъ, по указамъ котораго люди за пѣсни подвергались наказанію батогами и ссылкѣ. На Украйнѣ преслѣдованій пѣсни не было... Но вотъ и теперь въ смежные годы XIX и XX столѣтій мы видимъ у себя то же, что находимъ въ отдаленнѣйшія времена исторіи на-

шей несчастной равнины. Лѣтъ семь, помнится, тому назадъ въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ* по поводу поступившихъ изъ провинціи корреспондецій о томъ, что сельская администрація воспрещаетъ на улицахъ селъ и деревень пѣть пѣсни, извѣстный беллетристъ І. І. Ясинскій, тогда редакторъ газеты, написалъ статью противъ этихъ дѣйствій полиціи и даже взывалъ къ государственному контролеру Т. И. Филиппову, который былъ любителемъ народной поэзіи, о защитѣ послѣдней отъ посягательствъ на нее со стороны блюстителей „порядка". Но кто сталъ бы слушать тогда литератора по поводу какимъ-то пѣсенокъ, когда голосъ печати былъ „гласомъ вопіющаго въ пустынѣ" и по болѣе важнымъ вопросомъ, если такъ или иначе можно было ихъ затронуть? Преслѣдованія пѣсни продолжались.

Лирники и кобзари попадали въ „холодную", ихъ инструменты разбивались; полицейскіе разгоняли собравшихся попѣть молодыхъ людей; за пѣсни, какъ у насъ водится, они попадали въ ту же „холодную". Одинъ чинъ, ревностно искоренявшій крамолу или, что то же, народную пѣсню, заявлялъ намъ въ порывѣ своего полицейскаго рвенія, что этихъ пѣвцовъ онъ столько за ночь арестуетъ, что, «какъ орѣхи лущитъ». Такъ называемыя *игрища*, святочныя собранія молодежи для пѣсенъ и танцевъ, всегда запрещались уѣздною полиціею. Мы были свидѣтелями, какъ одинъ сельскій староста, которому была прислана бумага отъ урядника для сбора пожертвованія въ пользу пострадавшихъ отъ землетрясенія въ Андижанѣ, взялъ съ игрища въ жертву рубль и тутъ же заявлялъ, что теперь уже урядникъ не запретитъ игрища, такъ какъ оно дало деньги на пострадавшихъ. Объ руку съ полиціею шло духовенство, примѣръ чего былъ приведенъ на страницахъ «*Кіевской Старины*» (1905, № 3, 222—223).

Но, несмотря на всѣ эти преслѣдованія со стороны духовенства и полиціи, народная пѣсня живетъ и будетъ жить, такъ какъ она для народа—скажемъ словами покойнаго академика А. Н. Пыпина— «слишкомъ необходимый элементъ бытовой и нравственной жизни, неустранимая эстетическая потребность» [1]).

Однако, какая цѣль всѣхъ этихъ преслѣдованій?

Пѣніе на улицахъ селъ и по окраинамъ городовъ нарушаетъ порядокъ?.. Но вѣдь такое заявленіе относится къ области тѣхъ спе-

---

[1]) Исторія рус. лит. т. III, 27.

цифическихъ представленій о «порядкѣ», въ силу которыхъ двумъ стоящимъ на улицѣ лицамъ не позволяютъ «толпиться». Это не основаніе. Съ другой стороны, вѣдь смѣшно было бы говорить о вредоносности народной поэзіи въ какомъ бы то ни было отношеніи. Развѣ только, можетъ быть, *народная* поэзія развращаетъ *народъ* нравственно? Но кто изъ занимавшихся ею и изучавшихъ ее находилъ въ ней хотя что-нибудь приближающееся къ тому цинизму, той пакости, которая заключается въ мараніяхъ Додольнаго! Но вирши Додольнаго администрація дозволила для народа, а его собственной, выношенной имъ высоко-нравственной, высоко-художественной поэзіи не дозволяетъ для него самого, и это дѣлается въ той странѣ, гдѣ сущесвуетъ Императорское Географическое Общество, учрежденіе правительственное!

Поэзія—вѣнецъ познанья,
Надъ зломъ и страстью торжество;
Тебѣ въ ней свѣтъ на все созданье,
Въ ней—Божество!

Такъ думалъ Аполлонъ Майковъ. Не такъ думала администрація...

Владиміръ Даниловъ.

---

300 найкращыхъ украинськыхъ писень. *Кыивъ, 1904 р. Выдавныцтво* „**Викъ**“, *№ 39. Цина 20 коп. Стр. 231.*

Настоящее изданіе идетъ навстрѣчу тому оживленному спросу, какой предъявляется на украинскіе пѣсенники. Цѣль изданія—дать любителямъ пѣсенъ хорошій текстъ, лучшій изъ тѣхъ многочисленныхъ варіантовъ, съ которыми извѣстно большинство пѣсенъ и въ народѣ, и въ публикѣ. Считаясь со вкусами любителей, составитель выбралъ особенно любимыя и распространенныя пѣсни, главнымъ образомъ съ лирическимъ, а не историческимъ содержаніемъ. Въ сборникъ вошли какъ чисто народныя пѣсни, такъ и произведенія Шевченка, Руданскаго, Глѣбова, широко распространившіяся въ публикѣ, наравнѣ съ народными.

Помимо того основного значенія, какое указано было выше, настоящій сборникъ представляетъ достаточно интереса и въ простомъ чтеніи. Замѣчательныя достоинства украинской народной пѣсни, проявляющіяся въ силѣ чувства, тонкости и яркости передачи лириче-

скаго настроенія, почти въ одинаковой степени свойственны какъ музыкальному, такъ и словесному выраженію, такъ что послѣднее, само по себѣ, безъ музыкальнаго сопровожденія, возбуждаетъ соотвѣтственныя душевныя эмоціи.

Чистотой и правильной корректурой изданіе выгодно отличается отъ лубочныхъ.

В. К.

Н. Кобрынська. Выборець. *Выдавныцтво* **„Викъ“**, *№ 43. Кыивъ, 1904. Цина 7 коп. Стр. 46.*

«Выборець»—это уполномоченный извѣстной группы избирателей (въ настоящемъ разсказѣ сельскаго общества), который по австрійскому конституціонному закону выбираетъ, совмѣстно съ другими, какъ и онъ, выборщиками, представителя въ парламентъ.

Якимъ Мачукъ стоялъ вдали отъ всякой политики и видѣлъ въ ней барское дѣло, приносящее мужику одну помѣху въ тяжелой работѣ. Но когда громада поручила Мачуку быть выборщикомъ, въ душѣ его созрѣло пониманіе той роли, какую играетъ депутатъ въ государствѣ, управляемомъ представителями народа, и сознаніе отвѣтственности выборщика за того, кому будетъ ввѣрена защита интересовъ народа.

Разсказъ дышетъ полной правдивостью въ изображеніи психологіи бѣднаго, забитаго мужика, никогда не слыхавшаго о какихъ-нибудь правахъ народа и не видящаго никакихъ способовъ для увеличенія своего благосостоянія, кромѣ мозольнаго труда. Разсказъ обладаетъ и художественными достоинствами.

В. К.

Д. Марковычъ. У наймы. На вовчому хутори. *Кыивъ, 1904. Выдавныцтво* **„Викъ“**, *№ 42. Цина 7 коп. Стр. 46.*

Зимою, въ вьюгу, мать ведетъ дочку-подростка въ чужое село, за 25 верстъ, чтобы отдать ее «у наймы». По дорогѣ дѣвочка выбивается изъ силъ и замерзаетъ почти у цѣли, подъ самымъ селомъ.

При нѣкоторой обыденности этого сюжета, авторъ живо изображаетъ дѣйствіе стихійной силы, властно охватывающей и подавляющей людей своей непреодолимой жестокостью. Голодъ заставляетъ

молчать въ матери любовь къ родному ребенку и беретъ верхъ надъ другой ужасной стихіей—холодомъ и вьюгой.

Второй разсказъ даетъ интересную бытовую картинку крестьянскаго самосуда надъ конокрадомъ. Въ отношеніи къ уличенному въ конокрадствѣ крестьяне неумолимы и безпощадны, но здѣсь въ совѣсти сельскихъ стариковъ, которымъ нужно было постановить и выполнить страшный приговоръ—убить вора ударами кіевъ,—зародилось сомнѣніе, дѣйствительно ли пойманный—воръ, а не какой-нибудь бѣглецъ крѣпостной, пробиравшійся степью на вольныя мѣста и случайно пойманный около табуна.

Внѣшняя форма разсказовъ Марковича не поражаетъ ни яркостью образовъ, ни блескомъ выраженія; въ нихъ мало характернаго, колоритнаго; но это искупается глубокой правдивостью и силой изображенія дѣствительности, знаніемъ жизни, а также тѣмъ гуманнымъ чувствомъ любви къ людямъ, какимъ согрѣты оба разсказа.

В. К.

Марко Вовчокъ. Кармелюкъ, Невильнычка, Сестра, Чумакъ, Сынъ, Два сыны, Не до пары. *К. 1904. Выдавныцтво* **„Викъ“.** *№№ 37 и 38. Цина по 10 к.*

Сюжеты обоихъ составившихъ первую книжку разсказовъ взяты изъ исторіи. Герои принадлежатъ къ различнымъ эпохамъ народной жизни: Остапъ въ «Невильнычкѣ» борется съ турками и татарами, защищая свой край отъ ихъ хищныхъ набѣговъ; Кармелюкъ—порожденіе сложныхъ общественныхъ отношеній позднѣйшаго времени; его чуткая душа поражается тѣмъ, «куды пиду и попнуся, скризь багачъ пануе, у роскошахъ превелыкыхъ днюе и ночуе. Убогому, несчасному тяжкая робота, а ще гиршая неправда, тяжкая скорбота» (ст. 27).

Но и въ разбойникѣ Кармелюкѣ, защитникѣ и мстителѣ бѣдняковъ, и въ козацкомъ атаманѣ Остапѣ авторомъ подчеркивается общая, роднящая эти два типа, черта: нравственной чуткостью, отзывчивостью къ народнымъ и общественнымъ интересамъ, а также своей энергіей эти люди стоятъ выше своей среды. Въ этихъ активныхъ личностяхъ ярко выступаютъ извѣстныя стремленія народа и явленія его жизни.

Оба разсказа отличаются живостью художественнаго воспроизведенія, но въ деталяхъ психологической обрисовки типовъ, особенно

женскихъ, авторъ не чуждъ сантиментальныхъ преувеличеній. Сильный характеръ, неудержимая энергія родятся жизнью, гдѣ все кипитъ, какъ непосредственная реакція на явленія этой жизни, а не воспитываются тонкой рефлексіей, какой авторъ снабдилъ и Остапа, и Кармелюка. Такая характеристика этихъ лицъ одинаково противна какъ исторіи, такъ и психологіи.

Вторая книжка даетъ 5 бытовыхъ разсказовъ, заглавія которыхъ уже перечислены выше.

Въ разсказѣ «Сестра» представленъ образъ женщины, которая, не ужившись съ сварливой женой своего брата, принуждена покинуть его семью и уйти въ наймы. Живя въ наймахъ въ городѣ, не надѣясь вернуться въ село, подъ родной кровъ, сестра не теряетъ любви и привязанности къ родному брату и самоотверженно работаетъ на него, отдавая все заработанное.

Этотъ типъ, исключительный по своей почти аскетической самоотверженности, достаточно мотивированъ психологически и потому является вполнѣ жизненнымъ и правдивымъ. Живое изображеніе той житейской обстановки, въ которой приходится существовать наймитамъ, даетъ разсказу значительныя художественныя достоинства.

Послѣдняго нельзя утверждать относительно остальныхъ разсказовъ. Они представляютъ собою фотографическія, мѣстами совершенно эскизныя, картинки изъ народной жизни; ни въ одномъ изъ этихъ разсказовъ взятый сюжетъ не разработанъ съ надлежащей полнотой, почему достоинства какъ содержанія ихъ, такъ и формы, должны быть признаны невысокими.

В. К.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Четыре документа къ исторіи украинскаго козачества. Предлагаемые вниманію читателей документы извлечены мною во время другихъ занятій рукописями Государственнаго Архива Мин. Ин. Дѣлъ въ Спб. и Императ. Публичной Библіотеки. Этимъ объясняется ихъ случайный подборъ; однако, такъ какъ предлагаемые ниже документы, несмотря на рядъ изслѣдованій по исторіи Малороссіи XVII и XVIII в.в., не были въ достаточной мѣрѣ использованы историками ея, беремъ смѣлость опубликовать ихъ въ копіяхъ, возможно близкихъ къ оригиналамъ.

Первый изъ документовъ—письмо гетмана Ив. Выговскаго къ татарскому вождю Кая-бею издается нами по автографу, принадлежащему Имп. Публ. Библ. и относящемуся къ 1659 г. Оно написано рукою писаря, а отмѣченное въ изданіи разрядкою—подпись и приписка—сдѣлано рукою гетмана. Орѳографія оригинала сохранена въ изданіи.

Второй документъ—перенятое москвичами письмо гетмана Мазепы къ Карлу XII, и при томъ, какъ видно изъ текста его—уже второе; оно свидѣтельствуетъ о нетерпѣніи, съ какимъ гетманъ ожидалъ прихода союзника, и о той роли, которую приходилось ему и преданной ему старшинѣ играть, находясь какъ бы между молотомъ и наковальней—между царемъ Петромъ и Карломъ XII, при наличности среди простого народа замѣтнаго тревожнаго настроенія, которое „загревалось“ московскими грамотами и уже отнюдь не въ пользу плановъ, задуманныхъ Мазепою. Письмо Мазепы издается по рукописи Госуд. Архива; титла раскрыты.

Третій и *четвертый* документы относятся къ эпохѣ Великой Сѣверной войны, въ которой приняли участіе козаки и сотники полку Танского и другихъ полковъ. Судьба въ 1708 г. привела ихъ въ плѣнъ, и издаваемые документы служатъ матеріаломъ для иллюстраціи того, какъ приходилось плѣннымъ козакамъ вымаливать у московскаго правительства пособія для жизни въ Стокгольмѣ или—на возобновленіе утраченнаго платья и оружія. Помимо историческаго интереса, эти послѣдніе документы представляютъ и нѣкоторый чисто бытовой интересъ.

Письмо гетмана Ив. Выговскаго къ Кая-бею 1659 г. [1]).

Iasnie Wielmożny Msciwy Panie Kaia Bey, mnie wielce Mściwy Panie y Bracie. Zdrowia dobre° y na wszem szczęśliwego powodzenia od Pana Boga Wm̃ Mẽ Msciwemu Panu życzymy.

Iako mamy nadzieią w przerzeczonym słowie CHana Ie° Mści, że nas sam osobą swą Panską w prędkim czasie nieomieszka posiłkować, tak vfamy, że Wm nasz Mściwy Pan, maiąc Braterską miłość ku nam, zechcesz vprzedzić y CHana Je° Msci a do Nas pospiech prędki vczynic, iakobysmy mogli dać znaczny wstręt spolnemu Nieprzyiacielowi naszemu y Wm Me° Mściwego Panstwa, ktorego z ochotą wyglądaiąc, łasce się Braterskiey iako naypilniey zalecamy. Dat w Taborze w Taborze (sic) pod Irkliem z Zadniepra. Maia d. 11. a° 1659.

My wespoł z Je° Mś cią | panem Nuradin sołtanem | Pand Boga wziowszy napomoc | idziemy przeciwko nieprzyiaceilowy | *a temu racz iako nayprędzy przybywac* [3]).

Wm Mego M. Pana cale życzliwy Brat y sługa [1]).

Ian Wyhowski [2]) *Hetman M. P.*

---

[1]) Изъ рук. Имп. Публ. Библ. Q. XVII, № 80, л. 51, рукою втор. пол XVII стол.

[1]) Одинъ почеркъ.

[2]) и [3]) Второй почеркъ.

ρзз҃ нюня въ к҃з҃ де(нь) переведе҃ прислав к великому гд҃рю з Дону с станичники и с атаманом с тимофѣем івановым с товарищи [4]).

---

2 *«Списокъ с перенятого писма вора Мазепы»*

«Наяснѣйшій Милостивый король,
Государь мой милостивый!

Уже то вторый листъ со объявленіемъ о подданной моей подлѣглости к вашей королевской милости пишу, і не сумнѣваясь, ежели бы моглъ первый в семъ мятежномъ рѣчей повѣдѣніи приттить в свое назначенное мѣсто, і яко во ономъ ізлиянным сердцемъ і общимъ всей Украины желаніемъ нижайше просимъ вашей королевской милости, дабы на избавленіе достоянія своего побѣдителную благоволилъ подвигнути руку; такъ и нынѣ повторяя прошеніе, тожь самое повторяю, и ожидая ожидаю благополучного и скорого вашей королевской милости приходу, дабы мы могли соединенными оружиями и силами неприятелского московского намѣренія в зеліи усыпить змия, а наипаче нынѣ, когда Москва почала грамотамі своимі простой народ загревать и градские чинит войны; и хотя еще мы его не весма видимъ, обаче таковые искры утаенные въ прелесномъ пепеле заранѣе надлежитъ гасить, дабы от того на общую пагубу каковой не изшел пожар. Чего ради мы, яко отца, во аде суще, ожидаемъ приходу вашей королевской милости, яко Спасителя нашего, и прося о томъ, нижайше цѣлую тысячнымъ целованьемъ храбрую руку вашу.

Вашей королевской милости Государя моего Милостивого вѣрный подданный і слуга нижайшій Іван Мазепа Гетманъ [1]).

Із Ромны, г҃ декабря 1708.

---

3. *Дѣло о жалованьѣ плѣннымъ козакамъ 1708 г.*

В доношениі із малоросійского приказу о даче жалованья гетманскаго регимента козаком в Стекхолме.

---

[4]) Третій почеркъ.

[1]) Госуд. Арх., Дѣла Кабинета, Входящ. письма 1707—1708 годовъ, кн. 2 (№ 8), л. 29 и обор.

В прошломъ ҂афз^м году генваря в ѳі (день) изъ Стекхолма генералъ крисъ-камисар, князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукой писалъ в разрядъ і прислалъ роспись, что регименту гетмана и кавалера Івана Степановича Мазепы разныхъ полковъ малоросійскихъ городовъ сотники и іные урядники і рядовые казаки рд человѣка страждут в неволе в завоеваніи в свѣйской землѣ, імянно в Стекхолме, гладом і нагатою без жалованья, с ыными такими ж плѣнники русскими людми і иноземцы, і чтоб жалованіем никто презренъ не былъ, і о том ево генерала увѣдомить, будетъ ли тѣм плѣнным прислано что на дачю.

І по тому писму к гетману і кавалеру із молоросийского приказу послана грамота, велено ему регименту своего плѣннымъ людем в Свѣе о прокормленіи ихъ учинить по своему разсужденію.

І по той грамоте онъ гетманъ і кавалер для вышеписанной посылки тѣмъ плѣннымъ прислалъ ҂аро еѳимковъ, і о раздаче роспись (*обор.*). И тѣ еѳимки для переводу черезъ вексель в Стекхолмъ на дачю гетманского регименту отданы іноземцу Елисею Клюку.

А декабря в еі [день] ҂з году онъ же генералъ крисъ-камисаръ писалъ, что тѣ еѳимки розданы на жалованье имъ гетманского регименту малоросійскихъ городов:

Миргородцкаго полку сотнику Василью Родянку кв еѳимка;

Того жъ полку хорунжему Степану Рубану г ефимковъ. Разныхъ полковъ и сотенъ казакомъ рв по з еѳимкевъ, ітого ҂ді (sic?) еѳимковъ.

Иноземческому человѣку за приносъ денегъ в еѳимка, а которые упа еѳимокъ посланы были на дачю Переяславскому полковнику по писму гетманскому, взялъ себѣ он князь Яков Ѳедоровичь, потому что тотъ переяславской полковникъ умре.

Всего в расходе іс тѣми, что взялъ князь Яковъ Ѳеодоровичь, ҂аско еѳимковъ.

За тем в остатке зі еѳимковъ.

(л. 329) Да генваря в кд день ҂н году онъ же генералъ крисъ-камисаръ в розряд к боярину Тихону Никитичю Стрѣшневу писалъ, что гетманского регименту обрѣтаетца в плѣне сверхъ прежней росписи полковникъ, писар, сотникъ і казаковъ мз человѣкъ, і тѣмъ людем іс присланных от гетмана денегъ ничего не дано, потому что онъ роздалъ по ево гетманской росписи наличнымъ ево гетманского регименту людемъ, и чтоб онъ гетман о том был увѣдомленъ і дачею вышеписанного полковника і другихъ плѣнныхъ регименту своего казаковъ страждущихъ в плене определил.

І генваря л҃-го дня о томъ к нему, гетману і кавалеру, писано, імянно, велено ему о всем учинить по своему разсмотрѣнію.

І о томъ онъ, гетманъ і кавалеръ, в малороссійской приказъ апрѣля по к҃ число не отписывалъ, а в малороссійскомъ приказе денегъ на лицо никакихъ нѣтъ.

І апрѣля в к҃а [день] ҂ѱ҃и году, по указу великаго государя, бояря, будучи в ближней канцелярні, слушавъ того доношення, приговорили: взять в розряд для отдачи свѣйскому генералу Горну для переводу чрезъ вексель на дачю гетманского регимента (*обор.*) казакамъ, обрѣтающимся в плѣне в Стекхолме, жалованья ф҃к рублевъ із болшой казны, а к гетману и кавалеру о присылке противъ прежняго вышеписанного числа денегъ ф҃к рублевъ із малороссійского приказу послать грамоту [1]).

4. *Просьба козаковъ о выдачѣ имъ жалованья.*

Державнѣйшій царь, государь милостивѣйшій!

Въ прошлых, государь, годех служили мы тебѣ, государю, многие службы и на многихъ бояхъ бывали и ранены, а ныне тому четвертой мѣсяцъ по твоему государеву указу высланы мы на твою великого государя службу и отданы под командыю г-дна генерала Боура, и какъ ныне онъ г-днъ генералъ бился с неприятелскими людми, с немцы, за литовским рубѣжем, под местечком Кадиним, и на том бою нас нижей менованных рабовъ твоих ранели и лошеди под нами побиты и ружье и платье с нас все побрано бѣзостатка. И после бою присланы мы раненые в оптеку в Смоленскъ, а ныне нам твою государеву службу служить стало нечимъ, лошедей и ружья у насъ нѣтъ и прокормитца намъ стало нечим.

Всемилостивѣйшиі государь, просим вашего величества, вели государь намъ выдать свое государево жалованье, что ты, государь, пожалуешъ, чтобъ нам впред было тебѣ, государю, на чем и с руж'емъ служить твою государеву службу.

Вашего величества нижайшие раби, города Киева, с Танскаго полку казаки; ротмистръ Василій Адамовичъ, да компания: Іванъ Івановской, Стеѳанъ Стеѳаневич. Октября г҃ дня ҂аѱ҃и (1708) году.

---

[1]) Госуд. Арх. Кабинетъ Петра Вел. Входящ. письма 1707—708 г. I, кн. № 8, л. 328 и слѣд.

На оборотѣ тѣмъ же почеркомъ: «Къ сей челобитной Василей Столбѣцовъ вместо ротмистра Василия Адамовича. Івана Іваневского, Стеѳана Стеѳаневича по ихъ упрошению руку приложилъ» [1]).

В. Перетцъ.

Письмо Т. Г. Шевченка къ брату Никитѣ. Приводимое ниже письмо Т. Г. Шевченка къ брату Никитѣ принесено въ даръ А. Н. Терещенкомъ Кіевскому Художественному Промышленному и Научному Музею и любезно сообщено намъ директоромъ музея Н. Ф. Бѣляшевскимъ. Письмо, чуть ли не первое изъ извѣстныхъ намъ, относится къ концу 1839 года, т. е. къ тому времени, когда Т. Г., будучи „вольнымъ чоловикомъ" (съ 22 апрѣля 1838 г.), посѣщалъ классы академіи Худежествъ и былъ однимъ изъ любимѣйшихъ учениковъ-товарищей К. П. Брюлова. Какъ видимъ изъ печатаемаго ниже письма, Т. Г. уже болѣе полутора года (д. б. со времени извѣстія объ освобожденіи изъ крѣпостного права) не писалъ домой, — очевидно, не имѣя возможности порадовать родственниковъ чѣмъ-либо реальнымъ, не будучи въ состояніи помочь имъ въ ихъ нуждѣ. Но вотъ теперь онъ начинаетъ кое-что зарабатывать, и вмѣстѣ съ симъ письмомъ высылаетъ на имя брата Никиты 25 руб. ассигнаціями. Впослѣдствіи мы видимъ, что Т. Гр. не забываетъ о своихъ братьяхъ и сестрахъ, и насколько возможно, помогаетъ имъ [2]). Изъ этого же письма можно заключить, что уже въ это время Шевченко лелѣялъ мечту о поѣздкѣ на Украину, что ему пришлось осуществить лишь въ 1843 году,—на это встрѣчаемъ въ письмѣ намекъ дважды: „потерпымъ ще трохы, а тамъ, колы жыви та здорови будемъ, то може й побачымось", а также, въ просьбѣ къ дѣду не умирать: „швыдко побачымось", Наконецъ, нельзя не отмѣтить троекратно повторенную просьбу Т. Гр. къ Никитѣ написать ему „такъ, якъ я до тебе пышу, не по московському, а

---

[1]) Госуд. Арх. Кабинетъ Петра В. Входящ. письма 1708 г. кн. 8 л. 939 и обор.

[2]) Въ скоромъ времени, а именне 2 марта 1840 г., вѣроятно въ отвѣтъ на данное письмо, братъ Никита обращается къ Т. Г. съ просьбой о займѣ денегъ. Т. Гр. высылая ему 50 рубл., писалъ: „мени грихъ позычать братамъ гроши,—колы трапляця, то такъ дамъ" (К. Стар. 1891, II, 211).

по нашому", написать „по своему", чтобы онъ могъ услышать родное слово „хочъ черезъ папиръ", такъ какъ онъ страдаетъ тоской по родинѣ.

«Микито, ридный брате! Минуло вже билшъ, якъ пивтора року, а я до тебе не написавъ ни пивъ словечка. Выбачай, голубе сызый,—такъ трапылось! Скажу щыру правду,—не те, щобъ николы було або що, а такъ соби, ни се ни те... Ще разъ вибачай! Я такъ соби думавъ: що жъ, що я напишу письмо? Хиба имъ буде легше? Твого я лыха не возьму на себе, а свого тоби не отдамъ; такъ що жъ зъ тыхъ писемъ? Папиръ збавлять, тай годи... Воно, бачъ, и такъ и не такъ, а все-таки лучче, колы получишъ, прочитаешъ хочъ одно слово ридне: серце нибы засміеця, колы знаешъ, що тамъ діеця... Такъ отаке-то, мій голубе! Нудно мини стало, що не знаю, що у васъ робиця. Та й ты таки не безъ того, щобъ не згадавъ свого брата Тараса школяра—бо вже дуже давно, якъ мы зъ то(бо)ю бачилысь! Та що жъ робить ма(е)шъ, колы Богъ такъ хоче. Потерпимъ ще трохи, а тамъ колы живи та здорови будемъ, то може и побачимось. Ну, колы то ще те буде, чи побачимось, чи ни, а теперъ про себе скажу отъ що: слава Богу милосердному, живъ и здоровъ, учуся малювать; колы трапыця, зароблюю гроши. Оце на тимъ тижни заробивъ трохи, то й тоби посылаю (25 руб. асигн.), а колы буде бильшъ, той ще пришлю. Такъ отъ бачъ, жыву, учусь, никому не кланяюсь и никого не боюсь, окромъ Бога. Велыке щасьтя буть вольнымъ чоловикомъ: робишъ, що хочешъ, нихто тебе не спыныть. Поклонися усимъ родычамъ одъ мене, а надто дидови, колы жывый здоровый; скажы нехай не вмира: швыдко побачымось. Поцилуй брата Есыпа [1]), такъ якъ бы я ёго поцилувавъ, и сестеръ: Катырыну, Ярину [2]) и Марусю, колы жива; та скажи, будь ласкавъ, якъ и де вона живе? чи одягнина, чи обута? Купы ий що небудь къ святкамъ зъ оцыхъ грошей, що я тоби посылаю поки що, а то я буду ій присылать окроме, колы трапляця у мене гроши [3]). Та ще скажи зятямъ нашимъ Антонови и Федорови,

---

[1]) Брату Йосыпу, самому младшему, въ то время было 17 лѣтъ.

[2]) Катерина была замужемъ въ с. Зеленой за Красицкимъ, Ирина за Ковтуномъ въ Кирилловкѣ.

[3]) Особую заботливость о младшей сестрѣ Маріи (ей въ то время было 18 лѣтъ) можно объяснить тѣмъ, что она страдала глазной болѣзнью; она умерла дѣвушкой.

шобъ и воны до мене колы небудь написалы хочъ одно слово. А самъ якъ тилько получишъ мое оце письмо, заразъ до мене напиши, шобъ я знавъ. Та, будь ласкавъ, напиши до мене такъ, якъ я до тебе пишу не по московскому, а по нашому (зачеркнуто: бо мини й такъ уже остыглы москали)

Бо москали, чужи люды,
Тяжко зъ нымы житы;
Немае съ кимъ поплакаты;
Ни поговориты.

Такъ нехай же я хочъ черезъ папиръ почую ридне слово, нехай хочъ разъ поплачу веселыми слёзами, бо мыни тутъ такъ стало скушно, шо я всяку ничъ тилько й бачу во сни шо тебе, Кереливку та ридню, та бурьяны (ти бурьяны, шо колысь ховався о(дъ школы). Весело стане, прокинусь, заплачу... Ще разъ прошу, напиши мини письмо, та по своему, будь ласкавъ, а не по московському. Колы напишешъ письмо, то просы Ивана Станиславовича Дымо(в)ского [1]), шобъ пославъ до мене, бо винъ знае, де я живу. Оставайся здоровъ. Лягаю спать, уже пи(в)нычъ... Може во сни й тебе побачу... До(б)ра-ничъ!

Твій ридный братъ Тарасъ Шевченко.

Ще письмо, которе найдышъ у моему «письми запечатане, отдай Ивану Станиславовичу Дымовскому и поклонысь ёму оде мене та просы, шобъ и винъ написавъ до мене що небудь та вкупи и пришлить, якъ я вамъ посылаю. Оставайся здоровъ.

1839 ноября 15 дня. С.-Петербургъ.

Не забудь же, заразъ напиши письмо, та по своему.

Къ біографіи И. П. Котляревскаго. Въ поступившемъ въ 1904 году въ рукописное отдѣленіе Библіотеки Имп. Академіи Наукъ архивѣ вольнаго общества любителей россійской словесности есть одинъ документъ, имѣющій отношеніе къ И. П. Котляревскому—это письмо

---

[1]) По разсказу родственниковъ Т. Гр., переданному г. Талько-Гринцевичемъ, былъ управляющимъ въ экономіи Энгельгардта въ Кирилловкѣ, оставившимъ по себѣ хорошую память (Кіев. Старина, 1891, II, 211 1889, IX, 763).

правителя канцеляріи малороссійскаго ген.-губернатора Михаила Николаевича Новикова. Новиковъ былъ выбранъ въ члены-корреспонденты общества въ засѣданіи 30 сент. 1818 г. по предложенію Ѳ. Н. Глинки, въ то время бывшаго помощникомъ предсѣдателя общества; не знаемъ, въ чемъ состояли заслуги Новикова передъ обществомъ любителей словесности и что обратило вниманіе на него Глинки; можемъ только сказать, что въ члены-корреспонденты по уставу общества избирались лица, заслужившія „довѣріе общества въ исполненіе дѣлаемыхъ имъ порученій“ (Краткое извлеч. изъ устава). Письмо Новикова является актомъ благодарности за избраніе; главный интересъ его заключается въ томъ, что Новиковъ, говоря въ немъ о воспитательныхъ заведеніяхъ въ Малороссіи, особенно останавливается на Полтавскомъ домѣ воспитанія бѣдныхъ, бывшемъ подъ надзоромъ Котляревскаго, и даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о самомъ Иванѣ Петровичѣ. Считая достойной вниманія всякую мелочь, могущую дать лишнюю черту къ характеристикѣ знаменитаго автора Наталки-Полтавки, предлагаемъ читателямъ «Кіевской Старины» письмо Новикова въ полномъ видѣ.

Самъ И. П. Котляревскій былъ избранъ въ число членовъ общества любителей россійской словесности значительно позже — 21 авг. 1821 года по предложенію Н. И. Гнѣдича. Благодарственное письмо его на имя Ѳ. Н. Глинки хранится также въ архивѣ общества; по содержанію своему письмо это не представляетъ особаго интереса.

В. Срезневскій.

Милостивый Государь Андрей Афанасьевичъ!

Принимая съ признательностію лестное для меня избраніе обществомъ любителей Россійской словесности въ число его членовъ-корреспондентовъ, спѣшу изъявить за сіе мою благодарность и увѣрить, что, принимая живѣйшее участіе въ благѣ и чести моего отечества, я не премину ревностно исполнять всѣ порученія сего Общества, дабы тѣмъ оправдать довѣренность его и споспѣшествовать пользѣ и чести учрежденія, имѣющаго цѣлію похвальное рвеніе къ изысканію отечественныхъ достопримѣчательностей.

При семъ долгомъ моимъ считаю препроводить объявленіе полтавскаго губернскаго маршала, сообщенное Дворянству Полтавскому и сосѣдственныхъ губерній, объ учрежденіи въ Полтавѣ благороднаго

для дѣвицъ института, котораго открытіе послѣдуетъ въ 12-й день декабря сего года.

Должно признаться, что Малороссійское Дворянство отлично ревностію къ просвѣщенію юношества; оно много разъ предпринимало учредить подобное общественное заведеніе для воспитанія сыновей своихъ, но, по разнымъ обстоятельствамъ, всегда встрѣчало препятствія къ достиженію благонамѣренной цѣли. Два дома воспитанія бѣдныхъ, учрежденные въ губернскихъ городахъ Малороссіи, имѣющіе каждый по 50 воспитанниковъ на содержаніе приказа общественнаго призрѣнія и по 50-ти пансіонеровъ за весьма малую цѣну, приносятъ большую пользу, доставляя чиновниковъ военной и гражданской службѣ, съ достаточнымъ уже образованіемъ, ибо они не иначе выпускаются какъ по окончаніи гимназическаго курса; показывающіе же отличныя способности въ наукахъ или склонности къ художествамъ, отправляются первые въ Харьковскій университетъ, а о помѣщеніи другихъ въ Академію Художествъ ходатайствуетъ нынѣ Г. Малороссійскій Военный Губернаторъ. По возвышенію на все цѣнъ сіи полезныя учрежденія стѣсняются малыми способами. Изъ нихъ Полтавскій домъ воспитанія бѣдныхъ отличенъ во всѣхъ отношеніяхъ, чему много содѣйствуетъ всегдашнее почти пребываніе въ Полтавѣ Малороссійскаго Военнаго Губернатора, обращающаго особенное вниманіе на сіе заведеніе и примѣрное усердіе и попеченіе главнаго его Надзирателя, Маіора Котляревскаго, извѣстнаго переложеніемъ Вергиліевой Энеиды на отечественный его малороссійскій языкъ. Чиновникъ сей въ кругу воспитанниковъ представляетъ почтительнаго и строгаго родителя; награда трудовъ его напечатлѣна всегда на лицѣ его, удовольствіе внутреннее и одобреніе совѣсти видны во всѣхъ чертахъ его, и онъ, колико строгъ въ управленіи воспитанниками, столько жъ заботливъ о доставленіи имъ удовольствія.

Таковыя училища въ Малороссійскихъ губерніяхъ имѣютъ изъ дворянъ почетныхъ смотрителей и многіе изъ нихъ заслуживаютъ отличнаго уваженія примѣрнымъ усердіемъ своимъ къ порученнымъ имъ заведеніямъ. Жаль только, что льстящая награда симъ достойнѣйшимъ членамъ благороднаго сословія удерживаетъ безпристрастнаго наблюдателя рѣшить совершенно въ пользу ихъ безмезднаго расположенія.

Сообщая теперь поверхностно по всѣмъ симъ предметамъ, я за особенное удовольствіе вмѣню себѣ сдѣлать подробныя замѣчанія и

доставить почтенѣйшему Обществу Любителей Россійской Словесности, въ полномъ увѣреніи, что предметъ просвѣщенія, какъ главнѣйшій въ занятіяхъ его, содѣлаетъ свѣденія сіи достопримѣчательными.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть Вашимъ милостивый Государь всепокорнымъ слугою Михайло Новиковъ. Ноябрь, 1818. Черниговъ.

„Проводы“ *(народная сатира)*. Помѣщаемое стихотвореніе записано въ м. Грицевѣ, заславскаго у., волынской губ. Оно принадлежитъ къ циклу многочисленныхъ въ Малороссіи полународныхъ сатирическихъ произведеній, осмѣивающихъ пороки духовенства. Мы называемъ такія произведенія «полународными», такъ какъ они создавались не въ средѣ самого народа, а среди близкихъ къ народу грамотѣевъ,—чаще всего—представителей того же церковнаго клира, недостатки котораго служили предметомъ осмѣянія. Но затѣмъ подобныя произведенія, въ зависимости отъ степени ихъ талантливости, получали большее или меньшее распространеніе, и если отвѣчали народному вкусу, то современемъ становились достояніемъ народа и, подобно общеизвѣстному «Грыцькови Мудрому», зачислялись въ разрядъ собственно-народныхъ произведеній. Не знаемъ, насколько настоящее стихотвореніе широко распространено на Волыни, но не лишено значенія уже одно то, что помѣщаемый нами текстъ его оказался въ рукописномъ сборникѣ разныхъ стихотвореній (русскихъ и малорусскихъ), списанныхъ малоопытною рукою какого-то, повидимому, школьника.

Давъ Богъ проводы по святкахъ.
Напекла баба кнышивъ,
А котра була багата,
Напекла и калачивъ.

—

И якъ тилько на дзвиныци
Разомъ дзвоны загулы,
То на цвынтарь молодыци
Съ кошыкамы вси пишлы.

—

Та понесла на грибъ батька
Тры кныши на парастасъ,
Та пишла за душу дядька
Зговорыты «Отче нашъ»;

—

Та за вмершую дытыну
Килька паръ взяла булокъ,
Та повнисеньку хустыну
Натаскала крашанокъ;

—

Та за дивчыну Орышку,
Що померла въ-осены.
Пырогы понесла й кышку,
Й шматъ печеной свыни.

—

Незадовго зъ хоругвамы
Выйшло братство, дякъ и пипъ,
На остатку жъ изъ мишкамы
Выйшовъ староста Прокипъ.

—

Пипъ свяченою водою
Вколо цвынтарь покропывъ,
И дяка шпурхнувъ рукою,
Щобъ винъ хутче баландывъ (?).

—

Панъ реентый не такивській
И до того бувъ мастакъ:
Якъ почувъ кулакъ попивській,
Ставъ молоты якъ витрякъ.

—

Де ще навить не поспіе
Пипъ сказаты килька сливъ,
А реентный вже запіе
«Вичну память»—и скинчывъ.

—

Заразъ гроши загортае,
Злотъ попови отдае,
А въ свою кышеню пхае
Десять грошей—и иде

—

На грибъ другый выкрыкаты.
А тымъ часомъ пипъ въ уми:
Не забуде посчытаты
Крашанкы вси и кныши,

—

Тако жъ сало и ковбасы,
Вси печени и паскы
И все, що за парастасы
Зибравъ Прокипъ у мишкы.

—

Але й дякъ не довиряе:
Винъ надъ гробомъ хоть крычыть,
Но въ бикъ мыло поглядае,
Чы все въ цилости лежыть;

—

Чы не вкынувъ у кишеню
Килька пасокъ нашъ Прокипъ,
Або зновъ котру печеню
Чи не взявъ пидъ рясу пипъ.

—

Панъ реентый и добродій
За годыну вси гробы
Обскакалы—и вже годи,
Бо не мають ницъ бабы.

—

Въ кошыкахъ ихъ ницъ не стало,—
А чого въ ныхъ не було?
Пырогы, ковбасы, сало,
Но все цее перейшло

—

Въ рукы старосты Прокопа:
Винъ гарненько все забравъ
И такыхъ мовъ, якъ пивкопы,
Десять михивъ вже напхавъ.

—

Що за дыво! Михы повни,
И чого въ ныхъ тамъ нема!
Дякъ и пипъ ще не доволни,
Ще хавтура имъ мала!

—

Подывылыся до неба
И зитхнулы тяжко вразъ;
«Боже, Боже! Мовъ намъ треба
Ще хоть килька паръ ковбасъ»!

—

Но побачывшы попысько,
Що росходятся бабы,
Крыкнувъ: «Гнате и Оныську,
Забырайте хорогвы!

—

—«Вже нихто не выйде певно,
А мы зновъ не будемъ такъ
Вамъ спиваты тутъ даремно»—
Обизвався хутко дякъ.

—

Тилько братчыкы почулы,
Що до ныхъ промовывъ пипъ,
Зъ хорогвамы повернулы
И пишлы соби вперидъ.

—

А Прокипъ запригъ конысъка
Въ що-найбильшій драбынякъ,
Поскладавъ туды мишыська,
Зверху силы пипъ и дякъ.

—

Коло церквы по вечерни
Застелылы пять столивъ,
Пипъ зъ реентымъ покрышылы
Дви печени для бабивъ.

—

Оприче того ще й горилкы
Цилый гарнець пипъ имъ давъ,
А дякъ тильки дви пляшыны,
Но и тіи не доллявъ.

—

Врешти що жъ кому до того,
Килько давъ горилкы дякъ;
Нехай винъ не дасть ничого,
То и буде добре й такъ.

—

А тутъ власне ричъ за тее
Що отъ пипъ и дякъ хмурни,
И вже иньше щось такее
Имъ вертытся на уми.

—

Но яка жъ тому прычына,
Що сумують такъ воны?
Чи найшла така годына,
Чи наврочылы бабы?

—

Де тамъ! Имъ прыстрить не шко-
Та прычына не зъ бабивъ: [дыть,
То ихъ заздристь такъ шкородыть,
Що багацько есть кнышивъ.

—

И що треба ихъ дилыты,
Що не може зъ ихъ иденъ
Вси до себе поносыты,
Бо и другый въ тимъ вистенъ (?)

—

Отъ чого-то такъ сумують
Пипъ зъ реентымъ и мовчать,
Бо воны завчасу знають,
Що ихъ головы трищать.

—

Розійшлыся молодыци,
А пипъ, дякъ и ихъ жинкы
Заразъ выйшлы до дзвиныци,
Де стоялы вси мишкы.

—

Десять михивъ—то не жарты,
И запевно, що соби
Пипъ и дякъ бы хтивъ забраты
Вси ковбасы и кныши.

—

Но бида имъ, що злучылы
Ихъ до купы ворогы
И обомъ имъ прызначылы,
Щобъ дилылыся воны.

—

«Боже, Боже терпелывый!»
Такъ соби подумавъ пипъ:
«Ну нащо той дякъ паршывый!
Винъ жере даремно хлибъ».

—

—«И на дидька пипъ той здався»!
Зновъ помыслывъ дякъ соби:
«Эхъ, кобъ такъ царемъ я стався,
Знавъ бы винъ мене тоди!»

—

—«Выкладай кныши, Прокопе»!
Пипъ до старосты сказавъ:
Крашанкы считай на копы»,—
А винъ самъ тымъ часомъ ставъ

—

Выбираты съ попадею
Сало, мнясо и кышкы,
А дякъ зъ жинкою своею
Ставъ считаты пысанкы.

—

Покы жъ все воны считалы,
То мовчавъ и пипъ, и дякъ,
А дилытыся якъ сталы,
То пишло зовсимъ не такъ:

—

Гвалтъ и крыкъ, бида, несчасття,
Хочъ беры та й утикай;
Пипъ зъ реентымъ вже сварятся:
Ты мовъ того не займай».

—

Пипъ кныши перебирае
И де бильши—въ свій мишокъ,
А дякови откыдае
Котри меньши у кутокъ.

—

«На насъ крывда, добродію!»
Дякъ зъ дячыхою сказавъ;
Но добродій зъ попадею
Вси кныши вже перебравъ.

—

Дякъ побачывъ, що не жарты,
Що пипъ крывыть такъ ёго,
Ставъ зъ дячыхою все браты,
Що тамъ лучшого було.

—

Ковбаса, котра въ два кильця,
Ту хватае дякъ соби,
Сало, мнясо въ рукы жинци,
А що гирше—попади.

—

«Що оце ты, дяче, робышъ?»
Закрычала попадя:
Одступыся, колы хочешъ,
А то такъ тоби я дамъ,

—

Що не схочешъ вже ничого!
И вона взяла патыкъ.
—„Що ты, бытыся, небого?“
Пиднала дячыха крыкъ.

—

—„Годи, годи добродійко!„
Пипъ до жинкы закрычавъ:
„А ты зновъ мовчы, злодійко!“
И дячыси въ морду давъ.

—

„Гвалтъ!“ дячыха закрычала.
Пипъ ще разъ іи сунувъ;
Кровъ дячыху обилляла;
Кулакы дякъ затыснувъ

—

И прыскочывъ до попыська,
До стины ёго прыперъ,
А пипъ вытрищывъ очыська,
Хутко рукы вверхъ задеръ

—

И дяка взявъ за чупрыну;
Дякъ за бороду попа,
И давай въ лыху годыну
Тузатыся обыдва.

—

Пипъ дяка перищыть въ зубы,
А дячыха кулакомъ
Добродія гріе въ груды
И трясе нымъ, якъ снопомъ.

—

Добродійци шкода стало
Свого бидного попа,
И полиномъ, де попало,
Стала быты зновъ дяка.

—

Крыкнувъ пипъ до добродійкы:
—„Такъ ёго, собаку, дуй!“
А дякъ зновъ до своеи жинкы:
—„Эй, Гапусенько, ратуй!“

—

А дячыха тилько вчула,
Що крычыть такъ чоловикъ,
Попадю чи одипхнула
А попа коломъ пидъ бикъ.

—

Вси счепылыся до купы,
Сталы бытыся на гуртъ,
То по плечахъ, то у зубы
Йидне другого човпуть.

—

Пипъ карка дякови крутыть,
Попадя волосся рве,
Попадю дячыха лупыть,
А дякъ зверху въ морду бье.

—

Пипъ ногами выбывае,
Мовъ стаенный той лошакъ,
И дячыху знай суляе (?),
А попа гнуздае дякъ.

—

Бачыть староста, що кепсько
Такъ завився пипъ зъ дьякомъ
И що такъ вже бьются крепко,
Ажъ зъ ныхъ кровъ иде дзюркомъ.

—

И не думавшы тутъ довго,
Заразъ винъ до ихъ прыперъ,
Ставъ тянуты того й того
И насылу ихъ роздеръ.

—

Попадю зъ дзвиныци выпхнувъ
И дячыху зъ нею вразъ
И обомъ имь давъ колиномъ:
Мовъ, рушайте въ добрый часъ,

—

И попа зъ дякомъ гарненько
За жинкамы пихорнувъ,
А дзвиныцю самъ хутенько
На колодку взявъ замкнувъ.

—

Такъ то проводы скинчылысь.
Хай мовчать вже мужыкы,
Якъ за хавтуры побылысь
Пипъ и дякъ и ихъ жинкы.

—

М. Грицевъ, Засл. у.

Сообщ. **В. Михалевичъ.**

Правила о присужденіи премій имени Н. В. Гоголя.

§ 1. Преміи имени Н. В. Гоголя учреждаются при Императорской Академіи Наукъ Полтавскимъ Губернскимъ Земствомъ и выдаются изъ суммы 1500 рублей, вносимой въ Академію Земствомъ черезъ каждыя пять лѣтъ.

§ 2. Къ соисканію премій допускаются оригинальные научные труды, печатные и рукописные, посвященные: а) исторіи южной Россіи, б) этнографіи малорусскаго племени и в) археологіи Полтавской губерніи.

Примѣчаніе 1. Рукописные труды, представляемые на конкурсъ, принимаются лишь въ томъ случаѣ, если написаны чисто и четко.

Примѣчаніе 2. При назначеніи премій, предпочтеніе должно отдаваться трудамъ, по изложенію доступнымъ для пониманія широкихъ общественныхъ круговъ.

§ 3. Труды, посвященные исторіи южной Россіи, могутъ быть какъ сочиненія общаго характера, такъ и монографіи и критически обработанные сборники документовъ; изъ нихъ, при равномъ достоинствѣ, отдается предпочтеніе изслѣдованіямъ по исторіи этническаго состава населенія южной Россіи и переселеній въ предѣлахъ южной Россіи.

§ 4. Труды, посвященные этнографіи малорусскаго племени, могутъ быть какъ изслѣдованія, такъ и научно обработанные сборники матеріаловъ для изученія матеріальнаго быта, народной поэзіи, вѣрованій, обычаевъ и обычнаго права; изъ нихъ, при равномъ достоинствѣ, отдается предпочтеніе трудамъ по обычному праву.

Примѣчаніе. Тексты народныхъ пѣсенъ, сказокъ и т. п. должны быть записаны съ точнымъ соблюденіемъ особенностей народной рѣчи.

§ 5. Труды, посвященные археологіи Полтавской губерніи, должны имѣть своимъ предметомъ тѣ могильные памятники разныхъ наименованій (курганы и т. п.), которые находятся въ предѣлахъ Полтавской губерніи; эти труды могутъ быть основаны на небольшомъ числѣ новыхъ раскопокъ, но должны имѣть въ виду всю научную литературу по археологіи южной Россіи,

§ 6. Означенные труды могутъ быть написаны какъ на темы, объявленныя Академіею Наукъ, такъ и на собственныя темы авторовъ.

Примѣчаніе 1. Труды, напечатанные болѣе, чѣмъ за пять лѣтъ до конкурснаго года, на конкурсъ не допускаются.

Примѣчаніе 2. Труды, удостоенные Академіею Наукъ одной изъ ея премій, не могутъ принимать участія въ конкурсѣ.

Примѣчаніе 3. Дѣйствительные члены Академіи Наукъ устраняются отъ участія въ конкурсѣ.

§ 7. Первое присужденіе премій имени Н. В. Гоголя имѣетъ быть *въ 1906 году*, слѣдующія—въ 1911, 1916 и т. д. годахъ, черезъ каждыя пять лѣтъ (см. § 20).

§ 8. Авторы, желающіе принять участіе въ конкурсѣ, представляютъ свои труды въ Академію Наукъ не позже 21 февраля конкурснаго года.

§ 9. Къ тому же сроку дѣйствительные члены Академіи Наукъ представляютъ печатные труды постороннихъ ученыхъ, по ихъ мнѣнію, достойные участія въ конкурсѣ.

§ 10. По полученіи означенныхъ въ § 7 и 8 трудовъ, Академія Наукъ избираетъ коммиссію изъ дѣйствительныхъ членовъ Академіи, числомъ не менѣе пяти, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря.

§ 11 Эта коммиссія, большинствомъ голосовъ, назначаетъ рецензентовъ для разсмотрѣнія и оцѣнки поступившихъ на конкурсъ трудовъ, какъ изъ членовъ Академіи, такъ и изъ постороннихъ ученыхъ.

§ 12. Срокомъ для доставленія рецензій назначается 15 октября конкурснаго года.

§ 13. Ознакомившись съ рецензіями, коммиссія, большинствомъ голосовъ, постановляетъ рѣшеніе о присужденіи премій.

§ 14. Отчетъ о присужденіи объявляется во всеобщее свѣдѣніе въ публичномъ засѣданіи Академіи Наукъ 29 декабря конкурснаго года и печатается, вмѣстѣ съ рецензіями, Академіею Наукъ установленнымъ порядкомъ.

§ 15. Преміи имени Н. В. Гоголя состоять: 1) изъ 1000 рублей за труды историческаго содержанія, означенные въ § 3 настоящихъ правилъ, и 2) изъ 500 рублей за труды по этнографіи и археологіи, означенные въ §§ 4 и 5 тѣхъ же правилъ.

Примѣчаніе 1. Если ни одно изъ конкурсныхъ трудовъ не можетъ быть удостоено преміи въ 1000 рублей, послѣдняя можетъ быть раздѣлена на двѣ половинныя преміи и выдана за два труда по исторіи южной Россіи.

Примѣчаніе 2. Труды, не удостоенные преміи, могутъ быть удостоены почетнаго отзыва имени Н. В. Гоголя.

§ 16. Преміи имени Н. В. Гоголя выдаются только авторамъ и ихъ наслѣдникамъ, но не издателямъ.

§ 17. Рецензентамъ изъ числа постороннихъ ученыхъ могутъ быть выдаваемы, по присужденію Академіи, въ знакъ признательности, особыя золотыя медали Н. В. Гоголя, изготовляемыя на средства Полтавскаго Губернскаго Земства

§ 18. Рукописные труды, удостоенные преміи, препровождаются Академіею Наукъ въ Полтавскую Губернскую Земскую Управу для напечатанія по ея усмотрѣнію.

§ 19. Суммы, оставшіяся не присужденными, возвращаются Академіею Наукъ Полтавскому Губернскому Земству.

§ 20. Въ случаѣ, если Полтавское Губернское Земство рѣшитъ прекратить выдачу премій имени Н. В. Гоголя, оно сообщаетъ о семъ рѣшеніи Академіи Наукъ немедленно послѣ послѣдняго состоявшагося присужденія, для объявленія во всеобщее свѣдѣніе.

Текущія извѣстія.

Письмо великоросса[1]). Не разъ приходилось мнѣ въ южно-русской печати встрѣчаться съ такъ называемымъ „украинскимъ вопро-

[1]) Подъ такимъ заглавіемъ помѣщенъ въ № 106 „Полтавщины“ горячій призывъ къ великорусскому обществу о содѣйствіи разрѣшенію украинскаго вопроса путемъ поддержки украинскаго движенія или, по крайней мѣрѣ, устраненія тѣхъ препятствій, которыя до сихъ поръ его стѣсняютъ. Относясь всегда съ глубокимъ интересомъ и сочувствіемъ къ подобнымъ заявленіямъ международнаго братства и спра-

сомъ". Этотъ вопросъ не новый. Онъ уже имѣетъ 250-лѣтнюю исторію. Исторія эта въ высшей степени печальна и заслуживаетъ большаго къ себѣ уваженія и сочувствія, а не игнорированія, какъ это практикуется и до сихъ поръ. Обширные листы этой исторіи— безъ свѣтлыхъ полей и всѣ покрыты слезами многомилліоннаго славянскаго народа, который братски-добровольно, безъ всякаго для себя ограниченія и на одинаковыхъ правахъ, соединилъ себя съ единовѣрнымъ и родственнымъ другимъ великимъ славянскимъ народомъ—великороссами. Надежды этого народа на мирное культурное процвѣтаніе въ союзѣ, тотчасъ же по присоединеніи, оказались неоправданными; и вотъ, съ этого времени начинается исторія угнетенія украинской народности. Это угнетеніе тянется уже 250 лѣтъ, періодически то усиливаясь, то ослабляясь. Уже длительность угнетенія убѣждаетъ безусловно, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ отдѣльной, самобытной этнографической группой, съ особымъ народомъ, жизнь котораго не можетъ быть насильно удержана въ чуждыхъ для него великорусскихъ рамкахъ Какая роль и какія отношенія были къ этой борьбѣ того народа, съ которымъ украинцы соединились?

Мы, великороссы, всѣ, за исключеніемъ развѣ немногихъ, нужно правду сказать. или совершенно индифферентно относились, или, что еще хуже, старались и стараемся всѣми силами противодѣйствовать самостоятельному ихъ, на національной почвѣ построенному, развитію. Вѣдь мы, великороссы, только и ограничиваемся ровно ничего не стоющими восклицаніями по адресу „хохловъ"-украинцевъ объ ихъ краѣ, гдѣ «среди садовъ деревья гнутся долу», объ ихней пѣвучести и „удивительномъ", своеобразномъ ихъ характерѣ, а между тѣмъ не видимъ, что этотъ нашъ братскій народъ, которому мы многимъ обязаны, весь стонетъ отъ своей приниженности, главнымъ виновникомъ которой являемся въ послѣднемъ счетѣ мы, великороссы! Вѣдь мы даже отняли и продолжаемъ отнимать душу и сердце у этого жизненнаго народа. Мы запрещаемъ ему говорить даже своимъ языкомъ!.. Какъ это ужасно странно: говоримъ о своеобразномъ характерѣ укра-

---

ведливости, мы перепечатываемъ настоящее письмо великоросса въ той надеждѣ, что этотъ безпристрастный голосъ вызоветъ сочувствіе и среди земляковъ автора и его мнѣніе раздѣлятъ всѣ, кому дорого развитіе и прогрессъ великаго многомилліоннаго народа, населяющаго Украину.

инца, а между тѣмъ стараемся его втиснуть въ совершенно чуждыя ему великорусскія рамки. А вѣдь этотъ народъ былъ когда-то далеко культурнѣе насъ и былъ чуть ли не главнымъ нашимъ культурнымъ двигателемъ въ продолженіи больше чѣмъ столѣтія! Что же представляетъ теперь этотъ народъ? Несмотря на его природныя духовныя и физическія богатства, онъ теперь малокультуренъ и духовно дѣйствительно придушенъ, а потому и жалокъ... Кого не тронетъ это положеніе народа, а особенно насъ, великороссовъ, многимъ ему обязанныхъ? Какъ намъ не стыдно быть виновниками положенія этого страдальца-народа, тѣмъ болѣе, что намъ ничего не стоитъ сдѣлать для этого все отъ насъ зависящее..

Можетъ быть, кто со мной не согласится, станетъ говорить, что притѣсняетъ (а слѣдовательно и виновно) не общество великорусское, а только правительство; но вѣдь изъ кого же и правительство состоитъ, какъ не изъ насъ почти—великороссовъ! Да вѣдь правительство, если хотите, не всегда и притѣсняетъ. Вѣдь правительство въ 1863 году чуть ли не дозволило открыть общественныя школы, уже выдало было субсидію для изданія украинскихъ учебниковъ, да и теперь министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ выдало субсидію, кажется въ 1900 г., малорусскому обществу въ Петербургѣ на изданіе дешевыхъ книгъ для народа; или хотя мнѣніе нынѣшняго комитета министровъ объ украинской литературѣ. Нужно только сочувствіе общества нашего для перваго шага поддержанія правительствомъ безусловно добраго стремленія украинцевъ. Говорятъ еще многіе, что наше великорусское общество сочувствовало и сочувствуетъ этому. Но такъ ли это, господа?

Вѣдь не тайна, что въ свое время не сочувствовалъ этому даже такой человѣкъ, какъ Бѣлинскій—этотъ идолъ современной ему великорусской нашей молодежи. Вѣдь онъ одобрялъ даже арестъ Шевченка и называлъ его, Кулиша и другихъ „ему подобныхъ" чуть ли не дураками, негодяями, проникнутыми „мелкимъ хохлацкимъ патріотизмомъ" («Отечественныя Записки»). А нынѣшніе Суворины, Грингмуты, Ярмонкины со своими „Зарями", Мещерскіе съ „Гражданинами", гг. Ивановы, Берги со своими «Театральными Вѣстниками», «Родными Рѣчами», „Днями", „Родными Нивами" и т. п. и т. п. Развѣ эти господа не доказываютъ своими трещотками молчаніе по этому вопросу передового нашего общества? Нѣкоторые изъ нашихъ говорятъ еще, что и сами украинцы не совсѣмъ горячо требуютъ

своего, но развѣ, господа, вы не видите по этому дѣлу петицій, проектовъ, докладныхъ записокъ и т. п.? Развѣ наше великорусское общество не знаетъ обнародованныхъ въ печати за декабрь и январь мѣсяцы и потерпѣвшихъ неудачу чуть ли не 20 прошеній объ изданіи украинскаго журнала? Развѣ нашему общему неизвѣстны массовыя требованія украинской интеллигенціи изъ Одессы, Кіева, Лубенъ, Харькова и другихъ городовъ, отъ земствъ, педагоговъ-учителей, писателей украинскихъ, сельскихъ обществъ и др. о введеніи украинскаго языка въ школы? Развѣ великорусское наше общество и не знало о цѣлой по этому дѣлу депутаціи въ Петербургъ? А блестящая просвѣтительная дѣятельность ихъ въ родной Галичинѣ, мѣстныя тамъ научныя общества, школы среднія, низшія и высшія съ украинскимъ преподавательскимъ языкомъ, всевозможныя газеты, журналы и т. п.— развѣ все это не доказываетъ неутомимой энергіи сознательной половины украинскаго общества на благое дѣло. Но кто сочувственно откликнулся изъ нашихъ по этому вопросу? Кто привѣтствовалъ добрыя начинанія украинцевъ? Никто... Все наше общество апатично молчало и молчитъ, или косо-недовѣрчиво поглядываетъ на поднимающее голову „хохломанство-украинофильство", какъ не стѣсняются и до сихъ поръ обозначать гг. Суворины, Ивановы и Компанія культурное движеніе украинцевъ. Какъ намъ не стыдно!

Жизнь все болѣе и болѣе выдвигаетъ свои насущные вопросы, кричитъ тысячами голосовъ о нихъ, а наше педантичное общество апатично отмалчивается, или, что еще хуже, сочиняетъ свои кабинетныя теоріи въ духѣ à-la Флоринскій съ цѣлью помѣшать сознательно нормальному теченію жизни... Вѣдь „если нужда въ просвѣщеніи стала теперь общимъ мѣстомъ, если государство терпитъ неисчислимыя потери отъ невѣжества народа, если это невѣжество служитъ тормазомъ для экономическаго благосостоянія страны и водворяетъ страшную путаницу понятій въ народѣ, то надо возможно скорѣе принять всѣ мѣры для просвѣтленія его ума и искорененія тьмы" («Полтавщина» № 71) съ помощью вполнѣ радикальныхъ мѣръ, какъ и хотятъ дѣлать украинцы. Намъ же, великороссамъ, пора оставить, пора сдать въ архивъ ничего не стоющіе тенденціозные наши взгляды и поддерживать, или же по крайней мѣрѣ не мѣшать культурной работѣ украинцевъ на пользу своего народа.

Великороссъ.

Сучувствующія украинству газеты искренно прошу перепечатать мое письмо.

От „**Граждан г. Харькова**" г. предсѣдателю Комитета министров С. Ю. Витте представлена слѣдующая докладная записка по вопросу об ограниченіях украинскаго слова.

«В 7-м параграфѣ Высочайшаго указа 12 декабря 1904 г. Комитету министров предложено: «произвести пересмотр дѣйствующих постановленій, ограничивающих права инородцев и уроженцев отдѣльных мѣстностей имперіи с тѣм, чтобы из числа сих постановленій впредь были сохранены лишь тѣ, которыя вызываются насущными интересами государства и явною пользою русскаго народа».

Малороссы никогда не были ни инородцами, ни иновѣрцами. Они всегда были великой частью одной и той же великой этнографической единицы русскаго народа, храня характерныя особенности своего племени, как богатую основу духовнаго развитія.

Однако к ним примѣняется такое тяжелое ограниченіе, какого в предѣлах Россіи не примѣняется ни к иновѣрцам, ни к инородцам, ограниченіе глубоко вредное для культурнаго развитія страны и глубоко оскорбительное для ея населеніе, именно — запрещеніе родного языка.

Всѣ народы міра могут читать св. писаніе на родном языкѣ, в Малороссіи оно запрещено.

Всѣ народы Россіи имѣют или могут имѣть свои газеты и журналы,—в Малороссіи они запрещены.

Во всѣх странах, гдѣ есть грамота, родной язык служит могучим средством первоначальнаго образованія. На громадном пространствѣ южной Россіи он изгнан из школ и случайное его употребленіе с педагогическими цѣлями считается уже преступленіем и ведет к репрессіям.

И все это в приложеніи к народу, который 250 лѣт тому назад добровольно вступил в неразрывное братство с народом великорусским, давно уже объединил с ним всѣ свои государственные, общественные и экономическіе интересы, который дал Россіи: Гоголя, Сковороду, Квитку, Шевченка. Потебню, Костомарова, Короленка, Драгоманова, Кондратенка и много других выдающихся дѣятелей,— и все это в то время, когда у малороссов есть уже своя общепризнанная вѣковая литература, есть свои великіе мастера художественнаго слова, когда в заграничной сравнительно малой части украинско-русскаго населенія малорусскій язык получил блестящее развитіе и примѣненіе в церкви, наукѣ и школѣ.

25-ти милліонный малорусскій народъ въ единовѣрной родственной Россіи лишенъ тѣхъ духовныхъ правъ, которыми тутъ же рядомъ, въ чужой намъ иностранной Австріи, пользуются 3 милліона этого народа, и естественно, что эти 25 милліоновъ по мѣрѣ культурнаго развитія всѣми силами стремятся и будутъ стремиться къ такому правовому порядку, который гарантировалъ бы имъ пользованіе самымъ цѣннымъ и дорогимъ достояніемъ каждаго человѣка—его роднымъ языкомъ.

Во имя здраваго смысла и простой человѣческой справедливости мы просимъ, чтобы малорусскій языкъ наравнѣ съ общимъ литературнымъ пользовался въ Россіи всѣми правами литературнаго и живого языка, чтобы съ него были сняты тяжелыя путы секретнаго распоряженія 1876 года, чтобы открытъ былъ въ Россію путь для всѣхъ галицко-русскихъ изданій на малорусскомъ языкѣ, въ числѣ которыхъ есть много изслѣдованій высоко научной важности. Тогда милліоны малорусскаго народа, населяющаго лучшія губерніи Южной Россіи, въ области языка выйдутъ изъ положенія паріевъ человѣческаго рода».

Почти въ такихъ же выраженіяхъ была составлена и отослана въ Петербургъ и докладная записка отъ Харьковскаго университета за подписью 25 профессоровъ—членовъ совѣта профессоровъ.

Симпатичное начинаніе. Украинская комиссія при издательскомъ комитетѣ Общества грамотности вошла въ правленіе Общества съ ходатайствомъ объ организаціи особой украинской комиссіи при комитетѣ по управленію Народнымъ домомъ. Комиссія высказываетъ, что харьковскій Народный домъ, какъ находящійся на территоріи Украины и среди украинскаго населенія, долженъ преслѣдовать главнымъ образомъ цѣли ознакомленія съ его литературой, исторіей и пр., т. е. какъ въ постановкѣ театральныхъ пьесъ, такъ равно и во всякихъ другихъ развлеченіяхъ, устраиваемыхъ въ Народномъ домѣ, преимущество должно быть отдаваемо украинскому элементу. Комиссія указываетъ, что до сихъ поръ было совершенно обратное явленіе: малорусскія пьесы ставились очень рѣдко и при томъ очень невысокаго художественнаго качества. На обязанности-же новой комиссіи должно лежать наблюденіе за репертуаромъ, за соотвѣтствіемъ

исполняемыхъ пьесъ даннымъ исторіи и этнографіи, изысканіе средствъ для пополненія бутафорскихъ принадлежностей и костюмовъ, а также забота объ увеличеніи репертуара и проч. («Южный Край», № 8422).

Объ украинскомъ переводѣ св. писанія. Уже болѣе мѣсяца назадъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ вопросъ о введеніи въ Малороссіи евангелія на малороссійскомъ языкѣ; послѣднее слово при этомъ комитетомъ министровъ предоставлено святѣйшему синоду, который до сихъ поръ еще не высказался по этому вопросу. Между тѣмъ въ книжный складъ Академіи наукъ почти каждый день поступаютъ требованія на евангеліе на малороссійскомъ языкѣ отъ провинціальныхъ книгопродавцевъ; запросы по неволѣ Академіей оставляются неудовлетворенными. («Бирж. Вѣд.», № 8775).

Въ замѣткѣ «Объ изданіи книгъ священнаго писанія на украинскомъ языкѣ» («Полтавщина», № 123) г. Оленинъ подаетъ мысль о приведеніи въ извѣстность всѣхъ переводовъ, какіе только существуютъ въ настоящее время, съ цѣлью выбора лучшаго изъ нихъ. Попутно авторъ сообщаетъ о переводахъ покойнаго Александрова.

Передвижныя народныя художественныя выставки. Въ среднихъ числахъ мая, текущаго года, предположено устроить три передвижныя художественныя выставки въ шести губерніяхъ: 1) Для херсонской, полтавской и харьковской г.г. (отправной пунктъ Одесса), сопровождать выставку будетъ художникъ А. И. Лажечниковъ по маршруту: Березовка, Вознесенскъ, Бобринецъ Елисаветградъ, Александрія, Кременчугъ, Полтава, Харьковъ. 2) Для черниговской и кіевской губ. (отправной пунктъ гор. Черниговъ), сопровождать выставку будутъ художники И. С. Макушенко и Д. Е. Лосевскій, по маршруту: Конотопъ, Борзна, Нѣжинъ, Кіевъ, Васильковъ, Гребенки, Бѣлая-Церковь, Шамраевка, Сквира, Липовецъ, Ильинцы, Кальникъ, Монастырище, Умань, Ситковцы. 3) Для подольской губ. (отправной пунктъ Каменецъ-Подольскъ), сопровождать будутъ художники Курилко и Матвѣевъ по маршруту: Дунаевцы, Новая-Ушица, Могилевъ, Бандышовка, Шпиковъ, Жмеринка, Сутиски, Винница, Немировъ, Литинъ, Летичевъ, Проскуровъ. Останавливаются выставки на два-три дня. Двигаясь по грунтовымъ дорогамъ, выставки обслужатъ между вышеозначенными

пунктами болѣе населенныя села. Живущимъ среди крестьянъ или соприкасающимся съ ними лицамъ не составитъ особаго труда помочь дѣлу. Устроители выставки обращаются съ просьбою къ интеллигентнымъ лицамъ содѣйствовать успѣху дѣла. Поддержка и участіе можетъ выразиться въ предоставленіи помѣщенія для сопровождающихъ выставку художниковъ (картины помѣщаются въ приспособленной для этой цѣли палаткѣ), оказаніемъ помощи при передвиженіи ея, сообщеніемъ болѣе населенныхъ пунктовъ, которые слѣдовало бы обслужить, указаніемъ на недостатки и антихудожественность „лубка", распространеніемъ въ народѣ идеи выставокъ картинъ и мысли о необходимости ихъ посѣщеній; плата не обязательна, по желанію и сколько кто можетъ: цѣль сбора окупить расходы по передвиженію („Кіевскіе Отклики", № 125).

Каталогъ выставокъ издается на украинскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ „Спис картин народноі вистави". Содержаніе его составляетъ обращеніе къ крестьянамъ съ приглашеніемъ расспрашивать художника, сопровождающаго выставку, о содержаніи выставленныхъ картинъ, а затѣмъ даетъ самый списокъ картинъ, составленный отчасти по русски, отчасти по украински. Такое смѣшеніе діалектовъ мы находимъ нецѣлесообразнымъ. Разъ составитель каталога имѣлъ въ виду сдѣлать свой каталогъ вполнѣ понятнымъ для крестьянъ, онъ не долженъ былъ оставлять цѣлый рядъ названій картинъ безъ перевода на на украинскій языкъ. Въ концѣ каталога помѣщенъ очень живо написанный по украински очеркъ: „Маляр" („Художникъ"), разъясняющій въ беллетристической формѣ, что такое художникъ, и указывающій значеніе живописи. На обложкѣ каталога изображена крестьянская дѣвушка. Рисунокъ, къ сожалѣнію, далеко не такъ хорошъ, какъ тотъ, которымъ украшена была обложка каталога народной выставки въ прошломъ году. („К. О.," № 126).

18 мая выставка открылась въ Каменецъ-Подольскѣ, а 26 мая въ Черниговѣ при личномъ участіи иниціатора, художника Развадовскаго („К. О.", № 140).

Музыкальная школа для крестьянъ. Директоромъ мѣстной музыкальной школы Ѳ. Д. Ганицкимъ подано въ губернскую земскую управу ходатайство о выдачѣ ему субсидіи въ размѣрѣ 4.000 руб. Испрашивая эту субсидію и понимая, конечно, что такая значительная сумма не можетъ быть выдана земствомъ, такъ сказать, безвоз-

мездно, директоръ школы предложилъ управѣ устроить на эти средства музыкальное отдѣленіе при училищѣ для крестьянъ подольской губерніи. Цифра учениковъ на первый разъ обозначена въ количествѣ 24 человѣкъ т. е. по 2 на каждый уѣздъ. Преподаваніе предполагается вести по слѣдующимъ предметамъ: 1) теорія и гармонія, 2) инструментовка и дерижерство, 3) игра на одномъ струнномъ и одномъ духовомъ инструментѣ, а также на рояли, и основательное ознакомленіе со всѣми струнными и духовыми инструментами, 4) хоровое пѣніе и 5) квартетная и оркестровая игра. Условія пріема въ отдѣленіе: начальный возрастъ—18 лѣтъ, грамотность въ предѣлахъ курса начальнаго училища, музыкальный слухъ, здоровый организмъ и незапятнанное въ нравственномъ отношеніи прошлое. Курсъ обученія трехлѣтній («Кіевскіе Отклики», № 129).

Произведенія молодыхъ украинскихъ композиторовъ. Недавно вышли въ свѣтъ музыкальныя произведенія начинающихъ украинскихъ композиторовъ: 1) *К. Стеценка*—«Писни и спивы»,—одиннадцать номеровъ на слова Шевченка, Гринченка, Коваленка и др. и 2) *Анатоля Сеговського*—романсы «Надіе верныся» и «На стриванння» (слова г-жи Олены Пчилкы).

Командированный для собиранія произведеній пѣсеннаго народнаго творчества среди кубанскаго козачества г. Кошицъ записалъ чрезвычайно богатый и интересный матеріалъ. Въ настоящее время этотъ матеріалъ подвергается обработкѣ и въ скоромъ времени появится въ свѣтъ. Текущимъ лѣтомъ г. Кошицъ снова предпринимаетъ экскурсію съ тою же цѣлью на Кубань.

Спектакли труппы г. Саксаганскаго (Письмо изъ Винницы). Съ 3 по 9 мая въ зрительномъ залѣ Народнаго Дома въ г. Винницѣ труппою А. К. Саксаганскаго (въ составѣ 29 душъ) было поставлено 7 спектаклей: «Суета» (2 раза), «Мартынъ Боруля», «Сто тысячъ», «Жытейське море», «Круты, та не перекручуй» и «За двома зайцямы». Не смотря на прекрасную игру всѣхъ артистовъ, особенно самого А. К. Саксаганскаго труппа не имѣла полныхъ сборовъ, что слѣдуетъ отнести отчасти на счетъ отдаленности отъ центра города Народнаго дома, а болѣе всего на счетъ некультурности винницкой публики, на-

ходящей возможнымъ одновременно биткомъ наполнять «Эденъ Театръ» клоуна Франца съ его дрессированными животными и балеринами. За то тѣмъ болѣе привѣтливо и сердечно отнеслась національно сознательная часть Винницкаго общества, усердно посѣщавшая всѣ спектакли и устроившая съ артистами загородное катаніе на лодкахъ, во время котораго всѣ перезнакомились между собою и чувствовали себя, какъ члены одной великой украинской семьи. Во время послѣдняго прощальнаго спектакля (совпавшаго съ бенефисомъ А. К. Саксаганскаго) Саксаганскому былъ поднесенъ публикою лавровый вѣнокъ съ красными лентами, на которыхъ золотыми буквами значилось: «Від Винницьких Украінців А. К. Саксаганському зъ його сподвижниками», и былъ переданъ въ видѣ свертка перевязанный красною же лентою адресъ слѣдующаго содержанія (адресъ былъ переданъ, а не прочтенъ, такъ какъ не надѣялись, чтобы мѣстная администрація дала согласіе на его прочтеніе):

«Високошановний і любий наш Панасе Карповичу! Дозволь нам, щирий сину Украіни, яко братам і сестрам твоім, від усього серця принести тобі гарячу подяку за те, що талановитою і правдивою грою ти пробужуеш в нас благородні і високи почуття і бажання, а ще бильше за те, що усе життя свое ти віддав нашій рідній Украіні, виховуючи і розвиваючи іі чарівну гармонічну мову. З театрального кону ти будиш в нас національне самопізнання, нагадуеш нам, що ми сини великоі Украіни і що 34 милліони народу мають право на самобитне життя і самобитню культуру.

Слава ж тобі, наш любий і милий артисте! Прийде час, коли весь вільний український народ, як один чоловік, могутно крикне «слава»!.. і низенько поклониться.

Засвідчаем сердечну подяку й усім сподвижникам твоім, котрі вкупі з тобою служать великому ділі выховання національноі ідеі й дарують нам естетичні втіхи». Далѣе слѣдуетъ 40 подписей.

Къ сооруженію памятника Т. Г. Шевченку въ Кіевѣ. 32 гласныхъ кіевской думы въ томъ числѣ, И. В. Лучицкій, Ф. С. Бурчакъ, Н. П. Рузскій, О. О. Эйхельманъ, М. В. Гнѣвушевъ, М. Д. Аристарховъ, С. А. Тубиковъ, О. И. Левицкій, Ф. Н. Никифоровъ 19 мая подали въ думу заявленіе о сооруженіи памятника въ Кіевѣ украинскому народному поэту Т. Г. Шевченку. Въ виду того, что 25 февраля 1904 года истекло 90 лѣтъ со дня рожденія народнаго украин-

скаго поэта, получившаго не только мѣстную, но и общеевропейскую извѣстность, Т. Г. Шевченко, золотоношское уѣздное земство, желая увѣковѣчить память о немъ, какъ объ одномъ изъ самыхъ выдающихся дѣятелей родного края, въ засѣданіи своемъ 17 сентября прошлаго года постановило: 1) испросить разрѣшеніе на открытіе при золотоношской земской управѣ подписки на сооруженіе памятника поэту; 2) избрать комиссію для выработки проекта памятника и исполненія другихъ дѣйствій по сооруженію его; 3) мѣстомъ постановки памятника избрать г. Кіевъ; 4) ассигновать ежегодно опредѣленную сумму для составленія капитала на сооруженіе этого памятника. Иниціативу въ этомъ случаѣ золотоношское земство взяло на себя, между прочимъ, еще и потому, что по постановленію полтавскаго губ. земскаго собранія 1882 г. на золотоношское земство возложена была губ. собраніемъ обязанность заботиться объ исправленіи и поддержаніи могилы Шевченка, для чего и выдана была губ. земствомъ сумма въ 500 руб. Въ декабрѣ прошлаго года вопросъ, поднятый золотоношскимъ земствомъ, былъ поставленъ на обсужденіе губ. земскаго собранія, которое, исходя изъ тѣхъ же мотивовъ и тѣхъ же соображеній, изъ которыхъ исходило и золотоношское земство, мотивовъ и соображеній, совершенно понятныхъ всякому, дорожащему интересами и славою родного края, единогласно присоединилось къ рѣшенію золотоношскаго земскаго собранія, въ свою очередь ассигновало опредѣленную сумму, ежегодно вносимую въ смѣту, и единогласно высказалось въ пользу сооруженія памятника въ Кіевѣ, какъ важнѣйшемъ умственномъ и культурномъ центрѣ всего родного края. Въ настоящее время ходатайство золотоношскаго земства уже направлено въ надлежащія сферы для полученія разрѣшенія открыть подписку на памятникъ великому поэту. Поэтому, въ виду единогласно высказаннаго полтавскимъ земствомъ желанія видѣть памятникъ выдающемуся малорусскому поэту въ Кіевѣ, съ которымъ такъ тѣсно связана жизнь Шевченка—уроженца кіевской губ., гласные предлагаютъ думѣ: 1) присоединиться къ рѣшенію полтавскаго и золотоношскаго земствъ; 2) признать необходимымъ сооруженіе памятника именно въ Кіевѣ; 3) возбудить и съ своей стороны ходатайство о разрѣшеніи поставить памятникъ Т. Г. Шевченку въ гор. Кіевѣ и объ открытіи подписки на образованіе необходимыхъ для этого денежныхъ средствъ и 4) избрать членовъ комитета по сооруженію памятника и сбору пожертвованій на него и поручить имъ войти по вопросамъ о сооруженіи памятника

Шевченку въ соглашеніе съ золотоношскимъ земствомъ и избраннымъ имъ комитетомъ по сооруженію памятника. Заявленіе будетъ доложено думѣ 31 мая. («Кіевскіе Отклики», № 139).

Открытіе памятника А. А. Андріевскому. 8 мая на новомъ Байковомъ кладбищѣ состоялось освященіе памятника основателю кіевскаго общества содѣйствія начальному образованію, А. А. Андріевскому. Памятникъ сооруженъ на пожертвованія, собранныя кіевскимъ обществомъ содѣйствія начальному образованію. Онъ—изъ бѣлаго мрамора, въ видѣ четырехъ-угольной колонны съ крестомъ наверху. Внизу памятника, на лицевой сторонѣ, надпись: „Алексѣй Александровичъ Андріевскій. Родился 17 марта 1845 г., скончался 9 іюля 1902 г.“. Немного ниже: «Отъ кіевскаго общества содѣйствія начальному образованію, отъ земляковъ, сослуживцевъ, учениковъ, друзей и знакомыхъ». Съ правой стороны памятника:

«Упорствуя, волнуясь и спѣша.
Ты честно шелъ къ одной высокой цѣли».

Съ другой стороны:

... «І оживу
І душу вольную на волю
Із домовини воззову.. »
... «Борітеся —поборете».

На четвертой сторонѣ:

«Духа не угашайте» (Сол. 1 гл. 5, ст. 19).

Послѣ освященія памятника была отслужена панихида, по окончаніи которой предсѣдатель Кіевскаго общества содѣйствія начальному образованію очертилъ почтенную дѣятельность А. А. Андріевскаго на нивѣ народнаго просвѣщенія на всякомъ мѣстѣ, куда бы его ни забрасывала судьба. Вторымъ произнесъ привѣтствіе отъ имени одесскаго городского общественнаго управленія и сиротскаго дома г. Сигаревичъ, который охарактеризовалъ А. А., какъ дѣятельнаго работника на нивѣ народнаго просвѣщенія въ Одессѣ, куда его одно время забросила судьба „на радость и счастье Одессы“. Отъ имени одесскаго городского общественнаго управленія и сиротскаго дома были возложены вѣнки.

Членъ о-ва содѣйствія народному образованію г. Щербина произнесъ рѣчь, въ которой охарактеризовалъ А. А., какъ человѣка и общественнаго дѣятеля, закончивъ слѣдующимъ четверостишіемъ, могущимъ служить какъ бы поэтическимъ завѣщаніемъ Андріевскаго:

І мене в семьі великій,
В семьі вільній, новій
Не забудьте помянути
Незлим тихим словом!

Затѣмъ произнесли рѣчи гг. Якубовичъ, Андреевъ, Науменко и Климовичъ, произнесшій рѣчь отъ славянскаго благотворительнаго общества, земляковъ, учениковъ и почитателей покойнаго; прочитано также привѣтствіе отъ поляковъ-почитателей А. А. Послѣ рѣчи г. Климовича, членомъ общества, докторомъ Корчакъ-Чепурковскимъ были прочитаны многочисленныя привѣтственныя телеграммы, полученныя въ обществѣ ко дню открытія памятника («Кіевскіе Отклики» № 127; «Кіевск. Слово», № 6231).

О памятникѣ на могилѣ Старицкаго. Украинская писательница Олена Пчилка прислала въ редакцію «Полтавщины» (см. № 123) 50 руб., назначаемыя ею на сооруженіе памятника на могилѣ украинскаго писателя и драматурга М. П. Старицкаго, умершаго въ прошломъ году въ Кіевѣ. Г-жа О. Пчилка предполагаетъ, что и другіе почитатели Старицкаго также отозвутся сочувственно къ мысли почтить такимъ образомъ память поэта.

«Кіевскіе Отклики» въ № 134 съ своей стороны сообщаютъ, что простой бѣлый крестъ стоитъ надъ могилою Старицкаго временно; его семья озабочена постановкою въ непродолжительномъ времени болѣе достойнаго покойнаго писателя памятника и пристройки, гдѣ могли бы помѣститься многочисленные вѣнки, принесенные и присланные близкими лицами, а также разными учрежденіями на гробъ М. П-ча во время похоронъ. «Мы слышали,—прибавляетъ газета,—что друзья и почитатели таланта М. П. намѣрены просить позволенія у его семьи присоединиться также своими средствами къ постановкѣ памятника надъ могилою М. П. по тому проекту, который предположенъ его

семьей. Это желаніе является вполнѣ законнымъ и, несомнѣнно, что къ нему присоединятся многіе и многіе земляки покойнаго Михаила Петровича».

Чествованіе Д. Л. Мордовцева. Откладывавшееся съ самаго января, по независящимъ обстоятельствамъ, чествованіе 50-лѣтняго юбилея литературно-общественной дѣятельности Д. Л. Мордовцева состоялось, наконецъ, 24-го апрѣля въ Петербургѣ въ помѣщеніи ресторана Донона, куда къ 6 часамъ вечера собрался тѣсный литературный кружокъ. Юбиляръ, введенный подъ руки въ обѣденный залъ П. И. Вейнбергомъ и Б. Б. Глинскимъ, былъ встрѣченъ громомъ аплодисментовъ и занялъ за столомъ главное мѣсто между В. И. Ламанскимъ и В. А. Авенаріусомъ. Рядъ привѣтственныхъ рѣчей началъ товарищъ молодости юбиляра В. И. Ламанскій, помянувшій въ своей рѣчи тѣ условія, при которыхъ Даніилу Лукичу приходилось начинать свою дѣятельность. Вслѣдъ за проф. Ламанскимъ, привѣтствовалъ маститаго писателя отъ имени литературнаго фонда предсѣдатель его, П. И. Вейнбергъ. Затѣмъ юбиляру принесла поздравленіе депутація отъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, причемъ Я. Н. Колубовскій обрисовалъ дѣятельность Д. Л. Мордовцева въ качествѣ предсѣдателя кассы, при которомъ она значительно расширилась и по составу членовъ, и матеріально. О Д. Л. Мордовцевѣ, какъ о литераторѣ, говорилъ Б. Б. Глинскій, привѣтствовавшій въ лицѣ юбиляра поборника свободы религіозной совѣсти, перваго историка нашего земства, бытописателя историческихъ судебъ русской женщины, національнаго украинскаго публициста и крупнаго, выдающагося беллетриста. „Поэтому,—такъ закончилъ свою рѣчь Б. Б. Глинскій,—провозглашая вамъ «славу», какъ русскому историку, романисту и публицисту, остававшемуся всегда и во всѣхъ областяхъ литературнаго слова вѣрнымъ служенію народному благу, предлагаю присутствующимъ дружнымъ хоромъ присоединиться и къ этой «славѣ», которую на нашемъ обѣдѣ провозгласятъ дорогому юбиляру его земляки—украинцы какъ своему общественному дѣятелю и выдающемуся писателю“.

Рѣчь эта вызвала бурю аплодисментовъ, по окончаніи которыхъ принесли привѣтствія своему земляку украинцы: гг. Арабажинъ, Лотоцкій, Русовъ, и Саладиловъ, пожелавшіе своему «дорогому диду»—

«лебединого віку й журавлиного крику». Затѣмъ говорилъ—отъ имени поляковъ—С. Ф. Годлевскій, послѣ котораго проф. А. К. Бороздинъ, заканчивая длинный рядъ рѣчей, обрисовалъ Д. Л., какъ сепаратиста на общечеловѣческой основѣ, которому дорого общее братство людей и народовъ, ихъ равноправіе и духовное и экономическое благополучіе.

Послѣ рѣчей и краткаго отвѣта на нихъ со стороны юбиляра послѣдовало чтеніе поднесенныхъ ему адресовъ, привѣтственныхъ телеграммъ и писемъ. Изъ адресовъ, среди которыхъ были отъ спб. общества взаимопомощи донскихъ казаковъ, отъ женскаго взаимнаго общества и отъ митавскаго русскаго общества, характерно привѣтствіе, присланное А. В. Амфитеатровымъ «по своей хронической иногородности, а теперь и иностранности» изъ Рима. «Кланяются вамъ,—пишетъ между прочимъ А. В. Амфитеатровъ,—изъ Рима земляки ваши—чубатые славяне съ барельефовъ Трояновой колонны. Эти философы много перевидали за 1800 лѣтъ своего каменнаго бытія и намѣрены видѣть еще много, много... Увидятъ они, конечно,—и хочется вѣрить, что скоро,—также и всемірное торжество свѣтлыхъ человѣческихъ правъ: братства народовъ, равенства сословій и свободы личности, за которыя, вы славно боролись рѣчью и перомъ цѣлые полвѣка» („Кіевскіе Отклики“, № 119).

Рецензіи на украинскія изданія. Подъ заглавіемъ «Беллетристика «Кіевской Старины» за 1904 г.» въ № 112 «Кіевской Газеты» помѣщенъ г. *Сьогобочнимъ* отзывъ объ украинскихъ произведеніяхъ, появившихся на страницахъ нашего журнала въ прошломъ году; рецензентъ останавливается на произведеніяхъ г.г. Винниченка, Коцюбинскаго и Днипровой Чайки.—Г-нъ *Дорошенко* въ статьѣ «Очерки украинской литературы», помѣщенной въ газетѣ «Сѣверо-Западное Слово» (№ 2277) даетъ сжатый очеркъ исторіи украинской литературы, доводя ее до послѣдняго времени.—Рядъ рецензій и отзывовъ объ украинскихъ изданіяхъ даетъ «Полтавщина»: въ № 102 помѣщена замѣтка объ издаваемомъ г-номъ Чернявскимъ альманахѣ «Перша ластивка» (подписана иниціалами *Н. Д.*); въ № 105 находимъ рецензію г. *Дорошенка* на «Винокъ, читанку для дітей» г. Билоусенка; въ № 112, за подписью *В. Ч.* помѣщенъ отзывъ объ извѣстной книгѣ проф. Грушевскаго «Очеркъ исторіи украинскаго народа»; въ

№ 114 г. *Дорошенко* даетъ обстоятельную замѣтку о послѣднемъ львовскомъ изданіи стихотвореній Шевченка («Поезиі Тараса Шевченка». Виданне товариства «Просьвіта», 1902).—Въ № 134 «Кіевскихъ Откликовъ» помѣщена краткая замѣтка о книжкѣ стихотвореній г-жи Комаровой «Почынокъ».

Въ № 18 журнала «Южныя Записки» напечатана статья г. И. Житецкаго «Три момента въ жизни Н. И. Костомарова». Авторъ разумѣетъ тѣ моменты въ жизни Костомарова, «въ какіе наиболѣе опредѣленно выступали его общественно и литературно-украинскія убѣжденія, относящіяся непосредственно и къ современнымъ вопросамъ: объ украинскомъ націонализмѣ и автономіи, объ языкѣ въ школѣ и литературѣ нашего родного края». Соотвѣтственно этому г. Житецкій разсматриваетъ дѣятельность Костомарова въ періодъ Кирилло-Меѳодіевскаго братства, въ періодъ «Основы» и въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, когда былъ поднятъ вопросъ о смягченіи цензурныхъ строгостей относительно украинскаго слова.

Въ №-рахъ 123 и 127 «Кіевскихъ Откликовъ» помѣщена довольно обширная статья г. Федорченка «Россійская интеллигенція и украинскій вопросъ». Какъ и показываетъ приведенное заглавіе, авторъ задался цѣлью охарактеризовать отношенія русской интеллигенціи къ украинскому вопросу, что въ рамкахъ газетной статьи и по мѣрѣ своихъ силъ и выполнилъ, хотя и не безъ нѣкоторыхъ пробѣловъ и неточностей. Конечно, отъ газетной работы трудно и ожидать исчерпывающей полноты, но все-таки необъяснимо совершенное умолчаніе, напр., о 20—30-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда украинскіе писатели находили съ одной стороны пріютъ на страницахъ русскихъ изданій («Вѣстника Европы» главнымъ образомъ), а съ другой—встрѣчали уже и противодѣйствіе въ такихъ видныхъ дѣятеляхъ, какимъ для того времени былъ хотя бы Полевой (г. Федорченко упоминаетъ только о Гречѣ и Булгаринѣ); мало понятенъ и пропускъ имени Добролюбова, исправившаго въ русской критикѣ грандіозную ошибку относительно Шевченка, допущенную Бѣлинскимъ. Точно также слишкомъ поверхностно было—всецѣло основывать на словахъ Пегасова характеристику отношеній къ украинству Тургенева, упуская совер-

шенно изъ виду фактъ перевода послѣднимъ на русскій языкъ «оповідань» Марка Вовчка, отзывъ его о Федьковичѣ и другіе болѣе существенные и характерные факты. Не вполнѣ удобнымъ является и смѣшеніе подъ общимъ именемъ «россійской интеллигенціи» представителей различныхъ общественныхъ теченій и направленій—Бѣлинскаго и Каткова и т. п. Но и помимо фактическихъ пропусковъ и неточностей, статья г. Федорченка страдаетъ отсутствіемъ рельефныхъ характеристикъ и обобщеній, что несомнѣнно отражается на степени ея убѣдительности для россійскаго читателя, для котораго эта работа главнымъ образомъ и предназначена.

Начиная съ № 2485 «Приднѣпровскаго Края», печатаются «Очерки по исторіи просвѣщенія въ Новороссійскомъ краѣ» г. А. К-ра. Первый очеркъ излагаетъ состояніе просвѣщенія въ Новороссійскомъ краѣ до основанія Харьковскаго университета. Кромѣ печатныхъ источниковъ, авторъ обѣщаетъ использовать также обильный неизданный матеріалъ, хранящійся въ архивѣ Харьковскаго университета, стоявшаго во главѣ всѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній харьковскаго учебнаго округа, въ составъ котораго входили и степныя украинскія губерніи.

Въ № 110 «Полтавщины» находимъ замѣтку г. Л. Ж «Два мнѣнія объ украинствѣ», въ которой авторъ передаетъ содержаніе извѣстныхъ нашимъ читателямъ—статьи г. Кіевлянина въ «Гражданинѣ» и отвѣта на нее проф. Грушевскаго въ «Сынѣ Отечества».

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЧИНЫ

Св. писаніе на украинскомъ языкѣ среди плѣнныхъ въ Японіи. Профессоръ пражскаго университета Пулюй (переводчикъ свящ. писанія на украинскій языкъ) 5-го февраля с. г. обратился съ просьбой къ ген. Ноги о томъ, чтобы онъ позволилъ агентамъ библейскаго общества распространять свящ. писаніе, на украинскомъ языкѣ, среди плѣнныхъ украинцевъ. 20-го мая нов. стиля проф. Пулюй получилъ отвѣтъ изъ японскаго бюро, завѣдывающаго русскими плѣнными, на французскомъ языкѣ, помѣченный 3-мъ апрѣля, и оканчи-

вающійся слѣд. словами: «Отъ имени генерала Ноги бюро имѣетъ честь извѣстить Васъ, что Ваше желаніе можетъ быть исполнено и назначенныя Вами книги для несчастныхъ военныхъ плѣнниковъ можете выслать по адресу бюро въ Токіо». Для вышеозначенной цѣли проф. Пулюй пожертвовалъ 1,000 экземпляровъ сборника псалмовъ, а библейское общество выслало ихъ пароходствомъ «Гамбургъ-Кобе». Эти псалмы будутъ розданы безплатно плѣннымъ украинцамъ, и можно себѣ представить, — добавляетъ газета, изъ которой заимствуемъ это свѣдѣніе,—какую радость доставитъ плѣннымъ эта книжка на родномъ языкѣ, которая запрещена для нихъ дома на Украинѣ!..

Интересно сопоставить этотъ фактъ съ тѣмъ, что одновременно, въ февралѣ же, проф. Пулюй обратился съ подобною просьбою къ г. Кобеко, предсѣдателю коммиссіи по дѣламъ печати. Онъ послалъ ему два экземпляра псалтыря на украинскомъ языкѣ, и просилъ г. Кобеко выхлопотать разрѣшеніе для распространенія этого псалтыря среди раненыхъ украинцевъ, обѣщая пожертвовать для этой цѣли 2,000 экземпляровъ книги. До сихъ поръ проф. Пулюй не получилъ отвѣта на свою просьбу («Діло», № 107)!

Письмо проф. Пулюя. Отъ профессора пражскаго политехникума Пулюя, извѣстнаго переводчика Библіи на украинскій языкъ, получено въ харьк. университетѣ слѣд. письмо: «До сьвітлого совіта професcорів імператорского харьківського університета! Маю честь подати до відомости, що разомъ зъ тим листом вислано рекомендованою посилкою до сьвітлого совіта профессорів дві мої розвідки: «Кругова діаграма генераторів для перемінних пруд» і «Електрична централка Гогенфуртів». Надіючись, що сьвітлій совіт одержить тую посилку, прошу приняти переслані розвідкі до університецькоі бібліотеки. Дякую ще за мемориал въ справі українськоі мови і радію, що харьківський университет став въ обороні рідного слова, а тим і в обороні поступу і культурного змагання на землі Руській. З великим поважаннем проф. Пулюй» («Южн. Кр.», 8439).

Въ краковскомъ славянскомъ клубѣ.—Послѣднее очередное собраніе краковскаго славянскаго клуба отличалось большимъ многолюдствомъ, ибо многихъ гостей привлекъ назначенный къ прочтенію

рефератъ проф. Львовскаго университета К. Студинскаго о развитіи въ Галиціи «панрусскихъ» симпатій, извѣстныхъ подъ названіемъ «москвофильства». Реферату предшествовало вступительное слово предсѣдателя проф. Здзѣховскаго, гдѣ была развита мысль о томъ, что, если славянскій клубъ долженъ служить изученію всѣхъ вообще славянскихъ народовъ, то прежде всего интересъ членовъ клуба долженъ направиться на жизнь самаго близкаго полякамъ народа—галицкихъ украинцевъ, «русиновъ». До сихъ поръ кое-что уже дѣлалось для удовлетворенія этого интереса; но нужно надѣяться,—заключилъ свою рѣчь проф. Здзѣховскій,—что появленіе профессора-русина въ собраніи клуба положитъ начало большей близости представителей науки и литературы польской и малорусской.

Референтъ, проф. Студинскій, въ своемъ докладѣ старался разъяснить на основаніи неопубликованной еще до сихъ поръ переписки галицкихъ дѣятелей Головацкаго, Шашкевича, и др., какимъ образомъ распространялась на Руси галицкой и угорской въ 1848—1860 гг. панрусское движеніе («Спб. Вѣдом.», № 67).

Юбилей г. Павлика въ Коломыи. Въ послѣднихъ числахъ апрѣля юбилей извѣстнаго галицко-украинскаго писателя и дѣятеля радикальной партіи Мих. Павлика, отпразднованный въ концѣ прошлаго года во Львовѣ, праздновался въ Коломыи, главномъ городѣ Галицкаго Покутья,—области, въ которой родился Павликъ и гдѣ онъ пользуется большой популярностью среди крестьянскихъ массъ. По прибытіи въ Коломыю, г. Павликъ встрѣченъ былъ на желѣзнодорожной станціи крестьянской депутаціей, во главѣ съ К. Трильовскимъ, извѣстнымъ въ Галиціи организаторомъ русинскихъ народныхъ гимнастическихъ обществъ, «Січей», ставящихъ своей цѣлью національное возрожденіе русинскаго народа. Въ чествованіи юбиляра приняли участіе крестьяне, рабочіе и учащаяся молодежь. Однимъ изъ галицкихъ публицистовъ, Мих. Лозинскимъ, произнесена была рѣчь, въ которой онъ обрисовалъ жизнь и дѣятельность юбиляра. Въ концертѣ приняли участіе крестьяне—«січовики», рабочій хоръ и оркестръ; а въ литературной части—крестьянка Анна Ткачукъ, пользующаяся извѣстностью какъ прекрасная чтица («Кіевскіе Отклики», № 127).

Обстоятельная статья о г. Павликѣ и его юбилеѣ напечатана въ № 126 «Полтавщины», подъ заглавіемъ «Юбилей галицкаго дѣятеля», (подпись К. Т.)

Европейская печать объ украинскомъ вопросѣ. Въ № 23 парижской газеты «Le Courrier Européen» помѣщена статья г. Сембратовича «Le talon d'Achille du Panslavisme—La question ruthène»—о положеніи украинскаго вопроса въ Россіи и объ отношеніи къ нему правительства и общества.

Подобная же статья о притѣсненіяхъ украинскаго слова въ Россіи, подписанная Фридрихомъ Гертцомъ появилась въ № 362 издаваемой Жоресомъ газеты «Humanité» подъ заглавіемъ «Lettre de Vienne. La question ruthène». Авторъ дѣлаетъ любопытное сопоставленіе притѣсненій украинскаго слова съ гипотетическимъ случаемъ изъ европейскихъ отношеній. «Чтобы вообразить все варварство такой политики,—говоритъ онъ,—представимъ себѣ, напр., подобное же запрещеніе итальянцамъ употреблять ихъ языкъ, заставляя ихъ говорить и писать по испански подъ тѣмъ предлогомъ, что оба языка одинаково образовались изъ латинскаго, который однако въ болѣе чистомъ видѣ сохранился въ испанской вѣтви, а итальянская—не болѣе какъ діалектъ первой»... «Если украинскому языку удастся вполнѣ возродиться, то демократія и цивилизація одержатъ крупную побѣду и пріобрѣтутъ могущественнаго союзника»,—такъ заканчиваетъ симпатичную статью авторъ.

Въ майской книжкѣ нѣмецкаго журнала «Die neue Rundschau» находимъ итересную статью Александра Уляра «Das Erwachen Russlands», часть которой посвящена выясненію украинскаго вопроса. Изложивъ исторію украинскаго народа и проведя параллель между нимъ и французами, авторъ особенно останавливается на фактахъ преслѣдованій украинскаго слова въ Россіи.

Въ Парижѣ состоялась публичная лекція объ украинскомъ вопросѣ; лекторомъ выступилъ Georges Weil.

Вопросъ объ украинскомъ университетѣ въ вѣнскомъ парламентѣ. Въ теченіе только что закончившейся весенней сессіи, при обсужденіи вопроса объ открытіи итальянскаго юридическаго факультета въ Ровередѣ, г. Романчукомъ вновь поднятъ былъ вопросъ объ

основаніи во Львовѣ хотя бы только юридическаго факультета съ преподаваніемъ всѣхъ наукъ на украинскомъ языкѣ. Министромъ Гартлемъ былъ данъ обычный отвѣтъ, что на это дѣло у государства не найдется ни матеріальныхъ средствъ, ни ученыхъ силъ («Кіевскія Отклики», № 134).

Русины въ среднихъ школахъ Галиціи.—Статистика школьнаго дѣла въ Галиціи за 1904—5 годъ показываетъ, что въ указанномъ году въ среднихъ школахъ Галиціи обучалось поляковъ—15,282 чел., евреевъ—5,297 чел., и русинъ—4,714 чел. (въ частности для реальныхъ училищъ цыфры были таковы: 2,145; 987 и 276). Значеніе этихъ цыфръ станетъ яснѣе, если мы вспомнимъ, что населеніе Галиціи почти поровну распредѣляется между народностями, польской и украинской (по $3^1/_2$ мил.).

Украинская печать Галиціи съ тревогой останавливается на указанныхъ цыфрахъ въ сознаніи того, что, при современныхъ условіяхъ жизни, народъ безъ интеллигенціи или съ малой интеллигенціей почти не можетъ бороться за свое существованіе.

Печать указываетъ на то печальное обстоятельство, что изъ 37 гимназій Галиціи украинскихъ только 4; многимъ русинамъ приходится поступать въ польскія гимназіи и подвергаться опасности ополяченія.

Но есть и еще болѣе роковыя причины слабаго роста количества учениковъ русинъ, обучающихся въ среднихъ школахъ Галиціи, слабаго роста русинской интеллигенціи. Причины эти коренятся въ соціальномъ складѣ украинскаго населенія края.

Подавляющая масса этого населенія—крестьяне—бѣдна вообще и удалена по мѣсту жительства отъ среднихъ школъ; помѣщиковъ русинъ насчитывается всего 2 - 3 десятка. Остальная интеллигенція, дѣти которой должны были бы пополнять украинскія среднія школы, представлена чиновничествомъ и народными учителями да священниками. Къ сожалѣнію, учителя обыкновенно лишены средствъ для образованія своихъ дѣтей, а чиновники часто отдаютъ своихъ дѣтей въ польскія школы («Разсвѣтъ», № 50).

Интересная полемика Въ № 127 «Кіевскихъ Откликовъ» помѣщена статья г. К. «Русинскій вопросъ въ цифровомъ освѣщеніи», авторъ которой задался цѣлью доказать, что русины вовсе не имѣютъ права жаловаться на свое положеніе въ Галиціи. Эта статья вызвала весьма интересный отвѣтъ проф. Грушевскаго, напечатавшаго въ № 141 и 148 той же газеты, подъ заглавіемъ «Къ польско-украинскимъ отношеніямъ Галиціи», начало подробнаго пересмотра вышеприведеннаго утвержденія г. К. Мы надѣемся еще вернуться къ настоящему вопросу по окончаніи статей проф. Грушевскаго.

Въ № 112 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» помѣщена обстоятельная статья «Малорусская печать Галиціи объ «упорствующихъ уніатахъ» и польско-малорусскихъ отношеніяхъ въ Россіи». Отмѣтивъ фактъ единодушнаго отношенія всей галицкой русинской печати къ вопросу о положеніи «упорствующихъ», газета передаетъ содержаніе статей «Діла», посвященныхъ этому вопросу.

Въ № 19 журнала «Южныя Записки» помѣщено Ш-е письмо изъ Галиціи: «Прусская гаката» и «галицкіе вшех-поляки». Авторъ останавливается на польско-украинскихъ отношеніяхъ въ Галичинѣ, иллюстрируя ихъ событіями послѣдняго времени.

«Діло» въ №-рахъ 102—104 помѣстило въ украинскомъ переводѣ «Історию україньского театру», заимствовавъ ее изъ вышедшей въ Кіевѣ книжки «Корифеи украинской сцены».

Редакція украинскаго органа на нѣмецкомъ языкѣ «Ruthenische Revue» проситъ присылать для напечатанія статьи на слѣдующія темы: 1) Текущія извѣстія изъ жизни украинскаго народа, 2) Статистика Украины, 3) Этнографія (міровоззрѣніе укр. народа, его пѣсни, думы и т. п.), 4) Исторія (біографіи гетмановъ и др. историческихъ дѣятелей), 5) Исторія литературы, 6) Исторія искусства, 7) Исторія музыки, 8) Исторія театра, 9) Исторія философіи укр. народа (напр. о Сковородѣ). Присылаемыя рукописи могутъ быть написаны по нѣмецки, по украински и по русски. Адресъ редакціи: Wien. XVIII/2, Gersthoferstr. 32.

Замѣтки на текущія темы.

Указъ 1 мая.—Десница и шуйца бюрократіи.—Реформа не съ надлежащаго конца.—Филологическія изысканія комитета министровъ.—Гдѣ дѣвалось украинское населеніе „Юго-западнаго края?"—Реформаторская дѣятельность бюрократіи.—„А возъ и нынѣ тамъ".—„Равною мѣрою".—Не надѣйтеся на князи.—Бюрократическая вѣротерпимость и ея неожиданные результаты.—Торжество бюрократіи, или Овидіевы метаморфозы.—Письмо изъ Холмщины.—„Ликовать или унывать?"—Божья копеечка и чортова дырочка.—Просіяніе свѣдущаго человѣка.—Вопросъ объ украинскомъ театрѣ въ коммиссіи г. Кобеко.—Любопытные документы.—Отношеніе народа къ своему языку.—Еще разъ—не надѣйтеся на князи.—О миѳическомъ Ильѣ.

Мнѣ приходилось уже упоминать мимоходомъ въ прошлый разъ объ указѣ правительствующему сенату отъ 1-го мая, вносящемъ, повидимому, нѣчто новое въ запутанныя національныя отношенія населяющихъ Россію народовъ и имѣющемъ важное симптоматическое значеніе, какъ показатель того поворота, который несомнѣнно совершается во всѣхъ слояхъ русскаго общества, захватывая могучими кольцами своими даже и недвижимую бюрократію. Оставляя въ сторонѣ произведенную этимъ указомъ отмѣну стѣсненій въ области чисто гражданскихъ отношеній, я позволю себѣ еще разъ возвратиться къ облегченіямъ національнаго характера, сосредоточивъ на нихъ вниманіе читателя. Наиболѣе интереснымъ въ этомъ смыслѣ является пунктъ VI упомянутаго указа, дословно гласящій слѣдующее:

допустить преподаваніе литовскаго и польскаго языковъ въ учебныхъ заведеніяхъ края съ программами начальныхъ двухклассныхъ и городскихъ училищъ, а также въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ большинство учащихся принадлежитъ къ литовской или польской народности, предоставивъ министру народнаго просвѣщенія войти въ обсужденіе способовъ безотлагательнаго осуществленія сего [1]).

При всемъ громадномъ принципіальномъ и симптоматическомъ значеніи приведеннаго пункта, практическое значеніе его, къ сожалѣнію, оказывается для насъ совершенно ничтожнымъ. Болѣе того—онъ не соотвѣтствуетъ даже тѣмъ минимальнымъ ожиданіямъ и надеждамъ, которыя въ правѣ было предъявить общество на основаніи хотя бы указа 12 декабря прошлаго года (пунктъ VII) объ устраненіи національныхъ стѣсненій, не вызываемыхъ «насущными интересами государства и явною пользою русскаго народа». Бюрократія, очевидно, предпочитаетъ отвѣшивать свои облегченія въ такихъ незначительныхъ дозахъ, которыя сводятъ къ нулю все ихъ лекарственное дѣйствіе; предлагая правой рукой послабленія, лѣвой она тутъ же уничтожаетъ всякое значеніе ихъ. Это станетъ для насъ совершенно яснымъ при самомъ поверхностномъ чтеніи приведеннаго VI пункта изъ указа 1 мая. Въ самомъ дѣлѣ, помимо уже того обстоятельства, что имъ допускаются въ школу польскій и литовскій языки только *какъ предметы изученія*, а не какъ средства сообщенія знаній, не какъ языки преподаванія—и въ остальномъ онъ представляетъ какое то сплошное недоумѣніе. Почему, прежде всего, реформа коснулась лишь двухклассныхъ и городскихъ училищъ, а также среднеучебныхъ заведеній, если каждому, даже и въ семинаріи не учившемуся, ясно, что употребленіе въ той или иной формѣ народнаго языка наиболѣе настоятельнымъ является именно въ школахъ самаго низшаго типа? Вѣдь именно на этой ступени школа имѣетъ дѣло съ дѣтьми, наименѣе подготовленными къ усвоенію знаній на чужомъ языкѣ и потому наиболѣе нуждающимися въ живительномъ дѣйствіи родного слова. Слѣдовательно, необходимо было начать

[1]) «Сынъ Отечества», № 67.

именно снизу, съ этихъ въ буквальномъ смыслѣ начальныхъ школъ и, сдѣлавъ первый шагъ здѣсь, перейти затѣмъ къ школамъ высшихъ типовъ. Очевидно, реформа предпринята не съ надлежащаго конца и это представляется настолько яснымъ, что не нуждается въ какихъ бы то ни было доказательствахъ, и потому тѣмъ необъяснимѣе, тѣмъ непонятнѣе выразившееся въ ней стремленіе сдѣлать второй шагъ, даже не подумавъ о первомъ. Но для насъ еще болѣе интересными представляются дальнѣйшія послѣдствія, вытекающія изъ обсуждаемаго пункта; при этомъ, для правильной оцѣнки его, прошу читателя особенно твердо помнить, что районъ примѣненія указа 1 мая охватываетъ и такъ называемый Юго-западный край, т. е., губерніи Кіевскую, Подольскую, и Волынскую гдѣ главной массой населенія являются украинцы. Въ объясненіи цѣли указа мы встрѣчаемся между прочимъ съ надеждой, что предлагаемая мѣра

> побудитъ *всѣ отдѣльныя части населенія* этихъ искони русскихъ областей къ плодотворнымъ, въ видахъ процвѣтанія края, трудамъ, въ тѣснѣйшемъ единеніи *съ русскими, по происхожденію, мѣстными жителями.*

Но гдѣ же среди «всѣхъ отдѣльныхъ частей населенія» упомянутыхъ губерній, исконно-русскій характеръ которыхъ сугубо подчеркивается, украинское населеніе? Какъ это ни странно, но о немъ не находимъ даже упоминанія въ указѣ, и облегченіемъ національныхъ ограниченій могутъ воспользоваться лишь литовцы, которыхъ здѣсь совершенно не имѣется, и поляки, представляющіе значительное меньшинство населенія Украинцы же, составляющіе по даннымъ переписи 1897 г. въ Кіевской губ. 79,2%, въ Подольской 80,9% и Волынской 70,1% [1]) всего населенія, остались за порогомъ облегченій и очевидно не подводятся подъ категорію приглашаемыхъ

---

[1]) Сводка данныхъ переписи сдѣлана г. Русовымъ въ докладѣ академіи наукъ; см. изданіе академіи: «Объ отмѣнѣ стѣсненій малорусскаго печатнаго слова». Спб., 1905, стр. 91—93.

«къ плодотворнымъ, въ видахъ процвѣтанія края, трудамъ». Этотъ неожиданный оборотъ долженъ, повидимому, означать, что украинцы отнесены къ «русскимъ, по происхожденію, мѣстнымъ жителямъ», не нуждающимся въ смягченіи ужасныхъ въ духовномъ отношеніи условій ихъ существованія, и что подчеркиваніе «искони русскаго» характера края является на этотъ разъ не только façon de parler, но и дѣйствительнымъ убѣжденіемъ бюрократіи. Въ самомъ дѣлѣ, обращаясь къ мотивамъ указа, высказаннымъ въ «Извлеченіи изъ журнала комитета министровъ», мы встрѣчаемъ здѣсь весьма любопытное объясненіе.

> Соображая, какія изъ нарѣчій, употребляемыхъ населеніемъ западнаго края, настолько филологически обособились и развились, что могутъ стать предметомъ преподаванія, комитетъ высказалъ, что *малороссійское и бѣлоруское нарѣчія такъ близки русскому языку, что совмѣстное преподаваніе ихъ не вызывается потребностями дѣла* (?); бѣлорусское нарѣчіе къ тому же, не имѣя литературы, едва ли даже можетъ быть преподаваемо самостоятельно [1]).

Къ сожалѣнію, мнѣ не извѣстны филологическіе труды почтенныхъ членовъ высшаго бюрократическаго учрежденія Имперіи и потому я лишенъ возможности судить, на чемъ собственно основаны ихъ соображенія о недостаточномъ филологическомъ обособленіи и развитіи украинскаго языка. Обращаясь же къ мнѣніямъ ученыхъ учрежденій—академіи наукъ и запрошенныхъ университетовъ, я долженъ съ недоумѣніемъ констатировать, что филологическія изысканія комитета министровъ идутъ совершенно въ разрѣзъ съ выводами людей науки [2]). Но мало того, комитетъ мини-

---

[1]) „Кіевлянинъ“, № 137.

[2]) „Развиваясь и дифференцируясь естественнымъ образомъ, малорусскій языкъ въ настоящее время достигъ такой степени отличія отъ русскаго литературнаго языка, что пониманіе малороссомъ изданныхъ на немъ книгъ является крайне затруднительнымъ“—это изъ записки харьковскаго университета,—см. „Приднѣпровскій Край“, № 2462; тамъ же ссылка на мнѣніе академика Шахматова. То же

стровъ разошелся и съ..., своимъ собственнымъ мнѣніемъ, высказаннымъ имъ полгода тому назадъ. Я позволю себѣ напомнить это послѣднее мнѣніе того же бюрократическаго органа, который теперь съ такою легкостью примѣняетъ къ украинскому народу результаты никому невѣдомыхъ филологическихъ изысканій; вотъ это мнѣніе:

> продолжающееся примѣненіе наложеннаго (на украинскую литературу) запрета, значительно затрудняя распространеніе среди малорусскаго населенія полезныхъ свѣдѣній путемъ изданія книгъ на понятномъ для крестьянъ нарѣчіи, препятствуетъ повышенію нынѣшняго низкаго уровня крестьянъ малорусскихъ губерній [1]).

Припомнивъ эти слова, совершенно ясно говорящія о значительномъ «обособленіи», я перестаю что-либо понимать въ этомъ запутанномъ дѣлѣ. Съ одной стороны--стѣсненія препятствуютъ повышенію низкаго уровня украинскаго народа, а съ другой—примѣненіе ихъ не только до сихъ поръ продолжается по всей линіи, но даже самое украинское населеніе въ одной изъ частей своей территоріи объявляется уже прямо несуществующимъ, замѣнившись какими то «русскими, по происхожденію, мѣстными жителями». Что же случилось за это полугодіе? Или предприняты были новыя обслѣдованія, выяснившія капитальную ошибку на счетъ этнографической физіономіи «Юго-западнаго края»? или населеніе его вдругъ измѣнило свой обликъ до неузнаваемости, сдѣлавшись «искони русскимъ» въ томъ смыслѣ, въ какомъ это выраженіе употребляется органами

мнѣніе, только въ болѣе категорической формѣ, выражено и въ академической запискѣ: „Историческія условія *содѣйствовали полному разобщенію* юго-западной Россіи (Малороссіи) и области, занятой Великорусами: отсюда *существенныя отличія* въ языкѣ обѣихъ народностей—великорусской и малорусской. Историческая жизнь этихъ народностей не создала общаго для нихъ языка; она напротивъ *усугубила тѣ діалектическія отличія*, съ которыми предки Малорусовъ съ одной стороны, Великорусовъ—съ другой, выступаютъ въ началѣ нашей исторіи“; см. „Объ отмѣнѣ стѣсненій“ и пр., стр. 14.

[1]) „Наши Дни“, № 30.

охранительной печати или какія-нибудь специальныя катаклизмы, пронесшись ураганомъ по тремъ губерніямъ, смели съ лица земли въ ихъ предѣлахъ украинское населеніе? Ничего подобнаго, конечно, не случилось: никакихъ обслѣдованій не было, а внезапныя соціологическія катаклизмы, въ родѣ нашествія гунновъ, теперь даже невозможны и все обстоитъ, разумѣется, по старому. Дѣйствовала лишь десница и шуйца бюрократіи, въ полномъ объемѣ прмѣняющей евангельскую заповѣдь, чтобы лѣвая рука не знала, что дѣлаетъ правая...

Вообще говоря, странную, на первый взглядъ, участь испытываютъ попытки бюрократіи въ области реформъ, если послѣднія имѣютъ претензіи выйти за предѣлы петличекъ, погонъ, формы одежды, упраздненія одного какого-нибудь вѣдомства и замѣны его другимъ съ тожественными функціями и т. п. Всѣ такія реформы имѣютъ тенденцію исчезать безъ слѣда, испаряться совершенно безъ остатка и такъ же внезапно, такимъ же порывомъ, какъ и налетѣли. Вся реформаторская эпопея истекшаго полугодія является лучшей иллюстраціей высказаннаго сейчасъ положенія о полнѣйшемъ безсиліи нашей бюрократіи, затѣявшей произвести реформы «своими средствіями», полагаясь лишь на собственныя слабыя силы, упорно отстраняя и отталкивая участіе живыхъ силъ страны. Комиссіи, совѣщанія и тому подобные органы реформаторскаго бюрократическаго зуда растутъ, въ огромномъ количествѣ; члены ихъ собираются, что-то обсуждаютъ, надъ чѣмъ-то совѣщаются, пишутъ 101 томъ своихъ трудовъ, но не смотря на такую интенсивную дѣятельность—«возъ и нынѣ тамъ», гдѣ его застигло учрежденіе всѣхъ этихъ безчисленныхъ комиссій и совѣщаній. Впрочемъ, мало сказать, что «возъ» продолжаетъ безмятежное пребываніе «тамъ»—правильнѣе будетъ выразиться, что онъ имѣетъ весьма недвусмысленную наклонность возвратиться вспять, раздавивъ на своемъ попятномъ пути даже тѣ мизерныя улучшенія, какія произошли просто въ силу фактическаго захвата. Вся русская жизнь за послѣднее время полнымъ полна самыхъ яркихъ иллюстрацій этой «реформаторской» дѣятельности съ ясной тенденціей задержать колесо исторіи и заставить его вращаться въ обратную сто-

рону. Органы общей печати освѣщают по мѣрѣ возможности реформаторскія попытки общаго характера, и потому я остановлюсь лишь на «реформахъ» въ области украинскаго вопроса.

Полгода истекло съ того времени, какъ комитетъ министровъ провозгласилъ стѣсненія украинскаго слова не имѣющими никакого смысла и просто вредными; нѣсколько мѣсяцевъ прошло, какъ административная власть и ученыя учрежденія въ лицѣ академіи наукъ и двухъ университетовъ высказались за полную отмѣну ограниченій, а нашъ «возъ» и не думалъ сдвинуться съ мѣста, преспокойно продолжая пребывать на мертвой точкѣ внѣзаконнаго положенія, а по всему фронту бюрократическаго лагеря ведется все та же упорная борьба противъ украинства. По-прежнему ходатайства о разрѣшеніи украинскихъ органовъ печати признаются не подлежащими удовлетворенію [1]); по-прежнему цензура задерживаетъ мѣсяцами [2]) и въ концѣ концовъ не разрѣшаетъ невинныхъ беллетристическихъ или популярно-научныхъ произведеній; по-прежнему учитель «не можетъ во ввѣренномъ ему училищѣ дозволить украинскихъ стиховъ и пѣсенъ» [3]) для исполненія во время литературнаго утра, а учительница, дерзнувшая допустить у себя въ школѣ это противозаконное дѣяніе, трактуется какъ преступница и получаетъ строгій выговоръ [4]); по-прежнему инспектора народныхъ училищъ требуютъ отъ нашихъ ребятъ великорусскаго выговора [5]), а сельская полиція въ лицѣ урядниковъ и стражниковъ, обманувшись въ ожиданіяхъ на счетъ достаточ-

---

[1]) Въ такомъ смыслѣ на дняхъ получилъ отвѣтъ г. Бабичевъ, намѣревавшійся издавать въ Каменецъ-Подольскѣ ежедневную газету «Поділля»,—см. «Кіевскіе Отклики», № 126.

[2]) Поданная мной въ Петербургскій цензурный комитетъ *въ началѣ марта* листовая брошюра г. Коваленка «Як ми боронились од холери», не смотря на приближеніе грозной азіатской гостьи, до сихъ поръ не удостоилась разрѣшенія, да и удостоится ли—неизвѣстно.

[3]) «Полтавщина», № 73.

[4]) «Приднѣпровскій Край», № 2439.

[5]) «Кіевскіе Отклики», № 123.

ной мзды, разгоняетъ «досвітки» и «вечорниці» якобы за нарушеніе общественной тишины и спокойствія[1]). Словомъ, отъ министра до послѣдняго стражника бюрократія ничего не забыла и ничему не научилась, продолжая прежнюю политику насильственныхъ отношеній къ какимъ бы то ни было проявленіямъ украинскаго дѣла[2]). Но этого мало, указъ 1 мая представляетъ какъ указано, выше, совершенно недвусмысленную попытку пойти въ этомъ отношеніи даже назадъ, что не можетъ, конечно, не отразиться новыми осложненіями стараго вопроса,—осложненіями, которыя не внесутъ желаннаго успокоенія въ запутанныя національныя отношенія и, къ сожалѣнію, уже начали проявлять себя въ довольно странныхъ и неожиданныхъ формахъ.

Чтобы стать дѣйствительной реформой, а не частичнымъ мѣропріятіемъ, на практикѣ почти не имѣющимъ значенія, предпринятая указомъ 1 мая мѣра должна была направиться совершенно инымъ путемъ: во-первыхъ, ее слѣдовало начать не съ того конца, а во-вторыхъ, провести въ болѣе широкомъ объемѣ и безъ всякихъ исключеній. Обсуждая значеніе указа 1 мая, проф. Грушевскій въ статьѣ «Равною мѣрою» говоритъ между прочимъ:

---

[1]) «Кіевскіе Отклики», № 130.

[2]) Впрочемъ, въ воздухѣ носится новое обѣщаніе: какъ сообщаютъ «Кіевскіе Отклики» (№ 143), «Высочайше утвержденнымъ 1 мая журналомъ комитета министровъ въ отношеніи девяти западныхъ губерній предоставлено министрамъ и главнымъ начальникамъ вѣдомствъ, безъ замедленія, и во всякомъ случаѣ не позднѣе шести мѣсяцевъ со дня утвержденія журнала —1) распорядиться отмѣною стѣсняющихъ употребленіе мѣстныхъ языковъ въ западномъ краѣ и не основанныхъ прямо на законѣ административныхъ распоряженій и 2) если изъ числа стѣсняющихъ свободу пользованія мѣстнымъ языкомъ административныхъ распоряженій окажутся такія, примѣненіе коихъ и впредь, по соображенію государственнаго порядка, они признаютъ необходимыми, испросить на утвержденіе оныхъ чрезъ государственный совѣтъ Высочайшее Его Величества соизволеніе». Интересно бы знать, будутъ ли при этомъ приняты во вниманіе филологическія изысканія комитета министровъ?

Реформа несомнѣнно необходимая, и остается только желать ея скорѣйшаго осуществленія—но въ объемѣ болѣе широкомъ.

Во-первыхъ, внѣ этой школьной реформы не должны остаться школы низшія, гдѣ допущеніе преподаванія мѣстныхъ языковъ (и на мѣстныхъ же языкахъ—добавлю С. Е.) является вопросомъ еще болѣе настоятельнымъ. Во-вторыхъ, допуская мѣстные языки въ школу, нѣтъ возможности исключить изъ этой реформы прочія народности края, еще болѣе многочисленныя, чѣмъ литовская и польская, а именно: украинскую (малорусскую), бѣлорусскую и еврейскую.

Желательно устраненіе національныхъ стѣсненій, но для всѣхъ одинаково. Допуская, напримѣръ, польскій языкъ въ школахъ въ юго западныхъ губерніяхъ, не допустить малорусскаго нѣтъ никакихъ основаній [1]).

Я не только, разумѣется, ничего не имѣю противъ допущенія польскаго языка въ польскихъ же школахъ (о литовскихъ въ предѣлахъ нашего края говорить, конечно, не приходится), но готовъ отъ всей души привѣтствовать эту мѣру, какъ первый шагъ къ устраненію той исторической несправедливости, которой запятнала себя по отношенію къ польскому народу оффиціальная Россія; мало того, я признаю эту мѣру въ ея настоящемъ урѣзанномъ видѣ далеко недостаточной для такого искупленія и нахожу необходимымъ ея расширеніе во всѣхъ отношеніяхъ. Но не могу при этомъ не присоединиться къ мнѣнію проф. Грушевскаго, что подобныя реформы должны быть проводимы именно *«равною мѣрою»*, одинаково относиться ко всѣмъ обдѣленнымъ нынѣ народностямъ; не могу не указать той анамаліи, которая можетъ возникнуть при примѣненіи указа 1 мая на практикѣ въ нашемъ краѣ. Въ самомъ дѣлѣ, введеніе одного лишь польскаго языка въ школы края, гдѣ 70—80% населенія составляютъ украинцы, безъ соотвѣтственной компенсаціи послѣднимъ—развѣ это не имѣетъ вида какой-то необъяснимой при-

[1]) «Сынъ Отечества», № 73.

виллегіи одной части населенія въ ущербъ другой? Развѣ такая «реформа» можетъ быть принята иначе, какъ вызовъ обойденной части населенія, сепаратизмъ проводимый сверху, безъ всякихъ основаній лишающій коренное украинское населеніе того, что уже предоставлено его сосѣдямъ, и развѣ такое отношеніе правительства можетъ способствовать тѣмъ «плодотворнымъ трудамъ», которыхъ ожидаетъ указъ? Не будетъ ли при этомъ обдѣленная народность еще живѣе чувствовать свою обдѣленность и то тяжкое оскорбленіе, которое ежечасно наносится ей въ продолженіи вотъ уже двухъ съ половиною вѣковъ?.. Тотъ же авторъ, мнѣніе котораго я сейчасъ привелъ, свидѣтельствуетъ, что именно въ такомъ смыслѣ,—«какъ горькая обида мѣстному украинскому населенію», и была понята разсматриваемая мѣра закордонными нашими земляками [1]), и я могу добавить только, что точно такъ же она понята и у насъ, усиливъ еще болѣе недовольство и возбудивъ разочарованіе, которое можетъ быть формулировано словами: «не надѣйтеся на князи». Эта неудачная попытка благодѣтельствовать бюрократическимъ путемъ лишній разъ доказала, что нечего возлагать какія-либо надежды на бюрократическое творчество, что народъ самъ, въ лицѣ свободно избранныхъ представителей, долженъ взять въ свои руки управленіе своей судьбой. Иначе мы никогда не получимъ реформъ съ надлежащаго конца и въ требуемомъ объемѣ, а будемъ лишь служить матеріаломъ для непонятныхъ экспериментовъ и капризныхъ, измѣнчивыхъ вѣяній, не находящихъ себѣ разумныхъ основаній въ требованіяхъ дѣйствительности...

Что надъ всѣми начинаніями бюрократіи тяготѣетъ весьма опредѣленный фатумъ, сводящій къ нулю или прямой вредоносности даже такія изъ нихъ, которыя имѣли, повидимому, цѣлью установленіе болѣе справедливыхъ отношеній, показываетъ и еще одинъ фактъ изъ области послѣднихъ реформаціонныхъ мѣропрія-

---

[1]) «Кіевскіе Отклики», № 140. Статья «Неотложный вопросъ». Ср. статьи «Безглузда національна політика Росиі» и «Де консеквентність?» въ № 100 и 106 «Діла».

тій. Какъ извѣстно, 17 апрѣля изданъ былъ указъ о вѣротерпимости, вносящій хотя нѣкоторыя поправки въ душную атмосферу уже отжившихъ порядковъ, которые господствуютъ у насъ въ области религіозныхъ отношеній. И что же вышло? Оставляя уже въ сторонѣ то обстоятельство, что указъ очевидно еще «не дошелъ» даже до Москвы, гдѣ въ самое послѣднее время мѣстная администрація даетъ «дружескіе совѣты» старообрядческимъ архіереямъ не появляться на Рогожскомъ кладбищѣ [1]); не говоря уже объ учрежденіи подъ предсѣдательствомъ гр. Игнатьева особой комиссіи, назначеніе которой—изыскать мѣры для воспрепятствованія разрѣшенному указомъ переходу православныхъ въ инославныя исповѣданія,—мы имѣемъ рѣдкій случай наблюдать поразительное по своему значенію явленіе, и именно на украинской территоріи—въ Холмщинѣ. Извѣстно, что послѣ насильственнаго присоединенія въ 1875 г. населяющихъ Холмщину украинцевъ-уніатовъ, къ православію, десятки тысячъ народу не пожелали принять насильно навязаннаго ему исповѣданія и осталась при прежнемъ, получивъ оффиціальное названіе «упорствующихъ», т. е. присоединенныхъ къ православію только номинально, фактически же остающихся уніатами. «Упорствующіе», которыхъ по послѣднимъ отчетамъ оберъ-прокурора св. синода числится около 90000 душъ, дѣйствительно чрезвычайно упорно держались уніи, несмотря на рядъ принимавшихся противъ нихъ репрессивныхъ мѣропріятій. Но вотъ приходитъ давно жданная вѣротерпимость и упорствующіе уніаты массами переходятъ въ... католичество! Извѣстіями объ этихъ массовыхъ переходахъ полны въ особенности галицкія газеты, но достаточно ихъ встрѣчается также и въ русскихъ изданіяхъ. Что же сей сонъ значитъ?.. Не обинуясь можно сказать, что этотъ неожиданный результатъ провозглашенія вѣротерпимости давно уже подготовленъ нашей бюрократіей и является лишь достойнымъ завершеніемъ той системы, какой она всегда придерживалась по отношенію къ украинскому народу.

---

[1]) «Новости», цит. по «Кіевскимъ Откликамъ», № 144.

Историкъ Украины въ слѣдующихъ словахъ отмѣчаетъ эту странную роль, сыгранную русской бюрократіей въ судьбахъ украинскаго населенія Холмщины:

> подъ вѣковымъ владычествомъ Польши оно отстояло свою украинскую національность и свой восточный обрядъ, и только русская бюрократія *своимъ насильственнымъ введеніемъ оффиціальнаго обрусительнаго православія* добилась стремленія «упорствующихъ» къ переходу въ католицизмъ и крайней вражды ко всему русскому [1]).

Вѣдь это звучитъ уже просто ироніей для круговъ, которые при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ любятъ подчеркивать «искони русскій» характеръ всякаго края! Стремясь во что бы то ни стало перетворить украинцевъ въ великороссовъ и находя, что всѣ средства для этой цѣли хороши, неразборчивая бюрократія достигла одного—она внесла такое затемненіе въ народную среду и настолько ослабила народный организмъ, что утратившій національное самосознаніе и измученный репрессіями народъ получилъ невыразимое отвращеніе къ насильно навязываемымъ ему формамъ жизни и при первомъ подходящемъ случаѣ начинаетъ бѣжать въ прямо противоположную сторону. Унія—исповѣданіе оффиціально не признанное, уніатовъ всячески старались затравить и загнать въ православную церковь и вотъ, когда появился указъ о вѣротерпимости, онъ былъ понятъ съ смыслѣ разрѣшенія выбирать между назойливо навязываемымъ православіемъ и свободно принимаемымъ католичествомъ. Естественно, что народъ обратился къ послѣднему, а вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ и рѣшительный шагъ въ сторону полонизаціи. Подобные результаты можно было предвидѣть и на возможность ихъ указывалось неоднократно. Одинъ изъ извѣстныхъ русскихъ публицистовъ писалъ, напр., около 10 лѣтъ тому назадъ слѣдующее:

---

[1]) Проф. Грушевскій,—корреспонденція изъ Львова въ № 76 «Сына Отечества».

Обрусеніе западнаго края, т. е. программа его денаціонализаціи, *ослабляя мѣстныя народности, облегчаетъ не только обрусѣніе, но и полонизацію...* Относительно же моихъ земляковъ Правобережной Украины могу завѣрить всѣхъ, опасающихся ея ополяченія, что украинское населеніе само отобьется отъ полонизаціи, *лишь бы ему не мѣшала обрусительная администрація, такъ подавляющая народную самодѣятельность, именно необходимую въ этомъ случаѣ.* Запаса самодѣятельности въ украинскомъ населеніи вполнѣ достаточно и, если галичане успѣшно отстаиваютъ свою народность при условіяхъ гораздо менѣе благопріятныхъ, то украинцы справятся и подавно съ этой немудрой задачей. *Лишь бы имъ не мѣшало обрусеніе, которое, по моему глубокому убѣжденію, ведетъ въ западномъ краѣ не къ обрусѣнію, а къ полонизаціи* [1].

Но подобные голоса оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ: обрусеніе «искони русскаго» края дѣйствовало на всѣхъ парахъ, украинское населеніе неуклонно подвергалось тяжелой операціи опустошенія его національнаго сознанія—и результаты этого въ Холмщинѣ начинаютъ сказываться съ особенной силой, благодаря нѣкоторымъ исключительно-неблагопріятнымъ обстоятельствамъ. Бюрократія можетъ торжествовать: она достигла, наконецъ, чего хотѣла, т. е. денаціонализаціи части украинскаго населенія, но если при этомъ произошла въ нѣкоторомъ родѣ Овидіева метаморфоза, то пусть же и отвѣтственность за нее падаетъ на ея единственныхъ виновниковъ.

Нашей редакціей получено на дняхъ письмо отъ одного изъ дѣятелей Холмщины, представляющее въ буквальномъ смыслѣ вопль совершенно растерявшагося подъ напоромъ неожиданныхъ событій человѣка, который, по собственному признанію, «до сихъ поръ былъ противникомъ такъ называемаго украинофильства и стоялъ за одинъ языкъ, одну народность съ великоруссами», но теперь увидѣлъ, что «это приводитъ только къ ополяченію нашего народа». Къ сожалѣнію, я не могу использовать это письмо цѣликомъ въ виду весьма понятной рѣзкости его тона, и потому приведу лишь нѣкоторыя выдержки. «Ой ратуйте, ратуйте, рідне-

[1]) Южаковъ—Дневникъ журналиста. «Русское Богатство», 1897, сентябрь, 165—166.

сенькі браття!»—такъ начинаетъ свое письмо нашъ корреспондентъ и затѣмъ дѣлаетъ краткій очеркъ событій, которыя привели Холмщину къ ея современному положенію. До возстанія 1863 г. русская бюрократія не обращала ровно никакого вниманія на несчастный народъ, задыхавшійся подъ ярмомъ крѣпостныхъ отношеній, но послѣ возстанія она вдругъ вспомнила, что это «край искони русскій» и, осчастлививъ такимъ образомъ его своимъ вниманіемъ, энергически принялась вколачивать въ мѣстное населеніе сознаніе своей принадлежности къ русскому народу. Вотъ какъ изображаетъ эту дѣятельность и результаты ея авторъ письма.

Настае повстання, а після «обрусеніе». Ох, скільки злого, нерозважного наробили тоді москалі на шкоду народу! Давай чим скорійше все переробляти на московське копито, щоби викоренити Польщу, а сами же перше були причиною, що Польща так насіла на нас. Розуміється, нашому народному язику не дали ніякого місця. Не можна було й думати, (щоб) заложити якеесь общество для просвіти народу. А як взялись за церкви, то много покасували (такого), що й тепер є в церквах на Волині й на Поділлю. Народ виполошили з церков і много вже тоді пішло в польські костьоли. Та після задумали всім накинути православіе, та так по дурному, що не жалували нагайок, киів, в тюрми сажали, висилали до Оренбургу [1]... От видали свободу віри. Дуже добре. Але яка ж свобода для нашого народу, коли не дають ні руська-уніятських церков, ні духовенства? Так ті, що не пристали на православіе, не мають другого виходу, як іти до польських костьолів... а вже ж ляхи і іх ксьондзи постараються, щоби наш народ хутко вирікся своеі прадідівськоі мови, а став говорити по-польський.

Нашъ корреспондентъ—замѣтьте: *православный* священникъ—предлагаетъ въ качествѣ предупредительной мѣры противъ денаціонализаціи народа открыть уніатскіе приходы; но, какъ мнѣ кажется, не въ этомъ дѣло, какъ и не въ той комиссіи подъ предсѣдательствомъ гр. Игнатьева, которая измыслитъ какія-

---

[1]) Подобные факты сообщены въ № 158 «Кіевскихъ Откликовъ».

нибудь новыя, но въ старомъ духѣ мѣры, которыя на практикѣ окажутся, конечно, вполнѣ непригодными. Ничего, разумѣется, не помогутъ и тѣ циркуляры [1]), которыми варшавскій генералъ-губернаторъ воспрещаетъ «отпаденіе отъ православія» лицъ, никогда православными въ сущности и не бывшихъ. Эти средства уже испытаны и они явно обнаружили свою негодность. Дѣло вѣры—есть прежде всего дѣло совѣсти каждаго и здѣсь менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, умѣстны какія-либо внѣшнія мѣропріятія; кто считаетъ для себя спасительнымъ католичество—пусть обращается къ нему, это его право, но пусть же будетъ правомъ всякое свободное волеизъявленіе въ области духа—религіи, національности, убѣжденій и т. п. А единственнымъ путемъ къ такому свободному волеизъявленію можетъ служить—раскрѣпощеніе духовной личности народа, дѣйствительное участіе его въ управленіи страной на правахъ полноправныхъ гражданъ, широкое развитіе просвѣщенія на родной почвѣ, которое возвратитъ народу утраченное самосознаніе, давъ ему и оружіе въ руки для защиты своего національнаго и просточеловѣческаго «я». При такихъ условіяхъ, я увѣренъ въ томъ, одинаково вооруженные знаніемъ, культурой и свободой народности скоро познаютъ, что не въ борьбѣ и взаимномъ самоноѣданіи заключается задача жизни, а въ мирномъ сотрудничествѣ и согласномъ шествіи по пути прогресса и развитія. Разумѣется, не можетъ быть и сомнѣнія въ томъ, что еще долго будутъ появляться отдѣльныя лица и цѣлыя группы съ желаніемъ денаціонализировать другую народность, но встрѣтивъ стойкій отпоръ всѣми средствами, имѣющимися въ распоряженіи культурнаго общества, эти добровольцы должны будутъ скоро прекратить свою работу, убѣдившись, что человѣконенавистническое дѣло ихъ проиграно безвозвратно. Но циркулярнымъ, такъ сказать, путемъ этого, конечно, не достигнуть; всякая вѣра въ этотъ путь уже утрачена навсегда, такъ какъ каждый подобный шагъ бюрократіи приводитъ къ реформамъ не съ надлежащаго конца и потому встрѣчается въ обществѣ сугу-

---

[1]) „Русскія Вѣдомости“, № 138; „Кіевскіе Отклики“, № 147.

бымъ недовѣріемъ. Несомнѣнно, напр., пробужденію національнаго самосознанія среди украинскаго населенія въ Холмщинѣ содѣйствовало бы разрѣшеніе св. писанія на его родномъ языкѣ; соотвѣтственный актъ, какъ помнитъ читатель, былъ даже изданъ, но подавленное обиліемъ комиссій, производимыхъ ими «реформъ» и издаваемыхъ циркуляровъ общество рѣшительно не знаетъ, ликовать ли ему или унывать по поводу принципіальнаго разрѣшенія украинскаго перевода евангелія. Дѣло вѣдь въ томъ, что, какъ пишетъ по данному вопросу В. В. Лесевичъ—

тѣ самые люди, которые еще вчера утверждали, что украинскаго языка нѣтъ и быть не можетъ, сегодня преисполнятся къ этому самому языку самыхъ нѣжныхъ чувствъ. И какъ же допустить,—скажутъ они,—чтобы переводъ св. писанія на этотъ прекрасный, мелодичный и сильный языкъ не оказался на высотѣ подлинника или былъ ниже перевода на другіе языки, будь то европейскіе, азіатскіе, или—отъ чего уже да сохранитъ Богъ—ниже перевода на языки банту или аджибвеевъ? Допустить этого никакъ нельзя... И вотъ начнется тщательное и томительно долгое изслѣдованіе, въ результатѣ котораго окажется, что есть мѣста въ «Паралипоменонѣ» и Екклезіастѣ», переведенныя крайне неудовлетворительно, и украинцамъ—для ихъ же блага, поймите это—будетъ объявлено, что означенныя мѣста должны быть непремѣнно исправлены. Украинцы, само собою разумѣется, что называется, изъ кожи вылѣзутъ и постараются указанныя мѣста подогнать подъ требованія своихъ радѣтелей и попечителей. Составленныя поправки поступятъ на разсмотрѣніе имѣющихъ на «заставахъ» команду и будутъ ими тщательно изучены, сравнены съ подлинниками и сопоставлены съ переводами на языки банту и аджибвеевъ. Окажется, однако же, что казусное мѣсто украинцамъ рѣшительно не дается. Они изо всѣхъ силъ бьются, надрываются, но такъ какъ тотъ геній, который могъ бы преодолѣть указанную трудность и получить пальму первенства точности и красоты, достойной славнаго украинскаго языка, еще не родился, то всѣ усилія переводчиковъ остаются тщетными, и украинцы не только не могутъ преодолѣть, но не въ состояніи даже и постичь сверхчеловѣческую трудность возложенной на

нихъ задачи. Время идетъ, и въ послѣднемъ итогѣ данная Богомъ копеечка проваливается въ чортову дырочку и получается результатъ, неотличимый отъ нуля [1]).

Картина, набросанная г. Лесевичемъ, настолько знакома всѣмъ по опыту и настолько въ духѣ бюрократіи, что весьма сомнительно, чтобы уніаты, прекратившіе наконецъ свое «упорство» ради католичества, получили при современныхъ условіяхъ понятный имъ переводъ св. писанія. Очень и очень возможно, что если общее положеніе дѣлъ останется безъ перемѣны, то на сценѣ появится «чортова дырочка», въ которую и попроваливаются всѣ обѣщанныя копеечки... Тѣмъ болѣе, что врагъ рода человѣческаго по части всевозможныхъ проваловъ весьма изобрѣтателенъ и даже въ случаѣ положительнаго рѣшенія какого-нибудь вопроса придумаетъ такую форму его осуществленія, которая немногимъ будетъ отличаться отъ пустой дыры. Припомнимъ Данайцевъ, подъ видомъ дара уготовавшихъ «высокой Троѣ» гибель, и обратимся къ одному изъ современныхъ Данайцевъ, въ лицѣ знакомаго намъ уже г. Кіевлянина. Этотъ свѣдущій невѣжда внезапно получилъ просіяніе ума и, преклонившись наружно предъ фактомъ утвержденія извѣстнаго постановленія комитета министровъ, въ своемъ новомъ, весьма беззубомъ и полномъ противорѣчій письмѣ къ редактору «Гражданина» предлагаетъ для будущаго изданія украинскаго евангелія правописаніе ни болѣе, ни менѣе, какъ «строго историческо-этимологическое съ удержаніемъ *ѣ* и *ъ* въ томъ видѣ, какъ его отстаивалъ еще въ 1842 году М. А. Максимовичъ» [2]). Какую вѣдь изобрѣлъ, да еще съ данайскимъ прикровеніемъ,

---

1) „Сынъ Отечества", № 66, статья „Ликовать или унывать?"

2) «Гражданинъ», № 36. Кстати, г. Кіевлянинъ сообщаетъ, что по слухамъ переводъ евангелія Морачевскаго переданъ на разсмотрѣніе епископу подольскому Парѳенію, и даже призываетъ на послѣдняго «премудрость свыше» для рѣшенія вопроса въ томъ направленіи, какое ему, г. Кіевлянину, желательно. См. объ этомъ замѣтку г. Л. Ж. въ № 130 «Полтавщины»—«Любопытный для украинцевъ фактъ въ японскомъ плѣну».

дырочку, въ которую гг. охранителямъ желательно провалить дѣло! Если бы вершителей судебъ украинскаго евангелія въ самомъ дѣлѣ осѣнила премудрость г. Кіевлянина и они, не считаясь съ практикой академіи наукъ, приняли его нелѣпый проэктъ, то этимъ самымъ изданіе было бы безнадежно убито. Читатели, пріученные къ великорусскому выговору буквы *ѣ*, безпощадно калѣчили бы украинскія слова и, разумѣется, недоумѣвали, кому и для чего понадобилось издавать евангеліе на украинско-русскомъ жаргонѣ?.. Охъ, ужъ эти современные Данайцы! Хотя бы постарались прикрыть и замаскировать получше свои предательскія дырочки...

И еще одна «реформа» въ послѣднее время объявилась. Какъ сообщило Россійское телеграфное агенство отъ 12 мая, представителемъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ коммиссіи Д. Ѳ. Кобеко между прочимъ высказано было, что

> относительно пьесъ на малороссійскомъ языкѣ представляется возможнымъ дозволить повсемѣстное исполненіе таковыхъ, снять запрещеніе устройства спеціальнаго малорусскаго театра и формированія труппъ для исключительнаго исполненія пьесъ на малорусскомъ нарѣчіи [1]).

Если эту мѣру и не постигнетъ обычная участь бюрократическихъ начинаній, то во всякомъ случаѣ она далеко не рѣшаетъ во всей его цѣлости вопроса о спосномъ существованіи украинскаго театра. Ни одного слова здѣсь не говорится о цензурѣ украинскихъ пьесъ, а между тѣмъ если для украинскаго театра будетъ сохранена цензура въ ея прежнемъ видѣ, то получится даже не изящная дырочка, а бездонная пропасть, которая по-прежнему будетъ поглощать лучшія произведенія нашей драматической литературы, предоставляя въ то же время полный просторъ всевозможнымъ Банавентурамъ наполнять сцену убійственными произведеніями. Опять получится реформа не съ того конца, а потому

---

[1]) Кіевскіе Отклики», № 130. См. также замѣтку г. И. Д. «Изъ исторіи малорусскаго театра» въ № 134 «Кіевской Газеты».

едва ли можно возлагать надежды на то, что она внесетъ дѣйствительное улучшеніе въ то дѣло, которое могло бы при иныхъ условіяхъ и организаціи представлять весьма важный факторъ въ духовной жизни народа.

Покончивъ пока на этомъ съ реформами, ожидающими своего осуществленія и въ такомъ выжидательномъ положеніи застывшими я позволю себѣ еще разъ возвратиться къ вопросу объ украинской школѣ, какъ въ виду крайней его настоятельности, такъ и вслѣдствіе новаго матеріала, доставленнаго печатью за послѣднее время. Въ «Полтавщинѣ» находимъ два любопытныхъ документа, которые и предлагаю здѣсь вниманію читателя.

Первый документъ, озаглавленный «Нужды народной начальной украинской школы» и представляющій заявленіе комитету министровъ отъ воспитанниковъ не названной учительской семинаріи, гласитъ слѣдующее:

«Благосостояніе всякаго народа находится въ тѣсной зависимости отъ его культурнаго состоянія, т. е. отъ развитія его матеріальныхъ и духовныхъ богатствъ. Хранителемъ же этихъ духовныхъ богатствъ и проводникомъ ихъ въ сознаніе народа является языкъ — самое дорогое и неоцѣнимое средство выраженія человѣкомъ своего психическаго «Я».

Языкъ каждаго народа органически связанъ съ его образомъ мышленія и составляетъ его отличительную народную черту.

Разсадникомъ культуры въ странѣ является школа. И прежде всего школа—«народная», и потому должно заботиться всѣми силами, чтобы школа самымъ естественнымъ путемъ вошла въ жизнь ребенка и чтобы, незамѣтно для него, приняла въ свое распоряженіе часть его умственной и сердечной дѣятельности» (Собр. педагогич. сочин. К. Д. Ушинскаго 379 стр. 75 г.).

Только при такомъ ходѣ дѣла обученіе будетъ сознательно. А заставлять ребенка съ перваго же урока усваивать новыя понятія на чуждомъ ему языкѣ—значитъ намѣренно грѣшить противъ этого элементарнаго педагогическаго закона и заранѣе обречь на плачевную долю если не полнаго упадка его духовной жизни, то, въ крайнемъ случаѣ, духовнаго недоразвитія. По-

добнаго рода аномалію приходится наблюдать въ нашихъ украинскихъ школахъ: въ нихъ, какъ всѣмъ вѣдомо, преподаваніе ведется на литературномъ русскомъ языкѣ. Имѣя за собою неоспоримыя достоинства, онъ все-таки для украинскихъ дѣтей является чужимъ и мало-понятнымъ, а потому преподаваніе на немъ идетъ туго, вяло и неосмысленно, что приходилось каждому изъ насъ испытать на дѣлѣ.

Смотришь: бѣгаетъ по улицѣ мальчикъ—бойкій, веселый, не пропуститъ ни одного прохожаго, чтобы не сдѣлать ему какого-нибудь мѣткаго замѣчанія! Войдемъ въ хату нашего украинскаго селянина—вся жизнь этого тѣснаго уголка сосредоточена въ дѣтяхъ: они гуляютъ, играютъ. Сколько пѣсенъ народныхъ, сказокъ, пословицъ знаетъ мальчикъ школьнаго возраста. Просто диву даешься! А какіе глубокомысленные вопросы задаетъ онъ отцу и матери!.. Приходитъ этотъ мальчикъ въ школу и какъ-будто перерождается. Здѣсь отъ него, можетъ быть, даже не слыхавшаго, что есть русскій литературный языкъ, требуютъ говорить по русски и ему все сообщаютъ на этомъ языкѣ. Вмѣсто того, чтобы получить отвѣты на свои запросы, которыхъ у ребенка около этого времени накопилось достаточно, ему приходится ломать голову надъ непонятными словами.

«Ребенокъ за 1 годъ выучивается бѣгло читать», нерѣдко пишутъ въ оффиціальныхъ отчетахъ объ украинскихъ школахъ, «но онъ рѣдко какое слово прочтетъ правильно и сознательно», не мѣшало бы добавить въ тѣхъ отчетахъ; а если еще онъ почти въ каждомъ словѣ переставитъ по-своему удареніе, то и человѣкъ, хорошо свѣдущій въ русскомъ языкѣ, не розберетъ прочитаннаго. Напримѣръ, встрѣчаетъ мальчикъ слово: «ладонь» (по-украински «долоня») и читаетъ: «ладонъ», хотя онъ и видитъ «ь», но онъ соображаетъ: должно быть—ошибка, а слово «ладонъ» означаетъ тотъ же предметъ, что и въ русскомъ. Или встрѣчаетъ на объяснительномъ урокѣ русскаго чтенія слово: «мель» и переводитъ его украинскимъ: «крейда» («мѣлъ» по-русски), потому что это послѣднее онъ знаетъ съ первыхъ уроковъ, вслѣдствіе употребленія мѣла въ классѣ; если же ему замѣтятъ, что это не такъ,—онъ начинаетъ производить слово «мель» отъ глагола месть-мету, мелъ и т. п.

Есть слова тождественныя по начертанію, но различныя, или даже противоположныя по значенію. Такъ напримѣръ—«качка». По-русски—качка на морѣ отъ бури, а по-украински—„утка". Или еще такой примѣръ: „уродливый"—безобразный, а по-украински „уродлывый"—красивый, талантливый.

Нами подмѣченъ такой фактъ. Въ первое время послѣ поступленія въ школу ребенокъ, когда нужно объяснить какое-нибудь слово, переводитъ его на украинскій языкъ, не смотря ни на ка́кія требованія учителя отвѣчать по-русски; потомъ ребенокъ начинаетъ говорить примѣнительно къ русскому, но и тогда влѣпитъ такое словцо, что это вызываетъ смѣхъ болѣе свѣдующихъ учениковъ въ этомъ предметѣ, а иногда и учителя, какъ это ни странно. Конечно, ребенокъ конфузится и впередъ старается отмалчиваться на вопросы учителя, или отвѣчаетъ безсвязными словами и попадаетъ въ число „козлищъ", которыя сидятъ по 3 года въ 1-мъ классѣ. Да и у болѣе способныхъ дѣтей, при такомъ ходѣ дѣлъ, все вниманіе тратится на придумываніе русскихъ словъ, такъ что въ концѣ концовъ мысль, которую нужно было выразить, забывается. И ребенокъ изъ бойкаго, живого и развязнаго, по крайней мѣрѣ, въ школѣ кажется тупымъ, забитымъ и скрытнымъ, не имѣя словъ выразить все, что у него накопилось въ душѣ. А потому неудивительно, если мальчикъ за 3-хъ лѣтнее пребываніе въ школѣ не задастъ учителю ни одного посторонняго вопроса, какъ будто ихъ у него не существуетъ. Тѣ же счастливцы, которымъ пришлось случайно перешагнуть за предѣлы народной школы, осуждены на вѣчную безсистемность; напримѣръ, мы сами, воспитанники учительской школы—не смотря на то, что мы учимся по 8—9 лѣтъ, никто изъ насъ не обладаетъ плавностью и системностью рѣчи. „Что же можетъ дать народная школа крестьянскому мальчику?" спрашиваетъ К. Д. Ушинскій, имѣя въ виду украинскую современную школу и самъ же отвѣчаетъ: „Хуже, чѣмъ ничего!.. Она на нѣсколько лѣтъ задержала естественное развитіе дитяти... душу человѣка такая школа не развиваетъ, а портитъ"... (Собр. педаг. сочин. Ушин. 380 стр. 1875). Къ тому же выводу приходятъ и другіе русскіе педагоги, которымъ была знакома постановка школьнаго дѣла на Украинѣ баронъ Корфъ, Вессель, Водовозовъ и др.; имена этихъ тружениковъ на нивѣ народнаго просвѣщенія говорятъ сами за себя.

Получается такое, довольно печальное зрѣлище: сочинена какая-то школа, названа «народною» только потому, что зданіе ея стоитъ между крестьянскихъ избъ, сердце же ея далеко отъ народа, и вмѣсто того, чтобы школѣ примѣняться къ территоріальнымъ и этнографическимъ особенностямъ народа, нашъ украинскій народъ долженъ примѣняться къ ней. И выходитъ, «что дитя идетъ въ такую школу, какъ изъ рая въ адъ, и изъ нея бѣжитъ, какъ изъ темнаго ада, въ которомъ все темно, чуждо и непонятно, въ свѣтлый рай, гдѣ все ясно, понятно и близко сердцу!» (Ушинскій 379 стр.).

Въ школѣ дитя находится 5 часовъ въ сутки учебнаго времени года, а остальное время живетъ дома и, какъ говорятъ украинцы, „кохається в рідній мові", слѣдовательно, словъ, заученныхъ безсознательно въ школѣ, не приходится примѣнять на дѣлѣ, въ разговорѣ, и они быстро улетучиваются. И дитя, не научившись въ достаточной степени русскому литературному языку и не имѣя, по независящимъ обстоятельствамъ, возможности читать книги на украинскомъ языкѣ, по выходѣ изъ школы лишается самаго необходимаго и важнаго—продолжать самообразованіе. Есть еще одно печальное явленіе, увеличивающее пропасть между современной украинской школой и семьей—это взглядъ украинца-крестьянина на русскій языкъ, какъ языкъ «панскій»; этотъ взглядъ переходитъ отъ поколѣнія къ поколѣнію со времени крѣпостного права. И если кто-либо изъ крестьянъ скажетъ фразу по-русски, это вызываетъ всеобщую насмѣшку со стороны другихъ: «по-пански, молъ, говоритъ!» И приходится говорить «по своему», или стать въ ненормальное отношеніе къ родителямъ,—конечно, большей частью первое. А что это такъ, видно изъ того, что, не смотря на усиленную пятидесятилѣтнюю просвѣтительную дѣятельность народныхъ школъ на Украинѣ, украинскій языкъ сохранился въ цѣлости, кромѣ селъ, находящихся близъ большихъ культурно-промышленныхъ центровъ, а, какъ подтвердилъ комитетъ министровъ, культурный уровень народа украинскаго замѣтно понизился.

Въ виду всего вышеизложеннаго мы, нижеподписавшіеся—группа воспитанниковъ-украинцевъ учительской школы, какъ сами выходцы изъ народа, болѣе всего испытавшіе ненормальность нашей народной школы *(при чемъ болѣе 10-ти человѣкъ изъ*

насъ были уже учителями) и готовящіеся къ трудной и отвѣтственной должности народного учителя,—считаемъ своимъ нравственнымъ долгомъ заявить: А) что украинская народная школа достигнетъ желательныхъ результатовъ только тогда, когда преподаваніе въ ней будетъ вестись на языкѣ украинскомъ, слѣдовательно, необходима коренная реформа низшей школы. И какъ средства вспомогательныя и переходныя къ болѣе широкой постановкѣ и созданію національной школы, считаемъ необходимымъ введеніе въ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній и особенно такихъ, откуда выходятъ учителя для народной школы (учительскіе институты, семинаріи духовныя и учительскія, церковно-учительскія школы, епархіальныя училища, женскія гимназіи и т. п.), какъ отдѣльныхъ предметовъ преподаванія: а) украинскаго языка, б) исторіи украинской литературы и в) исторіи Украины.

Б) Для дальнѣйшаго развитія народныхъ массъ внѣ школы мы считаемъ необходимымъ: а) полное уравненіе цензуры книгъ и періодическихъ изданій украинскихъ съ русскими; в) допущеніе во всѣ библіотеки всѣхъ книгъ, разрѣшенныхъ цензурою.

Для пополненія же и подготовки знаній учебнаго персонала народной школы въ каникулярное время организовать курсы по вышеназваннымъ тремъ предметамъ: украинскому языку, исторіи литературы украинской и исторіи Украины [1])

Другой документъ представляетъ записку воспитанниковъ херсонской учительской семинаріи, посланную ими на имя предсѣдателя комитета министровъ.

Мы, нижеподписавшіеся, воспитанники херсонской учительской семинаріи, признавая одной изъ существенныхъ нуждъ южной Россіи отсутствіе украинской національной школы, а вслѣдствіе этого лишеніе южно-русскаго народа образованія даже такого, какое доступно въ сѣверныхъ губерніяхъ, рѣшили внести свою петицію въ комитетъ министровъ для разсмотрѣнія изложенныхъ въ ней положеній и проведенія ихъ въ жизнь, о чемъ

[1]) «Полтавщина», № 117, въ статьѣ г. Л. Ж. «Любопытный документъ». Записка подписана 50-ю лицами.

и рѣшили ходатайствовать. Излишне было бы рисовать картины массового невѣжества украинскаго народа, лишеннаго своей родной школы и литературы, священнаго писанія, популярныхъ книгъ по сельскому хозяйству и другимъ отраслямъ знаній и принужденнаго имѣть дѣло съ книгами, написанными русскимъ совершенно непонятнымъ для него языкомъ. Излишне было бы напоминать о неудовлетворительности современной южно-русской школы, преслѣдующей какія-то эфемерныя и чуждыя духу истинной школы цѣли ассимиляціи украинской національности и не отвѣчающей основному дидактическому правилу, что обученіе должно идти въ строгой постепенности отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Въ южной школѣ, безъ всякихъ предисловій и вступительныхъ бесѣдъ, обученіе начинается на русскомъ непонятномъ для дѣтей языкѣ и даже объясненій и переводовъ на родную рѣчь, хотя на первыхъ порахъ, не дозволяется. Только чрезмѣрными усиліями учителя за 3 мучительныхъ года такого обученія удается достигнуть того, что дѣти заучатъ нѣсколько русскихъ словъ (до фразъ еще далеко!), которыми они пользуются въ стѣнахъ школы, по выходѣ изъ которой скоро забываютъ вмѣстѣ съ злосчастной „наукой", какъ чуждое и непонятное. Печальные результаты постановки обученія въ южной школѣ приходится наблюдать на каждомъ шагу. Почему такая немилость, если не жестокость, обрушилась именно на южную Русь? Чего именно хотятъ добиться этими мѣрами систематическаго лишенія малороссовъ истиннаго образованія? Кто отвѣтитъ открыто и добросовѣстно на эти жгучіе вопросы? А между тѣмъ эти вопросы съ неотразимой силой начинаютъ требовать своего немедленнаго рѣшенія. Начиная отъ интеллигента украинца и кончая простымъ деревенскимъ крестьяниномъ, каждый задаетъ себѣ эти вопросы. Почему же въ самомъ дѣлѣ 25-милліонный народъ лишенъ своей родной національной школы, богослуженія, литературы? Неужели этотъ народъ наравнѣ съ другими не отбываетъ государственныхъ повинностей: не платитъ податей, налоговъ, не проливаетъ своей крови за отечество? Неужели этотъ народъ не въ правѣ называться россійскими гражданами? Какъ граждане, этотъ народъ, а въ томъ числѣ и мы, воспитанники х. у. семинаріи, просимъ немногаго: дайте намъ національную украинскую школу. Снимите съ украинской литературы тѣ спе-

ціальныя запрещенія и ограниченія, которыя тяготѣютъ надъ ней, дайте ей свободный доступъ въ библіотеки, народныя читальни. Мы, воспитанники, будущіе учителя народа, какъ будемъ объяснять въ школѣ, что такое „лапти“, „овины“, и „риги“, когда мы сами еще не имѣемъ настоящаго понятія о „ригѣ“? Мы учимся въ южно-русскихъ семинаріяхъ, но въ этихъ семинаріяхъ нѣтъ ничего, чтобы напоминало югъ; эти семинаріи заражены той же пресловутой идеей ассимиляціи; какъ и народныя школы, не считаются онѣ съ индивидуальными особенностями южно-русскаго населенія. Дайте намъ болѣе пригодныя семинаріи. Вообще наши требованія сводятся къ тому, чтобы для южной Руси были даны: 1) Національно-украинская начальная школа съ украинскимъ языкомъ и русскимъ, какъ отдѣльнымъ предметомъ преподаванія; 2) Освобожденіе украинскаго слова и уравненіе на правахъ съ русскимъ; 3) Національно-украинскія учительскія семинаріи съ украинскимъ языкомъ и русскимъ, какъ отдѣльнымъ предметомъ преподаванія и 4) Разрѣшеніе устройства учительскихъ курсовъ украинскаго языка для учителей, которые пожелаютъ преподавать въ южно-русскихъ народныхъ школахъ. Признавая свою петицію вполнѣ законной, необходимой и своевременной, мы, воспитанники х. у. семинаріи, просимъ, по разсмотрѣніи ея комитетомъ, провести высказанныя въ ней пожеланія обязательно въ жизнь, при чемъ присовокупляемъ, что учиться и учить при теперешнемъ положеніи нашей школы нѣтъ никакой возможности [1])

Приведенные, взаимно другъ друга дополняющіе, документы представляютъ въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно любопытное явленіе не только по своему содержанію, но еще болѣе по своему происхожденію. Въ то время, какъ съ бюрократическихъ вершинъ мы слышимъ мнѣнія о томъ, что украинская школа для украинскаго народа «не вызывается потребностями дѣла»—снизу, изъ среды того же народа, все сильнѣе и сильнѣе раздаются голоса въ совершенно противоположномъ смыслѣ. Люди, которые въ большинствѣ вышли изъ народа, которые готовятся къ незамѣтной, но ве-

---

[1]) „Полтавщина“, № 128. Записка имѣетъ около 80 подписей.

ликой роли народныхъ просвѣтителей, часть которыхъ уже практически знакома съ этимъ тяжелымъ и, при настоящихъ условіяхъ, крайне неблагодарнымъ трудомъ,—прямо и опредѣленно заявляютъ, что школа у насъ народная «только потому, что зданіе ея стоитъ между крестьянскихъ избъ», и что «учиться и учить при теперешнемъ положеніи нашей школы совершенно невозможно». Бывшіе и будущіе дѣятели на нивѣ народнаго образованія, несомнѣнно не разъ задумывавшіеся надъ условіями ожидающей ихъ дѣятельности, неопровержимо осуждаютъ тотъ путь, которымъ идетъ школа на Украинѣ, и указываютъ новый—единственно правильный и цѣлесообразный. Это фактъ огромной принципіальной важности и практическаго значенія,—фактъ, предъ которымъ должны умолкнуть голоса близорукихъ политиковъ, недалекихъ доктринеровъ и просто праздноболтающихъ людей, которые и теперь продолжаютъ отстаивать систему калѣченья украинскаго ребенка ради невѣдомыхъ и въ сущности недостижимыхъ цѣлей... Важенъ этотъ фактъ и въ другомъ отношеніи—какъ показатель, что дѣятели будущей украинской школы ждутъ лишь возможности, чтобы приложить свои руки къ дѣлу истинно-народнаго просвѣщенія, что всѣ разсужденія о недостаткѣ учителей и т. п.—пустые и праздные разговоры, не отвѣчающіе дѣйствительности. Вѣдь сотня юношей, которые и въ положеніи учениковъ нашей поднадзорной школы не побоялись смѣло сказать правдивое слово—это готовые кадры учителей, а они, надѣюсь, не стоятъ одиноко, за ними найдутся еще и еще сотни, которые пойдутъ тѣмъ же путемъ. Что это такъ, доказываетъ хотя бы постановленіе общаго собранія кіевскаго педагогическаго общества отъ 22 и 26 мая, принявшаго въ видахъ постановки педагогическаго дѣла на надлежащую высоту, между прочимъ, слѣдующую резолюцію:

преподаваніе въ низшей школѣ должно вестись на родномъ языкѣ учащихся по учебникамъ, составленнымъ на томъ же языкѣ, при чемъ государственный языкъ преподается какъ обязательный предметъ; въ частности *безусловно необходимо*, чтобы въ

школахъ для дѣтей малороссійскаго населенія преподаваніе всѣхъ предметовъ велось на малороссійскомъ языкѣ [1]).

Этимъ постановленіемъ кіевское педагогическое общество воскресило традиціи 60-хъ годовъ, когда «педагоги кіевскаго учебнаго округа почти цѣликомъ оказались за то, чтобъ ввести преподаваніе въ народной школѣ для малорусскаго населенія на малорусскомъ языкѣ» [2]). Кіевскіе педагоги своей резолюціей лишній разъ подчеркнули ту крайнюю настоятельность употребленія въ школѣ родного языка, на которую всегда указывали народные учителя, болѣе вдумчиво относящіеся къ своей работѣ. Еще, напр., въ 1881 г. съѣздомъ народныхъ учителей и учительницъ херсонской губерніи этотъ вопросъ былъ поставленъ и разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ [3]). Мнѣ кажется, что общій голосъ педагогическаго міра, отъ свѣтилъ науки до скромныхъ практиковъ, долженъ же имѣть значеніе при рѣшеніи вопроса прежде всего педагогическаго.

Не менѣе важно и то, что самъ народъ сознаетъ значеніе преподаванія на родномъ языкѣ. Всякій, кому приходится имѣть дѣло съ деревней (при условіи, разумѣется, не держать себя съ крестьянами недоступнымъ бариномъ) можетъ сообщить любопытныя на этотъ счетъ наблюденія; кое что изъ этихъ наблюденій попадаетъ и въ печать. «Полтавщина» сообщила недавно весьма характерный случай такого рода. На засѣданіи полтавскаго сельско-хозяйственнаго общества, при обсужденіи вопроса о введеніи въ украинскую школу народнаго языка, козакъ Власенко заявилъ, что дѣти желаютъ учиться на родномъ языкѣ, и на вопросъ предсѣдателя: «а по-русски?»—отвѣтилъ: «не желаютъ совсѣмъ» [4]). И

---

[1]) «Кіевскіе Отклики», № 147 и 144.

[2]) Ал. Ефименко—Южная Русь, т. II. СПБ., 1905, стр. 218.

[3]) Н. И. Борисовъ—Продолжительность курса въ одноклассныхъ земскихъ школахъ херсонской губ. Херсонъ, 1897; стр. 24—28.

[4]) „Полтавщина“, № 109 («О народномъ образованіи на родномъ языкѣ») и № 115 («Украинскій языкъ въ сельско-хоз. обществѣ»). Ср. сообщеніе «Педагогической Хроники» (1880 г. № 33) что въ с.

г. Власенко—не единственный, который ставитъ вопросъ въ такой рѣзкой и прямолинейной формѣ. Золотоношскій корреспондентъ «Сына Отечества» въ слѣдующемъ видѣ сооообщаетъ результаты предпринятаго имъ опроса:

Мы задались цѣлью собрать кое-какія, не лишенныя интереса свѣдѣнія объ отношеніи нашего золотоношскаго крестьянина къ вопросу о малорусской рѣчи. Приступили мы къ дѣлу безъ всякой предвзятой мысли и старались ничѣмъ не насиловать мысли опрашиваемыхъ; не дѣлали при опросѣ искусственнаго подбора. Среди 378 опрошенныхъ были люди въ возрастѣ отъ 16—65 лѣтъ, бѣдные и богатые, не выѣзжавшіе изъ своей деревни и исколесившіе въ качествѣ грабарей половину Россіи. Изъ опрошенныхъ 145 грамотныхъ, 108 полуграмотныхъ, 125 безграмотныхъ. Мы поставили слѣдующіе три вопроса: 1) На какомъ языкѣ, малорусскомъ или русскомъ, предпочтительнѣе преподаваніе въ школѣ? 2) Малорусскія или русскія книги они охотнѣе слушаютъ и читаютъ? 3) Достаточно ли въ школахъ изучить чтеніе и письмо по-малорусски, или необходимо по-русски читать и писать? Отвѣты получились слѣдующіе: по первому пункту 324 высказались за малорусское преподаваніе, 46 отнеслись безразлично, 8 стояли за русское преподаваніе (всѣ—богатые мужики). По второму пункту 198 стояли за малорусскія

Старые Сенжары, Полт. губ., изъ 73 учащихся только 20 посѣщали школу „по волѣ", остальные же—по принужденію волостного и окружного начальства; причиной этому, по объясненію учениковъ и ихъ родителей, было то, что «в школі не учать, а мучать», давая сразу читать непонятныя книги. И наоборотъ, изъ Нѣжинскаго у. сообщали туда же, что старики, слушая преподаваніе въ школѣ по „Граматкѣ" Кулиша, говорили: «съ такой школы будетъ прокъ». Успѣхъ одной школы въ Ананьевскомъ у. объяснялся „прекрасной методой учителя—преподавать на мѣстномъ нарѣчіи, вызывающемъ въ народѣ довѣріе къ школѣ". Подобныя же свидѣтельства встрѣчаемъ относительно различныхъ мѣстностей Екатеринославской, Полтавской, Черниговской, Подольской и Кіевской губ.; вспомнимъ также успѣхъ воскресныхъ школъ начала 60-хъ годовъ и т. п.

книги, особенно по естествознанію и исторіи, 78 стояли за русскія книги, остальные отнеслись безразлично, особенно безграмотные. По третьему пункту 118 находили достаточнымъ изученіе малорусскаго чтенія и письма, 214 находили необходимымъ читать и писать «по-пански», «по-ученому». Интересно, что безъ нашего вопроса 221 высказали желаніе имѣть газеты на малорусскомъ языкѣ «по карбованьцю в год, або по полтинныку» [1]. 46 человѣкъ изъ бывалыхъ высказывали, что «гарно, як би ті комедії, що по нашому представляють, приіхали-б в села». Особенно хотѣлось имъ, видѣвшимъ, показать своему селу „Наталку-Полтавку", „По ревизії", „Сорочинський ярмарок" [2].

Замѣчательно, что тѣ же результаты получались всякій разъ, когда производились опыты подобныхъ обслѣдованій. Еще, напр., въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ одной изъ воскресныхъ школъ въ Полтавѣ

каждому учащемуся предложено было прочитать нѣсколько словъ сперва изъ малорусской книги, потомъ изъ обще-русской и сказать, по какой книгѣ онъ желаетъ учиться? 12 кровныхъ великороссовъ естественно выбрали обще-русскую книгу; изъ 141 остальныхъ учащихся 129 избрали малорусскую книгу; прочіе 12 отнеслись безралично [3].

И въ этомъ ничего нѣтъ удивительнаго; наоборотъ, было бы страннымъ услышать иной отвѣтъ, такъ какъ онъ противорѣчилъ бы самой натуральной потребности человѣка понимать читаемое

---

[1]) Ср. сообщенное въ № 133 „Полтавщины" извѣстіе, какой оживленный интересъ среди херсонскихъ крестьянъ, вызвалъ оказавшійся, къ сожалѣнію, невѣрнымъ слухъ объ изданіи въ Полтавѣ украинскаго журнала „Перша Ластівка".

[2]) „Сынъ Отечества", № 72. Перепечатано „Полтавщиной" (№ 128) въ замѣткѣ «Хочетъ ли украинскій народъ учиться на своемъ языкѣ?»

[3]) „Педагогическая Хроника" 1879 г., № 4 („Съ юга Россіи"); тотъ же фактъ у г. Протопопова въ его „Исторіи С.-Петербургскаго Комитета Грамотности", СПБ. 1898, стр. 279.

и достоенъ развѣ гоголевскаго Петрушки, читавшаго ради процесса чтенія, а не для удовлетворенія той или иной потребности. Какъ и вездѣ, среди народа Петрушки представляютъ, конечно, исключеніе и потому требованіе на украинскую школу, книгу, газету возрастаетъ съ возрастаніемъ грамотности. По сообщенію нѣжинскаго корреспондента «Кіевскихъ Откликовъ», на 8 сельскихъ библіотекъ-читаленъ нѣжинскаго уѣзда лишь въ 2-хъ не было требованій на украинскую книгу; во всѣхъ же остальныхъ библіотекахъ существовалъ весьма интенсивный спросъ книгъ на родномъ для народа языкѣ. «Неотступно требуются книги на малорусскомъ языкѣ», «тѣ немногія книги, какія есть въ нашей библіотекѣ на малорусскомъ языкѣ, читаются весьма охотно», «книги на малорусскомъ языкѣ требуются», «просятъ книгъ на малорусскомъ языкѣ», «книги на малорусскомъ языкѣ спрашиваются» [1])—таковы тѣ отзывы, которыми неизмѣнно сопровождаются отчеты лицъ, завѣдующихъ сельскими библіотеками, къ сожалѣнію, почти совершенно свободными отъ украинскихъ книгъ. «Чи нема у вас такоі книжки,—обращаются къ учителю въ Константиноградскомъ уѣздѣ,—де б росказувалось про нашого таки брата—мужика, котрий своім розумом до всього доходив і через те добре жив? Може б і ми у його де-чому навчились. Та щоб була книжка написана по нашому, щоб самим можна втропати» [2]).

Дайте крестьянину,—пишетъ крестьянинъ же,—сто и болѣе хорошихъ книгъ «на изящномъ» «великороссійскомъ» языкѣ, то всѣ онѣ будутъ „лежать на суднyку" въ порядкѣ не читанными (если не сдастъ лавочнику на обертку сельдей). Книжка же на украинскомъ родномъ для него языкѣ читается съ охотой до изученія наизусть и хранится, какъ святыня. Говорится не для „краснаго слова"—нѣтъ! Самъ я крестьянинъ-малороссъ и хорошо это не по теоріи, но на практикѣ знаю. Примешься, напри-

---

1) „Кіевскіе Отклики", № 44.

1) „Полтавщина", № 79. Корреспонденція изъ Константинограда.

мѣръ, что-нибудь читать людямъ и даже довольно интересное на русскомъ языкѣ, то слушатели совершенно „не внимаютъ“; начни же то, что читаешь, переводить на „рідну мову“, то-гдѣ только это вниманіе берется у слушателей; мгновенно люди преображаются, гдѣ та дремота и кашель дѣваются; спросите любого же чрезъ нѣсколько дней, онъ все слышанное имъ „продекламируетъ“. Да на что лучше? Каждый и въ проповѣдяхъ церковныхъ, и такъ изъ разныхъ книжекъ слышитъ, что водку пить вредно, но между тѣмъ каждый почти селянинъ говоритъ, что „це все выгадкы“; появившаяся же книжка на украинскомъ языкѣ „Страшный ворогъ“ (про горилку) заинтересовала многихъ даже горькихъ пьяницъ, --и написанному въ той книжкѣ вѣрятъ [1]).

Я вовсе не думаю исчерпать въ своихъ замѣткахъ море народныхъ заявленій по интересующему насъ вопросу; я привелъ только первые попавшіеся факты, почти безъ всякаго выбора. Всѣ они ясно показываютъ, чего хочетъ народъ и дѣйствительно-ли «малорусское нарѣчіе» такъ близко къ русскому языку, что «совмѣстное преподаваніе его не вызывается потребностями дѣла»; да и не о такомъ, впрочемъ, мизерномъ палліативѣ, какъ «совмѣстное преподаваніе» можетъ идти у насъ рѣчь. Общественныя учрежденія, земскія и городскія собранія, педагогическія общества и писатели, тысячи частныхъ лицъ и представителей народа— вполнѣ, кажется, опредѣленно выражаютъ одну и ту же мысль, что «учиться и учить при теперешнемъ положеніи нашей школы нѣтъ никакой возможности». Но всѣ эти заявленія встрѣчаются полнымъ пренебреженіемъ со стороны всесильной, не отдающей никому отчета въ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ бюрократіи, какъ будто направляются они въ какое то пустое пространство, на-глухо закрытое, огражденное со всѣхъ сторонъ, недоступное внѣшнимъ вліяніемъ и отзывающееся на нихъ только глухими

---

1) Кр—нъ П. О—та--«Къ борьбѣ съ холерой», „Хуторянинъ“, № 16.

звуками, которые не всегда напоминаютъ даже членораздѣльную рѣчь. Выше я свелъ на очную ставку постановленіе комитета министровъ по вопросу научнаго значенія съ отзывами людей науки и даже съ его, комитета, собственнымъ мнѣніемъ, оказывается, что на протяженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ получилось на одинъ и тотъ же вопросъ два взаимно другъ друга исключающихъ взгляда, при чемъ послѣдній по времени, въ силу непонятности своихъ мотивовъ, можетъ быть отнесенъ именно къ категоріи такихъ малоразборчивыхъ звуковъ... И опять повторяю—«не надѣйтеся на князи», такъ какъ отъ нихъ трудно было и ожидать чего-либо иного, принимая во вниманіе особенности бюрократическаго образа дѣйствій и судя по началу пересмотра украинскаго вопроса,—по тому въ высшей степени сложному, томительно-медленному и совершенно ненужному способу его разрѣшенія, который былъ намѣченъ комитетомъ министровъ и въ свое время отмѣчался мною на страницахъ нашего журнала. На этомъ частномъ примѣрѣ, можетъ быть, лучше всего подтверждается извѣстный афоризмъ Токвиля, что «исторія—это картинная галлерея, въ которой мало оригиналовъ и много копій», при чемъ послѣднія рабски воспроизводятъ всѣ ошибки и упущенія прошедшаго, несмотря на очевидную его поучительность во многихъ отношеніяхъ. Бюрократическій механизмъ, при всѣхъ различіяхъ «временъ, нарѣчій, состояній», всегда остается вѣрнымъ себѣ и не можетъ дѣйствовать иначе, какъ съ большимъ, часто непоправимымъ опаздываніемъ и громаднѣйшимъ треніемъ, сопровождающимся непроизводительной тратой силъ и средствъ. Periculum in mora, треніе возрастаетъ при повышеніи давленія—эти законы не для бюрократіи писаны, и такое забвеніе общеизвѣстныхъ законовъ систематически и неуклонно повторяется ею при всѣхъ сходныхъ историческихъ обстоятельствахъ. Характеризуя «старый порядокъ» во Франціи, тотъ же Токвиль отмѣчаетъ, что французская бюрократія всегда обнаруживала «чудовищную дѣятельность, но эта дѣятельность часто оказывается непроизводительной и даже вредной, потому что правительство не рѣдко берется дѣлать то, что́ ему не по силамъ, или въ чемъ его никто не контролируетъ. Оно вовсе не предпринимаетъ или быстро по-

кидаетъ самыя необходимыя преобразованія, для успѣшнаго завершенія которыхъ необходима настойчивая энергія; но оно безпрестанно передѣлываетъ тѣ или другія постановленія и законы. Въ занимаемой имъ области ничто ни на минуту не остается въ покоѣ. Новыя правила слѣдуютъ одно за другимъ съ такою странною быстротой, что агенты, отъ обилія приказаній, часто съ трудомъ могутъ разобрать, какъ имъ повиноваться... Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда самый законъ не подвергался передѣлкамъ, способы его примѣненія видоизмѣнялись постоянно»[1]) и т. д. Я могъ бы выписать всю соотвѣтственную главу изъ сочиненія Токвиля и увѣренъ, что если бы не назвалъ своего источника, читатель едва ли бы догадался, что рѣчь идетъ о столь далекихъ отъ насъ временахъ и отношеніяхъ...

Да, много—слишкомъ много копій въ картинной галлереѣ, именуемой исторіей! И что всего хуже—нѣтъ никакой возможности замѣнить эти малоцѣнныя произведенія борющагося и изнывающаго въ борьбѣ человѣчества более достойными помѣщенія въ галлереѣ плодами людскихъ усилій... Конечно, исторія идетъ своимъ путемъ и часъ предполагаемой замѣны приближается: рано или поздно—копіи будутъ выброшены; но тѣ, отъ кого это сейчасъ зависитъ, весьма напоминаютъ нѣкоего миѳическаго Илью, къ которому какая-то, по имени не названная, особа обращается съ укоризненнымъ нравоученіемъ:

Говорила тебѣ я:
«Ты не ѣшь грибовъ, Илья»,—
Ты не слушалъ,
Грибы кушалъ,—
Такъ пеняй же на себя!..

Хорошо той анонимной особѣ, которая съ такимъ философическимъ спокойствіемъ могла относиться къ результатамъ неумѣреннаго потребленія Ильей грибовъ! Но что дѣлать людямъ,

---

[1]) Токвиль—Старый порядокъ и революція. Москва, 1903. Стр. 82.

которые не могутъ играть роль анонимовъ и оставаться столь же спокойными зрителями происходящаго, такъ какъ понимаютъ, что въ данномъ случаѣ грибы грозятъ опасностями не одному только Ильѣ (это вѣдь его дѣло!), но и другимъ, которые въ Ильиной трапезѣ вовсе и не участвовали? Что дѣлать тѣмъ, кто не можетъ даже сказать о себѣ: «говорила тебѣ я», такъ какъ лишенъ возможности даже упоминать о грибахъ и указывать на ихъ вредоносность для государственнаго организма, въ которомъ завелись элементы броженія и разложенія?..

Илья вѣдь ничего знать не желаетъ,—онъ кушаетъ и не любитъ, если ему мѣшаютъ..

Сергій Ефремовъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на еженедѣльную общественную и политическую газету

МОСКОВСКАЯ НЕДѢЛЯ,

издающуюся безъ предварительной цензуры подъ редакціей

проф. кн. С. Н. ТРУБЕЦКОГО.

При ближайшемъ участіи: проф. В. И. Вернадскаго, проф. М. Я. Герценштейна, Ѳ. А. Головина, кн. Павла Д. и Петра Д. Долгоруковыхъ, Ѳ. Ѳ. Кокошкина, А. А. Корнилова, С. А. Котляревскаго, Н. Н. Львова, проф. А. А. Мануилова, С. А. Муромцева, проф. П. И. Новгородцева, Ю. А. Новосильцова, И. И. Петрункевича, Г. К. Рахманова, В. А. Розенберга, проф. кн. Е. Н. Трубецкого, проф. В. М. Хвостова, кн. Д. И. Шаховского и В. Е. Якушкина.

Первый нумеръ предполагается въ первой половинѣ мая.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой въ предѣлахъ Имперіи:

на 8 мѣсяцевъ (съ мая по конецъ года) . . . . . 5 руб.
на 3 мѣсяца . . . . 2 руб.

Заграничные подписчики приплачиваютъ за каждый мѣсяцъ 30 коп.

Книжные магазины удерживаютъ комиссіонныхъ 5%.

Пробный номеръ высылается за 3 семикопеечныя марки.

Подписка принимается во всѣхъ значительныхъ книжныхъ магазинахъ, въ конторѣ объявленій Н. Печковской и въ редакціи газеты (Москва, Ваганьковскій пер., д. Куманина, контора редакціи журнала Научное Слово).

Редакторъ проф. кн. **С. Н. Трубецкой.**

Издатель прив.-доц. **Г. К. Рахмановъ.**

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ «Кіевской Старинѣ» печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

„Кіевская Старина“ будетъ выходить въ 1905 г. по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ 1-го числа каждаго мѣсяца книжками въ 14 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Продолжается подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1905 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками, **10 р.** съ доставкою и пересылкою; на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала **„Кіевская Старина“**, Троицкая площ., Народный домъ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только предъ лицами, подписавшимися въ редакціи и въ книжномъ магазинѣ „Кіевской Старины“ (Безаковская, 14).

Въ случаѣ неполученія какой-либо книжки журнала, гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки прислать заявленіе о неполученіи въ редакцію, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры «Кіевской Старины» за годы 1883, 1884, 1885, 1887, 1888, 1889, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901 и 1902 по **8 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **10 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги журнала по 1 р.

Редакторъ-издатель **В. П. Науменко.**

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XC.

1905 г.

ІЮЛЬ-АВГУСТЪ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.
1905.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.